

001(4701)
1171

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
Том XX
(СЕРИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК)

Махачкала
1970

001(Дзг)
И 71

ДАГЕСТАНСКИЙ ФИЛИАЛ АН СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ им. Г. ЦАДАСЫ

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

Том XX

(СЕРИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК)

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского НЦ РАН**

instituteofhistory.ru

Махачкала
1970

Редакционная коллегия:

Гаджиев В. Г., Гаджиева С. Ш.,
Каймаразов Г. Ш., Омаров А. С.,
Османов Г. Г., Османов М.-З. О.

Ответственный редактор
Даниялов Г. Д.

50 748

Махачкала

нау

на

Даниялов Г. Д.

РАЗВИТИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОСНОВ СБЛИЖЕНИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ НАЦИЙ И НАРОДНОСТЕЙ В УСЛОВИЯХ СТРОИТЕЛЬСТВА КОММУНИЗМА (1959—1965)

Интернационализация экономической жизни — закономерный процесс. Он базируется на внутреннем развитии каждой нации и народности, на прогрессе производительных сил. Рост экономики, углубление общественного разделения труда закономерно ведут к тому, что производительные силы перерастают национальные границы.

Стремление производительных сил выйти за национальные рамки в условиях капитализма развивается крайне противоречиво. Оно реализуется здесь в порядке подчинения и угнетения одних наций другими. В результате неизбежно возникает борьба народов против насильственных форм интернационализации, против эксплуатации их монополистическим капиталом.

Объективная тенденция к интернационализации хозяйственной жизни получает беспрепятственное развитие только в условиях социализма. Процесс экономической консолидации происходит при социализме на началах товарищеского сотрудничества и братской взаимопомощи, на началах полного равенства. «В условиях социализма происходит расцвет наций, укрепляется их суверенитет. Развитие наций осуществляется не на путях национальной розни, национальной ограниченности и эгоизма, как это происходит при капитализме, а на путях их сближения, братской взаимопомощи и дружбы»¹.

Развернутое строительство коммунизма открывает еще более широкие просторы для сближения наций. Это обусловлено созданием материально-технической базы коммунизма, совершенствованием общественных отношений, развитием социалистического строя в целом. Рост масштабов производства, открытие и разработка новых природных богатств, ускорение научно-технического прогресса, развитие всех видов транспорта закономерно ведут к интенсификации хозяйственных

¹ XXII съезд КПСС. Стенографический отчет. Госполитиздат. М., 1962 г., т. III, стр. 312.

связей между советскими республиками, к углублению разделения труда между ними.

В данной статье не ставится задача всесторонне исследовать проблему экономического сотрудничества народов СССР на современном этапе. Автор попытался лишь изложить на примере автономных республик Северного Кавказа некоторые вопросы развития хозяйственных связей советских наций, народностей, показать значение семилетнего плана для дальнейшего всестороннего расцвета наций и их сближения; основные тенденции развития экономических связей между советскими республиками в условиях строительства коммунизма; закономерности развития обмена производственно-техническим опытом и кадрами между народами СССР.

В советской исторической, экономической и философской литературе уже появились работы, в которых специально исследуются вопросы сотрудничества советских республик в строительстве материально-технической базы коммунизма². В 1963 году в г. Фрунзе было проведено Всесоюзное координационное совещание, посвященное проблемам национальных отношений³. Оно подвело итоги проделанной работы, наметило темы, нуждающиеся в дальнейшей разработке.

В каких же направлениях развиваются исследования процесса дальнейшей экономической консолидации народов СССР?

Внимание ученых привлекают прежде всего такие вопросы, как значение социалистических принципов размещения производительных сил для расцвета наций и их сближения, конкретное воплощение этих принципов в народно-хозяйственных планах. Серьезный вклад в разработку проблемы представляет работа северо-осетинского экономиста А. Ф. Колиева⁴. В ней дано теоретическое обоснование принципов социалистического размещения производительных сил на современном этапе, на примере республик, областей и краев Северного Кавказа показано практическое осуществление этих принципов в жизни.

Один из аспектов исследований — борьба партийных организаций национальных республик за выполнение семилетнего

² Дунаева Е. А. Сотрудничество социалистических наций в строительстве коммунизма. Соцэкгиз. М., 1960. Валеев М. Единой семьей к заветной цели. Госполитиздат. М., 1963. Ермаков Ф. И. Партия и сотрудничество советских наций в создании материально-технической базы коммунизма. «Вопросы истории КПСС», 1963, № 7.

³ См. стенограмму Всесоюзного координационного совещания по проблеме «Развитие национальных отношений в условиях перехода от социализма к коммунизму». Фрунзе, 1963.

⁴ Колиев А. Ф. Проблемы пропорциональности и некоторые вопросы комплексного развития Северо-Кавказской экономической зоны. Орджоникидзе. 1960 г.

плана, за усиление роли республик в экономике страны. Живой интерес вызывают работы Н. Ф. Александрова «Партийная организация Чечено-Ингушетии в борьбе за осуществление семилетнего плана» (Грозный, 1963 г.) и Х. Т. Чибирова «Северо-Осетинская партийная организация в борьбе за выполнение семилетнего плана» (Орджоникидзе, 1963 г.). В них обоснована возрастающая роль партийных организаций республик в мобилизации творческой активности масс, показано значение этой деятельности партийных организаций для осуществления семилетнего плана и увеличения вклада республик в строительство материально-технической базы коммунизма.

В ряде работ разрабатывается круг вопросов, связанных с характеристикой важнейших форм экономического сотрудничества.

Из работ историков назовем прежде всего кандидатскую диссертацию Г. Д. Крихели «Деятельность КПСС в дальнейшем расцвете и сближении советских наций» (М., 1965). В ней рассматриваются, хотя и в самой общей форме, основные формы сотрудничества советских республик, показывается их совершенствование в ходе строительства материально-технической базы коммунизма.

Другая форма экономического сотрудничества — обмен производственным опытом между республиками — исследована с наибольшей полнотой и всесторонностью в книге М. Валеева «Единой семьей к заветной цели»⁵.

Таким образом, вопросы экономического сотрудничества советских наций уже нашли свое отражение в литературе. Однако в целом проблема разработана недостаточно. Нет конкретных исследований процесса развития межнациональных хозяйственных связей, хотя этот процесс является важнейшим в сближении наций. Всесоюзное координационное совещание по проблеме «Развитие национальных отношений в условиях перехода от социализма к коммунизму», состоявшееся в 1963 году, справедливо отметило, что экономическое сотрудничество советских наций является одной из мало изученных сторон национального вопроса⁶.

* * *

Победа социализма существенно изменила экономические связи национальных автономий Северного Кавказа. В первые

⁵ М. Валеев. Указанная работа, стр. 60—80.

⁶ Стенограмма заключительного заседания Всесоюзного координационного совещания по проблеме «Развитие национальных отношений в условиях перехода от социализма к коммунизму», 1963 г.

годы советской власти в территориальном разделении труда национальные районы Северного Кавказа выступали в основном в роли поставщиков сырья для промышленных районов страны. В этот период сотрудничество народов Дагестана, Кабардино-Балкарии, Северной Осетии и Чечено-Ингушетии и других народов СССР носило прежде всего характер односторонней помощи передовых наций ранее отстававшим национальным районам. С построением социализма, достижением фактического равенства сотрудничество республик Северного Кавказа с другими республиками, областями приняло форму многосторонней взаимопомощи.

Вступление нашей страны в период развернутого строительства коммунизма создает новые материальные предпосылки для дальнейшего всестороннего развития экономики автономных республик Северного Кавказа и усиления их сближения с братскими республиками, областями и краями.

Ключ к дальнейшему расцвету экономики национальных республик и развитию их сотрудничества — совершенствование размещения производительных сил. «Развернутое строительство коммунизма, — указывается в Программе, — требует все более рационального размещения промышленности»⁷.

Рациональное размещение производительных сил предполагает совершенствование специализации хозяйства советских республик, углубление разделения труда между ними. КПСС в новой Программе определила курс на дальнейшее развитие хозяйственной специализации республик⁸. Специализация хозяйства дает возможность быстрого развития отраслей, выгодных в условиях республики, позволяет достигнуть на этой основе высокой производительности труда. Совершенствование специализации вместе с тем означает углубление экономических основ сближения советских наций, народностей.

Экономика автономных республик Северного Кавказа развивалась в семилетии на базе научно-обоснованной специализации. Чечено-Ингушская АССР, как и прежде, развивалась как республика нефтехимии, машиностроения и пищевой промышленности. При увеличении всей промышленной продукции в семилетии в 2 раза продукция нефтехимии возросла здесь в 3 раза, продукция машиностроительной и металлообрабатывающей промышленности — в 2,5 раза⁹. В Дагестанской АССР особое внимание уделялось машиностроению и пищевой промышленности. За 1960—1965 г.г. объем промышленной продукции увеличился в республике в 1,6 раза, а выпуск

⁷ «XXII съезд КПСС». Стенографический отчет. Госполитиздат. М., 1962, т. III, стр. 281.

⁸ Там же, стр. 281, 313.

⁹ «Грозненский рабочий», 13 января 1966 года, № 10 (12565), стр. 2.

машиностроительной продукции в 2,7 раза ¹⁰. Кабардино-Балкарская и Северо-Осетинская АССР по-прежнему оставались республиками цветной металлургии, машиностроения и пищевой промышленности.

Курс на рациональное размещение производительных сил включает комплексное развитие хозяйств республик, районов. Программа КПСС, принятая на XXII съезде партии, подчеркнула важность планомерного комплексного развития как районов, так и республик ¹¹.

Комплексное развитие обеспечивает всестороннее использование природных и экономических ресурсов республик, создает благоприятные условия для рационализации хозяйственных связей.

Экономика каждой из республик Северного Кавказа развивается как многоотраслевое хозяйство, представляющее собой определенное единство отраслей специализации, отраслей смежных с ними или обслуживающих специализацию хозяйства, а также отраслей, необходимых для удовлетворения многих общих потребностей народного хозяйства и местного населения республики. В Дагестанской АССР, кроме отмеченных выше отраслей, интенсивно развивались в семилетии нефтедобывающая, электроэнергетическая, химическая, стекольная, текстильная, обувная промышленность, промышленность строительных материалов. Большим многообразием отличается народное хозяйство Кабардино-Балкарии. Значительное развитие получили здесь в семилетии легкая, лесная и деревообрабатывающая, энергетическая, химическая промышленность, промышленность строительных материалов. В Северо-Осетинской АССР наряду с отраслями специализации размещались промышленность строительных материалов, стекольная, деревообрабатывающая, химическая, энергетическая и другие отрасли. В Чечено-Ингушской АССР в тесной связи с нефтяной развивалась химическая промышленность. Большое внимание уделялось машиностроению, призванному обеспечить прежде всего нужды нефтехимической промышленности.

Рациональное размещение производительных сил предусматривает, далее, выравнивание уровней экономического развития районов страны. В Программе КПСС особо подчеркивается, что размещение промышленности в стране должно содействовать дальнейшему выравниванию уровней экономического развития страны ¹².

¹⁰ Текущие материалы отдела статистики промышленности статуправления при Совете Министров ДАССР, 1966 г.

¹¹ «XXII съезд КПСС», Стенографический отчет. Госполитиздат. М., 1962, т. III, стр. 281, 293.

¹² «XXII съезд КПСС» Стенографический отчет. Госполитиздат. М., 1962, т. III, стр. 314.

Развитие экономики автономных республик Северного Кавказа осуществлялось в семилетии с учетом необходимости дальнейшего выравнивания уровней экономического развития всех республик.

В уровнях производительных сил отдельных национальных республик Северного Кавказа и других районов страны имелись существенные различия. В частности, значительно отставала от соседних республик и других районов страны Дагестанская АССР. Так, в 1958 году на душу населения здесь производилось промышленной продукции в 3 раза меньше, чем в целом в РСФСР, в 2 раза меньше, чем на Северном Кавказе¹³, в 2 раза меньше, чем в Краснодарском крае, в 3 раза меньше, чем в Ростовской области. Производительность труда в Дагестанской АССР ниже, чем во многих районах. Выработка промышленной продукции на одного работающего по плану на 1959 год составляла в бывшем Дагестанском совнархозе 6,3 тыс. руб., в бывшем Северо-Осетинском совнархозе — 7,4 тыс. руб., в Кабардино-Балкарском — 9,4 тыс. руб., Краснодарском — 9,3 тыс. руб., Чечено-Ингушском — 11,2 тыс. руб., Ставропольском — 13 тыс. руб.¹⁴

Душевое потребление электроэнергии в Дагестане было в 1956 году в 3—5 раз меньше, чем в соседних республиках и областях, хотя Дагестан обладает богатыми гидроэнергетическими ресурсами¹⁵. Значительное различие существовало по такому показателю экономического развития, как соотношение городского и сельского населения на 15 января 1959 года. Процент городского населения составлял в Кабардино-Балкарской АССР — 38, в Северо-Осетинской АССР — 53, Чечено-Ингушской АССР — 41, в Дагестанской АССР — 30¹⁶.

Сравнительное отставание Дагестана объясняется целым рядом факторов, как объективных, так и субъективных.

Во-первых, сказывается большой экономический разрыв, который существовал между Дагестаном и другими районами в прошлом. Дагестан до революции являлся отсталой окраиной царской России. Социализм покончил с хозяйственной и культурной отсталостью Дагестана, как и других национальных окраин. За годы Советской власти Дагестан стал развитой в промышленном отношении республикой. Однако все еще остаются некоторые различия в уровне экономического

¹³ Справка плановой комиссии Северо-Кавказского экономического района, 1963 год.

¹⁴ Архив Дагобкома КПСС, ф. 3375, оп. 1, д. 6, л. 164.

¹⁵ «XX съезд КПСС». Стенографический отчет Госполитиздат. М., 1956, т. II, стр. 578.

¹⁶ «Народное хозяйство РСФСР в 1958 г.» — Статистический ежегодник. Госстатиздат, 1959 г., стр. 39.

развития республик в сравнении с уровнем развития других республик, областей и краев.

Во-вторых, причина отставания Дагестана кроется в особенностях исторического развития и природных условиях республики. Исторически сложилось резкое несоответствие между территориальным размещением населения и наличием природных и экономических условий. Основная часть населения Дагестана сосредоточена в горной части республики, где природные условия не благоприятствуют развитию материального производства. В горах мало земли, пригодной для обработки, незначительны выявленные полезные ископаемые. Пахотоспособные земли, а также другие важнейшие природные богатства республики размещены в плоскостных районах. В результате нерационального размещения производительных сил в горных районах имеется избыток рабочей силы, а на низменности ощущается острый недостаток рабочих рук. Все это отрицательно влияет на рост производительности труда.

В-третьих, важнейшая причина — недостатки в планировании и размещении производительных сил. Некоторые центральные министерства и ведомства, недостаточно знакомые с природными и экономическими возможностями Дагестана, не принимали должных усилий к тому, чтобы обеспечить рациональное использование богатств Дагестана. Республика имеет исключительно благоприятные условия для развития электроэнергетики. Однако в период, предшествовавший семилетию, гидроресурсы республики слабо использовались. Дагестанская АССР не имела достаточной энергетической базы, чем в значительной мере объяснялись сравнительно низкие темпы промышленного развития республики.

За послевоенный период, с 1945 по 1956 гг., в Дагестанской АССР не было построено ни одного крупного промышленного предприятия. Темпы развития промышленности в Дагестанской АССР за 1940—1958 годы оказались ниже, чем в целом в СССР и в Российской Федерации. Валовая продукция всей промышленности за 1940—1958 годы выросла в целом по стране на 428%, по РСФСР — на 409%, а по Дагестанской АССР — на 305%¹⁷.

Семилетний план предусматривал для автономных республик Северного Кавказа более высокие темпы развития промышленности, чем для страны в целом и для РСФСР. При росте валовой продукции всей промышленности в СССР и РСФСР в 1,8 раза, валовая продукция промышленности увеличилась в Дагестанской АССР в 1,9 раза, в Кабардино-Балкар-

¹⁷ Народное хозяйство РСФСР в 1963 году. Статистический ежегодник, Госстатиздат. М., 1965, стр. 80—81.

ской АССР — в 2,2 раза, в Северо-Осетинской АССР — в 1,9 раза и в Чечено-Ингушской АССР — в 2 раза¹⁸.

План особо учел интересы народов Дагестана. Была намечена обширная программа строительства электростанций, осуществление которой должно было привести к значительно-му преодолению сравнительного отставания Дагестана. В годы семилетки вступила в действие Чирюртовская ГЭС мощностью в 70 тысяч квт. и развернулось строительство самой крупной на Северном Кавказе Чиркейской ГЭС мощностью в 1 млн. квт. Несмотря на то, что главным направлением в развитии электроэнергетики СССР в 1959—1965 годы предусматривалось преимущественное строительство тепловых электростанций, ЦК КПСС и Совет Министров СССР в интересах ускоренного развития национальной республики приняли решение о строительстве этой крупной гидроэлектростанции в Дагестанской АССР.

Принципы размещения производительных сил в семилетии обеспечивали мощный подъем национальных автономий Северного Кавказа, способствовали развитию эффективных форм экономического сотрудничества советских наций, народностей.

Важное значение для развития межреспубликанских экономических связей имели мероприятия по специализации и кооперированию производства, осуществленные в годы семилетки. В условиях управления промышленностью через совнархозы экономических административных районов и автономных республик Северного Кавказа были выполнены некоторые мероприятия по улучшению предметной специализации предприятий, по концентрации производства литья, поковок, штамповок. В результате значительное развитие получили внутрирайонные хозяйственные связи. Так, удельный вес ввозимой части продукции в общих ресурсах стального литья составлял в 1959 году по Дагестанской АССР 67,3%, по Кабардино-Балкарской АССР — 21,1%, в 1962 году — по Дагестанской АССР — 58,3%, по Кабардино-Балкарской АССР — 1,5%¹⁹.

Однако в тот период слабо развивались межрайонные производственные связи республик Северного Кавказа. Специализация и кооперирование ограничивались в основном рамками экономических административных районов. Что же касается возможностей республик Северного Кавказа для

¹⁸ Текущие документы Управления статистики и промышленности ЦСУ РСФСР, 1966 г.

¹⁹ Заседание Совета по координации и планированию Северо-Кавказского экономического района, январь 1962 г. Стенограмма, стр. 101. Текущий материал Госплана РСФСР.

развития специализации и кооперирования, то они были ограничены. В силу этого номенклатура многих предприятий оставалась по-прежнему широкой. Производство изделий массового межотраслевого применения было сосредоточено на мелких, неспециализированных участках и цехах, что приводило к низкой производительности труда и высокой себестоимости продукции. В автономных республиках, краях и областях Северного Кавказа литье, например, производили 113 цехов и участков, из которых 15 имели мощность менее чем в 1 тыс. т. в год²⁰.

Много неразумного оставалось в деле кооперирования. В промышленности продолжали существовать дальние, экономически невыгодные кооперированные связи. В 1960 году из Северного Кавказа по железной дороге было отправлено топочного мазута в район Урала 485 т. т., в Закавказье — 199 т. т., в Приволжский район — 37 т. т., в Казахскую ССР — 2,9 т. т., в то же время на Северный Кавказ было вывезено с Урала 144 т. т., Приволжского экономического района — 259 т. т., из Закавказья — 1,9 т. т., из Казахской ССР — 49,7 т. т.²¹

Создание единого Северокавказского совнархоза несколько расширило возможности развития специализации и кооперирования. Партийные организации республик, краев и областей Северного Кавказа осуществляли ряд мероприятий по внутриотраслевой специализации в масштабе района, по централизации производства литья, поковок, метизов и других изделий межотраслевого применения в рамках района.

Однако укрупнение совнархозов не помогло преодолеть серьезные недостатки в развитии специализации и кооперирования. По-прежнему не решены вопросы специализации многих промышленных предприятий республик Северного Кавказа. К примеру, головной завод объединения «Севкав-электроприбор», созданный для производства аппаратуры автоматики и связи для горнорудной промышленности, имеет в номенклатуре около 70 наименований. Недостаточно развиваются связи с родственными предприятиями, расположенными в других республиках, областях и краях.

Управление промышленностью по территориальному принципу, открыв некоторые дополнительные возможности межотраслевой специализации и кооперирования производства в

²⁰ Постановление Северо-Кавказского совнархоза от 15 августа 1963 г. «О мерах по развитию и рациональному использованию мощностей литейного производства». Текущие документы производственно-технического управления СНХ, 1963 г.

²¹ Заседание Совета по координации и планированию Северо-Кавказского экономического района, январь 1962 г. Стенограмма заседания, стр. 24. Текущие документы Госплана РСФСР, 1962.

пределах экономических районов, в то же время сдерживало развитие отраслевой специализации и рациональных производственных связей между предприятиями, находящимися в разных экономических районах.

Сентябрьский (1965) Пленум ЦК КПСС подчеркнул необходимость первоочередного проведения отраслевого принципа в управлении промышленностью, решил осуществить руководство промышленностью через отраслевые Министерства.

Значительным шагом на пути дальнейшего хозяйственного объединения республик, областей, краев Северного Кавказа явились создание единой Северокавказской энергосистемы, объединяющей энергосистемы Дагестанской, Кабардино-Балкарской, Северо-Осетинской, Чечено-Ингушской АССР, Краснодарского и Ставропольского краев, а также строительство магистрального газопровода Ставрополь—Грозный для транспортировки ставропольского газа в Кабардино-Балкарскую, Северо-Осетинскую, Чечено-Ингушскую АССР.

Мощное развитие промышленности в годы семилетки, углубление разделения труда между республиками, совершенствование всех форм братского сотрудничества закономерно привели к интенсификации экономических связей национальных автономий Северного Кавказа.

Развитие хозяйственных связей Дагестанской АССР характеризуют прежде всего поставки продуктов машиностроительной, нефтяной, стекольной, винодельческой, консервной, рыбной, текстильной и других отраслей промышленности.

Важнейшей статьей дагестанского вывоза является продукция машиностроительной промышленности. Дагестан поставляет братским республикам, областям передвижные электростанции, дизельагрегаты, конвейерные электропечи, насосы.

За годы семилетки вывоз этих изделий значительно увеличился. Так, за период с 1958 по 1963 год поставки дизелей возросли в 2,3 раза. Центробежные насосы, выпускаемые заводом им. М. Гаджиева, получают семь союзных республик, а в РСФСР — 20 экономических районов. Эта продукция дагестанской промышленности известна на всех судостроительных заводах и пароходствах СССР²².

В годы семилетки Дагестан стал вывозить новые изделия машиностроения: сепараторы, электросварочное оборудование, шлифовальные станки, приборы.

Новая продукция промышленности Дагестана нашла применение во многих районах страны. Электросварочные агрегаты, изготовленные на заводе «Дагэлектромаш», приме-

²² Отчет об отгрузке насосов. Текущий архив отдела сбыта машиностроительного завода им. М. Гаджиева, 1965 г.

няются на промышленных и сельскохозяйственных предприятиях 33 областей, краев и автономных республик РСФСР, в 13 других союзных республиках²³. Широкую известность за пределами республики получили шлифовальные станки, выпускаемые Дербентским станкостроительным заводом. Они используются на предприятиях 25 областей, краев и автономных республик РСФСР, больше всего на заводах Ленинграда, Ростова-на-Дону, Владимира, Свердловска, Челябинска²⁴. Вывоз станков из Дагестана, ранее отсталой колониальной окраины, в известные центры машиностроения — один из наиболее ярких показателей промышленного развития республики.

В связи с резким увеличением добычи на территории республики Дагестан с каждым годом расширяет поставки нефти. Только за 1958—1963 годы отгрузка нефти за пределы республики возросла в 2,9 раза²⁵.

Ввод в действие крупной Чирюртовской ГЭС превратил Дагестанскую АССР в поставщика дешевой гидроэнергии.

Ныне Дагестан не только полностью покрывает свои потребности, но и ежегодно передает миллионы квтч электроэнергии Чечено-Ингушетии²⁶. Использование энергии, вырабатываемой Чирюртовской ГЭС, позволяет Чечено-Ингушской АССР экономить дорогостоящее жидкое топливо. Помощь Дагестана позволяет, в частности, переводить Грозненскую теплоэлектроцентраль в летний сезон на минимальный режим работы.

Одна из основных позиций дагестанского вывоза — продукция пищевой промышленности. Республика производит 60% фруктовых компотов, 35% виноградных вин в РСФСР. За 1959—1963 годы поставки виноградного вина выросли в 1,4 раза. В 1963 году Дагестан поставлял винодельческую продукцию в 29 областей, автономных республик и краев, коньяки — в 25 областей, АССР и краев. Основными потребителями этой продукции промышленности Дагестана являются республики, области и края Северного Кавказа, Москва, Ленинград, Московская и Ленинградская области²⁷.

²³ Отчет о поставке продукции. Текущий архив отдела сбыта завода «Дагэлектромаш».

²⁴ Учет отгрузки продукции Дербентским заводом шлифовальных станков. Текущий архив Росглавстанкоинструментснабсбыта, 1965 г.

²⁵ Текущие документы «Главнефтьснаба» при Совете Министров РСФСР, 1963 год.

²⁶ Текущие материалы объединенной диспетчерской службы Северокавказской энергосистемы, 1964 год.

²⁷ Отчет о поставке продукции. Текущий архив отдела сбыта объединения «Дагвино», 1965 г.

Кабардино-Балкарская АССР расширяет прежде всего поставки продуктов цветной металлургии, машиностроения, пищевой и легкой промышленности.

Предприятия цветной металлургии Кабардино-Балкарии вывозят за пределы республики молибденовый и вольфрамовый концентраты, вольфрамовый ангидрид. Вывоз молибденового концентрата за 1963—1965 годы увеличился почти в 2 раза, вольфрамового концентрата в 1,6 раза²⁸.

Из продуктов машиностроения Кабардино-Балкария поставляет в братские республики, области и края центробежные насосы, приборы и средства автоматизации, станки для деревообрабатывающей промышленности, кабельную продукцию, рентгеновскую аппаратуру, алмазные инструменты. Наиболее существенную роль в вывозе играют центробежные насосы, нефтеаппаратура. За 1958—1965 годы поставки этой продукции увеличились в 4,8 раза²⁹. Кабардино-Балкария посылает центробежные насосы в 24 экономических района РСФСР, в 11 союзных республик³⁰. В 1964 году, например, республика выполнила более 30 заказов химических предприятий различных республик, областей и краев.

В числе потребителей продукции Нальчикского машиностроительного завода такие важнейшие объекты нефтехимической промышленности как Невиномысский, Сумгаитский, Волгоградской, Ново-Куйбышевский, Лисичанский, Волжский, Навоинский, Новомосковский химкомбинаты, Куйбышевский, Уфимский, Рязанский, Волгоградский, Ново-Ярославский, Ново-Бакинский, Ферганский, Красноводский нефтеперерабатывающие заводы, Энгельсовский, Стерлитамакский, Воронежский, Ефремовский заводы синтетического каучука³¹.

Серьезной статьёй вывоза являются деревообрабатывающие станки и полуавтоматические машины. Они вывозятся во все союзные республики.

Активно участвует Кабардино-Балкарская АССР и в деле увеличения производства продуктов потребления. Кабардино-Балкария дает стране разнообразную кондитерскую продукцию, консервы, плащевые ткани, искусственную кожу, кожаный картон.

Интенсивно растет вывоз товаров из Северо-Осетинской АССР. Ведущее место в вывозе занимает продукция цветной металлургии, машиностроения, пищевой промышленности.

²⁸ ЦГА КБАССР, ф. р. 753, оп. 1, д. 70, л. 90.

²⁹ ЦГА КБАССР, ф. р. 753, оп. 1, д. 70, л. 90.

³⁰ Отчет об отгрузке продукции. Текущий архив отдела сбыта Нальчикского машиностроительного завода, 1964 г.

³¹ Учет отгрузки продукции Нальчикского завода деревообрабатывающих станков. Текущий архив Росглавстанкоинструментснабсбыта, 1965 г.

Северная Осетия вывозит цветные металлы во все экономические районы Советского Союза. За годы семилетки в составе продуктов цветной металлургии, поставляемых за пределы республики, появилось много новых изделий: вольфрамовая проволока, индий, галлий и другие редкие металлы и т. п.

Республика вывозит весьма разнообразную продукцию машиностроения: генераторы велосипедные и мотоциклетные фары, контакторы, электромагниты, пускатели, газовые плиты, электрочасы, призмы, автозапчасти.

Только за первые 2 года семилетки поставки опорных изоляторов за пределы республики выросли в 13,6 раза, поставки газовых плит — почти в 16 раз, за один лишь второй год семилетки отгрузка автомобильных фар — в 2,5 раза, отгрузка электрочасов — в 1,7 раза ³².

Продукция машиностроительной промышленности Северной Осетии находит сбыт во всех экономических районах страны ³³. Особенно широкие связи Северная Осетия имеет по сбыту генераторов, тракторных и мотоциклетных фар. В 1964 году, к примеру, Орджоникидзевский завод автотракторного электрооборудования поставлял генераторы, фары 96 заводам страны. Фары завод посылает в 18 экономических районов страны, отражатели света — в 14 экономических районов, оптические элементы и генераторы — во все районы Союза ССР ³⁴.

В экономическом сотрудничестве осетинской социалистической нации с другими советскими нациями и народностями СССР важную роль играют легкая, пищевая промышленность.

Чечено-Ингушская АССР вывозит в основном продукты нефтяной, химической, машиностроительной и пищевой промышленности.

Основная статья чечено-ингушского вывоза — нефтепродукты. Республика отправляет в другие районы бензин, керосин, масла. Лишь за 1960—1963 годы вывоз нефтепродуктов в братские республики, области увеличился в 1,3 раза.

Нефтепродукты из Чечено-Ингушской АССР вывозятся в десятки областей, краев и республик. Например, бензин в 6—8 экономических районов; керосин в 15—17 областей, республик и краев; дизельное топливо в 9—10 районов. За последние годы особенно сильно выросли поставки в республики и края

³² ЦГАОР СОАССР, ф. р. — 753, оп. 1, д. 393, л. л. 232—239.

³³ Учет занарядки и отгрузки продукции. Текущий архив Росглаvmаш-снабсбыта при СНХ РСФСР, 1965 г.

³⁴ Отчет об отгрузке продукции. Текущий архив. отдела сбыта ОЗАТЭ. 1964 год.

Северного Кавказа, в Латвийскую ССР, Московскую, Горьковскую, Ленинградскую, Пермскую области.

Хозяйственные связи Чечено-Ингушетии с другими республиками, областями выросли за годы семилетки и за счет бурного развития нефтехимической промышленности. В годы семилетки Чечено-Ингушетия значительно увеличила объем производства и поставки в другие республики ацетона, фенола, этилового спирта. Одновременно расширился ассортимент продуктов химической промышленности, вывозимых за пределы республики. В 1961 году труженики республики освоили производство и отправили в различные районы страны первую партию ценнейшего химического продукта — полиэтилена. Еще в 1963 году грозненский полиэтилен использовался для различных промышленных целей на предприятиях семи союзных республик РСФСР, во многих отраслях народного хозяйства Азербайджанской, Грузинской, Молдавской, Эстонской, Киргизской союзных республик³⁵.

Важное место в составе продуктов, вывозимых из Чечено-Ингушской АССР, принадлежит продукции машиностроения. Основная позиция вывоза — нефтяное оборудование (насосы, насосные агрегаты, станки, качалки, цементирующие агрегаты), нефтеаппаратура. В последние годы в связи с большими изменениями в размещении нефтеперерабатывающей промышленности Чечено-Ингушская АССР значительно расширила свои связи по сбыту этих изделий. Если в 1963 году республика поставляла нефтяное оборудование и нефтеаппаратуру в 30 экономических районов, то в 1964 году — более чем в 40 районов³⁶.

Значительный удельный вес в составе вывоза занимает продукция легкой, пищевой промышленности. Наибольшее распространение за пределами республики имеет продукция винодельческой промышленности. В 1963 году, например, Чечено-Ингушетия отгрузила виноградное вино в 15 областей, краев и республик страны, коньяк — в 6 областей, краев; виноматериалы — в 18 экономических районов, в 15 областей и краев.

Значительно возрос в годы семилетки ввоз разнообразной продукции в автономные республики. Дагестанская, Кабардино-Балкарская, Северо-Осетинская и Чечено-Ингушская АССР ввозят металлы, машины и оборудование, уголь, строительные материалы, лесоматериалы, одежду, ткани, обувь.

³⁵ Справка отдела сбыта Грозненского химзавода, 1963 год.

³⁶ Отчет об отгрузке продукции. Текущий архив Грозненского завода «Красный Молот», 1964 год.

Жизненно важное значение для автономных республик Северного Кавказа имеет ввоз черных металлов. В текущем семилетии во всех национальных автономиях Северного Кавказа осуществляется быстрое развитие машиностроительной промышленности. Собственной базы сырья и материалов для создания этой отрасли Дагестан, Кабардино-Балкария, Северная Осетия и Чечено-Ингушетия не имеют.

За первые пять лет семилетки ввоз проката черных металлов в ДАССР возрос на 19,4%, в КБАССР — на 74%, в СОАССР — на 16,7%, в ЧИАССР — на 22,9% ³⁷.

Дагестанская, Кабардино-Балкарская, Северо-Осетинская и Чечено-Ингушская АССР получают черные металлы из различных областей РСФСР, из Украинской, Грузинской, Азербайджанской ССР. Прокат черных металлов, например, в 1962 году получили: Дагестанская АССР — из 19, Кабардино-Балкарская АССР — из 15, Северо-Осетинская АССР — из 17, Чечено-Ингушская АССР — из 14 областей, краев, республик РСФСР, из 4 областей Украинской ССР, а также из Грузинской и Азербайджанской ССР. Число республик и областей, из которых вывозится прокат черных металлов, увеличился за 1958—1962 годы: по вывозу в Дагестанскую АССР — на 60%, в Кабардино-Балкарскую АССР — на 33,3%, в Северо-Осетинскую АССР — на 46,6%, Чечено-Ингушскую АССР — на 11,7% ³⁸.

При общем росте ввоза проката черных металлов уменьшились их дальние перевозки, в частности, удельный вес Западной Сибири в ввозе черного проката за 1959—63 гг. сократился: по ДАССР с 2,4% до 1,5%, по КБАССР — с 0,3% до 0,07%, по СОАССР — с 0,2% до 0,09%, по ЧИАССР — с 1,1% до 0,9% ³⁹. В ввозе черных металлов в автономные республики Северного Кавказа возрастает роль Украины, Ростовской области, Поволжья, Закавказья.

Северо-Осетинская АССР ввозит такое значительное количество концентратов цветных металлов, используемых здесь в качестве сырья для завода «Электроцинк». Потребности завода удовлетворяются собственным сырьем всего лишь на 40%, остальное сырье вывозится из Дальнего Востока, Казахской ССР, из Средней Азии. Следует сказать, что это дорогостоящие, встречные перевозки. Республика завозит концентраты цветных металлов, а продукты их переработки отгружает в другие районы. Ликвидация отставания местной сырье-

³⁷ Вычислено по данным отдела статистики материально-технического снабжения ЦСУ РСФСР.

³⁸ Поставка проката черных металлов по районам вывоза и ввоза. Текущий архив ЦСУ РСФСР, 1962 г.

³⁹ Вычислено автором по материалам отдела статистики материально-технического снабжения ЦСУ РСФСР.

вой базы и сокращение дальнепривозного сырья — одна из важных народнохозяйственных задач республики.

Быстрыми темпами растут поставки нефтепродуктов в КБАССР и СОАССР. Эти республики не располагают в достаточной мере собственной топливной базой и получают ежегодно из братских республик, областей и краев бензин, керосин, мазут и т. п. За 1958—1963 гг. ввоз нефтепродуктов по железной дороге в КБАССР увеличился на 65,6%, в СОАССР — на 17%.

Уголь автономные республики Северного Кавказа получают из Ростовской области, а также из Донецкой и Луганской областей Украинской АССР. Поставки угля в КБАССР, СОАССР и ЧИАССР в связи с использованием природного ставропольского газа, а также электроэнергии, передаваемой из братских республик за 1959—1963 гг. сократились. Ввоз угля в Дагестанскую АССР за этот же период расширился на 15,1%⁴⁰. Интересы рационализации хозяйственных связей требуют расширения использования ставропольского природного газа в народном хозяйстве республик Северного Кавказа и дальнейшего сокращения завоза угля из других районов.

Важнейшая статья ввоза — машины и оборудование. Свои потребности в основных видах этих изделий автономные республики Северного Кавказа покрывают за счет ввоза из братских республик, областей и краев. За первых три года семилетки ввоз металлорежущих станков в Дагестанскую АССР увеличился на 161%, в Кабардино-Балкарскую АССР — на 72,2%, в Чечено-Ингушскую АССР — на 127,6%; ввоз кузнечно-прессового оборудования в ДАССР — на 91,4%, в КБАССР — на 84,8%, в СОАССР — на 38,2%, в ЧИАССР — на 42,5%⁴¹. Машины и оборудование в национальные автономии Северного Кавказа посылают все экономические районы Советского Союза. Станки для машиностроительных заводов, например, эти республики получают из 18 областей, краев и автономных республик РСФСР, из 7 союзных республик⁴². Первостепенную роль в снабжении республик Северного Кавказа машинами и оборудованием играют Москва, Ленинград, Киев, Минск, Харьков, Ростов-на-Дону, Волгоград, Грузинская, Армянская и Азербайджанская АССР.

Растет также ввоз строительных материалов в ДАССР, КБАССР, СОАССР и ЧИАССР. Так, за 1959—1963 годы по-

⁴⁰ Поставки угля по районам вывоза и завоза. Текущий архив ЦСУ РСФСР.

⁴¹ Вычислено на основе данных отдела статистики материально-технического снабжения ЦСУ РСФСР.

⁴² Текущие документы Управления материально-технического снабжения и сбыта Северокавказского совнархоза, 1964 г.

ставки цемента в ДАССР увеличились в 1,9 раза, в КБАССР — 1,4 раза, в СОАССР — 2,3 раза, ЧИАССР — в 1,4 раза ⁴³. В 1959 году завозили цемент ДАССР из 1, КБАССР — из 2, СОАССР — из 1, ЧИАССР — из 2 областей и краев РСФСР, а также из Украинской, Грузинской и Азербайджанской АССР. Количество республик, областей и краев по вывозу цемента выросло за 1959—1963 гг. по вывозу в КБАССР — на 40%, в СОАССР — на 50%, в ЧИАССР — на 20% ⁴⁴.

Кроме перечисленных товаров, автономные республики Северного Кавказа получают из братских республик, областей и краев ткани, одежду, обувь, продовольственные продукты.

Анализ хозяйственных связей автономных республик Северного Кавказа приводит к следующим выводам:

Во-первых, с расцветом экономики республик увеличивается объем взаимных поставок товаров. Об этом можно судить, в частности, и по грузообороту железнодорожного транспорта. За первые 4 года семилетки он вырос по Дагестанской и Северо-Осетинской АССР в 1,3 раза, по Кабардино-Балкарской и Чечено-Ингушской АССР — в 1,2 раза ⁴⁵.

Во-вторых, растет структура ввоза и вывоза. В годы семилетки в ассортименте товаров, вывозимых из национальных автономий Северного Кавказа, появились сотни новых изделий: приборы, средства автоматизации, электротехническая продукция, станки, сепараторы, полиэтилен, искусственные дубители, текстильное стекловолокно, плащевые ткани, искусственная кожа. Такое расширение состава вывоза свидетельствует об успехах обрабатывающей промышленности республик Северного Кавказа. Оно отражает двусторонний, равноправный характер экономического сотрудничества автономий Северного Кавказа и других республик, областей, краев СССР.

В-третьих, расширяется диапазон экономических связей Дагестанской, Кабардино-Балкарской, Северо-Осетинской и Чечено-Ингушской АССР. Если в 1959 году Дагестанская АССР поставляла промышленную продукцию в 30 областей, республик, краев Союза ⁴⁶, то в 1964 году — в 69 республик, областей и краев ⁴⁷. В 1959 году предприятия Северо-Осетин-

⁴³ Вычислено автором по данным отдела статистики материально-технического снабжения ЦСУ РСФСР.

⁴⁴ Вычислено автором по данным отдела статистики материально-технического снабжения ЦСУ РСФСР.

⁴⁵ Грузооборот железнодорожного транспорта. Текущие документы ЦСУ РСФСР.

⁴⁶ Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 118, д. 10, л. 11. Вычислено по данным Росглавснаббута при СНХ РСФСР.

⁴⁷ Архив Госплана РСФСР, ф. 1, оп. 3, д. 274, л. 230.

ского совнархоза поставляли 138 видов продукции в 104 экономических района страны и 17 видов продукции в 14 зарубежных стран; в 1960 году — 145 видов продукции в 104 района и 22 вида изделий в 23 зарубежных страны.

В-четвертых, существует тенденция к расширению устойчивых производственных связей между республиками Северного Кавказа и другими районами. Развитие кооперированных связей происходит главным образом в связи с созданием в республиках Северного Кавказа электротехнической, приборостроительной, станкостроительной и других отраслей машиностроения. С вводом в действие этих предприятий республики стали получать комплектующие изделия почти из всех экономических районов.

Развитие устойчивых хозяйственных связей обусловлено также строительством магистрального газопровода Ставрополь—Грозный, созданием объединенной Северокавказской энергосистемы.

В-пятых, происходит дальнейшая рационализация хозяйственных связей республик Северного Кавказа. Она проявляется в развитии связей внутри Северокавказского экономического района, в сокращении дальних перевозок товаров. Так, с ростом добычи нефти на своей территории и территории соседних республик Чечено-Ингушетия прекратила завоз сырой нефти из Поволжья. Использование ставропольского газа в народном хозяйстве позволило сократить завоз донецкого угля в Кабардино-Балкарскую, Северо-Осетинскую и Чечено-Ингушскую АССР.

Действие этих тенденций означает усиление экономического сближения народов республик Северного Кавказа и других братских народов СССР.

В неразрывном единстве с ростом хозяйственных связей находятся изменения в процессе взаимного обмена производственно-техническим опытом между советскими нациями, народностями. Изучение деятельности промышленных предприятий Дагестанской, Кабардино-Балкарской, Северо-Осетинской и Чечено-Ингушской АССР показывает, что обмен опытом становится все более значительным фактором развития экономики национальных автономий. Взаимосвязь национальных экономик советских республик достигла такой степени, когда широкий взаимный обмен результатами хозяйственной деятельности стал необходимым фактором нормального развития каждой из них. В настоящее время в советских республиках нет ни одного сколько-нибудь значительного промышленного предприятия, которое бы в той или иной степени не участвовало бы в социалистическом разделении труда.

Для иллюстрации приведем некоторые примеры. В 1959 году с целью изучения передового опыта с предприятий Севе-

ро-Осетинского совнархоза выезжали в другие экономические районы 68 групп рабочих, инженеров, техников. По материалам поездок было принято к внедрению 81 мероприятие с условно-годовой экономией в 417 тыс. рублей⁴⁸. В 1960 году на предприятия других совнархозов выезжали 174 группы в составе 436 человек. По их рекомендациям было внедрено в производство 114 мероприятий. Годовая экономия составила 235 тысяч рублей⁴⁹.

В 1961 году коллективы предприятий Дагестанского совнархоза заимствовали из материалов командировок в другие районы и внедрили в производство свыше 120 мероприятий с условно-годовым экономическим эффектом в 190 тысяч рублей⁵⁰.

В 1962 году из опыта предприятий братских республик, областей, краев было заимствовано 320 мероприятий, а внедрено 164 мероприятия. Общий экономический эффект от внедрения этих мероприятий превысил 390 тысяч рублей⁵¹.

Обмен опытом превращается в планомерную, систематическую форму взаимопомощи народов. Постоянная взаимосвязь по обмену опытом установилась между горняками Кабардино-Балкарии и Северной Осетии, металлургами Орджоникидзевского завода «Электроцинк» и Усть-Каменогорского свинцово-цинкового комбината, нефтяниками Дагестана, Чечено-Ингушетии, Азербайджана, машиностроителями Москвы, Ленинграда, Нальчика, Махачкалы, Грозного, Орджоникидзе, пищеводами Дагестана, Чечено-Ингушетии, Кабардино-Балкарии, Краснодарского края, Молдавской АССР.

В ходе всестороннего развития экономики республики усиливается двусторонний характер обмена опытом между народами СССР, возрастает вклад автономных республик в научно-техническое сотрудничество. В результате мощного развития промышленности, совершенствования специализации автономные республики накопили в ряде отраслей большой производственный и научно-технический опыт, ставший достоянием всех народов СССР. Так, во многих республиках, областях используется производственный и научно-технический опыт Чечено-Ингушетии в нефтедобывающей и нефтеперерабатывающей промышленности, опыт Дагестанской АССР в пищевой промышленности, достижения Северной Осетии — в цветной металлургии, производственный опыт Кабардино-Балкарии в горнорудной и пищевой промышленности.

Всесоюзное признание получили новые технологические процессы, разработанные и впервые внедренные в производ-

⁴⁸ ЦГА СОАССР, ф. р. — 766, оп. 1, д. 7, л. 101.

⁴⁹ Там же, д. 402, л. 19.

⁵⁰ ЦГА ДАССР, ф. р. — 457, оп. 2, д. 25, л. 13.

⁵¹ Там же, ф. р. — 457, оп. 2, д. 36, л. 32.

ство чечено-ингушскими нефтяниками: комбинирование процессов переработки нефти, электроочистка нефтепродуктов, метод очистки бензинов от содержащихся в них нормальных парафинов при помощи специальных адсорбентов—молекулярных сит. Высокую оценку у бурильщиков глубоких и сверхглубоких скважин заслужило одношарочное долото — детище грозненских научных работников.

Новым словом в металлургии явились работы научно-исследовательского института «Гипцветмет», проектного института «Кавказгипроцветмет» и северо-осетинского завода «Электроцинк» по разработке и внедрению схемы обжига цинковых концентратов в кипящем слое. Новая технология, разработанная в Северной Осетии, широко внедряется на родственных предприятиях страны. Обжиг концентратов кипящего слоя осуществляется теперь на всех цинковых электролитных заводах, на многих предприятиях по производству меди, никеля, кобальта, молибдена. Применение опыта Северной Осетии приносит большую экономическую пользу. Экономический эффект, полученный только на четырех цинкоэлектролитных заводах всего лишь за три года, составил почти 40 миллионов рублей ⁵².

Крупным вкладом в развитие пищевой промышленности страны явились многие исследовательские работы, осуществленные работниками винодельческой и консервной промышленности Дагестана. Это относится прежде всего к таким работам как разработка новых марок вин «Дербентское золотистое», «Гуниб», «Лезгинка», «Кизлярское алое», коньяков «Кизлярский», «Юбилейный». Дагестанские вина и коньяки приобрели широкую известность не только в СССР, но и за рубежом. В 1959 году вина и коньяки с маркой Дагестана экспонировались на 14 международных выставках и ярмарках.

В современных условиях возрастает роль социалистического соревнования как важнейшего средства обмена опытом. Кабардино-Балкарский административный район соревновался в течение ряда лет с Северо-Осетинским, Чечено-Ингушским экономическими административными районами, Дагестанский административный район — с Азербайджанским, Астраханским и Чечено-Ингушским экономическими административными районами; Чечено-Ингушский экономический район с Дагестанским, Кабардино-Балкарским, Северо-Осетинским ⁵³.

Десятки предприятий автономных республик Северного Кавказа соревнуются с родственными предприятиями различ-

⁵² «Социалистическая Осетия», 7 марта, 1962 г., № 56. (7889), стр. 4.

⁵³ Текущие материалы Дагестанского, Кабардино-Балкарского, Северо-Осетинского и Чечено-Ингушского областных Советов профсоюзов, 1962 год.

ных областей, республик, краев. В Кабардино-Балкарии, например, ежегодно заключается свыше десяти договоров социалистического соревнования с коллективами фабрик и заводов братских республик, областей⁵⁴. Соревнуются горняки Тырнаузского вольфрамо-молибденового комбината и Садонского рудоуправления Северо-Осетинской АССР, коллективы Нальчикского гидрометзавода и Таганрогского металлургического завода, работники Нальчикского завода «Цветметприбор» и Орджоникидзевского завода автотракторного электрооборудования, труженики швейных фабрик Кабардино-Балкарии и Северной Осетии, Нальчикского и Полтавского мясокомбинатов⁵⁵.

С новой силой развернулось в годы семилетки соревнование столиц автономных республик Северного Кавказа с городами других республик, областей страны. Стало традиционным социалистическое соревнование между столицами Дагестанской и Чечено-Ингушской АССР, Северной Осетии и Кабардино-Балкарии, городами Махачкала и Астрахань. Включились в соревнование новые города. Так, возникло социалистическое соревнование между городами Махачкала и Батуми, между Нальчиком и Пятигорском.

Расширение обмена опытом, рост социалистического соревнования между республиками, областями укрепляет производственные связи между нациями, народностями, создает благоприятные условия для интернационального воспитания советских людей.

В годы семилетки возрастает значение обмена квалифицированными кадрами между республиками, областями и краями. «Растущие масштабы коммунистического строительства, — говорится в Программе КПСС, — требует постоянного обмена кадрами между нациями». Усиление роли обмена кадрами между автономными республиками Северного Кавказа и другими республиками, областями в годы семилетки обусловлено как общими закономерностями развития советских республик, так и специфическими условиями развития Дагестанской, Кабардино-Балкарской, Северо-Осетинской и Чечено-Ингушской АССР. Во-первых, здесь в семилетии создавались совершенно новые для этих республик отрасли производства, в частности, электротехническая, приборостроительная. Республики не имеют достаточных кадров по этим специальностям. Во-вторых отдельные республики Северного Кавказа в годы семилетки только начинали широкую подготовку высококвалифицированных технических кадров у себя в республиках и удовлетворяли свои потребности в инженерно-технических ра-

⁵⁴ Текущий архив Кабардино-Балкарского Облсовпрофа, 1964 г.

⁵⁵ Там же.

ботниках в основном за счет выпускников вузов братских республик, областей. В-третьих, в связи с реабилитацией чеченского, ингушского, балкарского народов потребовалась помощь всех народов СССР в подготовке квалифицированных кадров из числа вернувшегося из районов выселения населения.

В течение семилетия происходил интенсивный обмен квалифицированными кадрами между автономными республиками Северного Кавказа и братскими республиками, областями и краями. В 1959 году в распоряжение бывшего Северо-Осетинского совнархоза прибыли 49 специалистов с высшим образованием и 326 выпускников со средним специальным образованием. В 1962 году Северо-Осетинский совнархоз получил 106 специалистов с высшим образованием и 248 со средним специальным образованием⁵⁶.

Предприятия бывшего Дагестанского совнархоза приняли в 1961 году 205 молодых специалистов, прибывших из 30 разных вузов страны⁵⁷. Квалифицированных инженеров, техников, экономистов для автономных республик Северного Кавказа готовят десятки областей, республик страны. В 1959 году в Северную Осетию выпускников со средним специальным образованием направили 10 областей, краев и республик, кадров с высшим образованием — 11 областей, республик. Сорок вузов 19 республик, областей послали специалистов на предприятия Дагестанского Совета народного хозяйства в 1962 году⁵⁸.

Значительную роль в подготовке кадров для промышленности страны играют автономные республики Северного Кавказа. Одним из ведущих нефтяных институтов является Грозненский нефтяной институт. Он подготовил тысячи высококвалифицированных специалистов для нефтяной промышленности. Многие из выпускников института впоследствии стали академиками, членами-корреспондентами Академии наук СССР, докторами наук, видными конструкторами и проектировщиками, крупными хозяйственными деятелями, директорами и главными инженерами ведущих предприятий.

Ныне институт значительно расширен. Если в 40-х годах он выпускал в среднем по 100 человек в год, то теперь по 400—500 специалистов. Молодые специалисты, окончившие Грозненский нефтяной институт в 1964 году, работают на

⁵⁶ ЦГА СОАССР, ф. р. 734, оп. 1, д. 554, л. л. 41—43, 95—80; Там же, ж. 566, л. л. 3—5, 11.

⁵⁷ ЦГА ДАССР, ф. р. — 457, оп. 11, д. 165, л. 69, там же, д. 60, л. л. 7, 9, 11.

⁵⁸ ЦГА СОАССР, ф. р. 734, оп. 1, д. 554, л. л. 41—45, 75—80.

предприятиях и в организациях 30 совнархозов, министерств и ведомств⁵⁹.

Крупным техническим вузом стал Северокавказский горнометаллургический институт, готовящий инженеров по десяти специальностям. За время своего существования институт выпустил почти 5000 специалистов, сыгравших большую роль в развитии цветной металлургии страны. В числе его выпускников — директор Челябинского цинкового завода К. А. Демяник, главный инженер Балхашского горнометаллургического комбината Ю. К. Победоносцев, директор Усть-Каменогорского свинцово-цинкового комбината А. И. Вартанян, главный инженер Тырныаузского вольфрамо-молибденового комбината П. Ф. Кривчиков, доктор технических наук, профессор Свердловского политехнического института И. А. Каковский. Только в одном 1964 году Северокавказский институт дал народному хозяйству 237 высококвалифицированных специалистов. В 1964 году выпускников института получили 11 областей и автономных республик РСФСР⁶⁰.

Сотрудничество народов Северного Кавказа с другими народами СССР в области подготовки и использования кадров характеризуются достижением дальнейшего равенства в этом процессе. До последнего времени Дагестанская и Кабардино-Балкарская АССР не могли оказывать сколько-нибудь значительную помощь техническими кадрами другим республикам, областям.

За годы семилетки Дагестан и Кабардино-Балкария стали принимать участие в подготовке технических кадров для страны. Вместе с ростом промышленности в текущем семилетии выросли замечательные кадры рабочего класса, высококвалифицированные инженерно-технические работники. Создание достаточной материальной базы, рост научных сил позволили организовать в республиках подготовку специалистов с высшим техническим образованием. В 1962—1963 г. г. в Дагестанском и Кабардино-Балкарском государственном университетах состоялся первый выпуск специалистов с высшим техническим образованием. Первый выпуск инженеров в Кабардино-Балкарском госуниверситете составил 87 человек. Инженерно-техническим факультетом Дагестанского университета имени В. И. Ленина было выпущено в 1963 году 117 специалистов. Несмотря на небольшое количество выпускников и потребность республик в этих кадрах, Дагестан и Кабардино-Балкария направили значительную часть молодых специалистов в

⁵⁹ Справка о распределении молодых специалистов. Текущий архив отдела кадров Грозненского нефтяного института, 1964 г.

⁶⁰ Справка о распределении молодых специалистов. Текущий архив отдела кадров СКГМИ, 1964 г.

другие республики, края, области. Из первого выпуска Дагестанского и Кабардино-Балкарского университетов почти 100 инженеров поехали на работу в братские республики, области. Технологи — выпускники ДГУ трудятся на консервных предприятиях Кабардино-Балкарии, Чечено-Ингушетии, Северной Осетии, Азербайджанской, Молдавской ССР, Брянской, Воронежской областей⁶¹.

Посланцы Кабардино-Балкарии, инженеры-строители работают на строительных объектах целинных районов Алтайского края, Кустанайской, Омской, Кокчетавской областей, на новостройках Иркутска, Якутин, Липецка, Ленинграда⁶².

Участие Дагестанской и Кабардино-Балкарской АССР в подготовке технических кадров страны, направление инженерно-технических работников в другие республики, области — новый момент в сотрудничестве советских республик.

Интернационализация экономической жизни, развитие обмена опытом и кадрами в годы семилетки отражает глубокий процесс сближения советских наций, народностей, тесно связанный с решением важнейших задач коммунистического строительства. Рост хозяйственного единства народов СССР открывает новые перспективы в развитии народного хозяйства страны, создает благоприятные условия для интернационального воспитания советских людей, для всемерного укрепления взаимного доверия и дружбы между советскими нациями, народностями. Дальнейшее непрерывное развитие экономического сотрудничества, являющегося социалистическим методом сочетания национальных и интернациональных интересов советских республик, выступает поэтому как важная закономерность становления коммунистической формации.

⁶¹ Справка о распределении молодых специалистов. Текущий архив отдела кадров ДГУ, 1964.

⁶² Справка о распределении молодых специалистов. Текущий архив отдела кадров КБГУ, 1964.

К ИСТОРИИ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ В НАЦИОНАЛЬНЫХ РЕСПУБЛИКАХ И ОБЛАСТЯХ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА (1920—1940 гг.)

Советскими историками проделана значительная работа по исследованию важнейших проблем культурной революции в СССР, изучению процесса становления и расцвета социалистической культуры всех народов нашей страны. Немалые успехи достигнуты в этой области и историками национальных республик Северного Кавказа. Вышли в свет ряд обобщающих исследований, а также значительное количество статей в периодических изданиях, в которых освещаются важнейшие вопросы социалистического культурного строительства в Дагестане, Чечено-Ингушетии, Кабардино-Балкарии, Северной Осетии¹.

Тем не менее было бы неправильно утверждать, что эта проблема изучена достаточно полно во всех её аспектах и не нуждается в дальнейшей научной разработке. Хотя для процесса социалистического культурного строительства во всех национальных республиках Северного Кавказа характерно много общих черт, до сих пор почти нет работ, в которых бы был обобщен исторический опыт культурной революции в этих автономных республиках в целом.

В предлагаемой статье делается попытка в какой-то мере восполнить этот пробел. В статье по материалам четырёх автономных республик Северного Кавказа — Дагестанской, Кабардино-Балкарской, Северо-Осетинской, Чечено-Ингушской

¹ «История Дагестана», т. III—IV, М., 1968—1969; «История Кабардино-Балкарской АССР», т. 2, М., 1967; «История Северо-Осетинской АССР», т. 2, Орджоникидзе, 1966; «Очерки истории Чечено-Ингушской АССР», Грозный, 1969; А. Абилов. Очерки советской культуры народов Дагестана, Махачкала, 1959; Х. М. Бербекоев. Переход к социализму народов Кабардино-Балкарии, Нальчик, 1964; З. Джамбулатова. Культурное строительство в советской Чечено-Ингушетии (1921—1940), кандидатская диссертация. 1964; А. Хачиров. О формировании осетинской интеллигенции. Орджоникидзе, 1964; Б. Цуциев. Экономика и культура Северной Осетии. Орджоникидзе, 1967; Х. Черджиев. Очерки по истории народного образования в Северной Осетии. Орджоникидзе; 1958; Школьное образование в Дагестане». Махачкала, 1968; А. Эфендиев. Формирование советской интеллигенции Дагестана, Махачкала, 1961; и др.

АССР прослеживается процесс развития народного образования, формирования национальной интеллигенции, становления научных учреждений и развертывания научно-исследовательской работы в этих республиках в годы довоенного социалистического строительства (1920—1940 гг.). В ряде случаев нами приводятся также данные, характеризующие успехи школьного строительства, борьбы с неграмотностью в Адыгейской, Карачаевской и Черкесской автономных областях бывшего Северо-Кавказского края.

Не претендуя на исчерпывающую полноту освещения затронутых в статье вопросов, автор старался охарактеризовать основные направления и специфические особенности развития народного образования и науки в национальных районах Северного Кавказа в рассматриваемый период.

* * *

Созданная под руководством ленинской Коммунистической партии советская школьная система сыграла решающую роль в преодолении культурной отсталости народов национальных окраин России, явилась важнейшим средством приобщения трудящихся масс этих окраин к социалистическому строительству.

Исторический путь развития народного образования в советских национальных республиках и областях Северного Кавказа был весьма сложным, отличаясь рядом специфических черт. Своеобразие условий, в которых строилась советская система народного образования на Северном Кавказе, состояло прежде всего в том, что ко времени победы Советской власти этот край находился на значительно более низком уровне культурного развития, чем центральная Россия. К моменту Октябрьской революции грамотность населения в целом по России была в 3 с лишним раза выше, чем в национальных районах Северного Кавказа. К 1920 г. в Чечне, например, только около 1 проц. населения было грамотным, в Ингушетии — 3 проц., в Карачае — 5 проц., Кабардино-Балкарии — 7 проц., Северной Осетии — около 15 процентов². Крайне низкой была грамотность населения и в Дагестанской области. По данным Всероссийской переписи 1897 г. грамотность едва превышала здесь 9 процентов³. Характерно, что в 1906 г. в Европейской части России рост грамотности за 10 лет составил 4,2 процента, а на Кавказе — всего 1,1 процента. При таких темпах всеобщая грамотность населения в Европейской

² Журн. «Революция и горец», 1929, № 7—8, стр. 5.

³ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Дагестанская область. СПб, 1905, стр. 12—13.

России могла быть достигнута через 120 лет, на Кавказе — через 430 лет!⁴

При этом значительная часть грамотных людей коренных национальностей Северного Кавказа фактически не могла целесообразно использовать своё умение читать, так как светская литература на местных языках до революции здесь почти не издавалась.

Разоблачая реакционную политику царского правительства в области народного просвещения, В. И. Ленин в статье «К вопросу о политике Министерства народного просвещения» (июнь 1913 г.) писал: «Четыре пятых молодого поколения осуждены на безграмотность крепостническим государственным устройством России. Этому отуплению народа помещичьей властью соответствует безграмотность в России»⁵. В частности, в Дагестане до революции более 95 проц. детей школьного возраста, а в сельской местности более 98 проц. детей указанного возраста было лишено возможности учиться в светских школах. Всего 13 светских школ с 1320 учащимися имелось до революции на 200 тыс. населения Кабардино-Балкарии⁶, а на всей территории, населенной чеченцами, работало 10 начальных школ⁷.

На нужды народного образования царское правительство отпускало мизерные средства, причем лишь жалкие гроши расходовались на просвещение «иногородцев». Так, на нужды просвещения в Дагестане правительство ассигновало в 1905 г. всего около 13,5 коп. на человека⁸. К 1913 г. эти расходы в расчете на одного жителя возросли до 67 копеек, в том числе в сельской местности — до 29 копеек⁹.

Находившееся в таком состоянии школьное образование являлось весьма слабой базой для формирования национальной интеллигенции. Поэтому до революции она была крайне малочисленной и состояла в основном из представителей эксплуататорских классов.

Народы Северного Кавказа не имели периодической печати на национальных языках, здесь почти не было культурно-просветительных учреждений. Все попытки местного населения создать библиотеки и другие культурно-просветительные учреждения наталкивались на непреодолимые препятствия со стороны царских властей, не без основания опасавшихся, что

⁴ Из итогов первой русской всеобщей переписи. «Вестник воспитания», 1906, № 1, стр. 47.

⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 127.

⁶ «Революция и горец», 1931, № 5, стр. 74.

⁷ Там же, 1929, № 5, стр. 67.

⁸ Обзор Дагестанской области за 1905 г., Темир-Хан-Шура, 1907, стр. 72.

⁹ Там же за 1913 г., Темир-Хан-Шура, 1915.

эти учреждения будут способствовать пробуждению самосознания масс и могут превратиться в очаги антиправительственной пропаганды.

Другая особенность, наиболее характерная для Северного Кавказа, состояла в многонациональности, многоязычье края. Здесь на сравнительно небольшой территории, где проживало около 7 млн. человек, насчитывалось более 40 народностей. В Дагестанской области с населением 700 тыс. человек (1913 г.) проживало 32 народности с разными языками и наречиями, причем на некоторых из них говорило всего по несколько тысяч человек. Это обстоятельство не могло не осложнить культурную работу в национальных республиках и областях Северного Кавказа, не сказаться на её результатах.

Северный Кавказ, особенно горные и высокогорные его районы, — край с сильно изрезанным рельефом и преобладанием карликовых населенных пунктов. В Дагестане в начале 30-х годов в 63,4 проц. населенных пунктов насчитывалось менее 200 жителей, в 16,4 проц. — от 50 до 100 жителей и в 24,2 проц. населенных пунктов — менее 50 жителей¹⁰. Примерно такой же была картина в соседней Чечено-Ингушетии, горных районах Кабардино-Балкарии и Северной Осетии. Такое преобладание карликовых аулов, расположенных нередко на значительном удалении друг от друга, требовало огромных дополнительных материальных затрат на культурное строительство и подготовки большего, чем в обычных условиях, количества соответствующих кадров.

Серьёзным препятствием на пути социалистического преобразования национальных районов Северного Кавказа являлись пережитки патриархально-феодалного быта и сильное влияние духовенства на население. По неполным данным 1929 г. на 808 тыс. мусульманского населения национальных районов Северо-Кавказского края¹¹ приходилось только оплачиваемых за службу в мечети 2200 духовных лиц (1 мулла на 360 человек), тогда как на 7 с лишним миллионов остального населения края приходилось около 5000 платных служителей церкви (один священник на 1400 человек)¹². В Дагестане многотысячная армия мусульманского духовенства имела в своем распоряжении к моменту победы Советской власти около двух тысяч мечетей и 800 религиозных школ. Естественно, оно оказывало огромное влияние на население, отравляло его сознание, являлось серьёзным препятствием на пути социального и духовного преобразования общества.

¹⁰ ЦГА ДАССР, ф. 37р, оп. 19, д. 193, л. 71

¹¹ Дагестан тогда не входил в состав Северо-Кавказского края.

¹² «Революция и горец», 1929, № 7—8, стр. 36.

Насколько многочисленно и влиятельно было духовенство в Дагестане в первые годы Советской власти говорит, в частности, следующий факт. В феврале 1921 г. в беседе с дагестанской делегацией В. И. Ленин, живо интересовавшийся всеми сторонами горской жизни, коснулся также вопроса о численности и влиянии мусульманского духовенства на массы населения. «А кого же у вас больше — мулл или коммунистов¹³?» — спросил В. И. Ленин членов делегации. Горцы ответили, что пока, конечно, мулл больше, и они лучше организованы¹⁴.

Влияние духовенства распространялось не только на взрослое население, но и на подрастающее поколение горцев. Причем это влияние не ограничивалось рамками еще функционировавшей густой сети примечетских школ, а распространялось дальше, охватывая только что возникшие советские школы. Дело в том, что преобладающее большинство учителей первых советских школ в национальных районах Северного Кавказа состояло из бывших адептов корана. Их мировоззрение, унаследованное от религиозных мектебов и медресе, накладывало отпечаток на всю деятельность школы, на формирование подрастающего поколения.

И, наконец, следует отметить еще одну особенность, характерную для национальных районов дореволюционного Северного Кавказа, — бесправное положение горской женщины. Исторические и социально-бытовые условия делали положение горянки Северного Кавказа крайне тяжелым. Она была невежественна, а её роль в общественной и культурной жизни — ничтожна. Уделом горянки был тяжелый труд в хозяйстве и забота о детях. С мнением женщины при решении как общественных, так и семейных, хозяйственных дел, не считались, причем религия своим влиянием закрепляла бесправное положение горянки. Ислам всячески препятствовал духовному развитию женщины, отводя ей роль рабыни мужа. Среди женской части коренного населения Северного Кавказа господствовала почти сплошная безграмотность.

Покончить с бесправным положением женщины и осуществить фактическое равноправие ее с мужчиной было чрезвычайно трудной задачей. Она была связана с длительной борьбой и требовала, как указывал В. И. Ленин, коренной переделки и общественной техники, и нравов. Под руководством Коммунистической партии эта трудная задача была блестяще решена в нашей стране.

¹³ На 1 июня 1921 г. в Дагестанской партийной организации состояло 3127 членов и кандидатов в члены партии.

¹⁴ В боях за власть Советов. Сборник воспоминаний. Махачкала, 1957, стр. 15.

Одним из важнейших предварительных условий осуществления культурной революции, успешного социалистического строительства на ранее отсталых окраинах страны являлась ликвидация такого тяжелого наследия эксплуататорского строя, как массовая неграмотность населения. Без ликвидации неграмотности невозможно было поднять общую культуру рабоче-крестьянских масс, просветить их политически, воспитать сознательными строителями новой жизни. На исключительно большое значение ликвидации неграмотности для победы социализма В. И. Ленин указывал неоднократно. Выступая на II Всероссийском съезде политпросветов с докладом «Новая экономическая политика и задачи политпросветов» (17 октября 1921 г.) В. И. Ленин говорил: «... пока у нас есть в стране такое явление, как безграмотность, о политическом просвещении слишком трудно говорить. Это не есть политическая задача, это есть условие, без которого о политике говорить нельзя. Безграмотный человек стоит вне политики, его сначала надо научить азбуке»¹⁵. В речи на III съезде комсомола 2 октября 1920 г. В. И. Ленин указывал, что в стране безграмотной построить коммунистическое общество нельзя, и призывал Коммунистический союз молодежи активно включиться в борьбу с этим наследием эксплуататорского строя.

С первых лет Советской власти Коммунистическая партия, наряду с восстановлением разрушенного хозяйства и созданием основ социалистической экономики, последовательно осуществляла мероприятия по преодолению культурной отсталости России. Вопросы культурной революции занимали важное место в ленинском плане социалистического строительства. В статье «О кооперации» (19 января 1923 г.) В. И. Ленин писал: «Для нас достаточно теперь этой культурной революции для того, чтобы оказаться вполне социалистической страной, но для нас эта культурная революция представляет невероятные трудности и чисто культурного свойства (ибо мы безграмотны), и свойства материального (ибо для того, чтобы быть культурными, нужно известное развитие материальных средств производства, нужна известная материальная база)»¹⁶.

В условиях экономической разрухи и крайнего недостатка кадров культурных работников ликвидация безграмотности была не только одной из важных и первоочередных, но и трудных для осуществления задач. С первых же дней социалистического строительства Коммунистическая партия мобилизует

¹⁵ В. И. Ленин. Т. 44, стр. 174.

¹⁶ В. И. Ленин. Т. 45, стр. 377.

материальные средства и культурные силы страны для повышения грамотности взрослого населения. Даже в трудные годы восстановления народного хозяйства партия считала возможным экономить на многом другом ради развития народной грамотности. Именно к этому времени относится ленинское указание о том, что «...в пролетарско-крестьянском государстве много и много еще можно сэкономить и должно сэкономить для развития народной грамотности ценою закрытия всяких либо игрушек наполовину барского типа, либо учреждений, без которых нам еще можно и долго можно и должно обойтись при том состоянии народной грамотности, о которой говорит статистика»¹⁷.

В декабре 1919 года советское правительство издало декрет о ликвидации безграмотности среди населения РСФСР. По инициативе В. И. Ленина учреждается Чрезвычайная комиссия по ликвидации неграмотности. Такие же комиссии были созданы и на местах. В стране быстро возникла сеть ликпунктов и школ для малограмотных.

В 1920—1921 гг. ликпункты и школы для малограмотных начали открываться также на Северном Кавказе. Широкий размах эта работа получила к 1924—1925 гг., когда вслед за центральным обществом «Долой неграмотность» (ОДН) были созданы в республиках и областях Северного Кавказа местные общества «Долой неграмотность» с разветвленной сетью ячеек в городах и селах.

Под руководством партийных организаций ячейки ОДН объединяли вокруг себя и направляли на борьбу с безграмотностью учителей, грамотных коммунистов и комсомольцев, а в период летних каникул — учащуюся молодежь. Общественные организации, местные Советы поддерживали ликпункты и школы взрослых материально, расходуя на их оборудование и содержание значительные средства. Таким образом, в ликвидацию неграмотности и малограмотности вовлекалась широкая общественность, само население, а это привело к тому, что обучение взрослых стало делом самих масс.

«Я работаю и учусь» — в эти простые слова, которыми открывался букварь для взрослых, был вложен огромный смысл. Они утверждали неразрывную связь грамотности, культуры с усилиями трудящихся в строительстве новой жизни.

На языках национальностей Северного Кавказа массовым тиражом стала выпускаться литература для взрослых. С каждым годом, при активном участии самого населения, укреплялась материальная база школ, клубов, изб-читален и других учреждений культуры, где проводилось обучение грамоте. Под руководством партийных организаций в конце 20-х — начале

¹⁷ В. И. Ленин. Т. 45, стр. 365.

30-х годов проводились массовые походы по борьбе с безграмотностью и культурной отсталостью масс. Эти походы дали возможность в короткий срок построить несколько сот школьных зданий, открыть тысячи ликпунктов и школ малострастных, резко повысить грамотность взрослого населения.

Приводимая ниже таблица характеризует рост грамотности населения автономных областей Северо-Кавказского края и Дагестанской АССР за четыре года первой пятилетки¹⁸.

В ходе борьбы с неграмотностью и культурной отсталостью народы Северного Кавказа обменивались опытом своей работы, оказывали друг другу поддержку и помощь. Неизменную заботу ощущали горцы и со стороны русского и других народов страны. Так, в период проведения культсанпохода в Дагестанской АССР работали культармейцы из Адыгейской автономной, Ростовской и других областей Северо-Кавказского края. Ряд передовых районов края успешно осуществлял шефство над районами Дагестана, что в огромной степени способствовало своевременному проведению мероприятий культсанпохода. Для оказания практической помощи из различных районов Северо-Кавказского края в период культсанпохода в Дагестан было направлено 825 работников. Краевые организации послали на постоянную работу в органах народного образования и здравоохранения республики 246 специалистов¹⁹. Большая помощь оказывалась денежными средствами, учебной литературой, методическими пособиями, одеждой и обувью для детей бедноты.

Такая же помощь оказывалась всем автономным областям Северного Кавказа. Это позволило в сравнительно короткий срок ликвидировать резкий разрыв в уровне грамотности населения национальных районов Северного Кавказа, центральных районов страны и в целом РСФСР. Приведем таблицу роста числа грамотных среди населения по итогам переписей населения 1926 и 1939 гг. (в проц.)²⁰.

Таким образом, менее чем за полтора десятка лет почти все народы Северного Кавказа подтянулись к общему уровню грамотности населения РСФСР в целом.

За первые 20 лет социалистического строительства народы Северного Кавказа под руководством Коммунистиче-

¹⁸ П. Хуриш. На рубеже 2-й культурной пятилетки Северного Кавказа. Ростов-на-Дону, 1932, стр. 20. А. Р. И с м а и л о в. Превращение Дагестана в республику сплошной грамотности. Канд. диссертация. 1967, стр. 146.

¹⁹ «Дагестанская правда», 1 мая 1932 г.

²⁰ Ж. «Революция и горец». 1930, № 9—10, стр. 32; «Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. РСФСР», Госстатиздат, М., 1963, стр. 144—145.

Национальн. районы Сев. Кавказа	Обучено неграмотных				Обучено малограмотных			
	1929	1930	1931	1932	1929	1930	1931	1932
Дагестанская АССР	19900 *	61345 *	105210	118636			35433	43601
Каб.-Балк. авт. обл.	6190	24000	20000	25500	576	4000	27000	34000
Сев.-Осет. авт. обл.	3000	21000	27000	26100	2000	6000	15000	30000
Ингушская авт. обл.	2500	5800	12300	17000	450	750	3000	6000
Чеченская авт. обл.	10500	16120	58600	80000	1600	4760	6500	40000

* Сведения об обученных неграмотных и малограмотных объединены — Г. К.

Республики и области	1926 г.	1939 г.
РСФСР	55,0	89,7
Кабардино-Балкарская обл. ²¹	14,2	84,1
Северо-Осетинская —»—	27,4	84,2
Ингушская —»—	8,8	
Чеченская —»—	4,5	69,3
Дагестанская АССР	12,2	82,5

ской партии решили одну из важнейших проблем культурной революции—проблему ликвидации массовой неграмотности населения. Тем самым была создана важная предпосылка для быстрого развития экономики и культуры, для успешного строительства социализма в национальных республиках и областях Северного Кавказа.

* * *

Важнейшим звеном советской системы народного образования являлась единая трудовая школа, призванная не только вооружать подрастающее поколение общими и политехническими знаниями, но и служить «проводником идейного, организационного, воспитательного влияния пролетариата на полупролетарские и непролетарские слои трудящихся масс в целях воспитания поколения, способного окончательно установить коммунизм»²².

В программе партии, принятой на VIII съезде (1919 г.), ставились следующие ближайшие задачи в области народного образования: введение бесплатного и обязательного общего и политехнического образования для всех детей обоего пола до 17 лет; создание сети дошкольных учреждений; полное осуществление принципов единой трудовой школы, с совместным обучением детей обоего пола, безусловно светской школы, проводящей тесную связь обучения с общественно-производительным трудом; подготовка новых кадров работников просвещения, проникнутых идеями коммунизма; привлечение трудящихся к активному участию в деле просвещения; развитие просветительной работы среди взрослых и всесторонняя помощь государства самообразованию и саморазвитию рабочих и крестьян; широкое развитие профессионального образования и т. д.²³

²¹ В 1936 г. Кабардино-Балкарская, Северо-Осетинская и Чечено-Ингушская автономные области были преобразованы в автономные республики.

²² «КПСС в резолюциях...», Изд. 7, ч. I, стр. 419.

²³ Там же, стр. 419—420.

Мероприятия Коммунистической партии и Советского государства открывали невиданные перспективы для развития школьного образования в национальных республиках и областях страны, народы которых при царизме были лишены школы на родном языке. Проводя в жизнь ленинскую национальную политику, партия приступила к созданию и быстрому расширению сети школ для нерусских народов с обучением на родном языке. В этом партия видела необходимое условие ликвидации в кратчайший срок культурной отсталости народов национальных окраин и фактического их неравенства.

В октябре 1918 г. народный комиссариат просвещения принял постановление «О школах национальных меньшинств». В нём говорилось: «Все национальности, населяющие РСФСР, пользуются правом организации обучения на своём родном языке на обеих ступенях единой трудовой школы и в высшей школе..., школы национальных меньшинств являются государственными, и на них распространяется во всей полноте положение о единой трудовой школе...»²⁴. 29 ноября 1918 г. был учрежден отдел просвещения национальных меньшинств, а через полтора года, в мае 1920 г., при нём создается специальный подотдел горцев Кавказа.

Опираясь на законодательные акты молодого рабоче-крестьянского правительства, трудящиеся национальных окраин под руководством партии активно взялись за строительство новой советской школы. Благодаря особой заботе Коммунистической партии и Советского правительства, развитие школьного дела в национальных республиках и областях шло более быстрыми темпами, чем в Центральной России. К 1930 г., т. е. ко времени введения всеобщего начального обучения, общий годовой прирост контингента учащихся начальных классов в Дагестанской АССР составлял 34,4 процента, в то время как по РСФСР в целом — 8,2 процента. В 1930—1931 учебном году в целом по РСФСР предполагалось охватить начальной школой в два раза больше учащихся, чем в 1913—1914 учебном году, а по Дагестанской АССР — в 8,8 раза²⁵. Примерно в 8 раз увеличилось к этому времени число учащихся в школах Кабардино-Балкарии. За шесть лет, с 1924—1925 по 1930—1931 число учащихся в школах национальных районов Северо-Кавказского края (без Дагестана) увеличилось примерно в 3,5 раза²⁶. В таких областях, как Адыгейская, Севе-

²⁴ «Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства 1917—1918 гг.», № 80, ст. 835.

²⁵ Г. Ш. Каймаразов. Борьба за осуществление всеобуча в Дагестане в годы первой и второй пятилеток (1928—1937 гг.). Ученые записки ИИЯЛ, вып. VI, 1959, стр. 111—112.

²⁶ Народное хозяйство Северного Кавказа. Экономический справочник. Ростов-на-Дону, 1932, стр. 398.

ро-Осетинская, Кабардино-Балкарская, уже в 1929—1930 учебном году было охвачено обучением более 50% детей школьного возраста ²⁷.

Значительные успехи были достигнуты в вовлечении в школу девочек-горянок. В первые годы Советской власти в школах большинства национальных районов Северного Кавказа обучалось крайне мало девочек. Особенно мало обучалось девочек в сельской местности. Так, в Гунибском округе Дагестанской АССР в 1924 г. из 195 учащихся было только 7 девочек, а в Даргинском округе из 70 — 2. По данным обследования школ Аварского и Андийского округов в начале 1925 г. во всех проверенных школах этих округов не обучалось ни одной девочки ²⁸. Примерно так же обстояло с охватом девочек обучением в горных районах Чечено-Ингушетии, Кабардино-Балкарии, Карачая и Черкесии. Здесь сказывались пережитки прошлого, тормозившие осуществление фактического равноправия женщины с мужчиной на основе законов Советского государства. Как известно, до революции девочки-горянки почти не обучались в школах. Бесправное положение женщины сказывалось и на том, что девочкам-горянкам запрещали учиться вместе с мальчиками. Такое отношение к женскому образованию сохранялось в сознании большинства горцев и в первые годы Советской власти.

Чтобы на деле осуществить равноправие женщины-горянки в области образования, покончить с её безграмотностью, необходимо было найти такие формы вовлечения горянки в учебу, которые бы наиболее соответствовали местным условиям, учитывали исторические традиции, бытовые особенности горцев и в то же время полностью исходили из принципиальных установок партии в области школы и просвещения.

Одной из форм втягивания горянок в учебу явилось открытие в горных районах в первые годы Советской власти, наряду с общими, специальных женских школ и ликпунктов. Эта временная мера дала возможность увеличить охват девочек-горянок обучением и способствовала подготовке условий для дальнейшего развертывания сети школ с совместным обучением детей обоего пола. Уже к началу первой пятилетки число девочек в школах автономных областей Северного Кавказа и ДАССР превысило 30 процентов ²⁹.

Важнейшей проблемой в области народного образования была проблема кадров. До революции в школах национальных

²⁷ Состояние национального просвещения на Северном Кавказе. Ростов-на-Дону, 1932, стр. 3.

²⁸ ЦГА ДАССР, ф. 37р, оп. 21, д. 169, л. 57.

²⁹ Состояние национального просвещения на Северном Кавказе, стр. 4.

районов Северного Кавказа было крайне мало квалифицированных учителей, причем лишь ничтожное число учителей принадлежало к местным национальностям. Для создания собственной «армии социалистического просвещения» (В. И. Ленин) Советской власти требовалось известное время, а пока приходилось привлекать к работе в советской школе бывших учителей религиозных мектебов и медресе, т. е. учителей, не имевших общеобразовательной и специальной педагогической подготовки. Преобладающее большинство квалифицированных работников народного образования в национальных районах Северного Кавказа в начальный период советского школьного строительства составляли немногочисленные русские учителя.

Таким образом, развитие и укрепление советской системы школьного образования в национальных районах Северного Кавказа в решающей степени зависели от подготовки национальных педагогических кадров.

Уже в первые годы Советской власти здесь были созданы педагогические курсы и техникумы, которыми было охвачено сотни представителей местных национальностей. К 1930 г. только в педагогических техникумах Дагестана и национальных областей Северного Кавказа обучалось 2657 человек. Большое число молодых горцев Северного Кавказа обучалось в средних педагогических учебных заведениях других районов края и страны.

Однако все это не могло удовлетворить потребности школьного строительства. Основной формой подготовки педагогических кадров долгое время оставалась курсовая система. Поэтому даже к началу 30-х годов около 60% учителей национальных школ Северного Кавказа не имело законченного специального образования.

Введение всеобщего обязательного начального обучения (1930 г.) выдвинуло задачу резкого ускорения темпов подготовки учительских кадров. Чтобы получить представление, насколько острой становилась проблема кадров в период введения всеобщего, достаточно указать, что в Дагестане уже в 1930—1931 учебном году количество учащихся в начальных школах должно было увеличиться по сравнению с предыдущим годом на 40 тыс. человек, или на 80%. В Кабардино-Балкарии число школ I-й ступени увеличилось в 1930—1931 учебном году по сравнению с 1928—1929 учебным годом на 37 единиц, в Ингушетии и в Чечне — на 68. Резко возросла в эти годы сеть школ всеобщего обучения также в Северо-Осетинской, Кара-чаевской и Черкесской автономных областях.

В целях обеспечения быстро растущей сети школ учительскими кадрами в начале 30-х годов в национальных областях Северного Кавказа и в Дагестане открываются новые педаго-

гические учебные заведения, а в функционирующих учебных заведениях значительно возрастают контингенты учащихся. В Дагестане в 1930—1931 годах было открыто 8 педагогических комбинатов, которые в течение нескольких лет подготовили сотни учителей коренных национальностей. 7 педагогических техникумов с контингентом 2710 учащихся функционировало в 1931 году в национальных областях Северного Кавказа. Такое расширение сети привело не только к значительному увеличению численности педагогических кадров, но и улучшению их качественного состава. Изменился также национальный и социальный состав кадров народного просвещения. Если в 1927—1928 учебном году из 1674 учителей, работавших в школах национальных областей Северокавказского края³⁰, только 595 учителей или 35,5% являлись представителями местных национальностей, то в 1932 г. число таких учителей составило 3384 человек при общей численности учителей школ национальных областей 4721 человек (более 71%). Свыше 63% общего количества учителей являлись выходцами из рабочих и бедняцко-середняцких слоёв крестьянства, а около 50% состояли в рядах Коммунистической партии и комсомола.

Успехи в подготовке педагогических кадров оказывали непосредственное влияние на работу школы и прежде всего на её учебно-воспитательную работу. Однако значение подготовки новых кадров учителей выходило далеко за рамки учебно-воспитательного процесса в школе. Учителя, прошедшие подготовку в педагогических учебных заведениях в советское время, воспитанные партией и комсомолом, активно пропагандировали социалистическую культуру, боролись с пережитками прошлого в сознании и быту населения; молодая национальная интеллигенция помогала партии в социалистическом преобразовании сельского хозяйства, укреплении колхозного строя.

С введением всеобщего начального обучения выдвигалась проблема развития семилетнего и среднего образования. До начала 30-х годов число учащихся школ II ступени в национальных областях Северного Кавказа и в Дагестане было незначительно. В 1930 году, например, оно едва достигало 7,6% общего числа детей, обучающихся в общеобразовательных школах³¹. Особенно мало детей обучалось в старших классах школ Ингушетии (70 человек в 1929—1930 учебном году), Карачая (220 человек), Черкесии (150 человек). Естественно, имеющаяся сеть школ повышенного типа не могла

³⁰ Дагестанская АССР вошла в состав Северо-Кавказского края в октябре 1931 г.

³¹ «Народное хозяйство Северного Кавказа», стр. 398 и 511.

охватить обучением всех детей, окончивших школы первой ступени. С другой стороны, она далеко не удовлетворяла потребностей национальных областей, которые в связи с высокими темпами развития народного хозяйства все острее ощущали нужду в кадрах.

Важное значение для развития семилетнего и среднего образования имело открытие в автономных областях Северокавказского края и в Дагестане педагогических и учительских институтов. К концу первого пятилетия педагогические институты были открыты в Дагестанской АССР, Кабардино-Балкарской, Северо-Осетинской и Чечено-Ингушской автономных областях. Кроме того, около 500 студентов различных национальностей Северного Кавказа и Дагестана обучалось в Горском педагогическом институте (г. Орджоникидзе).

Открытие высших педагогических учебных заведений, подготовленное огромными успехами в социалистическом преобразовании края, явилось крупным событием в культурной жизни народов Северного Кавказа. Впервые дети трудящихся горцев получили возможность учиться в высших учебных заведениях, не выезжая за пределы Северного Кавказа. Это в огромной степени способствовало усилению тяги горской молодежи в высшую школу. Создание педагогических вузов открывало возможность для значительно лучшего укомплектования школ высококвалифицированными кадрами, для повышения качества работы средних учебных заведений и расширения их сети. Но значение высших педагогических учебных заведений не ограничивалось этим. Выпуск высококвалифицированных учителей коренных национальностей означал пополнение рядов народной интеллигенции, особенно сельской, кадрами работников, способных успешно повышать культурный уровень масс, вооружать их марксистско-ленинской идеологией.

В годы второй и третьей пятилеток (1933—1941) на базе гигантских успехов социалистического строительства в республиках и областях Северного Кавказа укреплялась материальная база специальных школ, средних и высших учебных заведений, а также культурно-просветительных учреждений. Накануне Великой Отечественной войны расходы на социально-культурные мероприятия в национальных республиках и областях Северного Кавказа превышали 60% всех бюджетных ассигнований этих республик и областей. Огромные материальные средства, которые вкладывало Советское государство в дело просвещения трудящихся, активное участие самих масс в строительстве школ, наряду с подготовкой кадров народного образования и другими мероприятиями, позволили в короткий срок ввести всеобщее обязательное обучение и перейти к повсеместному осуществлению семилетнего всеобуча.

Автономные республики и области	по всем типам школ		
	школ	учит.	уч-ся
Дагестанская АССР	1209	5412	166223
Кабардино-Балкарская АССР	244	2517	70266
Северо-Осетинская АССР	184	2534	70720
Чечено-Ингушская АССР	352	4299	123139
Адыгейская ав. об.	229	1671	48783
Карачаевская —»—	102	963	28357
Черкесская —»—	94	665	19531

в том числе школы								Уч-ся в классах подрост- ков при школах
начальн.		семилетн.		средние		прочие		
школ	уч-ся	школ	уч-ся	школ	уч-ся	школ	уч-ся	
948	67972	227	68278	33	22147	1	64	7762
102	15405	98	26069	43	28258	1	34	—
68	10145	66	20763	47	39174	3	616	22
147	30679	170	64287	32	26878	3	196	1099
166	19502	41	16230	21	12901	1	136	14
44	6611	48	15346	10	6400	—	—	—
59	6572	26	7667	9	5292	—	—	—

Сеть общеобразовательных школ в автономных республиках и областях Северного Кавказа на 15 сентября 1938 г. характеризует прилагаемая таблица, составленная по материалам статистического сборника «Культурное строительство СССР». Госпланиздат, М.—Л., 1940, стр. 55—56.

Данные таблицы свидетельствуют об огромных качественных изменениях, происшедших в школьном образовании в автономных республиках и областях Северного Кавказа к началу 1938—1939 учебного года. К этому времени во всех республиках и областях (за исключением Адыгейской автономной области) в семилетних школах обучалось детей больше, чем в начальных. Резко увеличился также контингент учащихся в средних школах. К рассматриваемому учебному году он достиг около 27% общего числа учащихся и возрос по сравнению с 1931—1932 учебным годом почти в 7 раз³².

Большие изменения произошли в составе учителей школ автономных республик и областей Северного Кавказа. Общее число учителей превысило к началу 1938—1939 учебного года 18 тысяч человек и увеличилось по сравнению с 1932 годом более чем в два раза. Не менее важное значение имели качественные изменения, которые произошли в составе педагогических кадров. В своей основной массе это были новые работники, вышедшие из гущи народа, прошедшие подготовку в советских педагогических учебных заведениях, воспитанные Коммунистической партией, комсомолом, преданные делу строительства социализма и коммунизма.

Советская система школьного образования основывалась на марксистско-ленинских принципах равноправия всех наций и народностей страны. Многочисленные народы национальных окраин, лишенные при царизме школы и образования на родном языке, обрели в условиях Советской власти неограниченные возможности для развития своей национальной культуры.

Республики Северного Кавказа по праву считаются многонациональными. В Северо-Осетинской, Кабардино-Балкарской, Чечено-Ингушской автономных республиках, наряду с двумя основными национальностями, проживает значительное число представителей других национальностей. В Дагестанской же АССР насчитывается 32 национальности и этнические группы. Как отмечалось выше, многонациональный состав населения северокавказских республик обуславливал специфические трудности в организации народного образования, сказывался на темпах его развития, особенно в первые годы социалистического строительства.

Труднейшую проблему представляло создание учебников на родных языках. Для национальных республик Северного

³² «Культурное строительство СССР», М.—Л., 1940, стр. 55—56, «Состояние национального просвещения на Северном Кавказе», стр. 6.

Кавказа это было делом новым. До революции родные языки народов Северного Кавказа в школах не преподавались, а многие из них даже не имели своей письменности.

В отдельных республиках, в частности в ДАССР, из-за ошибок в национальном языковом строительстве, выразившихся в попытках искусственного насаждения единого государственного языка (тюркского) и недооценке роли родных языков, процесс создания новой письменности, а следовательно и национальных учебников затянулся. Это обстоятельство отрицательно сказалось на развитии родных языков и национальной школы, а также на темпах ликвидации неграмотности взрослого населения Дагестана, где грамотность населения с 1897 по 1926 год повысилась всего на 3 процента, тогда как в национальных областях Северного Кавказа за это же время она возросла почти в 2 раза (с 7,7 до 14,4¹⁰%).

Коммунистическая партия и Советское правительство помогли автономным областям Северного Кавказа и Дагестану преодолеть трудности в составлении и издании учебников на родных языках. В 20-х годах в автономных областях Северокавказского края и в Дагестане были созданы национальные издательства и введена новая письменность на латинской графической основе. В центральных городах страны готовились кадры издательских работников из местных народностей; для оказания практической помощи в научном исследовании языков северокавказских народностей, разработке вопросов терминологии и составлении учебников центральные академические учреждения направляли научные экспедиции.

Ускорению процесса создания и издания национальных учебников в огромной степени способствовали также сотрудничество и братская взаимопомощь в этом деле самих республик и областей Северного Кавказа. Обмен опытом, обсуждения методических и методологических вопросов, наряду с большой взаимной материальной поддержкой издательского дела, помогали не только увеличивать тиражи учебной литературы, но и улучшать её качество.

К 1928 г. во всех автономных областях Северокавказского края и в Дагестане была завершена работа по переводу письменности с арабской транскрипции на латинизированный алфавит. Для некоторых народностей (например, для табасаранцев в Дагестане), письменность создавалась впервые в их истории.

Введение латинизированного алфавита имело большое значение для развития народного образования и ускорения темпов культурного строительства. Новый алфавит наносил удар по влиянию духовенства на массы населения и значительно облегчал усвоение ими грамоты на родных языках, способствовал более быстрому приобщению трудящихся горцев к пере-

довой социалистической культуре. Отмечая важную роль нового алфавита в культурном развитии в прошлом отсталых народов Востока, В. И. Ленин в начале 20-х годов говорил Самеду-Агамалы-Оглы: «Латинский алфавит — первый шаг, которым вы начинаете культурную революцию». За короткое время новый алфавит получил большое распространение. Только в одном Дагестане в 1928 г. на новом алфавите было издано полмиллиона экземпляров различной литературы, а в 1933 г. тираж литературы, изданной на кабардинском, чеченском, осетинском, адыгейском и других языках национальностей Северного Кавказа (без Дагестана) значительно превышал 1 млн. экземпляров. На новый алфавит были переведены учебники, книги для взрослых, газеты, журналы и другие издания.

Другими словами, Советская власть не только провозгласила право каждого народа обучать детей на родном языке, но и, создавая необходимую базу, с первых же лет социалистического строительства обеспечивала осуществление этого права.

Большой вклад в развитие народного образования в национальных районах Северного Кавказа, в частности в совершенствование форм и методов школьного обучения, вносили русские учителя. Русские учителя, направляемые на работу в автономные республики и области, имели, как правило, высокую общеобразовательную подготовку, оказывали местным педагогическим кадрам помощь в повышении их квалификации. Благодаря русским учителям горские дети овладевали русским языком, который был им необходим для продолжения образования в специальных средних и высших учебных заведениях.

В процессе близкого общения и совместного труда русского учителя с горским населением укреплялась дружба между ними, развивались поистине братские взаимоотношения. Благородная деятельность русского учителя оказывала огромное влияние на духовное развитие горцев, служила серьезным подспорьем в борьбе за преодоление пережитков прошлого.

* * *

Таким образом, в годы довоенного социалистического строительства, в автономных республиках и областях Северного Кавказа утвердилась советская система народного образования. Народы, лишенные при царизме возможности овладеть грамотой, за короткий срок осуществили всеобщее обучение детей, создали густую сеть школ для взрослых, приобщились к современной культуре. Советская школа строилась и развивалась как единая и общедоступная на всех

ступенях обучения. Бесплатное обучение в школах всех ступеней, отмена всех ограничений в области образования (национальных, расовых, сословных и др.), создание широкой сети дневных, вечерних и заочных школ обеспечили всем национальностям страны условия для получения образования. В процессе строительства социализма в СССР был осуществлен важнейший принцип советской системы народного образования — всеобщность и обязательность. Даже в ранее отсталых национальных районах к концу первого — началу второго пятилетия было введено всеобщее начальное обучение, а в третьем пятилетии было начато повсеместное осуществление всеобщего семилетнего обучения. Сплошной охват обучением детей школьного возраста, ликвидация неграмотности среди взрослого населения — таковы важнейшие достижения советской системы народного образования в автономных республиках и областях Северного Кавказа в годы довоенного социалистического строительства.

Большое внимание в национальных школах Северного Кавказа уделялось изучению русского языка, ставшего за годы Советской власти вторым родным языком горцев, языком межнационального общения. Согласно программам, действовавшим в предвоенные годы, изучение русского языка в национальных школах начиналось со второго года обучения и продолжалось до завершения курса средней школы.

Трудящиеся автономных республик и областей Северного Кавказа на собственном опыте все больше и больше убеждались в том, что без овладения русским языком национальная молодежь не может успешно продолжать образование в средних и высших учебных заведениях; через посредство русского языка в прошлом отсталые нерусские народы Северного Кавказа приобщались к сокровищнице русской и мировой культуры, то есть все возрастающая тяга горцев к изучению русского языка вызывалась потребностями жизни, практическими задачами социалистического строительства.

В соответствии с пожеланиями нерусского населения автономных республик и областей Северного Кавказа, с 1938—1939 учебного года преподавание в 5—10 классах национальных школ было переведено на русский язык, а родной язык сохранился в программах как учебный предмет. Было усилено внимание к преподаванию русского языка (как предмета) в начальной школе, изучение его стало обязательным. Улучшение преподавания русского языка в начальных классах и перевод обучения в 5—10 классах на русский язык ликвидировали тот серьёзный пробел в знаниях выпускников национальных школ Северного Кавказа, который мешал им продолжать образование в специальных средних и высших учебных заве-

лениях, стать полноценными специалистами народного хозяйства.

* * *

Одной из важнейших проблем культурной революции является создание народной интеллигенции. Странительство социалистического народного хозяйства, опирающееся на полное и всестороннее использование достижений науки и техники, быстрое развитие социалистической культуры требуют подготовки многочисленных кадров специалистов. В работе «Очередные задачи Советской власти» (1918 г.) В. И. Ленин указывал: «Без руководства специалистов различных отраслей знания, техники, опыта, переход к социализму невозможен, ибо социализм требует сознательного и массового движения вперед к высшей производительности труда по сравнению с капитализмом и на базе достигнутого капитализмом»³³.

Завоевание политической власти, установление диктатуры пролетариата создали необходимые условия для подготовки из числа рабочих и крестьян кадров, способных управлять производством в интересах трудящихся, в интересах социалистического общества. Но и после Великого Октября для подготовки новой интеллигенции из рабочих и крестьян, классов, которые при свергнутом строе не имели широкого доступа к образованию, требовалось определенное время. Поэтому встал вопрос использования старой, буржуазной интеллигенции. Необходимость использования старой интеллигенции в строительстве социалистического народного хозяйства, её перевоспитания впервые была выдвинута и обоснована В. И. Лениным. В. И. Ленин говорил: «Мы не можем строить власть, если такое наследие капиталистической культуры, как интеллигенция не будет использовано»³⁴. Заставить буржуазных специалистов служить Советской власти, указывал В. И. Ленин, трудно, но можно и «если мы это сделаем, мы победим»³⁵.

До Великой Октябрьской социалистической революции подавляющее большинство людей умственного труда, работавших в школах, немногочисленных учреждениях здравоохранения, на промышленных предприятиях Дагестана, Чечено-Ингушетии, Кабардино-Балкарии, Северной Осетии и других национальных районов Северного Кавказа, составляли приезжие специалисты. Кадров местной интеллигенции было крайне мало. Много их и не могло быть, так как на территории национальных районов Северного Кавказа почти не существовало специальных учебных заведений. В функционировавших во Владикавказе учительском институте и Терской

³³ В. И. Ленин, т. 36, стр. 178.

³⁴ В. И. Ленин, т. 37, стр. 223.

³⁵ В. И. Ленин, т. 38, стр. 55.

учительской (войсковой) семинарии обучались лишь отдельные выходцы из местной привилегированной верхушки.

Накануне революции в светских школах национальных районов Северного Кавказа работало небольшое число учителей из местных народностей, причем лишь немногие из этих учителей имели специальное образование. Еще меньше было специалистов здравоохранения — врачей и средних медицинских работников, не говоря уже об инженерах, агрономах и т. д.

Использование и перевоспитание кадров старой интеллигенции было сопряжено с большими трудностями. Большинство её представителей было пропитано буржуазно-националистическим духом, вредило Советской власти, саботировало все её мероприятия. Это, разумеется, усиливало недоверие рабочих и трудящихся крестьян к старым специалистам. Даже наименее обеспеченные при царизме и буржуазном Временном правительстве слои интеллигенции (учителя, средние медицинские работники), не понимая смысла происходящих в стране событий, в начале революции колебались, занимали выжидательную позицию. Однако вскоре подавляющее большинство этих специалистов пошло на советскую службу и в последующие годы вместе с трудовым народом участвовало в строительстве социализма.

Тем не менее задачи социалистического строительства не могли быть решены без подготовки новых кадров интеллигенции, вышедших из среды рабочего класса и трудового крестьянства. В связи с этим Коммунистическая партия с первых же дней завоевания пролетариатом политической власти, наряду с использованием и перевоспитанием старой интеллигенции, взялась за выращивание новых кадров специалистов из рабочих и трудящихся крестьян.

В национальных районах Северного Кавказа эта работа наталкивалась на особые трудности. Здесь не существовало специальных средних и высших учебных заведений, на базе которых можно было бы создать новые центры подготовки кадров. В первые годы Советской власти почти отсутствовали и подготовленные люди из трудящихся для посылки в учебные заведения за пределы Северного Кавказа. Не хватало даже просто грамотных людей, так как немногочисленные дореволюционные школы охватывали лишь примерно от 3 до 7 проц. детей школьного возраста. При этом обучались в светских школах в основном выходцы из эксплуататорских классов.

Несмотря на все трудности, с первых лет существования Советской власти в высшие и средние специальные учебные заведения Москвы, Ростова, Баку и других городов посылались десятки юношей и девушек коренных национальностей

Северного Кавказа. Так, в 1920—1924 гг. в различные учебные заведения страны из Дагестана было командировано 245 человек, в том числе более 160 представителей местных национальностей³⁶. В 1926—1927 учебном году из Чеченской области в вузах, техникумах и рабфаках обучалось 82 человека, а в 1927—1928 году уже 192³⁷. Черкесская автономная область командировала в 1930 г. только в вузы и втузы страны 121 чел., из них 48 черкесов. В последующие годы число юношей и девушек, командируемых в учебные заведения за пределы автономных республик и областей Северного Кавказа, значительно увеличилось. Например, в 1932—1933 учебном году дагестанские студенты обучались в 91 учебном заведении Москвы; всего в московских учебных заведениях обучалось 300 представителей Дагестана, в том числе в вузах 185. В 1935 г. в вузах и техникумах РСФСР обучалось 1559 осетин.

Уже в первой половине 20-х годов первые специальные средние учебные заведения были открыты в Дагестанской АССР, Северной Осетии, Кабардино-Балкарии и других национальных областях Северокавказского края. В 1930 году в 25 техникумах и других средних специальных учебных заведениях национальных районов Северного Кавказа (без Дагестана) обучалось около 2750 человек. К концу первого пятилетия (когда Дагестанская АССР вошла в состав Северокавказского края) число учащихся специальных учебных заведений достигло здесь 7860 человек, или увеличилось по сравнению с 1930 годом более, чем в 2,8 раза.

Однако средние специальные учебные заведения, даже при значительном росте их сети и увеличении контингента учащихся, не могли удовлетворить потребности национальных районов Северного Кавказа в кадрах. Неуклонный подъем народного хозяйства, широкий размах культурного строительства требовали создания здесь вузов. Это тем более было необходимо, поскольку удельный вес приема горских юношей и девушек в высшие учебные заведения Северного Кавказа даже в 1930 году оставался крайне незначительным — всего 4,1%³⁸.

Первым специальным высшим учебным заведением, открытым на территории национальных районов Северного Кавказа, был Владикавказский политехнический институт (1918 г.), переименованный впоследствии в Горский сельскохозяйственный институт. В декрете Совнаркома Терской республики об организации института говорилось: «Богатства природы

³⁶ ЦГА ДАССР, ф. 37-р, оп. 20, д. 54, лл. 54—55.

³⁷ «Революция и горец», 1929, № 9, стр. 67.

³⁸ «Революция и горец», 1931, № 4, стр. 22.

Терского края, обилие и разнообразие всех видов горных пород и недр земли диктуют необходимость в создании такого высшего учебного заведения, в котором граждане, не отрываясь от родной почвы, смогут удовлетворять потребности в научном знакомстве с неисчерпаемыми богатствами края и умениями пользоваться. Высшее учебное заведение должно быть доступным для всех трудовых народов, жаждущих знаний»³⁹. Правда, в первые годы в институте обучалось мало горцев. В 1928 г. все 31 агрономов-выпускников института были направлены на работу в национальные районы Северного Кавказа: в Северную Осетию — 10 чел., в Дагестан — 9 чел., в Кабарду — 3 чел., в Чечню — 6 чел., Ингушетию — 2 чел. и в Калмыцкую область — 1 чел.

Вслед за политехническим институтом правительство Горской республики открыло в 1920 г. Горский институт народного образования, положивший начало высшему педагогическому образованию на Северном Кавказе.

Низкий уровень грамотности населения национальных областей Северокавказского края и Дагестана серьезно затруднял поступление национальной молодежи в специальные учебные заведения. Поэтому при техникумах и вузах были созданы подготовительные курсы и отделения. Для представителей горской молодежи приходилось делать отступления от общих правил приёма. В частности, для горских юношей и девушек допускались известные отклонения от установленных возрастных норм, кроме того девушкам-горянкам представлялись дополнительные льготы и т. д.

Следует отметить еще одну особенность, характерную для подготовки специалистов в учебных заведениях Северного Кавказа. Обучение в этих учебных заведениях проходило (наряду с изучением родных языков) на русском языке.

В 30-х годах в автономных республиках и областях работали педагогические, сельскохозяйственные и медицинские вузы. На 1 января 1939 г. в четырех автономных республиках (Дагестанской, Кабардино-Балкарской, Северо-Осетинской и Чечено-Ингушской) имелось 15 высших учебных заведений, в том числе одно — здравоохранения, 2 технических, 2 сельскохозяйственных, 10 педагогических и учительских институтов. Во всех этих учебных заведениях обучалось 6795 студентов⁴⁰.

Огромную роль в ускоренной подготовке горской молодежи к обучению в вузах играли рабфаки, где были созданы подготовительные группы. Благодаря наличию этих групп горские

³⁹ Газ. «Народная власть», 15 октября 1918 г.

⁴⁰ «Культурное строительство СССР», стр. 121.

юноши и девушки получили возможность поступать на рабфаки вскоре после окончания школы грамоты.

Национальные рабфаки и горские отделения русских рабфаков на Северном Кавказе, в отличие от рабфаков промышленных городов центра, были по своему составу, особенно в начальный период их существования, преимущественно крестьянскими. Объяснялось это тем обстоятельством, что около 90% населения Дагестана и автономных областей Северного Кавказа тогда проживало в сельской местности.

Уже к началу 1930 г. только на горских отделениях рабфаков Северокавказского края обучалось 704 представителя нерусских национальностей края, а вместе с горцами Дагестана — более одной тысячи человек ⁴¹.

Из автономных областей Северокавказского края наибольшее число юношей и девушек посылала на рабфаки Северо-Осетинская область (около 50% в 1930 г.), затем ингуши, чеченцы, кабардинцы, карачаевцы, адыгейцы. В 1930 г. на рабфаках Дагестана обучалось 535 юношей и девушек. Кроме того, несколько десятков дагестанцев училось на рабфаках за пределами республики.

В период, когда сеть школ повышенного типа была слабо развита, рабфаки служили важной базой подготовки кадров из числа рабоче-крестьянской молодежи. Рабфаки снискали признание как важное звено советской школьной системы, как наиболее доступная и целесообразная форма вовлечения юношей и девушек из трудовых слоёв северокавказских национальностей в высшую школу.

Открывая в национальных районах высшие и средние специальные учебные заведения, Советское государство одновременно создавало необходимые условия, которые в короткий срок должны были коренным образом изменить социальный облик интеллигенции. Создание в национальных районах центров для подготовки специалистов из среды местных рабочих и трудящихся крестьян явилось одним из ярких примеров заботы Коммунистической партии и Советского правительства об экономическом и культурном развитии в прошлом отсталых окраин, приобщении их народов к строительству социализма.

К 1940 г. вузы одного только Дагестана выпустили более 1200 учителей, врачей и специалистов сельского хозяйства. Сотни специалистов выпускали в последние предвоенные годы также высшие учебные заведения Чечено-Ингушской, Северо-Осетинской и Кабардино-Балкарской АССР. Так, только с 1936 по 1941 г. педагогический и учительский институты Кабардино-Балкарии подготовили около 500 учителей. Тысячи представителей национальностей Северного Кавказа проходили

⁴¹ Журн. «Революция и горец», 1930, № 6, стр. 74.

подготовку в высших и средних специальных учебных заведениях городов РСФСР, Украины, Азербайджана и других республик, где абитуриенты из автономных республик и областей Северного Кавказа принимались на учебу на льготных условиях. Помимо этого на Северный Кавказ по путевкам различных наркоматов и ведомств направлялось большое количество специалистов из различных республик, краев и областей страны. Подавляющее большинство этих специалистов составляли русские, которые, трудясь рука об руку с местными кадрами и представителями других братских народов Советского Союза, боролись за подъем социалистической экономики и культуры автономных республик и областей Северного Кавказа. В одном только 1940 г. в школы Дагестана было направлено свыше 320 учителей для начальных классов и больше 500 преподавателей семилетней и средней школы.

В итоге огромной организаторской и культурно-воспитательной работы Коммунистической партии и Советского государства в годы предвоенных пятилеток в автономных республиках и областях Северного Кавказа в основном была решена проблема создания кадров для народного хозяйства. Накануне войны в промышленности Дагестанской АССР работало 886 инженерно-технических работников, в том числе инженеров с высшим образованием 256, или в 25 с лишним раз больше, чем до Великой Октябрьской социалистической революции. Сотни специалистов сельского хозяйства средней и высшей квалификации трудились в колхозах и совхозах, тысячи учителей и медицинских работников — в школах и учреждениях здравоохранения. Одних только врачей в 1940 г. насчитывалось в ДАССР 508 (без зубных врачей), что в 13 раз больше, чем в 1913 г. и в 4 раза больше, чем к началу первого пятилетия.

Около 300 агрономов, ветврачей и зоотехников насчитывала в 1939 г. Кабардино-Балкарская АССР. В конце второго пятилетия в промышленности и строительстве Кабардино-Балкарии было занято около 800 инженерно-технических работников. Накануне войны в этой республике работали 189 врачей и 840 человек среднего и младшего медицинского персонала ⁴².

Это была новая, советская интеллигенция, вышедшая из народа, кровно с ним связанная и верно ему служащая. Создание её знаменовало собой один из важных этапов в укреплении советской государственности, в развитии народного хозяйства и культуры автономных республик и областей Северного Кавказа.

⁴² «История Кабарды». М., 1957, стр. 295.

За 60 лет своего колониального господства царизм не создал на Северном Кавказе ни одного высшего специального учебного заведения. Лишь отдельным представителям молодежи местных национальностей, и то главным образом выходцам из эксплуататорских слоёв, удавалось поступить в вуз или специальное среднее учебное заведение. Беднота в своей массе была лишена возможности получить даже начальное образование.

Советская же власть к 20-летию своего существования открыла в национальных республиках и областях Северного Кавказа тысячи школ для детей и взрослых, более 70 специальных средних и около 20 высших учебных заведений и поставила дело подготовки национальных кадров на надежную основу. Это было выдающимся достижением Коммунистической партии и Советского государства на одном из важных участков социалистического культурного строительства в национальных районах.

* * *

Появление научно-исследовательских учреждений в автономных республиках и областях Северного Кавказа стало возможным только после победы Советской власти. Царизм не был заинтересован в развитии научной мысли у покоренных народов, в изучении и использовании природных богатств страны в интересах трудящихся, в быстром развитии производительных сил на окраинах империи. Им отводилась роль сырьевых придатков метрополии.

Планомерному научному изучению Северного Кавказа было положено начало уже в первые годы Советской власти. При этом настойчиво решалась задача максимального использования природных богатств для подъёма материального благосостояния народа, в интересах строительства социализма. Большое значение придавалось также изучению богатого исторического прошлого северокавказских народов, исследованию их древней самобытной материальной и духовной культуры. Правда, в первые годы Советской власти автономные республики и области Северного Кавказа не имели возможности исследовать свои природные богатства, изучать историю, этнографию, языки собственными силами — местных кадров научных работников в те годы еще не было. Однако характер и задачи научных экспедиций, направляемых из центра, коренным образом меняются. Они организуются уже планомерно, главным образом по инициативе местных органов, и преследуют задачу использования достигнутых результатов в хозяйственном и культурном строительстве Северного

Кавказа. Да и число экспедиций несравненно увеличилось, масштабы экспедиционных исследований резко расширились.

Только за 7 лет, с 1921 по 1927 год, Дагестан посетило 156 экспедиций. Они вели исследовательскую работу в самых различных областях, имевших жизненно важное значение для развития его экономики и культуры: исследование почвенного покрова, флоры и фауны, изучение вопросов рационального размещения и развития садоводства, повышения урожайности сельскохозяйственных культур и продуктивности животноводства, геологическое исследование республики, а также изучение исторического прошлого и языков народов Дагестана.

В 20-х годах много научных экспедиций побывало и в автономных областях Северокавказского края. Так, в Кабардино-Балкарии с помощью русских специалистов, присланных из Москвы и Ростова-на-Дону, в 1921—1923 гг. было произведено первое экономическое обследование Кабарды, а в 1924 г. проведена большая изыскательская работа по обследованию рудных и нерудных ископаемых области⁴³.

В конце 1925 г. было организовано Московское научное общество горцев Северного Кавказа, поставившее своей задачей изучение исторического развития общественных форм у горцев, истории их экономического быта, аграрных отношений, вовлечения горцев в сферу капитализма, изучение национально-освободительного и революционного движения, современной экономики (в особенности горского аула) и советского строительства в горских областях Северокавказского края⁴⁴. Результатом работы этого общества явилось издание «Трудов по естественно-историческому и экономическому обследованию Кабарды» в трех томах.

Большое внимание уделялось исследованию языков северокавказских народностей. Результатом лингвистических экспедиций ученых центральных институтов явилось создание уже в 20-х годах грамматик ряда языков. Большой вклад в это благородное дело внесли И. Мещанинов, Н. Яковлев, Р. Шор, Л. Жирков, А. Генко, С. Быховская, Н. Дмитриев и др.

В 30-х годах научное изучение Северного Кавказа приобретает еще более широкие масштабы. Организуется ряд крупных комплексных экспедиций научных учреждений Академии наук. Одна из первых таких экспедиций была проведена по инициативе академиков Н. И. Вавилова, А. Ф. Иоффе, члена-корреспондента П. И. Франка и Н. С. Добронравова в 1934—1935 гг. В работе экспедиции принимали участие 50 сотрудников пяти научных учреждений: Физического института, Академии наук, Всесоюзного института экспериментальной

⁴³ Х. М. Бербекоев. Переход к социализму народов Кабардино-Балкарии. Пальчик, 1964, стр. 400.

⁴⁴ Там же.

медицины, Государственного оптического института и Ленинградского физико-астрономического института.

В 1935 г. в Дагестанской АССР и Карачаевской автономной области работал генетический отряд комплексной экспедиции Академии наук СССР и Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина, обследовавший состояние животноводства. В отличие от предыдущих экспедиций, ограничивавших свою задачу изучением животных только в момент их описания, в программу исследований генетического отряда входил анализ данных, накопленных за многие годы. Генетический отряд собрал богатый материал о технике разведения и содержания скота, о воспитании молодняка и методах племенной работы в условиях местного интенсивного животноводства.

В экспедициях на Северный Кавказ, проводившихся в предвоенные годы центральными академическими научными учреждениями, принимали участие такие видные советские ученые, как академики Н. И. Вавилов, Е. Ф. Лискун, профессора П. В. Погорельский, П. И. Лебедев, Д. В. Брод, А. П. Шенников, Р. А. Еленский и многие другие.

Летом 1940 г. в автономных республиках и областях Северного Кавказа начала работать комплексная экспедиция Академии наук СССР под руководством академика Н. И. Вавилова. Это была самая крупная экспедиция за всю историю научного изучения Северного Кавказа. Деятельность экспедиции, охватывавшей растениеводство, почвоведение, животноводство, геологию, геоботанику и другие отрасли, была рассчитана на три года, однако Великая Отечественная война прервала её работу.

7—10 октября 1940 г. на выездной научной сессии, состоявшейся в Нальчике, экспедиция сообщила предварительные итоги своей работы. На основе собранных экспедицией материалов академик Н. И. Вавилов выдвинул на сессии предложение о признании ряда плодородных районов Дагестана зонами общесоюзного значения. Руководитель экономического отряда экспедиции профессор П. В. Погорельский обосновал идею о переселении части населения горных районов Дагестана на плоскость, где имелось много неиспользуемых плодородных земель, тогда как в горах их явно не хватало. Сессия дала также рекомендации по упорядочению и лучшему использованию пастбищ, проведению травосеяния, улучшению племенного дела и ухода за скотом.

Еще в 20-х годах молодая рабоче-крестьянская власть уделяла большое внимание охране памятников самобытной материальной культуры северокавказских народов. В первые месяцы существования Советской власти в Дагестане, Кабардино-Балкарии, Северной Осетии, Чечне, Ингушетии и других национальных районах Северного Кавказа были созданы спе-

циальные учреждения, на которые возлагалась охрана памятников искусства и старины. В последующие годы советские органы автономных республик и областей издали постановления об охране исторических и культурных памятников. В самом начале 20-х годов в Махачкале, Грозном, Владикавказе и других городах Северного Кавказа были организованы музеи, которые начали собирать и популяризировать наиболее выдающиеся произведения искусства, памятники материальной культуры.

В 1924 г. в Махачкале открывается первое научно-исследовательское учреждение — Дагестанский научно-исследовательский институт, преобразованный в 1928 г. в Институт дагестанской культуры. На институт возлагалась задача объединения под своим руководством всех научно-исследовательских работ, проводимых в республике. Помимо непосредственной организации научных исследований институт должен был популяризировать научные знания среди широких масс населения.

В 1926 г. научно-исследовательский институт был открыт и в Нальчике. Институт имел секторы: естественно-научный, историко-этнографический, социально-экономический, библиографический и сектор по популяризации знаний и помощи школе. К тем же 20-м годам относится начало деятельности Северо-Осетинского, Чечено-Ингушского, Адыгейского научно-исследовательских институтов. К концу первого пятилетия в национальных областях Северокавказского края и в Дагестане работало 9 научно-исследовательских институтов и десятки отраслевых станций, охватывавших исследованием различные вопросы развития промышленности и сельского хозяйства, историю, языки, литературу, проблемы народного здравоохранения. К 1 января 1935 г. в научно-исследовательских институтах, зональных и отраслевых станциях Северокавказского края работали 315 научных сотрудников.

Создание высших учебных заведений на Северном Кавказе, а также обучение горской молодежи в учебных заведениях центральных городов позволяли укомплектовать научно-исследовательские учреждения научными работниками из местных народностей. Молодые исследовательские учреждения Северного Кавказа направляли в аспирантуру центральных институтов Академии наук СССР и отраслевых академий наиболее способную молодежь. При этом уже в 1932 г. только в научно-исследовательских учреждениях Северного Кавказа аспирантскую подготовку проходило 67 человек. Десятки представителей северокавказских народностей в предвоенные годы защитили докторские и кандидатские диссертации. Только по Дагестанскому медицинскому институту с 1936 по 1940 год ученые степени были присуждены 26 работникам.

Благодаря притоку новых высококвалифицированных научных сил с каждым годом расширялся фронт исследований, проводимых высшими учебными заведениями и научно-исследовательскими учреждениями. Так, уже в 1933 г. работники научных учреждений и высших учебных заведений ДАССР выполнили более ста научных работ.

В предвоенные годы в Дагестанском педагогическом институте вёл научно-педагогическую работу известный советский правовед и историк профессор С. В. Юшков, опубликовавший ряд ценных исследований по истории Дагестана. В медицинском институте с первых лет его организации работал профессор О. А. Байрашевский, много сделавший для укрепления этого вуза и подготовки научно-медицинских кадров.

В эти же годы становятся широко известными имена таких ученых из северокавказских народностей, как Р. Магомедов, Х. Булач (ДАССР), Х. Эльбердов, А. Сатгоев (КБАССР), Г. Кокиев, В. Абаев, Б. Алборов (СОАССР), Мальсагов (ЧИАССР).

В предвоенные годы вузы и научно-исследовательские учреждения автономных республик и областей Северного Кавказа начали периодически выпускать научные издания, вышел также ряд коллективных и индивидуальных монографических исследований, посвященных изучению производительных сил, истории и культуры Северного Кавказа.

Таким образом, благодаря социалистическому строю, ленинской национальной политике Коммунистической партии, в прошлом отсталые народы Северного Кавказа в короткий срок не только ликвидировали свою неграмотность, ввели всеобщее обучение детей, но и приобщились к науке, стали активно использовать богатства недр края на общую пользу, для строительства социализма.

instituteofhistory.ru

К ВОПРОСУ О ЛИКВИДАЦИИ КУЛАЧЕСТВА КАК КЛАССА В ДАГЕСТАНЕ

Коллективизация сельского хозяйства и ликвидация на этой основе последнего, но самого многочисленного эксплуататорского класса — кулачества, явились важнейшим шагом на пути утверждения нового общественного строя в СССР.

В результате победы колхозного строя и ликвидации кулачества как класса стали возможны высокие темпы развития сельского хозяйства, крутой подъем материального благосостояния и культурного уровня трудящихся крестьян. Поэтому не случаен широкий научный интерес, который привлекает к себе проблемы социалистического преобразования сельского хозяйства и ликвидации сельской буржуазии.

Между тем, для изучения вопроса о ликвидации кулачества как класса, особенно в ранее отсталых национальных республиках, сделано еще мало. Проблема ликвидации эксплуататорских элементов продолжает оставаться также одной из малоизученных в истории Дагестана. В трудах дагестанских историков, посвященных вопросам коллективизации сельского хозяйства, проблема ликвидации последнего эксплуататорского класса рассматривается в общем плане, в отдельных работах сроки ее осуществления отнесены, как в центральных районах страны, к 1930—1932 г.г., не раскрыты особенности проведения политики ликвидации кулачества в Дагестане¹.

Данная статья является попыткой осветить лишь некоторые вопросы этой проблемы и поэтому не претендует на всестороннее ее освещение.

Еще К. Маркс и Ф. Энгельс предвидели, что социалистическое преобразование сельского хозяйства не обойдется без ликвидации кулачества как класса и что оно может быть осуществлено двояко: либо насильственным, либо мирным

¹ Г. Д. Даниялов. Соц. преобразования в Дагестане. Махачкала, 1960; Г. Г. Османов. Коллективизация с/хоз. в Дагестане. Махачкала, 1961; Н. В. Даниялова. Соц. реконструкция народного хоз. Дагестана. Махачкала, 1962; Г. Г. Османов. Социально-экономич. развитие дагестанского доколхозного аула. М. 1965 г.

путем. Ф. Энгельс считал, что в интересах рабочего класса было бы откупиться от крупного крестьянства, обойтись по отношению к нему без репрессий и мер подавления. Однако, такую возможность он связывал с поведением самого кулачества, с конкретной исторической обстановкой в той или иной стране.

Учитывая поведение кулачества, а также конкретные условия России, В. И. Ленин на VIII съезде партии сделал вывод, что предположение Ф. Энгельса о возможности откупиться от него не оправдалось. В России: «Мы стояли, стоим и будем стоять в прямой гражданской войне с кулаками. Это неизбежно» — подчеркивал он².

Но вместе с тем, кулачество нельзя было ликвидировать одним ударом, как крупную буржуазию, ибо его существование было связано с наличием мелкотоварного крестьянского производства. Сохранение же последнего обуславливалось социально-экономическим развитием страны. Чтобы перевести сельское хозяйство на путь крупных, коллективных хозяйств и тем самым лишить кулачество питательной почвы, необходимо было подвести под него материальную базу, изжить у крестьянства частнособственническую психологию, перевоспитать его. Поэтому ликвидацию сельской буржуазии В. И. Ленин связывал с подготовкой необходимых материальных и политических условий.

Пока основные массы крестьян не осознали необходимость перехода и не перешли к коллективным формам хозяйствования и пока не были подготовлены предпосылки для массовой коллективизации и ликвидации кулачества как класса, политика Коммунистической партии была направлена на ограничение эксплуататорских поползновений кулачества, подавление его сопротивления мероприятиям Советской власти.

В первое время Советское государство не могло форсировать колхозное движение и тем самым ликвидацию эксплуататорских элементов ввиду отсутствия необходимых материальных и социальных условий.

Народное хозяйство страны, в том числе Дагестана, испытывало серьезные трудности, обусловленные резкой диспропорцией в темпах развития промышленности и сельского хозяйства. Так, валовая продукция промышленности Дагестанской АССР к 1926/27 г. выросла вдвое по сравнению с 1913 годом. Иная картина наблюдалась в сельском хозяйстве. В 1927 г. по сравнению с 1913 г. поголовье лошадей составляло 80%, крупного рогатого скота — 117%, овец и коз — 87,1%. Производство зерна составило лишь 46,7% довоенного уровня³.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 145.

³ Г. Г. Османов. Социально-экономическое развитие дагестанского доколхозного аула, стр. 313.

Такое отставание сельского хозяйства республики было вызвано длительной гражданской войной, доведшей экономику Дагестана до полного истощения, отсталой системой сельскохозяйственного производства, низкой оснащенностью его техникой, чрезвычайной раздробленностью крестьянских хозяйств, сосредоточением значительных средств производства в руках эксплуататорских элементов, тормозивших развитие трудовых усилий крестьянства.

О силе и месте кулачества в дагестанском ауле дают представление материалы бюджетного обследования НКЗема ДАССР в 1926/27 г., экспедиции Дагестанского обкома партии 1928/29 г. и другие статистические данные.

Данные бюджетного обследования НКЗема, охватившие 4330 крестьянских хозяйств 35 различных, но наиболее типичных аулов основных округов республики, могут более или менее точно характеризовать социальное лицо дагестанского аула в 1927 году. По результатам обследования наблюдалась следующая картина дифференциации крестьянских хозяйств⁴:

	Кол-во хозяйств в %	У них зем- ли в %	У них по- севов в %	У них сум- ма средств производ- ства %
Бедняки	48,5	32,6	23,8	26,5
Середняки	46,4	53,3	59,0	44,7
Кулаки	5,1	14,1	17,2	28,8

Из таблицы видно, что аульская верхушка, занимающая в общей массе обследованных хозяйств всего 5,1%, сосредоточила в своих руках 14,1% земли (что более, чем в 2,5 раза больше ее удельного веса), 17,2% посевов (более, чем в 3 раза выше ее удельного веса) и 28,8% средств производства (более, чем в 5,5 раза выше ее удельного веса). В то же время бедняцкая группа, составляющая почти половину крестьянских хозяйств, владела всего немногим более 30% земли, 23,8% посевов и 26,5% средств производства. Середняцкая группа, составляющая более 46%, владела землей и посевами несколько выше своего удельного веса, а средствами производства — почти на уровне собственного удельного веса.

Если взять данные в целом по Дагестану, то картина в области землепользования была еще более разительной. Кулацко-зажиточной верхушке аула принадлежало 361800 га удобной земли. В то время, как в среднем на одного крестья-

⁴ Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 9, д. 209, лл. 83, 84.

нина приходилось 4,98 га земли, каждый кулак имел 34,6 га или в семь раз больше⁵.

Таким образом, дагестанское кулачество, составляющее численно небольшое меньшинство крестьянского населения, по своему экономическому положению занимало значительное место в дагестанском ауле. Используя такую материальную базу, оно могло оказывать и оказывало экономическое давление на батрацко-бедняцкие массы, держать их под своим влиянием и тормозить социалистическое преобразование сельского хозяйства.

Влияние кулачества на крестьянство усиливалось наличием феодально-патриархальных пережитков. Хотя эти формы угнетения были и подорваны, однако продолжали играть видную роль в ауле, давая возможность эксплуататорской верхушке прибегать к скрытым, но более жестоким методам эксплуатации батрачества и бедноты.

Сохранение за дагестанским кулачеством значительных экономических позиций объяснялось еще тем, что Октябрьская революция и гражданская война не ущемили его в такой мере, как кулачество центральных земледельческих районов. Это особенно относится к горным районам, где классовая борьба была менее развита. Учет 454 бывших помещичьих и явно кулацких хозяйств, проведенный Наркомземом по поручению обкома партии в 1929 г., показывает, что из учтенных 370 хозяйств кулаков, торговцев и мулл в первые годы революции имущество было конфисковано лишь у 13 кулацких хозяйств⁶.

Исторические и социально-экономические особенности развития республики, незавершенность аграрной революции, наличие патриархально-феодальных пережитков, сильное влияние мусульманского духовенства, многонациональность, плохие пути сообщения, мешавшие объединиться горской бедноте для защиты своих классовых интересов, обусловили огромные трудности коллективизации сельского хозяйства и ликвидации на этой основе кулачества как класса. И если решение этой задачи стало возможным в исторически кратчайшие сроки, то это благодаря громадной помощи Советского государства, руководству Коммунистической партии, обеспечившей быстрые темпы экономического развития в прошлом отсталых национальных республик.

Как известно, XV съезд партии провозгласил курс на коллективизацию сельского хозяйства и решительное наступление

⁵ Г. Г. Османов. Социально-экономическое развитие дагестанского доколхозного аула, стр. 162.

⁶ Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 10, до 45, л. 2.

на кулачество. Это означало более последовательное наступление на экономические позиции кулачества, ограничение его эксплуататорских стремлений и поддержку всей политикой государства — финансовой, налоговой, кредитной, — бедняцких и середняцких слоев деревни.

Большую роль в освобождении бедняцких масс от экономической зависимости и политического влияния кулачества, вовлечении трудовых масс крестьянства в социалистическое строительство должна была сыграть кооперация. Отмечая это, М. И. Калинин подчеркивал, что «кооперация должна перейти к решению новой задачи и путем организации производства вытеснить кулака в деревне»⁷.

Роль кооперации прежде всего выражалась в оказании материальной помощи крестьянам, в классовой направленности этой помощи. В 1924/25 г. Дагестанскому крестьянству были предоставлены кредиты на сумму в 925623 руб., в 1925/26 — 960436 руб., в 1926/27 сумма кредитов составила уже 1799551 руб.

Успешное приложение кредитов к сельскому хозяйству зависело от его правильного распределения, проведения классового принципа в этом вопросе. Из обследования системы сельскохозяйственного кредита, проведенного обкомом партии, видно, что в 1928 году 60,9% заемщиков из числа бедноты получили 62,2% всех кредитов, 34,2% заемщиков из числа середняков — 34,1% и 4,9 заемщиков из числа кулацко-зажиточных элементов — 3,7%⁸.

Следовательно, основными заемщиками были бедняцко-середняцкие массы, и они получили большую часть кредитов. Этим самым кооперация способствовала подъему бедняцко-середняцких хозяйств, освобождению их от кулацкого гнета и эксплуатации.

Подготовка предпосылок сплошной коллективизации и ликвидации кулачества как класса требовала подведения под сельское хозяйство современной машинной техники. В. И. Ленин указывал: «Если ты можешь дать крестьянству машины, этим ты поднимаешь его, и когда ты дашь машины или электрификацию, тогда десятки или сотни тысяч мелких кулаков будут убиты»⁹.

Судьба бедняка, середняка и кулака в значительной степени зависела от того, в чьи руки попадет новая техника, кого она будет обслуживать. Значение распределения сельскохозяйственной техники усиливалось невозможностью удовлетво-

⁷ М. И. Калинин. О выборах в Советы в 1928/29 гг. (Доклад и заключительное слово на 4-ой сессии ЦИК СССР IV созыва 11 декабря 1928 г.). Статьи и речи. 1919—1935 гг. Партиздат, 1936, стр. 281.

⁸ Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 9, д. 116, л. 114.

⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 69.

рить спрос на нее промышленностью. Это прежде всего касалось тракторов, которых в 1927 году в стране насчитывалось около 30 тысяч.

Продажа сельхозмашин кулацко-зажиточным хозяйствам была ограничена и разрешалась лишь после удовлетворения нужд бедняков и середняков. При этом кулакам их отпускали за наличный расчет. Позднее продажа тракторов разрешалась исключительно только колхозам, совхозам, машино-тракторным колоннам и станциям, где они могли быть использованы с полной отдачей.

Руководствуясь политикой коммунистической партии в области машиноснабжения, ЦИК и СНК ДАССР в постановлении от 15 февраля 1929 г. требовали от сельскохозяйственной кооперации «...в первую очередь удовлетворить потребности колхозов, потом прокатные и зерноочистительные пункты, сельскохозяйственные товарищества и агропункты и затем бедняцкие и середняцкие индивидуальные хозяйства»¹⁰.

Благодаря настойчивой работе партийных и советских организаций в машиноснабжении проводилась четкая классовая линия. В начале 1928 г. из 98 тракторов, имеющих в Дагестане, 58 находились в колхозах, 17 — в кресткомах. Остальные трактора числились за совхозами и различными учреждениями¹¹.

Огромную роль в укреплении бедняцко-середняцких хозяйств и ограничении кулачества сыграла налоговая политика Советского государства. С каждым годом усиливая тяжесть налогового обложения сельской буржуазии, Советская власть в то же время освобождала от сельхозналога все большую часть деревенской бедноты, представляла все больше льгот середнякам. Манифест ЦИК СССР к 10-летию юбилею Октября предусматривал освобождение от обложения по маломощности 35% крестьянских хозяйств.

Новый закон о едином сельхозналоге на 1928/29 г., принятый 21 апреля 1928 года ЦИК и СНК СССР, предусматривал увеличение льгот коллективным хозяйствам и резкое повышение обложения кулацких хозяйств в индивидуальном порядке, максимальная ставка обложения была повышена с 25 до 30%.

Согласно новому закону из 174734 крестьянских хозяйств, учтенных в Дагестане в 1928/29 гг., к индивидуальному обложению были привлечены 1003 кулацких хозяйства или 0,58%, 107059 бедняцких хозяйств или 61,2% вовсе были освобождены от налога. Эти 1003 индивидуально обложенные кулацкие хозяйства из общей суммы налога в 1489169 рублей уплатили 479359 рублей или 31,4%. Средняя сумма налога на 1 кулац-

¹⁰ «Красный Дагестан», 15 февраля 1929 г.

¹¹ «Красный Дагестан», 11 июля 1928 года.

кое хозяйство составила 477 руб. 92 коп., в то время, как на хозяйство, облагаемое в общем порядке — 15 руб. 70 коп.

Налоговый пресс с каждым годом сильнее давил на кулацкие хозяйства. В 1928/29 г. обложению в индивидуальном порядке было подвергнуто уже 1811 кулаков. Они уплатили 520125 руб. или 43,2% всего налога. В 1930/31 гг. сумма налога, уплаченная индивидуально обложенными хозяйствами, поднялась до 929363 руб. или 59,3% общей суммы налога ¹².

Эти данные убедительно свидетельствуют, что партийные и советские организации республики успешно использовали налоговую политику для ограничения и вытеснения кулачества.

Выше уже отмечалась концентрация значительных средств производства и, прежде всего, земли в руках небольшой кучки аульской верхушки, что являлось основой ее экономического давления на трудовые массы крестьян. Отсюда понятно, что без ликвидации этой экономической базы кулачества, особенно без изъятия земли, нельзя было и думать об освобождении крестьян от кулацкого гнета.

Однако, осуществление земельной политики встретило в Дагестане серьезные трудности и растянулось на более длительные, чем в центральных районах страны, сроки. Лишь 23 февраля 1927 года ЦИК и СНК ДАССР приняли постановление об изъятии вакуфного имущества, основу которого составляла земля.

Изъятое вакуфное имущество повсеместно передавалось в распоряжение комитетов крестьянской взаимопомощи, которые использовали его для помощи маломощным крестьянам. С октября 1926 г. по апрель 1927 г. у мечетей было изъято 6416 дес. земли, 101 дес. садов, 1111 дес. пастбищ, 962,5 дес. сенокосов, 8222 головы овец, 308 голов крупного рогатого скота, 37 голов рабочего скота, 42 мельницы, 102 дома и т. д. 5500 дес. изъятной вакуфной земли были переданы безземельным и малоземельным крестьянам, что в условиях острого земельного голода было существенной помощью ¹³.

Вакуфные земли не решали и не могли решить земельный вопрос, ибо кулачество продолжало владеть более чем 207 тыс. га земель сверх трудовых норм. Бедняцкие массы требовали от Советской власти изъятия земельных излишков у эксплуататорских элементов и разрешения земельного вопроса. Конференция бедноты Кайтагского района просила областной комитет партии «ускорить разрешение изъятия излишков земель у кулаков и передачи таковых беднякам» ¹⁴.

¹² ЦГА ДАССР, ф. 37 р., оп. 19, д. 194, л. 52.

¹³ Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 9, д. 164, л. 104, 103.

¹⁴ Там же, ф. 1, оп. 10, д. 206, л. 78.

Бедняцкая конференция Курахского района отмечала «наличие продолжающейся зависимости бедноты и батрачества от кулачества и духовенства, сосредоточение большинства удобных земель в руках кулаков и нетрудовых элементов» и также просила обком партии ускорить проведение земельной реформы¹⁵.

С учетом требований крестьянских масс был разработан новый план земельно-водной реформы, в основу которого легли задачи завершения аграрной революции, ослабление перенаселенности горной части республики и создания условий для перевода сельского хозяйства на социалистические начала. В положении о земельно-водной реформе предусматривались ликвидация остатков бывшего помещичьего землепользования и изъятие излишков земель у кулацких хозяйств. Все изъятые земли должны передаваться безземельным и малоземельным хозяйствам. При наделении земель предпочтение отдавалось коллективным хозяйствам.

Как видно из положения земреформы, кулацкое хозяйство не лишалось всего землепользования, а только той ее части, которая была выше трудовой нормы. Этим советское государство стремилось перевоспитать кулака, приобщить его к общественно-полезному труду. Несмотря на это, кулаки встретили земреформу в штыки. Они агитировали крестьян отказаться от передела земли, организовывали террористические акты против лиц, активно участвующих в ее проведении.

В ряде мест кулацкая агитация имела успех. Некоторая часть крестьянства, поддавшись этой агитации, отказывалась от проведения земельной реформы. Партия не могла не учитывать этого и подходила к решению земельного вопроса очень осторожно. Если в равнинных районах изъятие земельных излишков у кулацких хозяйств шло полным ходом, то в горной части эта работа могла быть в тех условиях проведена только в отдельных районах. II-я сессия ЦИК ДАССР VII созыва, состоявшаяся в сентябре 1929 года, поручила Президиуму ЦИК «осенью текущего года произвести ликвидацию помещичьих землевладений и изъятие излишков земель у кулацких хозяйств в 2-х—3-х районах горного Дагестана»¹⁶.

Изъятие нетрудового кулацкого землепользования растянулось, особенно в горных районах, на несколько лет и фактически было проведено вместе с коллективизацией сельского хозяйства.

С усилением наступления на экономические позиции капиталистических элементов росло их сопротивление. Наиболее

¹⁵ Там же, ф. 1, оп. 10, д. 206, л. 29.

¹⁶ ЦГА ДАССР, ф. 37р., оп. 19, д. 153, л. 1.

концентрированное выражение классовая борьба нашла в период хлебозаготовок 1928—1929 годов.

К началу 1928 года страна испытывала большие трудности в хлебозаготовках. В январе 1928 г. дефицит по хлебозаготовкам в стране составил 128 млн. пудов. Эти трудности особенно отразились на Дагестане, которому своего хлеба хватало лишь на несколько месяцев. К концу 1927 года завоз хлеба в Дагестан сократился в 2—4 раза, а в 1928 г. хлебный дефицит вырос еще на 27 проц.¹⁷

Эти серьезные трудности в хлебозаготовках были чрезвычайно осложнены кулацким саботажем, направленным на создание голода в стране, срыв политики цен советского государства. Кулаки не сдавали государству хлеб, придерживали его, дожидаясь более высоких цен. Это привело к росту цен на хлеб. Если в июне-июле 1928 года розничная цена на хлеб в республике была 1 р. 40 коп. — 1 р. 60 коп. за пуд, то к августу она подскочила до 2 рублей 20 коп.¹⁸, имея тенденцию к дальнейшему росту.

Кулаки не ограничивались отказом от сдачи хлеба государству, а перешли к террористическим актам против партийных, советских работников, батрацко-бедняцкого актива, добивающихся от них выполнения планов хлебопоставок. В Кизлярском районе, в с. Малая Орешевка, кулаки организовали покушение на члена комиссии содействия по хлебозаготовкам.¹⁹

В с. Баммат-юрт Хасавюртовского района во время проведения бедняцкого собрания, где обсуждался вопрос о хлебозаготовках, выстрелом в окно был убит член колхоза «Янги Дунья», коммунист Абу Магомаев.²⁰

Партия приняла решительные меры против кулацкого саботажа хлебозаготовок. К кулакам, злостно не выполняющим задание по хлебозаготовкам, стала применяться 107 статья Уголовного кодекса РСФСР, которая предусматривала уголовную ответственность таких лиц. С целью привлечения бедняцко-середняцких масс к изъятию хлебных излишков у кулацко-зажиточных элементов, им разрешалось выдавать до 25% конфискованного хлеба. По 107 статье в Дагестане в 1929 году 128 кулаков были осуждены к различным срокам тюремного заключения.²¹

Все это обеспечило успех хлебозаготовительной кампании 1929 года. На 1/1-1930 г. план хлебозаготовок по Дагестану был выполнен на 121%.²²

¹⁷ «Плановое хозяйство Дагестана», 1928 г., № 1—2, стр. 66.

¹⁸ Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 9, д. 21, л. 105.

¹⁹ «Красный Дагестан», 23 октября 1929 г.

²⁰ Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 10, д. 51, л. 130.

²¹ ЦГА ДАССР, ф. 123-р, оп. 1, д. 31, л. 89.

²² «Красный Дагестан», 8 января 1930 г.

Мероприятия партии по поддержанию бедняцко-средняцких слоев аула, ограничению экономической базы и политического влияния кулачества обусловили все растущие темпы коллективизации. В течение одного года число колхозов увеличилось более чем на 130. Если в 1927/28 г. было 232 колхоза, то в 1928/29 г. их число увеличилось до 363²³. Осенью 1929 года в равнинной и предгорной зонах республики целые аулы, а то и районы, переходили к сплошной коллективизации. В Буйнакском районе такие крупные аулы, как В. Казанище, Буглен, Муслим-аул были полностью коллективизированы²⁴. Такое же положение было в ряде селений Хасавюртовского, Махачкалинского районов. Бюро Кизлярского райкома партии 17/XII-1929 года отмечало возможность перехода района на сплошную коллективизацию²⁵ в 1930 году и необходимость борьбы с попытками кулаков проникнуть в колхозы. Учитывая растущее колхозное движение в районе в конце октября 1929 года, Буйнакский райком ВКП(б) принял решение об охвате колхозами к XIII годовщине Великой Октябрьской революции 50% крестьянских хозяйств²⁶.

Как видно из сказанного, в ряде равнинных и предгорных районов основная масса крестьян повернула в сторону колхозов. Этот поворот, обеспеченный всемерной помощью батрацко-бедняцким массам, их активизацией, укреплением союза со средним крестьянством, усилением местных органов власти, ликвидацией кулацкого саботажа хлебозаготовок, ограничением эксплуататорских поползновений сельской буржуазии, свидетельствовал о назревании перехода к новой политике — политике ликвидации кулачества как класса.

Массовое колхозное движение, развернувшееся в республике, встретило ожесточенное сопротивление кулачества, которое прекрасно понимало, что колхозы несут ему окончательную гибель. Кулаки от попыток отговорить крестьян от вступления в колхозы, с целью запугать их, переходили к террористическим актам.

В декабре 1929 года в с. Темир-аул, Хасавюртовского района, на сельском сходе обсуждался вопрос о сплошной коллективизации. Кулаки и подкулачники, присутствовавшие на собрании, потушили свет и избili приехавших из райцентра председателя райкресткома, пропагандиста райкома партии и местный актив²⁷. В станице Каргалинской, Шелковского района, кулаки и подкулачники ночью повесили в поле

²³ ЦГА ДАССР, ф. 127 р., оп. 5, л. 62, л. 279.

²⁴ «Красный Дагестан», 29 октября 1929 года.

²⁵ Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 9, д. 102, л. л. 194—195.

²⁶ Там же, ф. 1, оп. 9, д. 95, л. 139.

²⁷ Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 11, д. 67, л. 60.

на молотилке бедняка-колхозника, который вел активную борьбу против попыток кулацких элементов разложить колхоз²⁸.

В антиколхозной борьбе кулаки и муллы старались использовать женщин. В силу исторически сложившейся отсталости горянок, они легче поддавались кулацкой агитации и местами поддерживали антиколхозное кулацкое движение. Выступления женщин против колхозов имели место в Хасавюртовском, Буйнакском, Махачкалинском, Табасаранском и ряде других районов. В Табасаранском районе 700 женщин из 7 аулов в начале марта 1930 года явились в райцентр Тинит и требовали роспуска колхозов²⁹. В ауле Евигар Касумкентского района, 17 февраля 1930 года на собрании, обсуждавшем вопрос о коллективизации, женщины, подстрекаемые кулаками, избili председателя сельсовета, разгромили ликпункт³⁰.

Наиболее серьезный ущерб колхозному движению, всему сельскому хозяйству был нанесен хищническим убоем скота, вдохновителем и организатором которого выступило кулачество. За короткое время, с конца 1929 года и на начало 1930 г. было вырезано более 10% овец и коз, поголовье рогатого скота сократилось на 12,5%, а поголовье рабочего скота — на 15,3%³¹.

В этом несомненно сказались также низкий уровень валового производства зерна, нехватка животноводческих помещений, кадров, перегибы, допущенные в ряде мест при обобществлении скота и другие издержки организационного периода. Отмечая это, все же надо подчеркнуть, что значительный урон животноводству был нанесен именно кулачеством. Кулаки не ограничивались истреблением своего скота, они активно призывали к этому и бедняцко-середняцкие массы, используя ошибки, допущенные в ряде мест при коллективизации, умело играли на частнособственнических чувствах крестьян, уговаривали их резать скот, так как его якобы все равно отберут.

Нельзя обрасывать со счетов и силу примера, силу стихии, когда убой скота в одной части или в одном ауле вызывает ответную волну в другой части аула или в других аулах.

16 января 1930 года было опубликовано постановление ЦИК и СНК СССР «О мерах борьбы с хищническим убоем скота», где хищнический убой скота квалифицировался, как один из способов кулацкого вредительства.

В соответствии с этим постановлением партийные и советские организации республики приняли меры к учету всего

²⁸ «Красный Дагестан», 23 сентября 1930 года.

²⁹ ЦГА ДАССР, ф. 123р., оп. I, д. 11, л. 320.

³⁰ Архив Дагобкома КПСС, ф. I, оп. 11, д. 64, л. 151.

³¹ «10 лет социалистического строительства ДАССР», стр. 56.

скота, к недопущению массового его уничтожения, привлечению к судебной ответственности кулаков, агитирующих за убой скота.

Обострение классовой борьбы, усиление кулацкого сопротивления колхозному строительству поставили перед Коммунистической партией вопрос о том, как быть с кулаками, особенно в районах, где началась сплошная коллективизация. Решение этого вопроса с нетерпением ждали трудовые массы крестьян, которые на местах переходили самовольно к конфискации кулацкого имущества.

Этот вопрос возник и на ноябрьском (1929) Пленуме ЦК ВКП(б). Хотя в решениях Пленума содержались указания о более решительной борьбе с кулаками, пресечении их попыток проникнуть в колхозы, однако не было прямых указаний о ликвидации кулачества как класса.

Впервые официально политика ликвидации кулачества как класса была провозглашена в постановлении ЦК ВКП(б) от 5/I-1930 г. «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству». Постановлением ЦИК и СНК от 1/II-1930 года: «О мероприятиях по укреплению социалистического переустройства сельского хозяйства в районах сплошной коллективизации и по борьбе с кулачеством» политика ликвидации кулачества как класса была закреплена в законодательном порядке.

Конкретные мероприятия по осуществлению политики ликвидации кулачества как класса были разработаны в постановлении ЦК ВКП(б) от 30 января 1930 г. и директиве ЦИК и СНК от 4 февраля 1930 г.

ЦК партии устанавливал три категории кулаков. К первой категории были отнесены кулаки, которые оказывали активное сопротивление вновь установленным социалистическим порядкам и вели контрреволюционную подрывную работу. По отношению к ним предлагалось применять самые решительные репрессивные меры.

Ко второй категории были отнесены кулаки, которые, хотя и менее активно, но все же оказывали сопротивление и отказывались подчиняться порядкам сплошной коллективизации. По решению сельских сходов и местных Советов, по утверждению окрисполкома, они подлежали выселению в отдаленные местности Советского Союза или отдаленные места в пределах края.

Кулаки, готовые подчиняться мероприятиям Советской власти, составляли третью категорию и к ним не применялись репрессивные меры.

Для всех выселяемых и расселяемых кулаков была предусмотрена выдача денежных средств, инвентаря, предоставление лошадей для устройства на новых местах. Членам семей

выселенных кулаков при их желании и с согласия райисполкомов разрешалось оставаться на прежних местах. Предлагалось особенно внимательно относиться к тем кулакам, члены семей которых служили в Красной армии или работали на промышленных предприятиях.

Мероприятия, разработанные партией и правительством по ликвидации кулачества как класса, свидетельствовали о максимуме осторожности, проявленной Советской властью в этом деле, желании провести ее как можно безболезненной. При этом особый упор делался на то, чтобы не задеть интересы середняка, создать условия для трудового перевоспитания большинства кулаков.

При проведении в жизнь этих руководящих директив партии и правительства Дагестанская областная партийная организация встретила с рядом специфических трудностей и особенностей. Среди них прежде всего следует отметить разделение Дагестана на резко отличающиеся как по естественно-географическим, так и по социально-экономическим условиям зоны: равнинная и горная. Предпосылки для перехода к политике ликвидации кулачества как класса в этих зонах не были идентичны, о чем убедительно свидетельствовала и неравномерность в темпах коллективизации. Если на 1 октября 1929 года по всему Дагестану было коллективизировано 3,3% крестьянских хозяйств, то по равнинным районам число коллективизированных хозяйств составляло 7,2%. По отдельным районам этот процент был еще выше. Впереди по темпам коллективизации шли Махачкалинский, Хасавюртовский, Буйнакский, Бабаюртовский, Кизлярский, Ачикулакский районы. На 20 января 1930 года в Хасавюртовском районе было коллективизировано 48,6% крестьянских хозяйств, Буйнакском — 47,3%³². Многие села и отдельные районы этой зоны стали на путь массовой коллективизации.

Высокие темпы коллективизации в этих районах, являющихся житницей Дагестана, объяснялись тем, что сюда в первую очередь направлялись сельскохозяйственные машины, кредиты, кадры, здесь был накоплен значительный опыт по кооперированию и коллективизации. Классовая борьба приняла здесь острый характер, в этой борьбе экономические и политические позиции кулачества в значительной мере были ослаблены, в ряде районов оно оказалось в изоляции. Широкие массы крестьян этих районов требовали конфискации у кулаков имущества и выселения их за пределы республики.

Иное положение наблюдалось в горных районах, где естественно-географические условия делали почти невозможным

³² «Звезда», 1930 г., № 1—2, стр. 7.

применение сложных сельхозмашин и орудий. Это в свою очередь задержало коллективизацию горского крестьянства. Лишь незначительная часть крестьян объединилась в кооперативы, в колхозах их было еще меньше. Классовая борьба не получила еще большого размаха. Сказывалось влияние мусульманской религии на определенные слои крестьян, наличие в их быту и общественной жизни феодально-патриархальных пережитков.

Ставить в этих районах вопрос о сплошной коллективизации и ликвидации кулачества как класса было бы преждевременным. Всего пагубнее было бы перенесение сюда форм и методов работы центральных районов страны.

Между тем, обком партии, увлекшись первыми успехами в коллективизации, допустил в этих вопросах ряд серьезных ошибок. Характерно в этом отношении постановление бюро обкома партии от 15 января 1930 г., где речь шла о разработке практических мер по раскулачиванию. Наркомзему и райкомам ВКП(б) было предложено «ускорить проведение учета по всему Дагестану и подготовку мероприятий проведения решений о ликвидации кулачества как класса»³³.

Как видно из постановления, обком партии ориентировал местные организации на ликвидацию кулачества как класса по всему Дагестану, без учета подготовленности тех или иных районов к такому важному мероприятию.

Не основанное на учете реального положения на местах, решение обкома ВКП(б) рождало так же ни на чем не основанные предложения с мест, толкало местные организации на ускорение темпов коллективизации и раскулачивания. Высокогорный Кахибский район, где, как отмечалось бригадой обкома партии в октябре 1929 года, не было «даже простейших видов объединений индивидуальных хозяйств в коллективные»³⁴, вдруг в начале 1930 года был провозглашен районом сплошной коллективизации³⁵.

Как сообщал уполномоченный обкома партии по Чародинскому району А. Даниялов, район официально был объявлен районом сплошной коллективизации, хотя условий для этого не было³⁶.

Некоторые партийные организации в своем рвении заходили так далеко, что предлагали вместе с кулачеством ликвидировать и мелкую городскую буржуазию, которая, будучи лишена производственных источников, не представляла опасности. Бюро Кизлярского РК ВКП(б) приняло решение одновременно с ликвидацией эксплуататорских элементов деревни

³³ Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 11, д. 37, л. 9.

³⁴ Там же, ф. 1, оп. 10, д. 43, л. 139.

³⁵ Там же, ф. 1, оп. 10, д. 28, л. 269.

³⁶ Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 11, д. 181, л. 17.

приступить к ликвидации городского нэпмана³⁷. Аналогичное решение приняло также бюро Дербентского райкома партии³⁸.

Эти настроения отразились на ходе решений пленума обкома партии, состоявшегося в конце января 1930 года. Некоторые выступавшие на пленуме товарищи требовали ликвидации кулачества в горах весной 1930 года и завершения сплошной коллективизации всего Дагестана к весне 1931 года. Хотя в своем постановлении пленум и не указал сроки завершения сплошной коллективизации и ликвидации кулачества как класса, но предложил немедленно осуществлять сплошную коллективизацию, не исключая горную часть Дагестана³⁹, что ориентировало местные партийные организации на ликвидацию кулачества повсеместно.

Эти тенденции отразились и на решениях 4-ой сессии VIII созыва ЦИК ДАССР, состоявшейся в январе—феврале 1930 года. В постановлении сессии ЦИК Дагестана отмечался переход отдельных районов к сплошной коллективизации и на этой основе делался вывод о наступлении момента для перехода к политике его ликвидации без какого-либо уточнения, к каким районам относится данный вывод⁴⁰.

Все это наложило отпечаток на практическую работу центральной комиссии по учету и изъятию кулацких хозяйств, созданную решением бюро обкома партии от 15 января 1930 г. В начале февраля комиссия утвердила районами сплошной коллективизации Кизлярский, Ачикулакский, Хасавюртовский, Бабаюртовский, Махачкалинский, Буйнакский, Дербентский, Коркмаскалинский, Касумкентский, Гунибский районы, хотя в некоторых из них большинство колхозов существовало лишь на бумаге.

В указанных районах намечалась ликвидация кулачества как класса, а в остальных предполагалось изъять наиболее контрреволюционную часть сельской верхушки. На основе изучения материалов обследования аулов и представлений районов, к выселению за пределы Дагестана центральной комиссией было намечено 1500 хозяйств⁴¹.

Эти решения в корне противоречили генеральной линии партии, требующей при коллективизации учета специфических особенностей того или иного района. Поэтому ЦК ВКП(б), получив с мест сигналы, принял меры против поспешного перехода к сплошной коллективизации и ликвидации кулачества как класса.

³⁷ Там же, ф. 1, оп. 9, д. 102, л. 220.

³⁸ Там же, ф. 1, оп. 10, д. 103, л. 200.

³⁹ Там же, ф. 1, оп. 11, д. 19, л. 190.

⁴⁰ ЦГА ДАССР, ф. 37р., оп. 19, д. 159, л. 1.

⁴¹ Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 10, д. 35, л. л. 7—11.

По данному вопросу при ЦК ВКП(б) было проведено совещание, в котором приняли участие представители ЦК партий Азербайджана, Грузии, Армении, Узбекистана, Таджикистана, Дагестанского, Бурят-Монгольского обкомов, Заккрайкома, Средазбюро ЦК, Киробкома партии, и другие⁴².

20 февраля 1930 года было принято постановление ЦК ВКП(б) «О коллективизации и борьбе с кулачеством в национальных экономически отсталых районах», одобренное совещанием.

Постановление ЦК не было опубликовано в печати, но основное его содержание было изложено в передовой статье газеты «Правда» за 27 февраля 1930 года. Учитывая большую культурную отсталость национальных республик, значительно меньшее, чем в центральных районах, влияние рабочего класса, Советской власти и Коммунистической партии на крестьянские массы и неполную изоляцию местного кулачества, ЦК партии ставил в этих районах задачу не сплошной коллективизации и ликвидации кулачества как класса, а развитие всех видов кооперации и простейших форм коллективных объединений, подготовку условий для массовой коллективизации.

По отношению к кулачеству должна была проводиться политика ограничения и вытеснения. Однако при проведении этой политики следовало учитывать, что она применялась в новых условиях, когда основным лозунгом партии стала ликвидация кулачества как класса и в национальных районах шли к осуществлению этого лозунга.

В то же время ЦК указывал на необходимость определять политику внутри республики в зависимости от конкретных условий тех или иных районов или даже селений. При этом ЦК исходил из того, что в ряде республик были районы, имеющие все необходимые условия для сплошной коллективизации и ликвидации кулачества как класса.

К ликвидации ошибок и перегибов в колхозном движении были направлены и ряд последующих мер ЦК ВКП(б). По решению ЦК в газете «Правда» 2 марта 1930 года была опубликована статья И. В. Сталина «Головокружение от успехов». В том же номере «Правды» был опубликован уточненный и исправленный Примерный Устав сельскохозяйственной артели. 15 марта в «Правде» появилось постановление ЦК «О борьбе с искривлениями партлинии в колхозном движении».

В соответствии с этими решениями областная парторганизация приняла меры для исправления нарушений в колхозном строительстве. Центральная комиссия обкома партии

⁴² Там же, ф. 1, оп. 11, д. 2, л. 16.

пересмотрела районы сплошной коллективизации и установила в числе таковых лишь 4 района: Махачкалинский, Бабаюртовский, Хасавюртовский и Буйнакский. В этих районах намечалось раскулачить 210 кулаков первой категории. Кроме того, комиссия решила раскулачить и 140 кулаков первой категории в Ачикулакском, Шелковском и Кизлярском районах, которые еще не перешли к сплошной коллективизации, но имели все предпосылки для этого ⁴³.

В последнем случае учитывалось еще и то, что в соседней с этими районами Терской области проводилась работа по ликвидации эксплуататорских элементов. Это не могло не отразиться и отражалось на поведении кулачества Ачикулакского, Шелковского и Кизлярского районов. Эксплуататорские элементы этих районов начали усиленно разбазаривать имущество, вели активную агитацию среди бедноты и середняков за уничтожение скота и выступление против колхозов.

В директивном письме обкома партии райкомам ВКП(б) от 9/III-1930 года была уточнена политика по отношению к кулачеству. В письме указывалось, что в связи с переходом Буйнакского, Махачкалинского, Бабаюртовского и Хасавюртовского районов на сплошную коллективизацию, к явно враждебным контрреволюционным элементам этих районов применялись репрессивные меры. Остальные явно кулацкие хозяйства районов сплошной коллективизации намечалось переселить на худшие земли в других районах Дагестана и частично, наиболее враждебную часть кулачества, выселить за пределы республики. В остальных районах надо было руководствоваться политикой более решительного ограничения эксплуататорских элементов ⁴⁴.

В районах сплошной коллективизации наиболее контрреволюционная верхушка кулачества была выселена в отдаленные районы или подвергнута аресту. Однако намечаемое переселение остальной части кулачества внутри республики не было осуществлено. В связи с успешным завершением мероприятий по ликвидации намеченного числа кулаков первой категории комиссия при обкоме партии была распущена ⁴⁵. Позднее в ряде районов, в том числе в тех, где колхозное движение еще не получило массовый характер, явно контрреволюционные кулаки были раскулачены, выселены или подвергнуты аресту.

Эти меры были осуществлены в основном силами и средствами органов ГПУ, но с широким привлечением партийных, советских работников, батрацко-бедняцкого актива. Трудовые массы крестьян не только приветствовали выселение и изъ-

⁴³ Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 10, д. 35, л. л. 16—17.

⁴⁴ Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 11, д. 3, л. л. 3—6.

⁴⁵ Там же, ф. 1, оп. 9, д. 205, л. 81.

тие кулаков, но и требовали применения к ним более жестких мер.

Батрацко-бедняцкая конференция Хунзакского района обсудила и одобрила «мероприятия правительства об аресте классовых врагов, кулачества и духовенства, которые повседневно вели агитацию против всех мероприятий Советской власти и вели подготовку вооруженного восстания против Советской власти»⁴⁶. Конференция просила органы принять к ним самые суровые меры.

Что тревога трудящихся крестьян относительно поведения кулачества была обоснованной, показали события тех дней. В марте—апреле 1930 года в ряде районов горного Дагестана произошли вооруженные выступления, руководимые кулачеством и духовенством. Повстанцы учиняли насилие над коммунистами, партийно-советским активом, сжигали здания советских органов, разгоняли колхозы. Ими был убит секретарь Касумкентского райкома партии Герейханов⁴⁷.

Эти кулацкие выступления, не имевшие поддержки среди широких масс крестьян, быстро пошли на убыль и были легко подавлены. Они еще раз продемонстрировали своевременность проведенных обкомом партии мер по выселению и изъятию наиболее контрреволюционной верхушки кулачества. Позиция кулачества были серьезно ослаблены и ликвидирована угроза распространения этих выступлений на другие районы.

Наряду с подавлением этих выступлений, были приняты меры для усиления работы с батрацко-бедняцкими и середняцкими массами горного Дагестана, улучшения их снабжения продовольственными и промышленными товарами, оказания хозяйственной и культурной помощи горным районам. Вместе с тем, еще раз было обращено внимание партийных и советских организаций на устранение перегибов и ошибок в колхозном движении, последовательное осуществление в горном Дагестане политики ограничения и вытеснения кулачества.

Хотя главной линией партии в отношении кулачества была его ликвидация лишь на основе сплошной коллективизации, однако при практическом проведении этой политики учитывались конкретные условия того или иного района, поведение самого кулачества. В начале 1931 г. в республике были выявлены кулацкие группировки, ставящие своей целью подготовку нового вооруженного выступления против Советской власти⁴⁸.

В Затеречных районах (Кизлярском, Ачикулакском, Шелковском, Караногайском) отмечалась активность контррево-

⁴⁶ Там же, ф. 1, оп. 10, д. 141, л. 88.

⁴⁷ Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 11, д. 68, л. л. 12, 73—75.

⁴⁸ Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 12, д. 52, л. л. 112—124.

люционного кулачества, сила сопротивления которого усиливалась притоком значительного числа кулаков из соседних областей, бежавших от раскулачивания. Многие из бежавших кулаков скрывались в песчаных бурунах, создавали там бандитские отряды, организовывали нападения на колхозы и крестьян, угоняли их скот, распускали провокационные слухи о голоде в районах, где созданы колхозы.

Трудовое крестьянство, недовольное этим, требовало ликвидации пришлого кулацкого элемента и вместе с ним и верхушечной части местного кулачества.

Обсудив положение республики, требования с мест, бюро обкома партии от 25/III-1931 года нашло возможным провести выселение кулаков, бежавших из других областей страны и контрреволюционную часть местного кулачества Затеречных районов⁴⁹. Позднее решением бюро обкома ВКП(б) от 16 мая 1931 года был создан штаб по проведению выселения кулацких хозяйств. В районах создавались районные штабы в составе секретаря райкома партии, председателя райисполкома, уполномоченного ГПУ, прокурора и председателя райколхозсоюза.

В связи с выселением кулаков обком партии потребовал от партийных и советских организаций развернуть массовую работу, провести собрания партийных, комсомольских ячеек, колхозников, бедноты, женщин, принять меры для организационно-хозяйственного укрепления колхозов, дальнейшего развития коллективизации. Для пресечения злоупотреблений на местах списки выселяемых кулацких хозяйств подлежали утверждению Президиума ЦИК ДАССР⁵⁰.

Выселенные кулацкие хозяйства должны были обеспечиваться за счет конфискованного у них имущества на 3 месяца продуктами питания, личными вещами, фуражем для лошадей, которые выделялись из расчета 1 лошадь на каждые 5 хозяйств⁵¹.

В начале июня 1931 года раскулачивание в этих районах в основном было закончено. В Шелковском районе на 10 июня было арестовано 127 человек глав местных и беглых кулацких семей, подлежащих выселению, в Кизлярском районе — 80 человек, глав местных и 51 — глав беглых кулацких семей, в Ачикулакском районе соответственно 35 и 60 глав. Кроме того, из Ачикулакского района подлежали выселению еще 88 глав беглых кулацких хозяйств⁵². В общей сложности из указанных трех районов были выселены более 175 кулацких хозяйств, относящихся к первой и второй категориям.

⁴⁹ Там же, ф. 1, оп. 12, д. 15, л. 21.

⁵⁰ Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 12, д. 15, л. л. 173—175.

⁵¹ Там же, ф. 1, оп. 11, д. 332, л. 216.

⁵² Там же, ф. 1, оп. 12, д. 55, л. л. 101, 102.

Таким образом, в течение 1930—1932 гг., когда в стране в основном кулачество было ликвидировано как класс, в Дагестане переход к политике ликвидации кулачества был осуществлен в отдельных равнинных и предгорных районах, перешедших на сплошную коллективизацию или имеющих для этого все необходимые предпосылки. При этом было учтено обострение классовой борьбы в республике, в ряде мест выливавшееся в открытые вооруженные выступления кулачества. Поэтому, в ряде районов, в том числе горных, к наиболее враждебным, контрреволюционным элементам пролетарским государством были применены репрессивные меры.

На мероприятия партии по ликвидации части кулачества бедняцко-середняцкие массы отвечали активным вступлением в колхозы, их укреплением, усилением наступления на аульскую верхушку. На основе этого были достигнуты значительные успехи в колхозном движении. Если на июль 1931 г. было коллективизировано 18,2% крестьянских хозяйств, то на июль 1932 года колхозами было охвачено 22,4% крестьян⁵³.

Успехи в развитии и расширении колхозного движения выдвигали на передний план задачу организационно-хозяйственного укрепления колхозов. Речь шла не просто об увеличении материальной и иной помощи со стороны государства, что само собой имелось в виду, но и о создании новой дисциплины труда, расстановке людей, организации учета и оплаты труда колхозников, подготовке колхозных кадров.

Кулацко-враждебные элементы, различными путями проникая в колхозы, вели дело к их развалу, агитировали против новых форм организации труда, укрепления трудовой дисциплины, материальной базы колхозов. Никакой сдельщины и учета, распределения доходов по количеству едоков, независимо от участия в колхозном производстве — эти и другие кулацкие требования были направлены против колхозов.

Исключительно важную роль в устранении подобных недостатков сыграли решения январского (1933 г.) объединенного Пленума ЦК и ЦК ВКП(б). Решения Пленума об укреплении колхозов, создании в этих целях политотделов при МТС и совхозах легли в основу работы Дагестанской областной парторганизации. Партия через организованную сеть политотделов вплотную занялась укреплением колхозного строя, очищением колхозов от классово-чуждых элементов, открыла колхозникам путь к зажиточной жизни. За время существования политотделов с 1933 по 1934 гг. из колхозов республики были исключены 2500 кулацких хозяйств⁵⁴.

⁵³ Статистико-экономический справочник по ДАССР, Ростов/Дон, 1933, стр. 96, 97.

⁵⁴ «Дагестанская правда», 8 января 1935 г.

Мероприятия партии по организационно-хозяйственному укреплению колхозов, очищению их от классово-враждебных элементов усилили тягу крестьян в коллективные хозяйства. Только за 11 месяцев 1934 года в колхозы вступили более 17 тыс. крестьянских хозяйств. К концу 1934 года в республике было коллективизировано 28% крестьянских хозяйств. Особенно заметны были успехи равнинных и предгорных районах, где процент коллективизации составлял соответственно 65,4 и 42. Отдельные равнинные районы подходили уже к завершению коллективизации. В Кизлярском районе было коллективизировано 93% крестьян, в Ачикулакском — 90,6%, Махачкалинском — 68,3%⁵⁵.

Поворот основных масс крестьян в сторону колхозов был не только окончательным признанием ими коллективного пути, но и свидетельствовал об освобождении их от кулацкого влияния. У трудящихся крестьян было достаточно времени, чтобы убедиться, что кулачество на протяжении всего колхозного строительства выступало его ярким противником. Поэтому крестьянские массы требовали от Советской власти не ограничиваться отдельными мерами против кулацких выступлений, а положить конец всякой возможности сопротивления со стороны кулачества.

Выражая требования крестьян, народный поэт Дагестана Сулейман Стальский в 1935 году в стихотворении «У нас» писал:

С кулацкой сворой краток спор,
Но тем, кто прячется, как вор,
В конце-концов, чтобы дать отпор
Кулак тяжелый есть у нас.

Учитывая успехи колхозного движения в равнинных и предгорных районах, обком партии счел возможным завершить в этих районах ликвидацию кулачества как класса уже в 1935 году. Раскулачивание и выселение кулаков было намечено в 8 районах: Касумкентском, Кормаскалинском, Махачкалинском, Кайтатском, Бабаюртовском, Дербентском и Хасавюртовском.

Выселение кулачества было проведено с 20 февраля по 1 марта 1935 года и было осуществлено исключительно силами партийно-советского и колхозно-крестьянского актива. Буйнакский райком партии, например, в этих целях командировал в аулы более 100 коммунистов, которые провели всюду собрания по вопросу о выселении кулачества. Собрания проходили при участии 300—1500 человек и при полной поддержке ими

⁵⁵ «Очерки истории Дагестана», Махачкала, 1957, т. II, стр. 239.

мероприятия⁵⁶. Такая картина наблюдалась и в других районах.

Тройка по переселению кулацких хозяйств Кайтагского района на своем заседании отмечала: «Обсуждение кандидатур кулацких хозяйств и подготовка самого переселения происходит при большом одобрении и участии колхозных, батрацких и середняцких трудящихся масс. Отдельные вылазки кулацко-мульских элементов в виде антисоветской агитации колхозные, бедняцкие массы встречают с должным отпором»⁵⁷.

При решении вопроса о выселении кулаков был обеспечен в каждом отдельном случае самый внимательный подход. Данный вопрос решался в зависимости от состояния кулака в прошлом, его отношения к Советской власти, трудовой деятельности, положения членов семьи, возраста, состояния здоровья и т. д. По этим причинам от выселения были освобождены 24 кулацких хозяйства⁵⁸.

Наряду с этим были приняты меры для создания выселяемым кулацким семьям возможно нормальных условий на пути к новому месту их жительства: обеспечение их необходимыми продуктами питания, а также личными вещами и несложным инвентарем для устройства на новом месте. На 416 выселенных кулацких хозяйств в 2010 душ было выделено 118909 кг. продовольствия или на 26957 кг больше положенной двухмесячной нормы. Лошади и коровы, выделенные выселяемым кулаком, были обеспечены фуражом⁵⁹.

Переселение кулацких хозяйств равнинных и предгорных районов оказало большое влияние на развитие колхозного движения, особенно горного Дагестана. На 10 марта 1935 г. по 15 районам из 40 в колхозы вступили 3215 крестьян-единоличников и по 7 горным районам в кооперативные товарищества — 1220 хозяйств⁶⁰. На 1/X-1936 г. уровень коллективизации в Дагестане поднялся до 72,5%, причем по равнинной зоне — до 88,5% и горной — 65,8%⁶¹. На основе сплошной коллективизации горные районы перешли к политике ликвидации кулачества как класса. 17 сентября 1936 г. было принято решение бюро обкома партии о переселении кулацких хозяйств горных районов за пределы Северо-Кавказского края⁶². Выселению подлежали кулаки из 21 района, в том числе из отдельных аулов ряда равнинных и предгорных районов.

⁵⁶ Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 16, д. 104, л. 66, 67.

⁵⁷ Там же, ф. 1, оп. 16, д. 115, л. 30.

⁵⁸ Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 16, д. 98, л. л. 4, 5.

⁵⁹ Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 16, д. 98, л. 5.

⁶⁰ Там же, ф. 1, оп. 16, д. 104, л. 8.

⁶¹ Г. Д. Даниялов. Соц. преобразования в Дагестане (1921—1941 гг.). Махачкала, 1960, стр. 397.

⁶² Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 17, д. 105, л. 349—347.

Переселению подлежали все кулацкие хозяйства, однако если в таком хозяйстве не было к этому времени хотя бы одного трудоспособного мужчины, то хозяйство не выселялось. После обсуждения списков выселяемых кулацких семей на собраниях, эти списки должны были утверждаться райисполкомами в советском порядке.

Каждое выселенное хозяйство обеспечивалось двухмесячным запасом продовольствия из расчета 750 гр. хлеба на едока в день и прочими продуктами питания, 14-дневным запасом печеного хлеба. На каждые 5 семей выделялась одна лошадь с полной сбруей, месячным запасом фуража, плуги, бороны и другой сельхозинвентарь. Каждой семье разрешалось брать с собой одежду, белье, постельные принадлежности, мелкие вещи домашнего обихода, топоры, вилы, лопаты. Кроме того, на каждый эшелон для питания детей выделялись 10 коров, по одной овце или козе на 8 хозяйств.

Этим же решением бюро обкома партии была создана республиканская комиссия по переселению.

В районах выселения кулацких хозяйств предлагалось создать оперативные тройки в составе секретаря райкома ВКП(б), председателя райисполкома и начальника райотделения НКВД. За районами были закреплены ответственные уполномоченные обкома партии.

Вслед за решением бюро обкома ВКП(б) было принято постановление Совнаркома ДАССР «О медицинском обслуживании переселяемых кулацких хозяйств»⁶³. Для медосвидетельствования переселяемых кулаков в райцентрах предлагалось создать медпункты. Такие же пункты намечено было открыть в местах погрузки в эшелон для повторного медосвидетельствования и санобработки выселяемых семей. Кроме того, Совнарком предложил Наркомздраву выделить для медобслуживания в пути на каждый эшелон 1 врача, 1 медсестру, 1 акушерку.

Выселение кулацких хозяйств началось 20-го сентября и к 24 сентября было завершено. К проведению его был привлечен широкий круг партийно-советских работников. В каждый район были направлены уполномоченные обкома партии, всего 29 человек. Кроме того, на местах были привлечены 414 районных работников и 912 человек аульского актива. Вся работа по выселению кулаков проводилась силами аульского и районного актива⁶⁴.

Вопрос о выселении каждой кулацкой семьи решался персонально, после тщательного рассмотрения. Из 1127 кулацких хозяйств, намеченных к переселению, были выселены 650 хо-

⁶³ Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 17, д. 105, л. 291.

⁶⁴ Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 17, д. 105, л. 193.

зяйств в 3372 души. Им было выделено 109 лошадей, 36 коров, 117 овец и телят, 183066 кг. хлеба⁶⁵.

В горных районах до 1936 г., как правило, раскулачивание не проводилось. Поэтому выселяемые здесь кулацкие хозяйства характеризовались более реакционным, контрреволюционным составом по сравнению с кулаками, выселенными в 1935 г. из равнинных и предгорных районов. Многие из них с оружием в руках боролись против Советской власти в период вооруженного выступления кулачества в 1930 г., а позднее в бандитских отрядах. Среди выселенных кулаков 11 человек в прошлом были руководителями восстаний, 178 — участниками вооруженного выступления, 5 — главарями банд, 53 — бандитами, 20 — бывшие старшины и т. д.⁶⁶.

Многие из них за антисоветскую деятельность не раз привлекались к уголовной ответственности. Из 23 выселенных кулаков Карабудахкентского района 17 человек были осуждены ранее Советским судом на различные сроки. В Агульском районе из 37 кулаков осуждены были 23, в Унцукульском из 20 осуждены 6 человек, в Чародинском из 26 осуждены 8 человек и т. д.⁶⁷.

В прошлом выселенные кулаки имели крупные хозяйства.

Таким образом, ликвидация кулачества как класса в Дагестане происходила в своеобразных условиях, но на основе общих закономерностей социалистического строительства. Социально-экономическая отсталость республики, наличие патриархально-феодальных отношений, малочисленность рабочего класса и другие факторы наложили свой отпечаток на этот процесс, проведенный в три этапа.

Первый этап — 1930—1932 гг, когда из отдельных равнинных районов на основе массового колхозного движения была выселена верхушечная часть кулачества, а в некоторых районах были изъяты наиболее контрреволюционные элементы, ведущие активную борьбу против Советской власти. Второй этап — начало 1935 г., когда в равнинных и предгорных районах была завершена ликвидация остатков кулачества. Третий этап — сентябрь 1936 г., когда в горных районах на базе сплошной коллективизации был осуществлен переход к политике ликвидации как класса.

Следует указать еще на одну, весьма существенную, особенность политики ликвидации кулачества в Дагестане. Наряду с сельской буржуазией здесь были ликвидированы крупные, но не чисто предпринимательского, кулацкого типа хозяйства, по сути являющиеся полупатриархальными, полу-

⁶⁵ Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 17, д. 105, л. л. 196, 188.

⁶⁶ Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 17, д. 105, л. 188.

⁶⁷ ЦГА ДАССР, ф. 37 р., оп. 14, д. 16, л. л. 14, 17, 18, 27, 29, 30.

натуральными хозяйствами, имеющими с рынком не прочные связи. Этим самым в период осуществления политики ликвидации кулачества была успешно решена задача ликвидации феодально-патриархальных элементов, сдерживающих социалистическое преобразование сельского хозяйства республики.

В 1935—1936 гг. кулаки были переселены в основном в Казахстан и Киргизию. Партия и государство принимали все меры к тому, чтобы выселенные кулаки были приобщены к общественно-полезному труду. На местах новых поселений бывшим кулакам отпускались кредиты, стройматериалы, орудия производства, семена, продовольствие. Для трудового перевоспитания кулаки направлялись в совхозы и колхозы, где они прошли большую школу трудового воспитания.

Все это показывает, что коммунистическая партия и Советская власть главной своей целью ставили трудовое перевоспитание кулачества, а не репрессии против него. Об этом же свидетельствует и тот факт, что из 8419 кулацких хозяйств за пределы Дагестана были выселены около 1600 хозяйств или приблизительно 19% всех кулаков, имевшихся к 1929 г. Большинство же кулаков остались на местах и были привлечены к общественно-полезному труду.

По новой Советской конституции, принятой в конце 1936 года, всем бывшим кулакам были предоставлены все права граждан СССР. Борьба областной партийной организации за колхозный Дагестан, ликвидацию кулачества как класса, увенчалась полной победой. В 1940 году 1170 хозяйств объединили 175,5 тысяч или 98% крестьянских хозяйств. Им принадлежало 95,9% всех посевов, 95 проц. всего скота⁶⁸.

Окончательная и бесповоротная победа колхозного строя в Дагестане, ликвидация последнего эксплуататорского класса еще на одном примере подтверждала всю гениальность предвидения В. И. Ленина о возможности перехода с помощью русского рабочего класса экономически отсталых национальных республик к социализму, минуя капиталистическую стадию.

⁶⁸ «Советский Дагестан за 40 лет», статистический сборник, стр. 27, 32.

КООПЕРАТИВНЫЙ ПЛАН В. И. ЛЕНИНА И ЕГО РЕАЛИЗАЦИЯ В ДАГЕСТАНЕ

Излагая вопросы коллективизации сельского хозяйства, историки Дагестана недостаточно уделяют внимания местным условиям. Общеизвестно, что господство в сельском хозяйстве республики отсталых производственных отношений ставило перед Советской властью в Дагестане задачу ликвидации докапиталистических отношений как необходимое условие развития производительных сил и улучшения материального положения широких масс трудящихся горцев. Решение этой задачи в свою очередь было предпосылкой реорганизации сельского хозяйства Страны гор путем перехода горцев на путь социализма, минуя капитализм. Данная статья посвящена анализу деятельности партийной организации Дагестана по созданию колхозной собственности как важнейшего фактора строительства социализма на ранее отсталой окраине России.

* * *

Марксизм-ленинизм учит, а историческая действительность подтверждает, что социалистическое преобразование сельского хозяйства является для всех стран общей закономерностью при переходе от капитализма к социализму. Исходя из этой закономерности, Коммунистическая партия с первых дней взятия власти приняла ряд конкретных мер для решения сложного аграрного вопроса.

Общеизвестно, что открывшийся 25 октября 1917 года Второй Всероссийский съезд Советов принял внесенный В. И. Лениным декрет о земле, согласно которому земля как в центре, так и на местах передавалась Советам. Этим самым декрет о земле уничтожал помещичье землевладение и обеспечивал крестьян землей, удовлетворяя их вековые чаяния и надежды. Основное содержание декрета о земле состояло в том, что «крестьянство получало твердую уверенность, что помещиков в деревне больше нет...»¹.

¹ В. И. Ленин Т. 35, стр. 27.

С декретом был органически связан «Крестьянский наказ о земле», согласно которому устанавливались разные формы землепользования в виде уравнительного распределения земли между трудящимися, исходя из местных условий, трудовой или потребительской нормы. Подобная идеализация мелких единоличных хозяйств была не в духе Коммунистической партии. Однако, понимая настроения широких масс крестьянства, которые видели в уравнительности наиболее справедливый путь решения вопроса о земле, партия пошла на это и, как говорил В. И. Ленин, вписала в декрет «слово в слово» крестьянский наказ. Придя к государственной власти в стране, большевики-ленинцы, следуя учению марксизма, не могли и думать о том, чтобы экспроприировать мелких крестьян, как это было сделано с крупными землевладельцами. Задача по отношению к мелким крестьянам состояла прежде всего в том, чтобы их «частное производство, их собственность перевести в товарищескую, но не насильно, а посредством примера, предлагая общественную помощь для этой цели»².

Вместе с тем следует отметить, что первые преобразования в сельском хозяйстве проходили в стране специфично, имея национальную окраску, и, естественно, давали разные результаты. Обратимся к фактам.

Проведение в жизнь декрета о земле и на его основе социализация земли в 1917 году в центральной России означали ликвидацию помещичьего землевладения и повышение удельного веса среднего крестьянства в общей крестьянской массе. Создание здесь же в 1918 году комитетов бедноты и борьба против кулачества свидетельствовали о том, что Коммунистическая партия в любых условиях зорко охраняет интересы бедноты. Продовольственные отряды 1919 года убеждали среднего крестьянина в том, кто его друг, а кто враг, а также что значит для середняка Советская власть.

В. И. Ленин придавал исключительно большое значение работе комитетов бедноты и разъяснительной деятельности участников продовольственных отрядов. Высоко оценивая результаты их мероприятий, он писал: «Когда я читаю сообщение, что в Усманском уезде Тамбовской губернии продовольственный отряд из реквизированных 6 тысяч пудов хлеба 3 тысячи отдает беднейшему крестьянству, я говорю: если бы даже мне доказали, что до сего времени в России есть только один такой отряд, я все-таки сказал бы, что Советская власть свое дело делает. Ибо ни в одном государстве такого отряда нет!»³.

Все это, не говоря о других мерах, резко повышало классовую зрелость трудового крестьянства. Коммунистическая пар-

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 518.

³ В. И. Ленин, т. 36, стр. 428—429.

тия вовлекала широкие крестьянские массы центральной России в политическую жизнь и, опираясь на их активность, решала сложный аграрный вопрос. Кроме того, если иметь в виду, что, национализировав землю и конфисковав помещичьи хозяйства, Советское правительство создавало в центре показательные общественные кооперативные и государственные хозяйства — совхозы, то не остается сомнения в том, что крестьянин—собственник России быстро перевоспитывался в социалистическом духе. Это имело исключительно большое значение не только для укрепления власти Советов, защиты завоеваний Октября, но и для решения задач социалистического строительства в деревне.

Первые революционно-демократические мероприятия Коммунистической партии и Советского правительства на национальных окраинах, которые прошли капиталистический путь развития, не только решали общие задачи, но также укрепляли дружбу народов России, что имело немаловажное значение для молодой Советской власти. Преодолевая былое недоверие инонациональных масс к русскому народу, Коммунистическая партия своими мероприятиями постепенно изменяла психологию крестьянина-национала, поскольку он в условиях диктатуры пролетариата непременно должен был перейти на путь социалистического развития, так как социализм, говоря словами К. Маркса, показывал «возможность замены современной деспотической, порождающей пауперизм системы подчинения труда капиталу — республиканской и благородной системой ассоциации свободных и равных производителей»⁴.

Результаты первых революционно-демократических мероприятий на отсталых окраинах, вступивших на путь социализма, минуя капитализм, были гораздо богаче по своему содержанию и разнообразнее по форме. Прежде всего, общий для всех отсталых народов результат первых мероприятий партии и правительства состоял не только в том, что решался вопрос о земле, но и в основном в том, что благодаря им ликвидировались патриархально-родовые пережитки, разрушались рамки отсталого натурального хозяйства, превращавшегося в мелкотоварное. При этом подрывалось влияние мусульманской религии на широкие крестьянские массы. Как указывал В. И. Ленин, весь вопрос как теоретически, так и практически состоял в том, чтобы найти правильные способы преодоления пережитков прошлого⁵.

В связи с этим следует особо подчеркнуть, что путь к решению этих задач В. И. Ленин наметил в своей работе «О кооперации». Высоко оценивая роль кооперации вообще, В. И. Ленин писал, что «положение кооперативов в корне

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 16, стр. 199.

⁵ В. И. Ленин, т. 43, стр. 222.

принципиально меняется со времени завоевания государственной власти пролетариатом, с момента приступа пролетарской государственной власти к систематическому созданию социалистических порядков. Тут количество переходит в качество. Кооператив, как мелкий островок в капиталистическом обществе, есть лавочка. Кооператив, если он охватывает все общество, в котором социализирована земля и национализированы фабрики и заводы, есть социализм»⁶.

Учитывая опыт первых лет социалистического строительства, В. И. Ленин в последних статьях гениально определил роль кооперации в переходный период от капитализма к социализму. Руководствуясь теоретическими установками В. И. Ленина, XV съезд партии, состоявшийся в 1927 г., наметил курс на коллективизацию сельского хозяйства путем кооперации.

Важность, своевременность и необходимость перехода мелких единоличных крестьянских хозяйств к крупным социалистическим можно наглядно продемонстрировать на примере Дагестана.

В ноябре 1927 года состоялась IX Дагестанская областная партийная конференция, на которой коммунисты глубоко проанализировали состояние сельского хозяйства республики и наметили очередные задачи по развитию сельского хозяйства. Прежде всего необходимо было обеспечить общий подъем производительных сил села путем укрепления маломощных и в первую очередь бедняцких хозяйств; усилить работу по кооперированию крестьян с тем, чтобы, шире используя большую государственную помощь, обеспечить кооперирование всей бедноты, как единственный путь улучшения материального положения широких масс трудящихся. При этом кооперацией нужно было охватить все отрасли сельского хозяйства — полеводство, животноводство, садоводство и другие⁷.

Эти и многие другие задачи, выдвинутые как в отчетном докладе областного комитета партии, так и в резолюции конференции, определялись необходимостью резкого улучшения материально-бытового положения бедноты, и имели своей целью обеспечение победы социалистических производственных отношений в деревне.

Выполняя задачи социалистического строительства, руководствуясь известным письмом В. И. Ленина к коммунистам Кавказа, партийная организация Дагестана к 1927 году провела огромную работу в области сельского хозяйства. В Дагестане, как и по всей стране, имели место все виды кооперации, шел процесс постепенного поднятия уровня бедняцких

⁶ В. И. Ленин, т. 36, стр. 161.

⁷ «Красный Дагестан», 13 ноября 1927 г.

хозяйств до уровня середняцких. Несмотря на всю эту работу сельское хозяйство носило примитивный характер и не давало нужного эффекта.

В Дагестане были сильны патриархально-феодалные пережитки. Наличие их создавало богатую почву для кабальных отношений в деревне. Социалистические производственные отношения были тут только в зародыше и не оказывали на сельскую жизнь большого влияния. Поэтому и в 1927 г. бедняцкая часть крестьянства Дагестана находилась в кабальной зависимости от зажиточной части села. В силу всего этого решения XV съезда приобрели большое значение, и в Дагестане этому съезду уделялось огромное внимание. По его окончании газета «Красный Дагестан» писала: «Только что закончился XV съезд, приняв ряд важных решений, определяющих дальнейшие пути социалистического строительства. Нет сомнения в том, что решениями съезда интересуются широкие массы. Развертывая кампанию по проработке решений съезда, нельзя забывать, что не везде формы и методы этой проработки могут быть одинаковы»⁸. С целью обеспечения успешного проведения этой большой политической кампании областной комитет партии направил местным органам циркулярное письмо, в котором определялись формы и методы изучения материалов съезда. В письме особо подчеркивалась важность курса партии в области сельского хозяйства и предлагалось шире проанализировать состояние крестьянских масс аула с тем, чтобы умело реализовать идеи коллективизации в условиях Дагестана⁹.

В течение января и февраля 1928 года почти во всех округах республики состоялись собрания партийного актива, где выступали делегаты съезда. В городах были проведены общие отраслевые (пищевиков, железнодорожников и т. д.), партийные собрания с обсуждением итогов XV съезда. На этих собраниях трудящиеся Страны гор горячо выражали свою солидарность с политической линией Центрального Комитета ВКП(б) и всецело одобряли решения съезда. Как и вся партия, каждый коммунист Дагестана осуждал группу оппозиционеров, которая не имела ничего общего с партией, и заверял Центральный Комитет, что приложит все усилия для выполнения решений съезда и укрепления единства партии.

В конце мая—начале июня областной комитет партии провел свой очередной пленум, который обсуждал вопросы, вытекающие из решений съезда. Вопрос «О состоянии сети сельскохозяйственной кооперации и очередные задачи» был на пленуме центральным.

⁸ «Красный Дагестан», 1 января 1928 г.

⁹ Там же, 4 января 1927 г.

Участники пленума отметили историческое значение решений XV съезда партии по сельскому хозяйству, особо подчеркнув важность их для Дагестана, где работа по кооперированию мелко-крестьянских хозяйств проходила с большим трудом. Эта сама по себе трудная задача усугублялась в Дагестане тем, что была низка культура широких народных масс и недостаточна материальная база. Очень слаб был аппарат кооперации как в центре, так и на местах, что было связано с наличием в Дагестанской партийной организации большого числа азбучно неграмотных.

На основании глубокого анализа состояния сельскохозяйственной кооперации, пленум принял развернутое решение, взяв курс на коллективизацию сельского хозяйства. «Учитывая, что основная задача партии в деревне является коллективизация сельского хозяйства, — говорится в резолюции пленума, — принять решительные меры к укреплению и расширению колхозного строительства»¹⁰.

С целью успешной реализации решений XV съезда пленум разработал программу колхозного строительства. Прежде всего предлагалось пересмотреть социальный состав членов существующих колхозов, очистить последние от чуждых элементов и ликвидировать лжеколхозы; укрепить колхозы путем вовлечения бедняцко-середняцких хозяйств, обратив особое внимание на вовлечение в колхозы женщин-горянок, коммунистов и комсомольцев. Далее предлагалось максимально и своевременно снабжать колхозы всем необходимым — машинами, семенами и стройматериалами; строго проводить землеустройство колхозов, выделяя для них лучшие земельные участки из государственного фонда; обеспечить сбыт колхозной продукции; усилить работу по специализации кооперативов, создавая маслодельные, сыроваренные, огороднические и другие товарищества. В заключение предлагалось принять меры к созданию 5—6 показательных колхозов.

Все это говорит о том, что партийная организация республики не только взяла курс на коллективизацию, но и вооружила коммунистов конкретной программой реализации решений XV съезда партии.

Эту трудную задачу реорганизации сельского хозяйства Страны гор путем коллективизации партийная организация Дагестана решила благодаря огромной помощи со стороны союзного правительства и Центрального Комитета партии. Осенью 1928 г. ЦК проверил работу партийной организации республики и выявил ряд недостатков в реализации ленинского кооперативного плана. Например, темпы роста кооперации были незначительны. При 14% кооперирования крестьянских

¹⁰ «Звезда», 1928, № 3, стр. 49.

масс в среднем по Дагестану ежегодный прирост был равен одному проценту. Процент кооперирования в горах был вдвое меньше, чем по республике в целом. Все это говорило о том, что работа с широкими массами, и особенно с беднотой, проводилась слабо. Хотя партийная организация республики еще в июле 1927 года на пленуме обкома определила, исходя из рекомендаций ЦК, формы и методы работы с массами через бедняцкие группы и бедняцкие собрания, в практической деятельности были допущены ошибки. Группы бедноты иногда создавались по квартальному принципу и в них проникали представители зажиточной части, используя их в своих целях, особенно в отношении кредитования. Это, в свою очередь, тормозило ликвидацию кабальных отношений в деревне, не создавая условий для успешной борьбы с ними.

Обсудив итоги проверки на пленуме в октябре 1928 г., областной комитет партии принял развернутое решение¹¹. Руководствуясь им, областной комитет усилил работу по проведению курса партии на коллективизацию сельского хозяйства. С целью конкретного руководства колхозным строительством областной комитет партии решил созвать Вседагестанский съезд колхозов. Ведя подготовку к съезду, Наркомзем наладил точный учет всех имеющихся в республике колхозов. Мобилизовав агрономические силы, Наркомзем обследовал колхозы Хасавюртовского и Дербентского округов. При проверке изучался социально-экономический состав колхозников, выяснялась степень обеспеченности коллективных хозяйств сельхозмашинами и рабочей силой, определялся уровень усвоения и проведения в жизнь идеи коллективизации. Кроме того, вскоре после пленума был проведен месячник колхозного строительства. Это мероприятие было осуществлено с целью перевыборов в колхозах и очистки правления от классово чуждых элементов.

После большой подготовительной работы, в декабре 1928 года открылся I Вседагестанский съезд колхозов, который заслушал доклад о состоянии колхозной сети в Дагестане¹².

После широкого обсуждения хода реализации ленинского кооперативного плана съезд учредил Колхозсоюз, избрал правление, совет союза и ревкомиссию. Перед колхозсоюзом и его правлением областной комитет партии поставил конкретные задачи по проведению коллективизации сельского хозяйства с целью обеспечения победы социалистических производственных отношений в деревне. Во-первых, требовалось закрепить достигнутые успехи путем ликвидации всех имеющихся недостатков (слабое экономическое положение, отсутствие

¹¹ Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 9, д. 11. (Стенограмма пленума).

¹² «Красный Дагестан», 18 декабря 1928 г.

внутриколхозного учета, отчетности, перспективного планирования и т. д.); во-вторых, улучшить кредитование колхозов; в-третьих, реализуя земельно-водную реформу, провести для колхозов землеустройство и наделение землей в первую очередь за счет лучших земель; в-четвертых, шире удовлетворять заявки колхозов на сельхозмашины, усилить подготовку кадров для колхозов и развернуть агитационно-массовую работу среди колхозников, выпуская литературу на местных языках.

Эти установки областного комитета партии были всецело направлены на выполнение решений XV съезда партии в условиях Дагестана. Так начался новый этап колхозного строительства в республике.

Вооружившись конкретным планом деятельности, Колхозсоюз развернул большую организационно-массовую работу по формированию социалистических производственных отношений в ауле. Прежде всего процесс создания колхозов в том или ином округе тесно увязывался с перспективным планом республики на 2—3 года. Большое внимание уделялось повышению урожайности в коллективных хозяйствах путем более рационального использования сельхозтехники; сказывалась огромная помощь колхозам семенными ссудами, причем ссуды взыскивались не из ближайшего урожая, а из последующего. Колхозсоюз стал внимательно изучать условия гор, в результате чего в горах создавались животноводческие, садоводческие и другие коллективные хозяйства. Была развернута агитационно-массовая работа. В 1929—1930 гг. выпускалось еженедельное кооперативное приложение к республиканской газете под заголовком «За кооперацию, за коллективизацию», где широко освещались важнейшие вопросы социалистического переустройства аула, подводились итоги проведенной работы, определялись очередные задачи и перспективы развития.

Процесс коллективизации особенно усиливается на плоскости. Плоскостные районы Дагестана к концу 1929 года и в начале 1930 года переживают процесс сплошной коллективизации. Начало положил Махачкалинский, Хасавюртовский, Буйнакский и Бабаюртовский районы. В эти и другие районы сплошной коллективизации для оказания помощи областной комитет послал ответственных работников, направил дополнительную технику.

Благодаря принятым мерам процент коллективизированных хозяйств в республике резко возрос. Если к концу 1928 года он составлял всего 3,33%, то к марту 1929 года увеличился до 9,1% от общего числа крестьянских хозяйств. По уставным нормам колхозное строительство характеризовалось следующими цифрами. В 1928 году имелись 2 коммуны, 203 сельхозартели и 27 ТОЗов, а в 1929 году—7 коммун, 305 сельскохозяйственных артелей, 51 ТОЗ. По своей специализации кол-

дективные хозяйства в 1928 году разделялись на 218 полеводческих, 3 животноводческих и 11 садоводческих, а в 1929 году — на 319 полеводческих, 29 животноводческих и 18 садоводческих¹³.

Общеизвестно, что процесс коллективизации сопровождался усилением классовой борьбы, антисоветские элементы сообразно обстановке меняли свою тактику. Следует отметить, что чем шире разворачивался фронт борьбы за коллективизацию, тем больше разгоралась классовая борьба в стране. Начав с поджога, убийства, порчи сельхозмашин, враги переходили к скрытым формам. Выступая под лозунгом «За колхозы», они проникали в колхозы и, подрывая изнутри, старались доказать их нежизнеспособность. Кроме этих общеизвестных форм, в дагестанской деревне наблюдались и более тонкие методы борьбы с коллективизацией. С этой целью использовались, например, родственные связи. В селении Халимбек-аул Буйнакского района у 40 кулаков было конфисковано 40 гектаров садов. Советские органы вынуждены были их вернуть хозяевам, так как никто из колхозников не шел работать в эти сады. При проверке оказалось, что больше половины населения аула имели родственные связи с их владельцами. Более того, благодаря родственным связям классовые враги добивались отказа населения от колхозных работ, в результате чего колхоз по существу разваливался. Или, например, местный кулак щедро дарил скот бедняку-родственнику с тем, чтобы он вышел из колхоза и вел агитацию против коллективизации¹⁴.

Живучесть феодально-родовых пережитков у населения окраин, которые вступили на путь социализма, минуя капитализм, осложняла классовую борьбу в деревне, а это, в свою очередь, затрудняло здесь процесс коллективизации. Но дело не только в этом. Недостаточную работу среди населения и прежде всего среди бедноты, дурной пример отдельных коммунистов, просчеты, ошибки и нарушения, имевшие место в деятельности партийных и советских органов ловко и умело использовали в своих целях антисоветские элементы. В результате широкие народные массы начали отходить от коллективизации, а это тормозило формирование и укрепление социалистических производственных отношений в деревне.

Учитывая подобные недостатки в стране в целом, ЦК ВКП(б) проанализировал ход коллективизации и 14 марта 1930 года принял известное постановление «О борьбе с искривлениями партлинии в колхозном движении».

Руководствуясь указаниями ЦК ВКП(б), областной комитет партии принял ряд мер, направленных на развитие кол-

¹³ Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 10, д. 156, л. 394.

¹⁴ Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 10, д. 156, л. 359.

лективизации сельского хозяйства. В течение марта 1930 года были подвергнуты тщательной проверке Казбековский, Хасавюртовский, Караногайский, Бабаюртовский, Ботлихский, Кормаскалинский, Цумадинский, Табасаранский, Шелковской и другие районы. Проверка показала, что в ряде районов допущены грубейшие нарушения директив ЦК по вопросу коллективизации. Обсудив итоги проверки, бюро обкома партии приняло развернутое решение. За слабое руководство колхозным строительством были освобождены от работы председатель Дагколхозсоюза Тымчук и председатель Дагживотноводсоюза Блудкин. За допущенные грубые нарушения были сняты с работы секретари Шелковского, Ахтынского, Ботлихского, Гунибского райкомов партии. В конце марта областной комитет партии командировал в районы 34 ответственных работника с целью разъяснения директив партии и исправления допущенных ошибок. Во всех городах республики были проведены собрания партийного актива, на которых обсуждался вопрос о коллективизации и оказания помощи селу. Руководство Цумадинского, Казбековского, Хасавюртовского, Бабаюртовского, Кормаскалинского районов было усилено¹⁵.

Исходя из постановления ЦК ВКП(б), областной комитет партии определил очередные задачи сельских партийных организаций и дал конкретные установки о дифференцированном руководстве колхозным строительством на плоскости, в условиях предгорья и в горах.

Согласно решению обкома в плоскостных районах необходимо было уточнить сеть колхозов, укрепить их руководителями-коммунистами, определить направление колхозов и их специализацию. Одновременно рекомендовались такие формы, как ТОЗы. В предгорных районах они были определены, как основная форма колхозного строительства. Для ТОЗов необходимо было без волокиты выделить лучшую землю, а в имеющихся колхозах укрепить трудовую дисциплину, создать бедняцко-батрацкие группы.

Иные задачи были выдвинуты перед горными районами. Исходя из малоземелья и наличия террасных угодий, а также учитывая культурную отсталость населения, основное внимание здесь необходимо было обратить на вовлечение крестьян в простейшие формы сельскохозяйственной кооперации и прежде всего — по переработке и сбыту продуктов животноводства и садоводства. Вместе с этим следовало принять меры к организационно-хозяйственному укреплению оставшихся в горах колхозов, оказывая им материальную и техническую помощь, а где нет условий для существования сельхозартелей перейти к более простым формам — ТОЗам¹⁶.

¹⁵ Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 11, д. 3, л. 17.

¹⁶ Там же, л. 25—28.

В июне 1930 г. состоялась XI Дагестанская партийная конференция, которая наряду с другими вопросами, обсудила состояние сельского хозяйства в республике.

Конференция своим решением обязала всех коммунистов вести работу строго дифференцированно, исходя из местных условий и учитывая социально-экономическую направленность земельно-водной реформы. Особенно важно было улучшить руководство колхозами со стороны Дагколхозсоюза, составлять в колхозах годовые производственные планы и рабочие задания на период тех или иных сельскохозяйственных кампаний. Дагколхозсоюз обязан был поднять роль производственных совещаний, шире развернуть социалистическое соревнование и ударничество среди колхозников, усилить подготовку колхозных кадров¹⁷.

Осуществляя решения XI партконференции, партийные и советские органы усилили работу в деревне. Этому очень способствовало то, что в августе 1930 года Центральный Комитет ВКП(б) принял развернутое постановление о колхозных партийных организациях, в котором были определены структура, цели и задачи колхозной ячейки. Выполняя свои задачи под руководством районных комитетов, партийные организации колхозов провели перевыборы их руководящих органов и удалили чуждые элементы, пробравшиеся к руководству. В результате партийное руководство в колхозах значительно усилилось. Этим и объясняется тот факт, что отпор кулачеству сказывался уже сильнее, на базе развертывания социалистического соревнования и лучшей организации труда колхозников.

Находясь в составе Северо-Кавказского края, Дагестан успешно выполнил задания первой пятилетки по сельскому хозяйству. За пятилетие были организованы 21 совхоз, 850 колхозов, которые объединили 42 тыс. крестьянских хозяйств, что составляло 22,6% всех крестьянских хозяйств республики. По посевным площадям пятилетка была выполнена на 102%. Иначе говоря, посевная площадь за годы пятилетки возросла с 210,7 тыс. га в 1927—1928 году до 342,3 тыс. га в 1932 году. Следует особо отметить, что 33% всех посевных площадей засеивали колхозы. В области животноводства социалистический сектор возрос в 3 раза¹⁸.

Все эти успехи были достигнуты благодаря огромной помощи трудящихся передовых районов страны и прежде всего русского народа. Эти успехи свидетельствуют также о том, что Дагестанский областной комитет партии, изжив допущенные ошибки, умело руководил процессом создания колхозного

¹⁷ Там же, д. 5, л. 329—353.

¹⁸ «История Дагестана», т. III, стр. 240.

строю с тем, чтобы обеспечить победу социалистических производственных отношений в ауле. К этому были направлены решения очередной XII Дагестанской областной партийной конференции.

XII областная партийная конференция заслушала доклад секретаря обкома партии Шарапилова о социалистической реконструкции сельского хозяйства¹⁹. Анализируя ход реконструкции сельского хозяйства, участники конференции отметили крупные успехи в этом деле. Одновременно они указали на ряд недостатков и определили пути дальнейшего развития коллективизации сельского хозяйства республики. Решения конференции всецело исходили из директивных установок XVII конференции ВКП(б) по составлению второй пятилетки в области сельского хозяйства.

Определяя задачи второй пятилетки в области сельского хозяйства, XVII партийная конференция признала необходимым завершить реконструкцию сельского хозяйства с тем, чтобы машинно-тракторные станции охватили все колхозы и в основном завершили механизацию сельскохозяйственного производства. Что касается животноводства, то следовало настолько увеличить поголовье скота, чтобы можно было считать проблему животноводства в стране в основном решенной²⁰.

Исходя из этих и других директив партии в области сельского хозяйства и реализуя решения XII областной конференции, партийная организация республики определила конкретные задачи второй пятилетки в деле развития сельского хозяйства Дагестана. При этом областной комитет партии строго учитывал почвенно-климатические условия Дагестана. Республика имела возможность выращивать ценные технические культуры, однако одновременно с этим значительная часть посевных площадей сохранилась для выращивания зерновых культур, а также для создания кормовой базы животноводства.

В соответствии с этим были определены следующие предварительные контрольные цифры. Вся посевная площадь республики увеличилась с 372,60 тыс. га до 724,96 тыс. га. При этом огромное развитие получали технические культуры. В 1932 году общая площадь этих культур составляла 49 тыс. га, а за годы пятилетки предполагалось увеличить ее до 157,7 тыс. га. Большие задачи намечались и в области животноводства. Стадо крупного рогатого скота, например, планировалось увеличить с 557,3 тыс. до 870 тыс. голов. О масштабе работы по развитию сельского хозяйства ярко свидетельствуют денежные затраты. За годы второй пятилетки на развитие сельского хозяйства предполагалось израсходовать 1410 тыс.

¹⁹ Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 13, д. 1. Стенограмма конференции.

²⁰ КПСС в резолюциях..., ч. III, изд. 7, 1957, стр. 153.

руб., тогда как за годы первой пятилетки было израсходовано всего 282700 рублей²¹. Резко возростала техническая оснащенность сельского хозяйства Дагестана. Достаточно отметить, что только автотранспортный парк возростал с 50 до 1268 единиц, не говоря о сельскохозяйственных машинах, число которых также резко увеличивалось.

Госплан СССР рассмотрел вопрос о развитии сельского хозяйства в годы второй пятилетки и в целом одобрил намеченные контрольные цифры. Одновременно было указано, что основным направлением в области сельского хозяйства республики во втором пятилетии должно быть развитие животноводства, а также, учитывая природные условия Дагестана, — развитие плодоводства, виноградарства, овощеводства и выращивание южных технических культур. При этом принимались намеченные Дагестаном на 1937 год показатели увеличения поголовья овец до 2850 тыс. и крупного рогатого скота до 870 тыс. голов²².

Принимая намеченные контрольные цифры, центральные органы страны обратили внимание партийной организации республики на необходимость обеспечения указанного роста за счет развития совхозных и колхозных ферм, а также создания всех условий, способствующих выращиванию продуктивного скота отдельными колхозниками для личных нужд. Вместе с тем перед областным комитетом партии ставилась задача уделять больше внимания повышению качества поголовья скота и товарности животноводства путем проведения ряда комплексных зооветеринарных мероприятий, таких, как массовая метизация всех видов скота, улучшение содержания скота, создание прочной кормовой базы. В связи с этим требовалось агрономическое улучшение пастбищ и луговых угодий, внедрение силосования и т. д.

Определяя конкретные задачи по таким отраслям сельского хозяйства, как овощеводство, плодоводство, виноградарство, центральные органы отмечали, что Дагестан должен стать богатейшей сырьевой базой для быстро развивающейся пищевой промышленности страны, а также занять видное место в общесоюзном плане снабжения промышленных центров свежими овощами и фруктами.

Важнейшей задачей в области сельского хозяйства Дагестана во втором пятилетии являлось коренное улучшение сельскохозяйственного производства в горах путем развития не только животноводства, но и садово-огородного хозяйства. При этом требовалось улучшение учета и отчетности сельскохозяйственных кооперативов, организационно-хозяйственное

²¹ Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 13, д. 91, л. 13.

²² Там же, л. 30.

их укрепление, улучшение дорожного строительства, промышленная переработка сырья на месте. Одновременно во весь рост выдвигалась задача подготовки кадров из местного населения нагорного Дагестана.

Все вышеизложенное свидетельствует о том, с каким большим вниманием и заботой о горцах были рассмотрены центральным правительством перспективы развития сельского хозяйства в Дагестане. Это было огромной помощью ЦК партии и Советского правительства областной партийной организации и правительству Дагестана, опираясь на которую, можно было развивать здесь строительство социализма, минуя капитализм.

Уточнив задачи второй пятилетки, партийная организация развернула борьбу за их выполнение. В январе 1933 года областной комитет партии решил созвать первый съезд простейших производственных объединений Дагестана (ППО) с тем, чтобы решить очередные задачи коллективизации сельского хозяйства. На съезде, состоявшемся весной 1933 года, были представлены все районы Дагестана. Проанализировав состояние ППО, съезд с целью дальнейшего развития процесса социалистической реконструкции сельского хозяйства избрал правление этих объединений, ревизионную комиссию и другие органы²³.

Делегаты съезда обратились ко всем членам ППО и труженикам села со специальным обращением, в котором разъяснялись преимущества ППО перед индивидуальным хозяйством, говорилось о той помощи, которую получает от государства беднота, объединенная в ППО. В частности, в области животноводства члены ППО платили арендную плату за пастбища на 50% меньше, чем частные лица. При выполнении государственных налоговых обязательств членам объединения предоставлялась 25% скидка, которая поступала в распоряжение ППО как фонд премирования. Все доходы, получаемые членами объединения от реализации излишков своего личного хозяйства, вообще освобождались от налога, от сельхозналога в частности. Бедняки и середняки, состоящие в ППО, в первую очередь получали хлеб из фонда завода. Нормы сдачи мяса для членов объединения были на 33—40% ниже, чем для единоличников, по молоку — на 16—58%, по шерсти — на 10—20% в зависимости от мощности личного хозяйства и наличия товарных ферм у самого производственного объединения.

Все эти данные говорят о том, что партийная организация Дагестана и в период второй пятилетки всецело исходила из ленинских установок о необходимых уступках его населению.

²³ «Дагестанская правда», 23 марта 1933 г.

Подобная политика Советской власти горячо одобрялась широкими народными массами села, которые активно участвовали в социалистическом преобразовании сельского хозяйства.

В январе—феврале того же 1933 года областной комитет партии провел агрозоветпоход. Цель этого похода заключалась в том, чтобы организационно-хозяйственно и социально-политически укрепить колхозное строительство в республике. В процессе похода широко велась работа по ликвидации агрозоветнеграмотности сельского населения, по всесторонней подготовке к весенним сельскохозяйственным работам под флагом борьбы за высокий урожай.

Следует особо отметить, что областной комитет партии определял задачи похода дифференцированно, соответственно социально-экономическим и общественно-политическим условиям плоскости, предгорья и гор.

Так, например, на плоскости необходимо было сплотить колхозный актив и организационно-хозяйственно укрепить колхозы, очищая их от чуждых элементов. С этой целью следовало четко организовать учет труда и правильное распределение доходов, что способствовало укреплению дисциплины и повышению производительности труда. При этом велась беспощадная борьба с лодырями, оказывалось воздействие на нерадивых, плясавших под кулацкую дудку.

В предгорных районах широко популяризовались лучшие образцы колхозного производства, велась большая работа по созданию бригад, подготовке и подбору бригадиров.

В горах проводились такие мероприятия, которые способствовали подъему животноводства, а также садового хозяйства крестьянина-бедняка. При этом особое внимание уделялось развитию простейших производственных объединений типа товариществ по совместному выпасу и содержанию скота, по совместному ведению садового хозяйства.

В целом поход был направлен на улучшение партийно-политической и организационно-массовой работы среди горцев, на укрепление партийных ячеек ППО и колхозов. Агрозоветпоход возглавляли специалисты Наркомзема республики. Были также мобилизованы многие партийные и советские работники.

Вся эта работа несомненно дала положительные результаты. Об этом свидетельствуют итоги весеннего сева 1933 года. Дагестанская республика по существу первой в Союзе к 10 мая закончила сев. В стране же в целом план сева на эту дату был выполнен только на 44,7%. В союзном масштабе первое место занял Северо-Кавказский край, а в крае — Дагестан. По сравнению с 1932 годом страна гор расширила посевную площадь на 20 тыс. га. Это была крупная победа в утвержде-

нии новых производственных отношений на равнинах, в ущельях и горах Дагестана. Такому успеху безусловно способствовал январско-февральский агрозоветпоход, который явился массовым движением за социалистическую реконструкцию сельского хозяйства, за создание в аулах Дагестана нового быта. Так, например, в период похода только в горном Курахском районе было организовано 14 новых производственных объединений с охватом около 400 крестьян, причем из них около 200 были обучены агрограмоте²⁴.

В марте 1933 года областной комитет партии созвал совещание секретарей районных комитетов партии, на котором были заслушаны доклады райкомов четырех горных районов республики о выполнении решения бюро обкома от 22 апреля 1932 г. «О работе в горных районах Дагестана и задачах производственных объединений». Отчеты Гунибского, Кахибского, Курахского и Цумадинского районных комитетов партии показали, что партийные организации на местах, руководствуясь решениями бюро Северо-Кавказского краевого комитета от 26 октября 1931 г. и указаниями областного комитета партии, проделали значительную работу. В своих решениях совещание отметило, что партийные органы горных районов улучшили работу с беднотой и расширили массовую работу среди всего населения гор.

В результате были достигнуты определенные успехи в коллективизации, развитии животноводства, как ведущей отрасли сельского хозяйства в горах. Так, например, в Гунибском районе в 1932 году было 78 тыс. овец, а в марте 1933 года их стало 80 тыс.; крупного рогатого скота было 22 тыс., а стало 28 тыс. голов. В 1932 году здесь было 22 колхоза, которые объединяли 1126 хозяйств, что составляло 13% всех крестьянских хозяйств района. Раньше районный комитет партии почти не обращал внимания на простейшие формы производственных объединений, в результате чего значительно задерживался процесс коллективизации в горах. Реализуя вышеуказанные решения партийных органов, районный комитет только в 1932 году способствовал созданию 12 простейших объединений. Подобные успехи имели место и в других горных районах²⁵. В феврале 1933 года районный комитет партии провел съезд представителей простейших объединений, на котором был широко разъяснен смысл и значение коллективизации сельского хозяйства, выгода коллективного ведения хозяйства в трудных условиях нагорного Дагестана.

На совещании с большой речью выступил первый секретарь областного комитета партии А. Цехер, который говорил

²⁴ «Дагестанская правда», 28 мая 1933 г.

²⁵ Архив Дагобкома КПСС, ф 1., оп. 14, д. 127. Стенограмма совещания.

о перспективах коллективизации в нагорном Дагестане и конкретных задачах партийных органов по проведению курса партии на ликвидацию кулачества как класса. Подчеркивая наличие благоприятной обстановки для осуществления генеральной линии партии, Цехер отметил необходимость подготовки в горах условий для перехода от политики ограничения кулачества к его ликвидации. При этом он особо подчеркнул значение развития животноводства в горах для укрепления союза бедноты со средним крестьянством.

Совещание уделило большое внимание дальнейшему развитию и укреплению простейших производственных объединений во всех отраслях сельского хозяйства нагорного Дагестана.

Широкое обсуждение отчетов четырех районных комитетов партии, обмен мнениями по вопросам работы в горах, выступления ряда руководящих работников республики и принятые совещанием решения несомненно положительно сказались на дальнейшем развитии коллективизации в горах.

Летом 1933 года состоялся очередной пленум обкома партии, на котором был заслушан доклад о ходе коллективизации в республике²⁶. Пленум отметил, что коллективизация как на плоскости, так и в горных районах протекает в неодинаковых темпах. Анализ хода коллективизации показывал, что на плоскости имеются районы, которые успешно проводят курс партии в области сельского хозяйства, развивая колхозное строительство и ведя решительную борьбу с кулачеством; к таким районам относились Кизлярский, Буйнакский, Шелковской и другие районы, стоявшие накануне завершения коллективизации сельского хозяйства. Однако были и такие районы, как Хасавюртовский, Бабаюртовский, Махачкалинский, Дербентский, которые, имея все возможности для успешного проведения коллективизации, охватили этим процессом только 50—60% крестьянских хозяйств. В этих районах слабо велась борьба против кулачества, за организационно-хозяйственное укрепление колхозов. Так, например, в сел. Яхши-Тухум Бабаюртовского района на 12 июня 1932 года числилось 1608 овец, а при проверке 5 марта 1933 года их оказалось лишь 217 голов. Все остальные овцы были разбазарены под влиянием агитации кулаков²⁷.

В отдельных предгорных и плоскостных районах коллективизация проводилась совершенно неудовлетворительно. Например, партийные и советские органы Коргмаскалинского района подходили к коллективизации не дифференцированно. Считая свой район предгорным, они забывали, что некоторые населенные пункты, как например, Губден, Утамыш и др., на-

²⁶ Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 14, д. 2. Стенограмма пленума.

²⁷ Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 14, д. 2, л. 80.

ходятся на плоскости и следовательно имеют все условия для создания колхозов. В результате отсутствия необходимой дифференции, этот район не только не использовал имеющиеся возможности, но и тормозил коллективизацию сельского хозяйства республики в целом.

Все это, однако, не означает, что задания второй пятилетки в Дагестане не выполнялись. Несмотря на наличие ряда недостатков, процесс коллективизации протекал здесь удовлетворительно. Так, например, если в 1931 году на плоскости колхозами было засеяно 37 тыс. га, то в 1933 году — 67 тыс. га, по предгорным районам соответственно 9300 и 14 тыс. га, а по всему Дагестану — 46 и 81 тыс. га²⁸.

Тем не менее по сравнению с другими районами страны процент коллективизации в Дагестане был невелик. Поэтому, исходя из решения январского (1933 г.) пленума ЦК и ЦКК, партийная организация приняла ряд конкретных мер для ускоренного выполнения заданий по коллективизации сельского хозяйства²⁹. Речь шла не только о создании политотделов при МТС и мобилизации лучших работников из республиканского актива на работу в деревню, что уже было осуществлено, а о других не менее важных мерах по завершению коллективизации сельского хозяйства и созданию колхозного строя в Стране гор.

19 октября 1933 года бюро областного комитета партии приняло решение «О работе в горных аулах», на основе которого было принято совместное постановление обкома партии, ЦИК и СНК ДАССР «О развитии и улучшении животноводства в горах». Однако, желая ускоренными темпами решить проблему животноводства, центральные органы республики недостаточно учитывали реальную обстановку в горах, а именно наличие кулацких хозяйств, которые могли укрепить свою материальную базу.

Полагая, что в горах центральное место занимает средний слой крестьянства, республиканские органы считали необходимым резко поднять животноводство в горах за счет развития индивидуальных хозяйств. Свою линию они обосновывали тем, что простейшие производственные объединения с малочисленным поголовьем скота нерентабельны и не дают достаточного хозяйственного эффекта. Поэтому директивными документами животноводу-единоличнику разрешалось иметь (без найма чабана) 200—250 и более овец³⁰. Разумеется, животновод-единоличник, имея столько овец, через год мог перерасти в крупного кулака, которому чужды какие бы то ни было производственные объединения.

²⁸ Там же, л. 78.

²⁹ Там же, д. 1, л. 5—11. (Постановление пленума).

³⁰ Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 14, д. 1.

Ошибочность вышеуказанных директив становится особенно ясной, если иметь в виду, что в 1933 году простейшие объединения обобществляли только 8% скота крестьянских хозяйств, а по отдельным объединениям и того меньше. В целом по Дагестану на 9 тыс. хозяйств, входивших в простейшие объединения, приходилось 15 тыс. овец, что составляло 12—15 голов на хозяйство³¹. Вместо того, чтобы развивать эти хозяйства и тем самым показать выгодность производственных объединений, республиканские органы взяли ошибочный курс на развитие индивидуальных хозяйств с тем, чтобы разрешить проблему животноводства в нагорном Дагестане.

В целом указанные решения не соответствовали генеральной линии партии — политике ограничения и вытеснения кулачества, как последнего эксплуататорского класса. Поэтому Северокавказский краевой комитет партии обратил на это самое серьезное внимание. В октябре эти документы были тщательно обсуждены на заседании бюро краевого комитета партии. 23 октября 1933 г. краевой комитет принял решение, в котором были отмечены грубые политические ошибки, допущенные республиканскими органами Дагестана, извратившими основную линию партии, направленную на борьбу против кулачества при прочной опоре на бедноту, в союзе с середняком³².

Бюро Северокавказского краевого комитета указало, что эти извращения особенно резко проявились в следующих фактах:

Во-первых, установление слишком высокой нормы поголовья овец у животновода-единоличника 200—250 и даже более голов. Нет сомнения, что такая норма позволяла кулаку использовать этот закон в своих классовых интересах.

Во-вторых, массовый пересмотр списков лишенцев, который давал возможность кулацким элементам противостоять политике ограничения. При этом основной вред такой установки заключался в том, что она ослабляла бдительность низового аппарата в деле выявления и вытеснения кулачества как класса.

В-третьих, отсутствие заостренности в постановке вопроса о борьбе с кулачеством, разоблачении его маневров и махинаций, к которым он прибегал в условиях отсталого аула при наличии родового влияния. В специфических условиях Дагестана проводить политику ограничения и вытеснения кулачества как класса нужно было с максимальной четкостью с тем, чтобы широкие народные массы, и особенно многочисленные родственники кулака, ясно осознали необходимость и це-

³¹ Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 14, д. 127, л. 10.

³² Там же, д. 74, л. 257.

лесообразность такой политики партии в условиях строительства нового социалистического общества, отвечающего интересам всех трудящихся.

В-четвертых, решения ДК и СНК обошли вопрос о бедноте. Разрешая животноводам содержать большое количество овец, партийная организация не намечала каких-либо мер помощи бедноте, в частности путем дальнейшего укрепления и развития простейших объединений в целях сохранения и увеличения поголовья овец у бедноты. Особо следует отметить, что единоличники-животноводы, увеличивая свое индивидуальное хозяйство, могли подорвать веру бедноты в простейшие объединения, а следовательно и в социалистические производственные отношения в животноводстве.

Северокавказский краевой комитет партии не только изъясил эти документы, но и осудил выступления в печати первого секретаря обкома партии А. Цехера и предсовнаркома. К. Мамедбекова, сделанные в духе этих документов. Крайком принял соответствующее решение и обязал областной комитет партии срочно обсудить его в партийной организации.

30 октября 1933 года состоялось расширенное заседание бюро обкома, на которое были приглашены секретари районных комитетов партии³³. Бюро заслушало доклад А. Цехера «О работе в горных районах». Докладчик отметил важность решения крайкома партии и выразил ему глубокую благодарность за отеческую заботу о горцах. Он указал на ошибочность установок областного комитета партии в решении вопроса о животноводстве и заверил Центральный Комитет ВКП(б) и краевую партийную организацию, что областной комитет партии будет проводить свою работу в духе решения бюро крайкома от 23 октября 1933 г.

На заседании бюро с большой речью выступил секретарь крайкома Рябоконь, который еще раз отметил ошибочность и вредность установок республиканских органов по вопросам животноводства. В своем выступлении он поставил конкретные задачи и выразил уверенность, что партийная республика успешно их выполнит³⁴.

Исправляя допущенные ошибки, областной комитет партии развернул широкую деятельность по дальнейшему развитию кооперирования сельского хозяйства и подъему животноводства в горах. На протяжении 1933 года вопросы развития сельского хозяйства неоднократно обсуждались на заседаниях бюро обкома, которое заслушивало отчеты районных комите-

³³ Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 14, д. 18. (Стенограмма заседания).

³⁴ Там же, л. 139—177.

тов партии или отчеты правлений крупных сельскохозяйственных артелей, или информации политотделов МТС ³⁵.

Областной комитет партии оказывал повседневную практическую помощь местным партийным органам в проведении коллективизации сельского хозяйства. При этом, исходя из специфики республики, работники областного комитета партии умело подбирали тот или иной участок работы для оказания срочной помощи. На плоскости больше обращалось внимания на работу политотделов МТС, в предгорных районах особое внимание уделялось организационно-хозяйственному укреплению сельскохозяйственной артели, в горах — деятельности районного комитета партии.

В результате исправления допущенных ошибок народы республики под руководством областного комитета партии в реализации ленинских идей коллективизации сельского хозяйства одерживали одну победу за другой. Для наглядности проанализируем состояние Чародинского района, одного из отдаленных районов нагорного Дагестана. На 1 января 1932 г. в районе было 52440 овец и 14530 голов крупного рогатого скота. На 1 января 1934 г. абсолютный рост количества овец составил 9,6 проц., а крупного рогатого скота—10,4 проц. При этом примечательно, что рост обобществленного поголовья по мелкому рогатому скоту составлял 29 проц., а по крупному — 7,7 проц. В этом районе производственное кооперирование осуществлялось в основном в 1933 году. Если на 1 января 1933 г. производственно кооперированных хозяйств было 72, то на 1 января 1934 г. их количество увеличилось до 660. Определенные успехи были завоеваны здесь и в полеводстве. В 1932 году посевная площадь составляла 3900 га, а в 1934 г. она расширилась до 4313 га ³⁶.

Все изложенное убедительно свидетельствует о том, что партийная организация республики даже в таких труднодоступных горных районах, каким был Чародинский, успешно осуществляла коллективизацию сельского хозяйства и тем самым демонстрировал преимущества социалистических производственных отношений в условиях Страны гор.

Деятельность областного комитета партии по реализации ленинского кооперативного плана в последующие годы была поднята на качественно новую ступень в связи с мероприятиями Коммунистической партии и Советского правительства в области сельского хозяйства, проведенными в 1935—36 гг. Речь идет о съездах колхозников-ударников, о разработке примерного устава сельскохозяйственной артели и многих

³⁵ Там же, д. 120 (Протоколы заседаний и постановления бюро).

³⁶ Там же, д. 187, л. 4, 8, 13.

других мероприятиях, исходя из которых партийная организация республики могла обеспечить победу социалистических производственных отношений в Стране гор.

Именно благодаря мероприятиям центральных органов, их умелому проведению в дагестанских условиях, в 1936 году в республике наблюдался дальнейший рост сельского хозяйства. Если в 1935 году посевная площадь всех культур составляла 484883 га, то в 1936 году она расширилась до 486636 га. Резко возросла урожайность сельскохозяйственных культур. За этот же период урожайность озимых поднялась с 9,5 центнера с га до 12,2 центнера, винограда с 64 до 84 центнеров. Отдельные звенья и бригады получили пшеницы по 30—35 центнеров с га, кукурузы по 120—140 центнеров, винограда 220—250 центнеров с га³⁷. Опыт передовых бригад ярко свидетельствовал о том, что при создании нормальных агротехнических условий, организации хорошей обработки посевов, тщательном уходе за посевами и при уборке урожая без потерь сельское хозяйство Страны гор, несмотря на всю свою специфику, может демонстрировать перед лицом всех тружеников страны Советов небывалые рекорды.

Внедряя опыт передовых колхозов и демонстрируя преимущество коллективного труда на селе, партийная организация республики к 1937 году в основном осуществила ленинские идеи кооперации в условиях Дагестана.

Как свидетельствуют данные XV партийной конференции, которая состоялась в 1939 году, к началу 1938 года социалистический сектор в сельском хозяйстве стал безраздельно господствующим. Так, например, более 70 проц. хозяйств получали доходы от обобщественного сектора, около 5 проц. составляли единоличники, а остальная часть, находясь в обобщественном секторе, имела индивидуальные посевы, откуда и получала доходы. На 1 января 1938 г. коллективизацией было охвачено 86,9 проц. всех крестьянских хозяйств республики. В 1937 году возросла техническая вооруженность сельского хозяйства. Дополнительно было создано две МТС—Сергокалинская и Новонадеждинская. Рост поголовья скота в 1937 году составлял 11,4 проц.³⁸.

Таким образом, партийная организация Дагестана, идя по неизведанной дороге некапиталистического развития, под руководством ЦК партии умело внедрила в практику теоретические установки В. И. Ленина о социалистическом строительстве, минуя капитализм, исходя из специфики социально-эконо-

³⁷ «Дагестанская правда», 20 декабря 1936 г.

³⁸ Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 19, д. 2 (Стенограмма конференции).

мической и политической обстановки, реорганизовала сельское хозяйство на принципах коллективизации, и тем самым обеспечила торжество социалистических производственных отношений в ауле Страны гор.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского НЦ РАН**

instituteofhistory.ru

РОЛЬ СОВЕТОВ ДАГЕСТАНА В РАЗВИТИИ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ в 1921—1937 гг.

Специальной работы, посвященной деятельности Советов Дагестана по развитию здравоохранения, нет.

В данной статье делается попытка показать роль местных Советов Дагестана — этих массовых органов народной власти в развитии здравоохранения и санитарной культуры, что характеризует их как принципиально новые органы, позволяющие «соединить в лице выборных представителей народа и законодательную функцию и исполнение законов»¹ в один из сложных и трудных периодов в истории нашей страны — период построения социализма (1921—1937 гг.).

В дореволюционном Дагестане отсутствовала какая-либо система здравоохранения, рассчитанная на обслуживание коренного населения. Во всех 9 округах Дагестана имелось лишь 18 больниц и столько же фельдшерских пунктов, в которых работали 15 врачей и 54 средних медицинских работника². На семь тысяч населения приходилась одна больничная койка, а на весь Дагестан было всего лишь 7 частных аптек и шесть примитивных бань.

В областном центре Дагестана — Темир-Хан-Шуре в 1915 году была лишь одна городская больница на 10 коек, лечебный лазарет для гражданских больных на 31 койку и один дом для душевно больных. В Казикумухском и Кюринском округах работало по одному фельдшеру, а в таких округах как Аварский и Андийский медицинских работников вовсе не было.

В результате гражданской войны и иностранной военной интервенции большая часть этих медицинских учреждений оказалась разрушенной, а имущество расхищенным. Врачебно-санитарная деятельность в области совершенно прекратилась, а уцелевшие больницы перестали вовсе функционировать.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 305.

² Обзор Дагестанской области за 1913 г. Темир-Хан-Шура, 1915, стр. 45.

На развалинах, без медицинского персонала, без оборудования «почти на пустом месте»³ нужно было организовать медицинскую помощь населению.

Советское правительство и лично В. И. Ленин с первых же дней социалистического строительства вплотную занялись организацией народного здравоохранения.

В 1920 г. при Дагревкоме был создан отдел здравоохранения, преобразованный в 1921 году в Народный Комиссариат здравоохранения. При наркоме здравоохранения создавались отделы: лечебный и санитарно-эпидемический. При санитарно-эпидемическом отделе была создана культурно-просветительная секция, а при лечебном — секция социальных болезней. Соответствующие отделы были созданы и на местах.

Органы власти вместе с отделами здравоохранения взялись за организацию медицинской помощи и улучшение санитарной культуры. В 1921 году в Ботлихе, Хунзахе, Гунибе, Маджалисе, Касумкенте, Ахтах, Хасавюрте, Буйнакске, Кумухе, Левашах и в Дербенте были открыты больницы и лечебные пункты на 20—30 коек в каждом, а гор. Буйнакске — детская больница, детский туберкулезный санаторий, дом матери и ребенка и городская амбулатория. В городе была налажена зубо-врачебная помощь. В Махачкале работала водогрязелечебница.

Организация здравоохранения и налаживание санитарного просвещения в Дагестане было трудным делом.

Недостаток в медицинском персонале, культурная отсталость масс, суеверия и предрассудки привели к тому, что в городах и селах республики царила антисанитария, распространились тиф, оспа, корь, скарлатина, дифтерия. Отсутствовали дезинфицирующие средства.

Чтобы покончить с этим требовалась долгая и упорная борьба и широкая пропаганда санитарно-гигиенических знаний среди масс. В соответствии с постановлением Президиума Дагревкома (июль 1921 г.) была проведена большая работа по переводу и изданию на местные языки санитарно-просветительной литературы, прочитан ряд лекций.

Практиковались санитарно-просветительные недели, в ходе которых было проведено множество профилактических мероприятий, массовых прививок, дезинфекции, периодические осмотры базаров, вокзалов, продовольственных лавок, пекарен, столовых, дворов и т. д. Обращалось внимание на постановку школьной санитарии. Школьно-санитарная комиссия обсуждала вопросы, связанные с воспитанием детей (нравственное и физическое), принимались меры, связанные с охраной

³ «Революционные комитеты Дагестана», Махачкала, 1960, докум. № 232.

их здоровья и установлением особых норм питания для физически слабых и больных.

Работа местных Советов в этой области усложнялась тем, что в Дагестан прибывало большое количество детей из голодающих губерний, приносивших с собой множество различных кожных заболеваний. Задачей школьной санитарии являлся регулярный осмотр всех детей для отделения здоровых от больных и установления постоянного санитарного надзора над школами.

Руководствуясь указаниями В. И. Ленина и декретом СНК РСФСР «О производстве санитарно-гидротехнических работ» (сентябрь 1921 г.), местные Советы Дагестана развернули большую бытовую и оздоровительную работу. В этом отношении важное значение имело строительство канала имени Октябрьской революции (КОР).

На сооружение КОРа местные Советы Дагестана ежегодно мобилизовывали сотни и тысячи людей. Плохо одетые и полуголодные горцы вложили много труда для орошения чирюртовских и каспийских степей (тогда еще бесплодных), для обеспечения водой населения Махачкалы и нужд железной дороги.

Строительство канала Октябрьской революции от Сулака до Каспийского моря в районе Махачкалы позволило провести крупные профилактические и лечебные мероприятия по борьбе с малярией, пропаганде санитарной культуры среди населения. Во всех селениях республики, где имелись лечебные пункты, были созданы специальные санитарные тройки, а в плоскостной части были сформированы два малярийных отряда, работавшие в течение летнего сезона. За 1924 год они сделали 52051 посещение⁴. Для обслуживания населения в селениях Ахты (Самурского округа) и Миатлы (Хасавюртовского округа) были оборудованы сернощелочные источники.

В 1925 г. состоялся IV Вседагестанский съезд Советов. Отметив состояние медицинской помощи населению недостаточной, съезд признал здравоохранение «ударным фронтом» и потребовал от правительства увеличения ассигнований на нужды здравоохранения.

Съезд поручил правительству «обратить серьезное внимание на медико-санитарное воспитание местного юношества, особенно горянок, и организовать акушерско-фельдшерскую школу в Махачкале для местных уроженцев»⁵. Выполняя решения съезда, уже в 1926 г. в Махачкале была открыта фельдшерско-акушерская школа, сыгравшая важную роль в подготовке квалифицированных медицинских кадров из коренных национальностей.

⁴ ЦГА ДАССР, ф. 37-р, оп. 19, д. 46, л. 47.

⁵ Тезисы доклада народного комиссариата здравоохранения ДАССР на IV Дагестанском съезде Советов, стр. 4.

В городах Махачкале и Буйнакске были созданы дома санитарного просвещения, которые проводили большую санитарно-просветительную работу. В 1925 г. дома санитарного просвещения организовали санитарно-гигиенические выставки, которые побывали в 22 населенных пунктах. В течение четырех месяцев 1925 г. было прочитано 80 лекций, которые посетило 15 тысяч человек ⁶.

Основную санитарно-просветительную работу городские Советы проводили через Дома санпросвета, собрания на предприятиях и в рабочих клубах, специальных лекторов-врачей, а сельские и окружные советы — через окружные больницы, клубы и красные уголки. Дом санитарного просвещения при Махачкалинском горсовете за короткий период работы приобрел более 2 тысяч экземпляров книг различных названий на медико-санитарные темы. Дом располагал большим количеством муляжей, получил 15 различных медицинских журналов из городов Москвы, Ростова-на-Дону, Харькова, Казани, Киева и др. Это дало городскому Совету возможность организовать выставки, которые охотно посещались трудящимися. В январе—марте 1927 года такие выставки посетило 2802 человека. Школьники и пионеры города в феврале того же года организовали 17 экскурсий в Дом санитарного просвещения с последующим разбором.

Дом санитарного просвещения организовывал и передвижные выставки на разные темы, в частности, по борьбе с туберкулезом, кожно-венерологическими болезнями, по охране материнства и младенчества и по другим проблемам санитарного просвещения.

При доме санитарного просвещения ежегодно работали курсы по подготовке РОККОВских сестер запаса. За три года их работы здесь было подготовлено более 200 сестер, сыгравших большую роль в обеспечении населения общедоступной медицинской помощью ⁷.

Трудящиеся республики все больше и больше проявляли интерес к санитарной культуре. За три месяца 1927 г. населению города Махачкалы было прочитано 41 лекция на санитарные темы. Их посетило 2155 человек. За это же время в рабочих клубах было проведено 20 лекций на санитарные темы, которые посетило 1245 человек.

Большая помощь Советам и работникам здравоохранения Дагестана по санитарному просвещению была оказана спе-

⁶ Отчет ЦИК и СНК ДАССР VI Вседагестанскому съезду Советов, Махачкала, 1927, стр. 58.

⁷ Материалы к отчету правительства VII Вседагестанскому съезду Советов за период с 1. X-1926 г. по 1. I. 1929 г., Махачкала, 1929, стр. 78.

циальной экспедицией работников института социальной гигиены Наркомздрава РСФСР. Экспедиция работала в 1927 г. под руководством профессора Малькова и провела социально-гигиеническое обследование 25 населенных пунктов Даргинского округа⁸. Экспедицией было обследовано 28 источников водоснабжения, сделано 49 химических анализов воды, было описано 7 медицинских пунктов, 3 школы, 107 жилищ горцев.

Правительство Дагестана уделяло большое внимание и эпидемии малярии. Были проведены мероприятия общеоздоровительного характера: осушка заболоченных местностей, хинизация и пр., организован специальный комитет по борьбе с малярией.

Местные органы проделали большую работу в области благоустройства. Как видно из докладной поверенного общества селения Телетль Гунибского округа от 25 октября 1925 года на имя председателя ДагЦИКа Н. Самурского, «водопроводная канава в селении уже кончается и население чрезвычайно радуется своей обеспеченностью отныне водой и от души благодарит начальство за оказанную селению помощь»⁹. Сельские Советы Даргинского округа в 1925 году исключительно на местные средства ремонтировали и содержали 26 водопроводов и ряд оросительных канав¹⁰.

Сельские Советы Буйнакского района восстановили сотни километров старых разрушенных дорог, соорудили оросительные каналы, провели множество другой работы по улучшению культурно-бытового обслуживания аулов¹¹.

При местных советах были созданы секции здравоохранения, благоустройства, местного хозяйства. Секция местхоза Дербентского Горсовета 30 декабря 1926 г. заслушала доклад о состоянии и о воде, находящейся в Джалганской канаве и приняла решение установить освещение на Еврейской и Мусульманской слободках, обеспечить чистоту водопроводных линий. Секция просила местхоз отпустить Водосвету средства, необходимые для освещения Еврейской слободки¹².

В 1925 году в городах и рабочих поселках республики было произведено деревонасаждение, а в Махачкале, кроме этого, проведены большие работы по сооружению водопроводов, устройству водоразборных сооружений, по бурению артезианских колодцев и т. д. Было устроено и отремонтировано 46 водопроводов протяженностью 58 км, 3 артезианских сква-

⁸ Материалы к отчету правительства VII Вседагестанскому съезду Советов за период с 1. X-1926 г. по 1. I. 1929 г., Махачкала, 1929, стр. 78.

⁹ ЦГА ДАССР, ф. 527-р, оп. 2, д. 3, л. 27.

¹⁰ Там же, ф. 37-р, оп. 1, д. 76, л. 14.

¹¹ М. А. Казанбиев. Очерки истории советского строительства в Дагестанской АССР (1921—37 гг.), Махачкала, 1965, стр. 28.

¹² ЦГА ДАССР, ф. 581-р, оп. 2, ед. хр. 1, л. 3.

жины¹³. Работы эти финансировались исключительно из местных средств и бесплатным трудоустройством населения. Только на жилищное строительство и на ремонт зданий в 1926 г. было израсходовано 486619 рублей местных средств. Были построены помещения, позволившие разместить 1450 семей рабочих. Кроме расходов на сооружение жилых зданий, средства выделялись также на постройку бань, прачечных, пекарен, столовых, яслей, больниц и клубов.

Индустриализация страны и коллективизация сельского хозяйства, вовлечение трудящегося крестьянства в колхозное и совхозное производство выдвинули новые задачи в области здравоохранения. Это требовало от местных Советов значительного расширения сети лечебно-профилактических и других специальных учреждений по охране материнства и младенчества, привитию широким массам населения санитарно-гигиенических навыков.

Дагестану, как многонациональной республике с разбросанными населенными пунктами, разрешить эту задачу за короткий срок было очень трудно. Трудности эти состояли в том, что, как уже отмечалось выше, до Октябрьской революции лечебная сеть здесь почти отсутствовала, совершенно не проводились профилактические и санитарные мероприятия, не было квалифицированных медицинских кадров. Слабая была материальная база. Все это в общих условиях культурной и бытовой отсталости и бездорожья привело к тому, что даже к началу первой пятилетки Дагестан оставался районом наиболее пораженным социальными и заразными инфекционными заболеваниями. В 1928 г. здесь было зарегистрировано 58200 случаев малярии, 11136 случаев гриппа, 449 — скарлатины, 706 — кори, 287 — тифа, 815 — дизентерии, 216 — сибирской язвы и 121 случай оспы¹⁴.

Основными причинами столь большого заболевания малярией в Дагестане были сплошная заболоченность огромных массивов, неудовлетворительное состояние оросительной сети, отсутствие в республике хинина для профилактических и лечебных целей, недостатки в организации снабжения рабочих, зачастую отсутствие доброкачественной питьевой воды и плохие жилищно-бытовые условия. В 1927 году во многих округах Дагестана еще не было больниц, а что касается медицинского персонала, то один врач приходился более чем на 10 тысяч населения.

«Эта лечебная сеть,— говорилось в отчете ЦИК и СНК ДАССР VI-му Вседагестанскому съезду Советов,— охваты-

¹³ Отчет ЦИК и СНК ДАССР VI-му Вседагестанскому съезду Советов, стр. 35.

¹⁴ «10 лет социалистического строительства Дагестанской АССР». Махачкала, 1931, стр. 145.

вает сравнительно небольшую часть населения. Остальное население частью вовсе не обслуживается медпомощью и находится в полной власти многочисленных знахарей, частью охвачено фельдшерскими пунктами первой помощи»¹⁵.

Съезд принял решение увеличить число больниц, амбулаторий и фельдшерских пунктов и улучшить их оборудование. Учитывая сильное распространение малярии и в целях борьбы с ней, съезд предложил Народному Комиссариату здравоохранения совместно с Народным Комиссариатом земледелия приступить к изучению вопроса о санитарно-мелиоративных работах и, в частности, об осушении присулакских болот.

Отмечая случаи детской беспризорности и необходимость спасения детей от голода и болезней, съезд поручил Народному Комиссариату здравоохранения «включить в свой план медицинской помощи обслуживание школьных контингентов Народного Комиссариата просвещения»¹⁶. Съезд потребовал усилить деятельность Детской комиссии по борьбе с детской беспризорностью и созданию детских учреждений.

Необходимость развертывания борьбы с разными эпидемическими заболеваниями и улучшения всей постановки оздоровительных работ, особенно на плоскостной части Дагестана, диктовались начатым совхозным и колхозным строительством и переселением в связи с земельной реформой на плоскость десятков хозяйств из горных районов.

Поэтому первым пятилетним планом культурного строительства ДАССР (1928—1932 гг.) было предусмотрено построить в городах Буйнакске, Дербенте и в Хасавюрте новые здания для районных больниц, а в гор. Махачкале — Центральную больницу, развертывание больничной сети в сельской местности, увеличение амбулаторных и зубоврачебных пунктов и подготовку медицинских работников.

В части профилактических мероприятий планом предлагалось организовать химико-бактериологический институт, увеличить количество санитарных врачей в районах, а в каждом районном центре открыть дезкамеры, обеспечив их оборудованием.

Было предусмотрено организовать в районах постоянные оспопрививательные отряды, а при каждой районной больнице — санитарно-просветительную передвижку.

Пятилетний план культурного строительства предусматривал широкую борьбу с социальными болезнями: развитие сети малярийных станций и отрядов, увеличение сети венерологи-

¹⁵ Отчет ЦИК и СНК ДАССР VI-му Вседагестанскому съезду Советов, стр. 57.

¹⁶ VI Вседагестанский съезд Советов. Постановления. Махачкала, 1927, стр. 11.

ческих и туберкулезных диспансеров, организацию туберкулезного института. План включил развитие сети городских и заводских яслей и консультаций, а при сельских больницах — летние ясли и консультации для детей¹⁷.

Выполняя план культурного строительства, правительство Дагестана нацелило местные органы на решение задач оздоровления условий труда и быта, жилищно-коммунального строительства, создания пунктов первой медицинской помощи на предприятиях, развитие массовой физической культуры и спорта, охраны материнства и младенчества, ясельного строительства. Уже в 1928 г. в Дагестане работали 3 постоянных и 14 летних детских ясель, функционировал дом матери и ребенка, профилактическая детская амбулатория. Удельный вес расходов на народное здравоохранение в бюджете ДАССР в том же 1928 году составил 11,2%, а расходы на социально-культурные нужды — 22,5%. Это позволило уже в этом году начать строительство районных больниц в селениях Тлярота, Рутул, Ахты и Унцукуль.

Организованный в Махачкале (1927 г.) тропический институт в тесной связи с Наркомземом руководил малярийными станциями и отрядами, изучал тропические заболевания в республике.

О том, насколько серьезно местные Советы республики занялись вопросами здравоохранения, говорят следующие примеры. За один 1926 г. Даргинский окрисполком на своих заседаниях 21 раз обсуждал вопросы, связанные с здравоохранением¹⁸, а в 1924 г. сельские советы Аварского округа на своих заседаниях обсудили 11 вопросов о социалистическом преобразовании быта¹⁹.

Обсудив протокол общего собрания трудящихся сел. Кулеца, президиум Буйнакского окрисполкома (март 1927 г.) принял решение построить в селении Кулеца здание врачебного пункта для обслуживания селений Кулеца, Урма, А-Чогли, Охли, Аймаки и Ахкент. «Имея в виду оторванность этих селений от окружного центра и больницы, — говорилось в протоколе президиума, — признать безотлагательно необходимым постройку здания под больницу в центре перечисленных селений — Кулеца»²⁰.

Президиум создал соответствующую комиссию и поручил ей разработать технически обоснованные сметы на постройку

¹⁷ Материалы к отчету правительства VII-му Вседагестанскому съезду Советов, стр. 82.

¹⁸ ЦГА ДАССР, ф. 570-р, оп. 3, д. 1, л. 7.

¹⁹ Там же, ф. 227-р, оп. 9, д. 10, л. 3.

²⁰ Там же, ф. 328-р, оп. 4, д. 3, л. 153.

и изучить возможность вовлечения крестьян в работу путем заготовки и доставки строительного камня и представить свои заключения на предмет изыскания и представления средств на приобретение строительного материала.

VI съезд Советов Буйнакского округа (1928), придавая большое значение подъему санитарной культуры и оздоровление быта трудящихся, постановил улучшить работу секций здравоохранения в сельсоветах «путем выездов санврача на места для оживления работы»²¹.

Съезд потребовал усилить акушерскую помощь в ауле, открыть детские ясли в городе и в наиболее крупных населенных пунктах округа, а в сел. Дженгутай детскую консультацию. Аналогичные решения принимались на съездах Советов других округов.

На специальных собраниях женщин читались лекции и доклады о женских болезнях, о кормлении детей, о причинах возникновения заразных болезней и т. д. В результате увеличилось число обращающихся за помощью к врачу. Для примера приведем данные посещения женщинами медицинского пункта селения Ахты: Если в 1927 г. амбулаторное лечение прошло 3000 женщин, а стационарное — 100 женщин, то в 1928 г. число женщин, прошедших лечение, увеличилось соответственно до 5000 и 150. За это же время число рожениц, прошедших через больницу, увеличилось в три раза²². Расширилась сеть детских учреждений. В округах республики на средства местного бюджета были дополнительно открыты 25 детских садов и площадок, 4 детских дома. В числе воспитанников этих учреждений только девочек было 140 человек²³.

В апреле 1929 г. состоялся VII Вседагестанский съезд Советов. В области народного здравоохранения съезд постановил расширить сеть лечебных заведений в районах, развернуть строительство новых зданий больниц и врачебных пунктов, увеличить профилактические мероприятия и обеспечить санитарное обслуживание районов, развить в сельских местностях сеть летних детских яслей (при больницах) и консультаций²⁴.

Вслед за Вседагестанским съездом Советов проходили пленумы рай(гор)исполкомов, на которых обсуждались задачи советов в области здравоохранения. Обсудив 7 августа 1930 г. доклад о работе здраводела президиум Дербентского горсовета постановил «построить в городе механическую

²¹ ЦГА ДАССР, ф. 328-р, оп. 5, д. 6, л. 22б.

²² ЦГА ДАССР, ф. 37-р, оп. 19, д. 149, л. 8.

²³ ЦГА ДАССР, ф. 37-р, оп. 19, д. 149, л. 7.

²⁴ Там же, д. 144, л. 12.

прачечную и расширить городскую больницу до 135 коек за счет райбюджета»²⁵.

Отсутствие в лечебных учреждениях хинина отрицательно влияло на проведение профилактических мероприятий по борьбе с малярией. Президиум просил Наркомзем принять срочные меры к полному удовлетворению города необходимым количеством хинина и в целях наибольшего охвата стационарным лечением больных малярией, поручил здравотделу организовать малярийные бараки, своевременно снабжать лечебные учреждения перевязочным материалом, медикаментами и хинином в особенности, создать отряд скорой помощи при амбулатории и открыть женскую и детскую консультации.

Учитывая культурную отсталость женщин-националок и в целях борьбы с знахарством, президиум поручил здравотделу установить некоторые льготы и поощрения для рожениц в больнице. Отметив недостаточное оборудование источников и грязелечебниц и плохие жилищные условия больных, секция здравоохранения (через президиум Горисполкома) возбудила ходатайство перед райинспектурой пригласить в Каякент специального врача, знакомого с гидро и грязелечением, придав ему необходимый штат²⁶.

Было предложено здравотделу организовать ряд лекций для населения о минеральной гидротерапии и грязелечении вообще и в Каякенте в особенности. Обратиться с широко разномноженным воззванием к населению районов, подробно излагающим вред пользования Каякентскими источниками и грязями без обследования и указания врача.

Санитарному врачу города предлагалось разработать план санработы и выполнить постановления Горсовета по этому вопросу.

Как видно из отчета о работе секции здравоохранения Махачкалинского Горсовета с 30 марта 1929 г. по 1 февраля 1930 года, секция провела 12 заседаний бюро и 12 пленумов. На заседаниях бюро и пленумах утверждались обязательные постановления Горсовета: а) «об оборудовании и содержании парикмахерских», б) «о стандартизации молока на рынке», в) «о порядке планового медосвидетельствования всех работников пищевых предприятий», г) «правила о содержании столовых общественного питания», д) «правила содержания ассанизационных обозов», е) «о содержании рыбо-копильных».

Кроме того, были рассмотрены и утверждены планы работ Горздравотдела, план работ для комиссий по обследованию лечебных учреждений, о медикаментозной помощи на дому

²⁵ Там же, ф. 581-р, оп. 5, д. 2, л. 32.

²⁶ ЦГА ДАССР, ф. 581-р, оп. 5, д. 2, л. 34.

населения, о прикреплении членов секции к лечучреждениям, о работе которых по очереди ставились на заседаниях бюро. Был заслушан доклад комиссии об обследовании состояния и деятельности горбольницы, выявлен ряд недостатков, как-то: неправильное расходование средств на довольствие больных, плохая стирка белья прачечной, неурегулированность приема больных в больницы, слабая дисциплина ухаживающего персонала и др. На все это секция дала практические указания для устранения недочетов²⁷.

Вопросы улучшения медицинского обслуживания систематически обсуждали и на пленумах рай(гор)исполкомов. Это позволило расширить сеть лечебных учреждений. В 1930 году в Дагестане было 30 больниц с 865 койками, 69 врачебных и 48 фельдшерских пунктов, 20 зубоврачебных кресел и 13 пунктов первой помощи²⁸. И все же по сравнению с соседними автономными областями Северного Кавказа в Дагестане была наибольшая нагрузка на одну больничную койку. В 1930 г. одна больничная койка приходилась на 985 человек (в том числе в городе на 230 человек, в сельской местности на 1731 чел.²⁹).

Отставание наблюдалось и в амбулаторном обслуживании. На один врачебный участок приходилось в Дагестане 11000 чел., в то время как в Карачаевской области — 5300, в Адыгейско-Чиркейской — 7200, Северо-Осетинской области — 10200 человек.

Состояние медицинского обслуживания рабочих промышленных предприятий также отставало от нужд промышленности. Специальное медицинское обслуживание осуществлялось лишь на некоторых крупных промышленных предприятиях, а на остальных имелись только пункты первой помощи.

Особенно необеспеченными медицинской помощью оставались Дахадаевский, Бабаюртовский, Сергокалинский, Табасаранский, Тляротинский, Цумадинский районы, где развертывание больничной сети было невозможно без нового капитального строительства. В этих районах не было больниц и медицинское обслуживание осуществлялось только амбулаторно. Слабой была борьба с заразными болезнями, особенно в сельских местностях, крайне незначительным было число санитарных врачей (8 в городах и 2 в районах).

В районах республики систематическая санитарно-профилактическая работа не велась. В 1929 г. в Дагестане было зарегистрировано 17321 случай гриппа, 1369 — скарлатины,

²⁷ ЦГА ДАССР, ф. 190-р, оп. 13, ед. хр. 2, л. 60.

²⁸ «10 лет социалистического строительства Дагестанской АССР», стр. 144.

²⁹ Там же.

2095 — кори, 917 — дизентерии, 422 брюшного и 78 сыпного тифа, 371 — сибирской язвы и 61 оспы и 68400 случаев малярии³⁰.

В республике были целые районы и аулы, где процент заболеваемости сифилисом и другими венерическими болезнями достигал от 10 до 15%. Такие болезни, как трахома, тиф, оспа продолжали иметь массовое распространение. Все эти болезни имели социальный характер и являлись результатом былой культурной отсталости и санитарной неграмотности населения, с одной стороны, а с другой — недостаточного лечебно-санитарного и профилактического обслуживания населения.

О том, насколько сильна была живучесть знахарства, этого спутника темноты и невежества, говорят следующие факты. В селении Хорель в 1930 г. был случай, когда ушибленную голову больной лечил по совету знахаря прикладыванием к больному месту курицы³¹. В Касумкенте матери больного, обратившейся за помощью к шейху Гаджи Эфенди, он посоветовал постирать данный им чулок и этой водой промывать больные глаза.

И при всем этом в Дагестане работал 231 врач и 175 фельдшеров³².

Колхозное движение приняло такие размеры, которые требовали решительной перестройки всей системы и методов работы Советов. «Советские органы, сама колхозная система, сельскохозяйственная и потребительская кооперация и вся советская общественность должна развернуть широкую работу по культурному обслуживанию колхозного населения, в первую очередь в крупных колхозах и в районах сплошной коллективизации — подчеркивал в своем постановлении пленум ЦК ВКП(б) от 17 января 1929 г. Усиление деятельности обществ ликвидации неграмотности, библиотечного дела, колхозных курсов и разного вида заочного обучения, наибольший охват школьной сетью детей, усиление культурной и политической работы среди женщин, широкое развертывание школ крестьянской молодежи, массовое распространение агрономических знаний, улучшение социально-бытового обслуживания колхозного населения, в особенности женщин (устройство яслей, общественное питание и т. п.), — являются необходимыми условиями успешного развития колхозного строительства»³³.

Выполняя это постановление, Советы Дагестана под руководством партийных организаций проделали большую оздоро-

³⁰ Там же, стр. 145.

³¹ «Революция и горец», 1931, № 9, стр. 38.

³² Там же.

³³ «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. II, изд. 7-е, М., 1954, стр. 648.

вительную работу. В январе 1931 г. состоялся VIII Всадагестанский съезд Советов. Съезд принял решение о культурном походе (поход на неграмотность и культурную отсталость). Развертыванию культпохода содействовало постановление Бюро обкома партии (октябрь 1931 г.) о проведении культсанштурма.

Политическое значение этого мероприятия состояло в том, что наряду с охватом 119 тыс. детей массовой школой и 255 тыс. взрослых в ликпунктах и школах для взрослых он предусматривал вовлечение в детские комнаты 10 тыс. детей дошкольного возраста и развертывание борьбы за улучшение народного здравоохранения в республике³⁴.

Для оперативного руководства культсанштурмом при ДагЦИКе был создан Центральный штаб в составе Цехера (секретаря обкома ВКП(б), председатель), А. Кадиева (зам. председателя), Д. Коркмасова, М. Далгата, М. Шарапилова, К. Мамедбекова, Б. Астемирова, Б. Шейдабекова, Мехтиханова. Соответствующие штабы в составе представителей партийных, советских, профсоюзных и комсомольских организаций создавались и при рай(гор) исполкомах.

Был составлен план, предусматривавший проведение медосмотра и оспопрививание школьников и взрослых, внедрение санминимума. Партийно-советские органы, разбив аулы, села, города на отдельные участки, вели глубокую разъяснительную работу, особенно среди женщин, о значении и задачах культсанштурма.

В далеком Чародинском районе в 1932 г. были проведены две райконференции колхозников, съезд горянок, пленумы 12 сельсоветов и ряд других совещаний, посвященных культсанштурму.

Для постоянного руководства и контроля за ходом культсанштурма Чародинский район был разбит на шесть оперативных участков и к каждому прикреплен ответственный работник, член штаба. Это были: А. Магомаев, Г. Д. Даниялов, М.-Х. Магомедов, Г. Мусаев, Н. Джалилов, А. Гаджиев³⁵.

При районах и сельских Советах были созданы постоянные комиссии по здравоохранению, которые провели большую работу по организации надзора за санитарным состоянием населенных пунктов и контроля за выполнением всеми организациями и гражданами санитарных норм и правил, по разъяснению трудящимся целей и задач культсанштурма и улучшению санитарной культуры районов и сел. Только в сельских советах Чародинского района работало 20 секций здравоохранения с охватом 89 человек (в том числе 33 члена

³⁴ Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 11, ед. хр. 285, л. 150.

³⁵ Там же, л. 128.

и кандидатов в члены сельсовета и 56 чел. вовлеченных (не членов сельсовета) ³⁶.

Секции здравоохранения при сельсоветах Тляротинского района в течение первых 6 месяцев 1932 г. заседали 22 раза и обсудили на них 27 вопросов, связанных с народным здравоохранением и социалистическим преобразованием быта трудящихся ³⁷.

Президиум Хунзахского райисполкома, обсудив результаты обследования районной больницы (5 ноября 1931 года), предложил заведующему больницей «установить более частую смену белья, улучшить питание больных, обеспечить снабжением райбольницу и районную сеть медикаментами» ³⁸.

Президиум предложил составить план систематической работы по санпросвещению и организовать работу по повышению квалификации медицинских работников.

Секция здравоохранения Буйнакского Горсовета в январе 1932 г. вынесла решение, обеспечивающее открытие в городе терапевтического кабинета и широкое участие трудящихся г. Буйнакска в санкультштурме ³⁹.

Сотни учителей и медицинских работников, а также представители партийного и советского актива республики пропагандировали среди трудящихся новый социалистический быт, разъясняли им вред буржуазной идеологии и религиозных обрядов. Только за три месяца культсанштурма (декабрь 1931 — апрель 1932 г.) трудящимся Дагестана было прочитано более 6000 лекций и докладов по самым разнообразным вопросам нашей советской действительности ⁴⁰.

Большую помощь в проведении культурно-санитарного похода местным Советам Дагестана оказала северо-кавказская краевая бригада, в составе которой было 29 врачей и медицинских сестер ⁴¹. Кроме того, из городов Дагестана в горные аулы были направлены 15 врачей и 29 чел. среднемедицинского персонала, которые влились в бригады культсанштурма. Несмотря на трудные условия работы в горных районах в зимнее время (незнание местных языков, местных условий, обычаев и т. д.), энтузиасты помогли местным органам власти и их отделам здравоохранения провести большую санитарно-просветительную, а также лечебную работу. Благодаря им и с их помощью в течение первых двух месяцев 1932 г. было сделано 184.208 оспопрививаний, 6.023 санитарных об-

³⁶ ЦГА ДАССР, ф. 140-р, оп. 7, д. 2а, л. 35.

³⁷ ЦГА ДАССР, ф. 582-р, оп. 6, д. 1, л. 86.

³⁸ ЦГА ДАССР, ф. 149-р, оп. 4, д. 2, л. 65.

³⁹ Там же, ф. 581-р, оп. 7, д. 11, л. 51.

⁴⁰ Г. Ш. Каймаразов. Культурное строительство в Дагестане (1920—1940 гг). Махачкала, 1960, стр. 160.

⁴¹ «Революция и национальности». 1933, № 8—9, стр. 76.

следований, был проведен медосмотр населения и оказана лечебная помощь в 45.961 случаях.

При помощи бригады в течение 6 месяцев было заключено 336 договоров на оздоровительные мероприятия, организовано 4.467 бесед и лекций для населения.

Краевая бригада помогла местным Советам в проведении субботников, в подготовке оспопрививателей, в организации санкомиссий, ячеек РОКК, передвижных выставок, в обследовании школ и т. д.

За первые два месяца 1932 г. были проведены курсы по переподготовке врачей-маляриологов при малярстанциях, курсы лаборантов и т. д., которые окончило 67 человек.

В последующие годы мероприятия по улучшению санитарной культуры трудящихся республики резко увеличились. Только за III-й квартал 1933 года, например, среди населения Дагестана было прочитано 360 лекций на медицинские темы, проведено 1406 санобследований, организовано 177 санкомиссий, 16 сануголков, построено 5 бань, пристроено 36 дезкамер, проведено 52260 оспопрививаний и 1754 прививок против брюшного тифа, проведено 9 санитарно-оздоровительных субботников, организовано 28 ячеек РОКК (куда входило 733 человека), населению была оказана лечебная помощь в 16895 случаях. Во многих районах республики был проведен водопровод. Под руководством местных Советов и медицинских работников население само бралось за строительство бань и других профилактических учреждений, занялись внедрением санитарного минимума на производстве и в быту.

«Мы имеем массу фактов, — писал в связи с этим журнал «Революция и национальности», — когда население само строило местные лечебные профилактические учреждения... Построены 4 бани в Курахском, Рутульском, Табасаранском и Ачикулакском районах, а в гор. Кизляре — баня-прачечная. Начата постройка бань в районах и банно-прачечного комбината в г. Махачкале»⁴². Секция здравоохранения Анчикского сельсовета Ботлихского района через каждую неделю организовывала субботники по очистке улиц в ауле⁴³.

Президиум Тляротинского райисполкома (1932 г.), отметив недостаточный охват населения медицинским обслуживанием, поставил перед правительством республики вопрос о необходимости срочного укомплектования лечебной сети района медицинскими работниками.

Райисполком потребовал от сельских Советов улучшить санитарно-просветительную и воспитательную работу в селах, включиться в проведение плана РОКК, Осоавиахима,

⁴² «Революция и национальности», 1933, № 8—9, стр. 75, 77.

⁴³ ЦГА ДАССР, ф. 37-р, оп. 20, д. 220, л. 7.

женсектора, партийно-комсомольских и профсоюзных организаций по проведению санминимума в населенных пунктах и проведения разъяснительной работы по ликвидации малярии⁴⁴.

С целью ликвидации малярийного комара в 1932 г. усилиями местных Советов было осушено 650 га болот и водоемов, а оспопрививанием было охвачено почти все взрослое население. В 1933 г. в Дагестане лечилось 32000 больных малярией, не считая получивших лечебную помощь на врачебных участках. В следующем 1934 году в республике было 11 малярийных станций и несколько специальных отрядов против малярии и малярийных комаров.

Местные Советы провели большую работу и по расширению медицинских учреждений. За один 1932 год число больничных коек в республике выросло с 260 до 1880 единиц, врачебных пунктов с 27 до 107, медицинский персонал увеличился более чем в 8 раз⁴⁵.

Была создана широкая сеть специализированных медицинских и детских лечебно-профилактических учреждений, организованы кружки скорой помощи. Количество больниц в 1934 г. по сравнению с 1930 г. выросло на 24 единицы, а врачебных амбулаторий на 83 единицы⁴⁶. В сельских Советах Гумбетовского района были организованы кружки скорой помощи, которые только в 1934 году окончили 80 человек. Секции по здравоохранению, созданные при сельсоветах, обеспечили проведение 101 субботника чистоты по аулам и 4386 оспопрививаний, организовали 10 ячеек РОКК, куда вовлекли 260 взрослых и 850 школьников. Было прочитано большое число лекций на санитарные темы. Чародинский райисполком (май 1934 г.), заслушав доклад «О работе Райздрава» постановил открыть врачебный пункт в селении Ириб и два фельдшерских пункта, открыть 7 детских ясель и обеспечить их ясельными работниками и продуктами питания⁴⁷.

Такие решения принимались местными Советами других районов. В итоге заметно сократилась эпидемическая и общая заболеваемость населения. Значительны были успехи и в борьбе с малярией. В 1937 г. по сравнению с 1931 годом заболевание малярией было снижено в 15 раз⁴⁸.

Как и в прежние годы местные Советы не забывали и детей. К концу 1932 г. в Дагестане работало 1312 дошкольных учреждений, в которых воспитывалось 22967 детей (в том

⁴⁴ ЦГА ДАССР, ф. 582-р, оп. 6, д. 1, л. 31.

⁴⁵ «Революция и национальности», 1933, № 8—9, стр. 76.

⁴⁶ ЦГА ДАССР, ф. 37-р, оп. 19, д. 345, л. 8.

⁴⁷ ЦГА ДАССР, ф. 140-р, оп. 7, ед. хр. 2а, л. 2.

⁴⁸ «Дагестанская правда», 14 июня 1946 г.

числе 32 детских сада с охватом 461 чел. детей, 431 детплощадка с 1786 детьми и 849 детских комнат с 20720 детьми) ⁴⁹.

Через три года постоянными яслями были охвачены дополнительно 920 детей в городах и 2000 детей в сельской местности. Кроме того, сезонными яслями в сельской местности было охвачено 16772 человека. Это составило 105% к плану. Количество детей, охваченных в 1935 г. детскими садами, составило 4700 чел. В этом году было подготовлено 787 ясельных работников, 30 кустовых инструкторов, 40 сестер-воспитательниц и 150 дошкольных работников. При педагогических техникумах было подготовлено 14 квалифицированных дошкольных работников (в том числе 8 горянок) ⁵⁰. В большинстве дошкольных и ясельных учреждений местные Советы организовали подсобные хозяйства, а колхозы выделяли производственные фонды (мука, масло, мясо, картофель и т. д.). Впервые на дагестанских языках была издана детская литература для дошкольников. В городе Буйнакске были открыты санаторные ясли ⁵¹. Была проведена большая оздоровительная работа среди детей. В республике было организовано 16 пионерских лагерей с охватом 2351 человека, против 1277 в 1933 году. Площадками с питанием было охвачено 1194 чел. Впервые были организованы пионерские лагеря в Левашинском, Тляротинском, Лакском, Касумжентском и Гунибском районах. Они провели в расположенных вблизи них аулах большую работу по культурному обслуживанию колхозников, организации охраны урожая и сбора колосьев ⁵².

В Дагестане в условиях высокогорного ландшафта, крайнего бездорожья и множества мелких населенных пунктов (около 1800 или 83,1% от общего числа населенных пунктов), в каждом из которых проживало менее 500 жителей, расширить лечебную сеть и внедрить санитарную культуру в массы было бы невозможно без той колоссальной роли, которую сыграла в этом деле советская печать.

Направив своё острие «к той **будничной** стороне внутрифабричной, внутридеревенской, внутриполковой жизни, где всего больше строится новое, где нужно, всего больше внимания, огласки, общественной критики, травли негодного, призыва учиться у хорошего» ⁵³, дагестанская периодическая печать широко освещала работу районных и сельских Советов по организации народного здравоохранения и социалистического преобразования быта трудящихся республики. Большую

⁴⁹ «Революция и национальности», 1932, № 10—11, стр. 106.

⁵⁰ ЦГА ДАССР, ф. 37-р, оп. 20, д. 259, л. 37.

⁵¹ Там же.

⁵² Там же, д. 232, л. 179.

⁵³ В. И. Ленин, т. 37, стр. 91.

агитационно-массовую работу по мобилизации трудящихся на осуществление задач культсанштурма проводили областные газеты «Дагестанская правда», «Ленин ёлу», «Знамя социализма», Левашинская районная газета «Дарган», лезгинская газета «Новый мир», Хасавюртовская районная газета «Соц-стройка».

История Советов знает немало имен героев, которые боролись на фронтах культурной революции. Султан-Белал Кита-чаев (председатель Кумухского сельсовета Лакского района), Ушахан Гудунов (председатель Гилицкого сельсовета Чародинского района), Летиф Атаев (председатель сельского Совета сел. Кайдар-аул Хасавюртовского района), Паризат Алиева (аргвининский сельский Совет Гумбетовского района), Камиль Абакаров (секретарь сельского Совета сел. Кани Лакского района) и многие другие⁵⁴, преодолевая неимоверные трудности и лишения, ускоряли социалистическую перестройку быта трудящихся.

Партия и правительство высоко оценили скромный и вместе с тем исполненный большого значения труд многих энтузиастов. Их премировали, отмечали на съездах культурного строительства. Только в 1934—35 году ЦИК ДАССР награждал значками ударника и активного участника культсанштурма более 100 энтузиастов.

Успехи социалистического строительства и развернутое наступление социализма по всему фронту вызвали большое беспокойство отживающих элементов. Кулачество и духовенство, озлобленные против партии и Советской власти за подрыв их экономической базы и политического влияния на массы, в своей предсмертной судороге проявляли дикую ненависть против пролетарской диктатуры, старались затормозить ход социалистического строительства.

Классовый враг хорошо понимал, что организация народного здравоохранения и социалистической перестройки быта трудящихся ведет к отказу от знахарства и подрывает авторитет духовенства. Поэтому они не останавливались даже перед вредительством прямой террористической работой — убийством отдельных партийных и советских работников — борцов культурного строительства. Но массовый поход трудящихся против бескультурья был лучшим ответом преступным элементам.

Советы Дагестана под руководством партийных организаций проделали большую работу по улучшению жилищных условий трудящихся. Если в 1927 г. жилищный фонд всех городов ДАССР составил 479,5 тыс. кв. метров. (или 5,02 кв.

⁵⁴ Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 13, ед. хр. 418, л. 50, а также ед. хр. 417, л. 65, а также ЦГА ДАССР, ф. 34-р, оп. 1, д. 13, л. 47—49.

метров на одного человека), а в Махачкале 4,26 и Дагогни — 1,9 кв. метров), то за пять лет первой пятилетки жилищная площадь в городах увеличилась более чем на 360 тыс. кв. метров.

На ряде предприятий (фабрике им. III-го Интернационала, Рыбоконсервный завод, Нефтеторг, Химзавод и др.) были построены и оборудованы рабочие общежития, на предприятиях были построены вентиляция, санитарные установки (дезкамеры, бани), проведены и другие мероприятия по оздоровлению условий труда рабочих, систематически проводился медосмотр людей, работающих в пищевых предприятиях и парикмахерских. Была проделана большая работа и по проведению предохранительных прививок против заразных заболеваний, особенно противооспенных прививок. Только в городе Махачкала их было сделано в 1930 г. — 6624, в 1931 г. — 27636, в 1932 г. — 32697, в 1933 г. — 33298, и в 1934 г. — 56.960⁵⁵. В результате всего этого и в результате работы лечебно-профилактических учреждений города значительно снизилось число заразных и социально-бытовых заболеваний. Приводимые ниже цифры показывает это:

	1931 г.	1934 г.
Брюшной тиф	505	112
Скарлатина	74	14
Корь	564	111
Дифтерит	123	33
Туберкулез	1257	68

Были проведены большие противомаларийные мероприятия. Проводилась хинизация, увеличивались способы механической защиты от комаров (полога, сетки), очаги малярийного комара уничтожались нефтеванием и гидротехническими работами. Во всех этих мероприятиях широкое участие принимали депутатские группы, созданные в предприятиях, учреждениях и учебных заведениях. Депутатская группа фабрики III Интернационала, состоявшая из 21 депутата, привлекала к своей работе еще 26 рабочих, создала 14 постоянных бригад и прикрепила их к ЖАКТу, школе, столовой, детяслям⁵⁶.

Депутатская группа вплотную занялась вопросами организации производства, благоустройством рабочего городка, улучшением культурно-бытовых условий работы. Депутатская группа рыбоконсервного завода, состоявшая из 8 депутатов и 24 вовлеченных, создала 6 постоянных бригад, работавших

⁵⁵ ЦГА ДАССР, ф. 190-р, оп. 10, д. 7, л. 87.

⁵⁶ Там же.

по благоустройству и культурно-бытовым мероприятиям⁵⁷. Депутатская группа провела большую работу по благоустройству территории завода, помогла в борьбе за санитарию и в борьбе за повышение производительности труда. Секция здравоохранения Хасавюртовского Горсовета с февраля по июнь 1935 г. на своем заседании обсудила вопросы улучшения бытовых условий медработников и отчеты о деятельности зав. больницей, городской амбулаторией, детконсультацией и детяслями, завздравотделов, госсанинспектора, завмалярстанцией, завмедпунктов и др.⁵⁸.

В итоге этих мероприятий было построено помещение под малярстанцию, оборудован кожвендиспансерский кабинет, проведены курсы хинизаторов для района, города и пригорода, курсы ясельных работниц для детсадов. Их окончили 45 человек.

Во всех школах, предприятиях и среди неорганизованного населения были проведены прививки против брюшного тифа в количестве 7022 чел., проделано оспопрививание населению в количестве 2878 чел. За это время было прочитано 16 лекций на санитарно-просветительные темы, выбраны квартальные и санитарные уполномоченные по городу, пригороду и по предприятиям в количестве 34 человек. Члены секции здравоохранения врач Донской, дезинфекторша Сучкова и другие аккуратно выполнили возложенные на них работы.

В августе 1934 г. Президиум ДагЦИКа принял постановление «О проведении ежемесячно во всех аулах, селах и станциях санитарного дня по осмотру и очистке улиц, дворов, площадей, жилых помещений и проведению прочих санитарных мероприятий». В целях улучшения санитарного состояния и предотвращения острозаразных заболеваний, Президиум предложил Райисполкомам и Горсоветам установить один санитарный день в месяц и проведению в этот день ударной работы по очистке и благоустройству населенных мест⁵⁹. Президиум потребовал ежемесячно проверять санитарное состояние аулов и выполнения санминимума во всех пищевых точках и местах хранения продуктов (столовые, буфеты, кухни, хлебопекарни и т. д.), вести широкую санкультпросветработу среди всего населения, вовлечь в эту работу не только медицинский персонал, но и санитарный актив района. Обсудив Постановление Президиума ДагЦИКа, Левашинский райисполком (5 февраля 1935 г.) принял постановление, предусматривавшее произвести капитальный ремонт медицинских учреждений и обеспечение их транспортными средствами,

⁵⁷ ЦГА ДАССР, ф. 190-р, оп. 10, д. 7, л. 87.

⁵⁸ ЦГА ДАССР, ф. 580-р, оп. 5, д. 1, л. 80.

⁵⁹ ЦГА ДАССР, ф. 149-Р, оп. 5, д. 1, л. 32.

необходимым инвентарем и оборудованием и «в первую очередь большим комплектом белья не менее 3-х смен на койку»⁶⁰.

Для улучшения питания в больницах и яслях — создать прибольничное хозяйство, выделив вблизи этих учреждений участки земли. Постановление потребовало открыть акушерский пункт в сел. Хаджал-Махи, обеспечить врачебную помощь детям на дому с заразными заболеваниями и санитарно-врачебный надзор в школах и детучреждениях, создать специальные комиссии по борьбе с малярией⁶¹. Предлагалось в 1935 г. проверить по всем населенным пунктам водоснабжение и санитарно-бытовые сооружения дворов и принимать меры для улучшения их содержания. Отметив наличие большого количества больных малярией, РИК просил тропический институт «выделить району необходимое количество хинина и других противомаларийных препаратов»⁶².

Было предложено достроить и сдать в эксплуатацию имеющуюся в райцентре баню, подыскать подходящее место для базара, установить специальные ряды для торговли молочными продуктами, по продаже зерна, фрукт и др. продуктов. Сельские советы и секции здравоохранения были обязаны проводить в жизнь возложенные на них задачи по улучшению здравоохранения.

Президиум обязал райздравотдел обеспечить плановое профилактическое обслуживание населения, снабдить аптечками первой помощи все школы, учреждения и предприятия, а колхозы и кооперативные товарищества, кроме того, походными кутанными аптечками. Секция здравоохранения Махачкалинского горсовета в 1936 г. провела большую работу по борьбе с антисанитарным состоянием города. Силами членов секции было выявлено свыше 300 случаев нарушения постановлений Горсовета о санитарии и приняты меры к их устранению⁶³. К торговым точкам и столовым были прикреплены 45 человек, которые систематически осуществляли контроль за работой магазинов, ларьков, столовых и т. д. По инициативе депутатской группы фабрики III Интернационала в Красном городке была открыта больница для обслуживания рабочих фабрики и устранения ряда антисанитарных очагов⁶⁴.

В январе 1935 г. состоялся X Вседагестанский съезд Советов. Съезд считал необходимым развернуть озеленительные работы по строительству защитных зон, скверов, бульваров, питомников, оранжерей, ускорить строительство парка куль-

⁶⁰ ЦГА ДАССР, ф. 145-Р, оп. 6, д. 1, л. 3.

⁶¹ Там же.

⁶² ЦГА ДАССР, ф. 145-Р, оп. 6, д. 1, л. 5.

⁶³ ЦГА ДАССР, ф. 190-Р, оп. 12, ед. хр. 3, л. 24.

⁶⁴ Там же, оп. 11, д. 61, л. 150.

туры и отдыха в городе Махачкале и привести в благоустроенный вид морской пляж, купальни с организацией лодочных станций и спортивных сооружений, широко развернуть работы по капитальному ремонту и реконструкции существующих мостовых в городах, организовать регулярную чистку городов, поливку улиц, благоустройство рынков, мест общественного пользования, добиться улучшения обслуживания рабочих и трудящихся крестьян по охране здоровья и содержания в образцовой чистоте их жилищ, улучшить работу учреждений коммунального хозяйства, обеспечить их транспортом⁶⁵.

Постановление потребовало от городских Советов привлечь к благоустройству городов все хозяйственные и общественные организации и все трудящееся население, установить строгое наблюдение за сохранностью зеленых насаждений, опираясь на уличные комитеты, «друзей зеленых насаждений» и т. д.

От районных исполнительных комитетов съезд потребовал развернуть работы по озеленению и санитарному благоустройству районных центров (устройство садов, скверов, аллей, уличных насаждений, мощеных проездов, площадок и т. д.).

Городские и районные Советы и их коммунальные хозяйства и отделы здравоохранения обязывались улучшить работу по борьбе с малярией.

Выполняя решение съезда Советов, исполкомы рай(гор) Советов провели большую санитарно-просветительную работу. Там, где не были, создавались секции и специальные комиссии по поднятию культуры и здравоохранения населения.

Санитарная секция Дучинского сельсовета Лакского района систематически следила за чисткой аула. Члены секции следили за чистотой не только улиц и дворов, но и ходили по квартирам и там, где живут еще грязно, не соблюдая правил санитарной культуры, проводили беседы. «Вначале очень трудно было работать,— сообщила председатель секции А. Сулейманова. Были такие люди, которые встречали нас с недовольством, пришли, мол, указывать нам, наводить порядки в чужой комнате, а потом изменили к нам отношение. Идем, бывало по улице, а во дворах и в домах уже уборка идет, наводят порядок, а потом уже сами узнали, что в чистоте лучше жить».⁶⁶

Значительная работа по благоустройству городов была проведена Буйнакским и Махачкалинским горсоветами. В ходе общественных конкурсов, объявленных ДагЦИКом в 1935 г., Махачкалинский горсовет создал 30 участковых (уличных) комитетов, которые провели водопроводную линию, озеленение города, мощение улиц и т. д.⁶⁷ На озеленение города

⁶⁵ ЦГА ДАССР, ф. 37-Р, оп. 19, д. 345, л. 54.

⁶⁶ «Дагестанская правда», 9 мая 1938 г.

⁶⁷ ЦГА ДАССР, ф. р-37, оп. 20, ед. хр. 232, л. 97.

Буйнакский горсовет затратил 11 тысяч рублей, 70,5 тыс. рублей было вложено в водопровод и канализацию. На строительство бани и прачечных горсовет затратил 35,3 тыс. рублей, 583 тыс. рублей было израсходовано на оздоровительные мероприятия⁶⁸. В этом году в селах Буйнакского района было посажено 2460 штук молодых деревьев⁶⁹. Для благоустройства базарной площади в 1936 г. Ботлихский райисполком выделил 4000 руб.⁷⁰

В итоге работы санитарных секций города Махачкалы общая площадь зеленых насаждений города в 1937 г. составляла 37,4 га или в 5—6 раз больше, чем было до революции⁷¹.

Благоустройство рынков, чистота площадей, улиц, дворов и торговых учреждений, санитарная охрана промышленных предприятий и источников хозяйственного и питьевого водоснабжения, подъем санитарной культуры на производстве и в быту во многом способствовали предупреждению инфекционных заболеваний.

В сентябре 1935 г. Дагестан посетили французские врачи гг. Каттуар и Меддингер. Они побывали в Гунибском районе и посетили тропический институт. Гости ознакомились с постановкой работы в институте. В беседе с сотрудниками института они заявили: «Мы посетили ряд лечебных учреждений Советского Союза. Нас поражают колоссальные средства, которые затрачивает Советское правительство на здравоохранение, в частности, на борьбу с малярией. Мы работаем в Алжире (французская колония в Африке). В Алжире на 6 миллионов населения приходится 10 врачей, из них всего 2 врача и 1 работник среднего медперсонала занимаются борьбой с малярией. У вас же в Дагестане на 1 миллион человек населения 17 малярийных станций и 3 подстанции (210 сотрудников) и тропический институт, а летом работало, кроме того, 45 отрядов. И нам понятен тот энтузиазм, какой мы видим здесь у каждого медработника. Чувствуя заботы правительства о здоровье трудящихся, ваши работники отдают все силы и всю энергию работе, участвуя этим в стройке великой страны»⁷².

Советы Дагестана проделали большую работу по оказанию помощи общественным организациям, ведущим физкультурную работу. На них была возложена обязанность обеспечивать военное обучение населения республики. С этой работой местные Советы справились успешно.

⁶⁸ «Дагестанская правда», 7 ноября 1935 г.

⁶⁹ ЦГА ДАССР, ф. р-138, оп. 12, ед. хр. 3, л. 81.

⁷⁰ Там же, ф. р-133, оп. 9, ед. хр. 4, л. 14.

⁷¹ А. Н. Қажлаев. Возникновение и экономическое возрождение Махачкалы. Махачкала, 1967, стр. 153.

⁷² «Дагестанская правда», 28 сентября 1935 г.

На ряде предприятий, в колхозах и совхозах они организовали сдачу молодежи призывного возраста нормы «ГТО» и «ГСО». Только в Буйнакском районе нормы на значок «ГТО» второй ступени сдали 245 призывников.

Физкультурный кружок колхоза «Комсомолец» (Кумторкалинский сельсовет) состоял исключительно из девушек-значкистов. Кружком руководил бригадир колхоза, член сельсовета Арацханов. Сельские Советы Левашинского района выделили средства на физкультурные мероприятия (оборудование площадок, приобретение инвентаря и спортивных костюмов) и вовлекли колхозную молодежь в физкультурную работу. В сельских Советах Мекеги, Цудахар, Хаджал-Махи, Кулпа, Урма были созданы физкультурные коллективы, которые развернули работу по сдаче норм на значок ГТО и среди школьников—БГТО, а также Осовиахима, организовали подготовку на значок «Ворошиловский стрелок». Секции здравоохранения при сельсоветах организовали медосмотр лиц, проводящих физкультурную работу и сдающих нормы на значок ГТО. Был разработан план практических мероприятий для проведения физкультурной работы и военной подготовки среди допризывников⁷³.

В 1936 г. в сельских Советах Табасаранского района было подготовлено значкистов «ВС» — 21, «ГТО» — 73, «ГСО» — 17, а в сельских Советах Кахибского района — «ВС» — 23, а «ГТО» — 33⁷⁴.

Благодаря работам местных Советов в 1936 г. в Дагестане насчитывалось 24 тыс. физкультурников, большинство которых добилось значительных успехов в области повышения спортивной техники, массовой работы и превращения своих организаций в передовые коллективы.

При многих местных Советах были созданы оборонные секции, которые проделали значительную работу по улучшению оборонной работы. При их помощи на предприятиях, в колхозах и совхозах, в МТС были организованы стрелковые тиры, а в городах — аэроклубы, где подготавливались стрелки-снайперы. Махачкалинский горсовет добился того, чтобы более половины молодежи города призывного возраста стали стрелками-снайперами⁷⁵.

В 1936 году за успехи в оборонно-спортивной работе около 30 физкультурников республики были награждены ценными подарками и грамотами ДагЦИКа⁷⁶.

⁷³ ЦГА ДАССР, ф. 145-р, оп. 5, д. 1, л. 96.

⁷⁴ Там же, ф. 37-р, оп. 20, д. 259, л. 117.

⁷⁵ «Дагестанская правда», 11 сентября 1936 г.

⁷⁶ «Дагестанская правда», 28 марта 1936 г.

Все развертывающаяся сеть медицинских учреждений, широкие лечебно-профилактические и санитарно-просветительные мероприятия, борьба за преодоление культурной отсталости требовали квалифицированных, хорошо обученных местных кадров.

Одна единственная фельдшерско-акушерская школа не могла сколько-нибудь заметно удовлетворить потребности республики в медицинских кадрах. В соответствии с решением правительства в Махачкале был открыт Дагестанский медицинский институт (1932 г.). Это было важным событием в культурной жизни народов гор.

Уже в 1937 году институт дал 83 врача для республики. В том же году 64 чел. среднемедицинских работников выпустила фельдшерско-акушерская школа. Медицинские школы были открыты в городах Дербенте, Буйнакске, Хасавюрте. Хотя местные Советы не осуществляли этими школами педагогического руководства, однако они обеспечивали их как и другие учебные заведения и курсы необходимыми помещениями, освещением, топливом и всем необходимым для организации нормальной работы.

В 1937 г., к моменту принятия новой Конституции ДАССР, в Дагестане насчитывалось 60 больниц, 117 амбулаторно-поликлинических учреждений, 258 фельдшерско-акушерских пунктов, 16 малярных станций и иных специализированных медико-санитарных учреждений. В них работали 369 врачей и около 1100 сестер и лаборантов. В последующие два года (1938—1940 гг.) только среднемедицинские учебные заведения подготовили для районов Дагестана более 600 фельдшеров, акушеров, зубных врачей, медицинских сестер, лаборанток и фармацевтов. А медицинский институт—400 квалифицированных врачей. В 1940 г. в республике было 400 врачей, 1600 фельдшеров и других средних медицинских работников. Это в 40 раз больше, чем до революции.

Медицинские учебные заведения являлись не только базой по подготовке хорошо обученных и квалифицированных кадров для народного здравоохранения. Они, поддерживая тесную связь с отделами здравоохранения Исполнительных комитетов районов и городов и медицинскими работниками, оказывали последним практическую помощь в повышении общекультурного уровня трудящихся, в искоренении среди них религиозных пережитков и суеверий.

Забота Советов Дагестана о подготовке медицинских кадров, о росте больничного строительства и коечной сети, о дальнейшем улучшении сельского дела, увеличении поликлиник, медицинских пунктов, о развитии санитарной культуры резко влияла на снижение заболеваемости, способствовала социалистической перестройке быта трудящихся республики.

НАЧАЛО ДЕМОКРАТИЗАЦИИ АРМИИ И ОБРАЗОВАНИЕ СОВЕТОВ СОЛДАТСКИХ ДЕПУТАТОВ И СОЛДАТСКИХ КОМИТЕТОВ В ТЫЛОВЫХ ГАРНИЗОНАХ ТЕРСКО-ДАГЕСТАНСКОГО КРАЯ.

Под героическим натиском восставших рабочих и солдат в феврале 1917 года, в России пало царское самодержавие, в стране свершилась буржуазно-демократическая революция, власть в столице перешла в руки восставшего народа.

В результате победы Февральской революции в стране сложилась своеобразная обстановка двоевластия, впервые в истории революционной практики в России одновременно возникли две власти: диктатура буржуазии в лице временного правительства и революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства в лице Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Советы рабочих и солдатских депутатов, как органы государственной власти, были сильнее Временного правительства и при желании, имея в своем распоряжении вооруженных рабочих и солдат, могли осуществить единовластие. Но представители соглашательских партий, меньшевики и эсеры, оказавшиеся в большинстве в Советах, прикрываясь революционной фразой, на словах ратуя за коренные революционные преобразования, на деле с самого начала повели политику свертывания революционного движения, стали на путь соглашения с буржуазией, добровольно уступив ей власть.

В результате предательства меньшевиков и эсеров, революция остановилась на полпути, сделав полшага в сторону пролетарской революции.

Февральская революция, разорвав вековые оковы царизма, разбудила от политической спячки многомиллионную массу неискушенных в политике людей, главным образом мелких хозяйчиков, которыми полна была Россия. Эта «гигантская мелкобуржуазная волна,— писал В. И. Ленин,— захлестнула всё, подавила сознательный пролетариат не только своей численностью, но и идейно, то-есть заразила, захватила очень широкие круги рабочих мелкобуржуазными взглядами на политику»¹. Бессознательно-доверчивое отношение непролетарских слоев к капиталистам полностью отразилось на политике

¹ В. И. Ленин, т. 31, стр. 156.

Советов, где эти слои преобладали над сознательным пролетариатом численно и идейно.

Коренной вопрос революции, вопрос о власти, был решен в пользу буржуазии и в этом смысле буржуазно-демократическая революция закончилась, но это не устраняло того факта, что Временное правительство оставалось властью без силы, а Советы — силой без официальной власти. В результате чего гармония соглашения между соглашательским руководством Советов и Временным правительством постоянно нарушали те, кто по праву совершенной ими революции требовали коренных социально-экономических преобразований: раздела помещичьих земель, прекращения войны, введения восьмичасового рабочего дня, демократизации армии и т. д. Но правительство буржуазии и не думало осуществлять ни одно из этих требований трудящихся, оно бесчисленными обещаниями, при помощи эсеров и меньшевиков усыпляло классовое сознание масс и в тайне от них укрепляло свои позиции, прибирало к рукам государственный аппарат (армию, полицию, чиновничество), готовилось при первом удобном случае ликвидировать Советы и другие организации трудящихся.

Временное правительство не отказалось от империалистической политики царизма, продолжало ненавистную народу войну, но теперь это делалось под предлогом защиты «революционного» отечества от кайзеровской Германии. Меньшевики и эсеры — верные апостолы буржуазии — понесли в массы эту заведомую ложь.

Рабочие и солдаты, не доверявшие буржуазии, поверили эсеро-меньшевистским вождям Советов и поддержали в своем большинстве политику оборончества.

«Революционное оборончество», как и вся политика соглашательства в целом, стало главным препятствием на пути дальнейшего развития революции. Образовавшееся в стране двоевластие с его чрезвычайно сложным классовым переплетением являлось временным переходным состоянием. «Не подложит ни малейшему сомнению, — указывал Ленин, — что долго продержаться такой «переплёт» не в состоянии. Двух властей в государстве быть не может. Одна из них должна сойти на нет, и вся буржуазия российская уже работает из всех сил, всяческими способами повсюду над устранением и обессилением, сведением на нет советов солдатских и рабочих депутатов, над созданием единовластия буржуазии»². Не допустить этого, не дать лагерю реакции отбросить революцию назад, к единовластию буржуазии, со всей энергией двигать её вперед от первого этапа, давшего государственную власть классу капиталистов, ко второму этапу, который должен дать власть пролетариату и беднейшему крестьянству, —

² В. И. Ленин, т. 31, стр. 155.

эта историческая задача легла на сознательный пролетариат во главе с партией большевиков. Решать ее партия не могла без учёта такой крупной политической силы, как армия, которая активно включилась в революцию, оказывая огромное влияние на весь ход событий.

Многочисленная масса солдат царской армии, когда в стране грянула революция, увлекаемая героическим примером пролетариев, с энтузиазмом поддержала их борьбу. С особой силой и организованностью это движение проявилось в тыловых гарнизонах, где солдаты находились в самом тесном контакте с рабочими.

По примеру Петрограда и Москвы в революционное движение втягивались все тыловые гарнизоны. Они оказывали восставшим рабочим вооруженную поддержку, буквально поднимая самодержавие на штыки. Сопротивление немногочисленных сторонников царского режима подавлялось, благодаря этому, с исключительной легкостью.

Переход войск на сторону народа — один из основных источников победы Февральской революции. Он был подготовлен всем ходом общественного развития, самоотверженной работой большевиков в армии. Февральская революция в России особенно наглядно подтвердила, что ни одна действительно народная революция не может обойтись без привлечения солдат на сторону народа. Пример рабочих, собственный политический опыт подсказал солдатам, что единственный способ не допустить возврата старого — это организовать против своих классовых врагов.

Завоевав великую победу вместе с рабочими, солдаты столичного гарнизона закрепили её созданием единого руководящего революционного органа трудящихся — Совета рабочих и солдатских депутатов. Вслед за Петроградом организация солдат в Советы и комитеты захватила всю массу тыловых гарнизонов, а затем и фронт.

Важнейшим революционным актом восставших солдат явился исторический приказ № 1 Петроградского Совета, составленный группой первых солдатских депутатов Петрограда в составе семи человек во главе с большевиками Поддериным и А. Д. Садовским³.

Приказ № 1 состоял из семи пунктов и предписывал всем воинским частям, подразделениям, воинским учреждениям, армии, артиллерии и флоту немедленно приступить к выборам солдатских и матросских комитетов, которые должны были направить своих представителей в Совет рабочих депутатов. Приказ подчинял воинские части во всех своих политических

³ «История Великой Октябрьской социалистической революции», под редакцией П. Н. Соболева. М., 1962 г., стр. 19.

выступлениях Советам рабочих и солдатских депутатов и своим комитетам. Распоряжение военной комиссии Государственной думы предлагалось исполнять только в том случае, если «они не противоречили приказам и постановлениям Совета рабочих и солдатских депутатов. Всё оружие воинских частей должно было перейти в распоряжение и под контроль ротных и батальонных комитетов и ни в коем случае не выдаваться офицерам, даже по их требованию. Солдаты вне службы получали равные с остальными гражданами права. Отменялось вставание во фронт и обязательное отдавание чести вне службы, а также титулования офицеров и генералов. Запрещалось офицерскому составу обращаться к солдатам на «ты», требовалось от них вежливого обращения с солдатами. При всех недоразумениях с офицерами, солдатам предлагалось доводить это до сведения ротных комитетов»⁴.

В первоначальной реакции приказа имелся еще один очень существенный пункт, который предписывал установить выборность начальников, однако, при наборе текста приказа в типографии, этот пункт был самовольно вычеркнут одним из членов Исполнительного Комитета совета — меньшевиком Соколовым⁵.

Уступкой Временного правительства революционному натиску солдат явился также приказ № 114 от 5 марта 1917 года. В нем, правда, в урезанной форме подтверждались основные положения приказа № 1. В приказе говорилось, что «нижний чин» в подлежащих случаях заменить названием «солдат», отменить титулование, заменив таковое формой обращения «господин генерал»..., «господин врач» и т. д. При обращении ко всем солдатам, как на службе, так и вне её говорить им «ВЫ». Отменить все ограничения, установленные для воинских чинов..., воспрещающие курение на улицах и в общественных местах, посещение клубов и собраний, участие в качестве членов в различных союзах и обществах с политической целью и прочее»⁶.

Приказ № 114 был опубликован за подписью военного министра Гучкова и генерала Алексева. Его издание было выражением страха и растерянности временного правительства и командования армии перед нарастающими революционными выступлениями солдат в первые дни после революции.

Приказ № 1 положил начало демократизации армии и стал знаменем революционного движения солдат. Приказ № 1

⁴ Сборник документов «Великий Октябрь», изд-во Академии наук СССР под редакцией Гапоненко А. С., М., 1962, стр. 17—18.

⁵ Г. А. Фаветов, В. А. Шварев. Февральская революция 1917 г. в России, М., 1956 г., стр. 72.

⁶ Центральный военно-исторический архив СССР. Фонд 1300, оп. 25, д. 724, л. 98 (далее ЦГВИА СССР).

вызвал приступ бешенства у верхушки командования армии и реакционного офицерства, явился громом в ясный день для буржуазии, вызвал шоковое состояние у эсеров и меньшевиков. Глава временного правительства Керенский впоследствии, сокрушаясь по поводу появления приказа № 1, говорил: «что он отдал бы десять лет жизни, лишь бы приказ № 1 не увидел свет»⁷.

Временное правительство, верхи армии, буржуазные партии повели усиленную кампанию против приказа № 1, с целью помешать его распространению, стараясь при помощи разных добавок и оговорок свести его на нет. Под их давлением эсеро-меньшевистские лидеры в последующих приказах № 2 и № 3 Петроградского совета фактически запрещали дальнейшие выборы командного состава, требовали подчинения солдат начальникам, объявили приказ № 1 действительным только для войск Петроградского округа.

Временное правительство, не ограничиваясь этим, издало в последующем целый ряд новых приказов и положений, основная цель которых заключалась в том, чтобы урезать права солдат, зафиксированные в приказах № 1 и № 114, и не допустить дальнейшей демократизации армии. Так, в «Положении о ротных комитетах», опубликованном 16 апреля 1917 года, права солдатских комитетов ограничивались ролью совещательных органов при начальниках⁸.

11 мая правительство опубликовало декларацию «Прав солдата», справедливо названную солдатами декларацией «бесправия солдат». Но даже эта урезанная, куцая демократизация, проведенная временным правительством под давлением революционных масс, показалась контрреволюционному командованию армии недопустимой «революционностью» правительства. Ставка постоянно упрекала временное правительство в том, «что дарованные этим приказом гражданские права в большинстве солдатами были поняты как полнейшая распушенность, разнузданность и произвол, совершенно не сдерживаемые сознанием обязанностей лежащих на гражданине и солдате»⁹.

Разные политические партии отнеслись к демократизации армии по-разному. Кадеты открыто выступили против демократизации и считали появление приказа № 1 «гибелью для армии».

Соглашательские же партии считали возможной полную демократизацию армии в условиях буржуазного строя. Партия большевиков относилась к демократизации исключительно

⁷ П. Голуб. Партия, армия и революция. М., 1967, стр. 31.

⁸ ЦГВИА СССР, фонд 2168, оп. 2, д. 430, л. 204.

⁹ ЦГВИА СССР, фонд 2100, оп. 1, д. 281, л. 31 (на обороте).

как к средству организации солдатских масс для борьбы за власть, разъясняя массам, что при сохранении буржуазного строя полная демократизация армии невозможна. Жизнь подтвердила их правоту. Временное правительство вкупе с соглашателями очень скоро начало наступление на права солдат.

Приказ № 1 Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, опубликованный в большевистской печати, во многих местах переданный телеграфно, получил широкое распространение, стал известен в самых отдаленных гарнизонах страны и положил начало созданию массовых демократических организаций в армии — солдатских комитетов и Советов солдатских депутатов.

В Советах рабочих и солдатских депутатов, а также в солдатских комитетах тыловых гарнизонов Терско-дагестанского края, возникших после Февральской революции, преобладало засилие эсеров и меньшевиков. Это объясняется тем, что местные большевистские организации на первых порах оказались малочисленны и организационно слабы, а в некоторых гарнизонах вообще отсутствовали. Рабочий класс был незначительный и не мог охватить своим влиянием многотысячную массу солдат, разбросанную на огромной территории края. В результате повсеместно, особенно в отдаленных от пролетарских центров гарнизонах, возникшие Советы и солдатские комитеты оказались в руках меньшевиков и эсеров.

О составе Советов и солдатских комитетов усиленную «заботу» проявляло и временное правительство, и командование армии. Убедившись, что начавшаяся революционным путем демократизация армии, помимо их воли, стала свершившимся фактом, они прилагали все усилия, чтобы придать ей желательное направление, соответствующим образом укомплектовав возникшие в ходе революции солдатские организации. Интересна в этом отношении инструкция «ставки, разосланная 11-го марта 1917 года за подписью начальника штаба верховного главнокомандующего генерала Алексеева всем войскам тыла и фронта, в которой говорилось, что «в городах тыла спешно организуются местные советы... из людей крайних убеждений. Они-то и будут играть наиболее растлевающую для армии роль. Полагал бы организовать особые комитеты... из членов земгора, Государственной думы и умеренных членов советов рабочих депутатов... для беседы в частях войск в которых замечается колебание... Настоятельно необходимо организовать офицерский состав, подготовить его к ответам на солдатские вопросы... Если где-либо сформировались солдатские комитеты помимо воли начальства нужно ввести в их состав офицеров... дабы взять ход событий в свои руки»¹⁰.

¹⁰ ЦГВИА СССР, ф. 2168, оп. 1, д. 422, л. 384.

В заключении указывалось, что для достижения своих целей «нужно выйти из обычных рамок работы и прибегнуть к приемам исключительным»¹¹.

Инструкция ставки красноречиво показывает, какие советы и солдатские комитеты были ей желательны. Командование Кавказского военного округа сделало все от него зависящее, чтобы выполнить это предписание. Так, уже 18 марта 1917 года по войскам округа был опубликован приказ, в котором командирам частей рекомендовалось, внимательно относясь к уже возникшим в гарнизонах и частях солдатским комитетам, «вносить в них подсказываемые жизнью и практикой комитетов» поправки¹².

В апреле месяце Особый Закавказский комиссариат разработал, в связи с созданием новых органов власти, «желательные меры для Дагестана», основным требованием которых было: «гарнизоны Дагестанской области должны быть вверены офицерам активно революционным»¹³. Само собой понятно, в какие «активные» руки требовал ОЗАКОМ «вверить гарнизоны».

Командование округа и гарнизонов края, заботясь о желательном составе Советов и солдатских комитетов, одновременно при помощи соглашателей старалось оградить солдатские массы от пролетарского влияния, не допустить объединение Советов рабочих и солдатских депутатов, подчинить солдатские комитеты влиянию офицерства. В результате чего в большинстве гарнизонов края Советы солдатских депутатов возникли отдельно от Советов рабочих депутатов, что также способствовало засилию меньшевиков и эсеров.

Отдельные Советы солдатских депутатов вначале существовали во Владикавказе, Пятигорске, Георгиевске, Порт-Петровске, Дербенте и в других гарнизонах края. Только в гор. Грозном Совет солдатских и рабочих депутатов с самого начала был объединенным. В Грозненском гарнизоне выборы солдатских комитетов в частях начались 3-го марта. В тот же день был организован Совет солдатских депутатов¹⁴.

6 марта состоялось совместное заседание Совета рабочих и солдатских депутатов, на котором по инициативе большевиков было принято решение о создании объединенного Совета рабочих, солдатских и казачьих депутатов. В состав Совета вошли представители от всех войсковых частей гарнизона. Председателем объединенного Совета был избран большевик

¹¹ Там же, л. 385.

¹² ЦГВИА СССР, ф. 1300, оп. 25, д. 724, л. 106.

¹³ Центральный Государственный Исторический архив Грузинской ССР, ф. 1471, оп. 1, д. 252, л. 41. (далее ЦГИА Груз. ССР).

¹⁴ Архив музея С. М. Кирова и Г. К. Орджоникидзе в гор. Орджоникидзе, ф. 1, оп. 1, д. 7, л. 43.

А. Анисимов. Одновременно с советом организовался и гарнизонный комитет Грозного, который возглавил солдат-большевик Бакулин ¹⁵.

Грозненский Совет был единственным в крае, где в результате принципиальной позиции большевиков и их огромного влияния на массы удалось с первых же дней своего возникновения объединить оба совета в единый революционный орган трудящихся.

Образование объединенного совета рабочих, солдатских и казачьих депутатов явилось большим успехом грозненских большевиков, способствовало пролетарскому руководству солдатской массой. Грозненский Совет Р. С. и К. Д. представлял из себя наиболее влиятельную революционную силу города. В составе Совета в марте месяце 1917 года насчитывалось 180 депутатов, в основном рабочие и солдаты. В число депутатов первого Грозненского Совета вошли большевики Н. Анисимов, Коргагин, Ворожев, Мордовцев, Носов, Филатов, Погорелов, Э. Блок, М. Блок, Бакулин и др. ¹⁶

Гарнизон пролетарского Грозного с первых дней революции проявлял высокую революционную активность. Возникшие в ходе демократизации, революционные органы солдат, несмотря на временное преобладание в них соглашателей, под давлением большевиков, передовых рабочих и солдат, провели немало мероприятий революционного характера. В Совете Р. С. и К. Д. и солдатских комитетах часто принимались большевистские резолюции. Так, 7 марта 1917 года в городе состоялся многочисленный митинг рабочих и солдат. На нём по инициативе большевиков было принято решение: вместо разоруженной полиции организовать народную милицию из рабочих и солдат. В тот же день рабочие и солдаты, разогнав перепуганных караульных, освободили политзаключенных ¹⁷.

Под давлением масс 7 марта Совет рабочих и солдатских депутатов отдал распоряжение об аресте начальника Грозненского округа полковника Джапарадзе. Были арестованы воинский начальник, жандармские офицеры, разоружена полиция, разгромлены полицейские участки ¹⁸. В ходе революционной борьбы солдаты активно помогали рабочим вооружаться, отобранное у полицейских и жандармов оружие передавалось им.

¹⁵ А. А. Этенко. Диссертация. Тактика большевистских организаций Терка в борьбе за установление Советской власти. (1917—1918 гг.) Ростовский университет, 1958 г., стр. 44.

¹⁶ Е. П. Киреев. Пролетариат Грозного в борьбе за победу Великой Октябрьской социалистической революции. Грозный, 1967, стр. 62.

¹⁷ Е. П. Киреев. Пролетариат Грозного в борьбе за победу Великой Октябрьской социалистической революции. Грозный, 1957, стр. 63.

¹⁸ Там же.

Грозненский Совет, опираясь на вооруженных солдат и рабочих, сразу же начал действовать как орган власти. «Он не только объявлял недействительными многие распоряжения и приказы городских властей, начальника округа и военных начальников, проводил обыски, аресты полиции и жандармерии, но и приступил к разрешению всевозможных экономических вопросов»¹⁹. По свидетельству С. М. Кирова, Грозненский Совет пользовался почти совершенной полнотой власти с первых же дней революции²⁰.

Большевистская фракция Совета оказывала огромное влияние на его деятельность, придавая решениям Совета революционную направленность, вела упорную борьбу против соглашателей за Советы, за установление их единовластия.

11 марта 1917 года при помощи солдатских делегатов Тифлисского гарнизона был организован Совет солдатских депутатов во Владикавказе. Одновременно прошли выборы в солдатские комитеты, из представителей которых был создан гарнизонный комитет²¹. Запоздавшее образование солдатских организаций во Владикавказе объясняется прежде всего наличием в городе многочисленной прослойки офицерства, большим удельным весом казачьих частей, а также слабостью пролетарского влияния на части войск. Офицерский состав гарнизона, соорганизовавшись раньше (офицерский совет без участия солдат образовался 8 марта 1917 года)²², чем солдатские массы, пытался всячески задержать процесс демократизации в частях, подчинить его интересам командного состава, не допустить слияния революционных организаций солдат с Владикавказским Советом рабочих депутатов. По инициативе офицеров и при поддержке соглашателей, 6 апреля 1917 года произошло объединение Советов солдатских и офицерских депутатов. Председателем объединенного Совета был избран писарь Жолкевский, товарищами председателя — левый эсер прапорщик Андреев и Буланов²³. Большинство в Совете и гарнизонном комитете принадлежало эсерам и меньшевикам. Офицерский состав при помощи слияния Советов рассчитывал подчинить своему влиянию солдатские массы, помешать их объединению с рабочими.

Большевики Владикавказа во главе с С. М. Кировым вели упорную борьбу за создание объединенного Совета рабочих и солдатских депутатов. Под их давлением соглашательское

¹⁹ Там же, стр. 64.

²⁰ Д. З. Коренев. Революция на Тереке. (1917—1918 гг.). Орджоникидзе, 1967, стр. 26.

²¹ М. С. Тотоев. Очерки истории революционного движения в Северной Осетии. (1917—1920 гг.). Орджоникидзе, 1957, стр. 18.

²² Газета «Терские ведомости» № 55, от 10 марта 1917 года.

²³ Там же, № 75, от 8 апреля 1917 года.

большинство Совета рабочих депутатов вынуждено было уже 19 марта 1917 года постановить: «проводить регулярно совместные заседания с Советом солдатских депутатов, для решения наиболее важных вопросов»²⁴. Большевистская фракция Совета рабочих депутатов неоднократно вносила предложения объединить оба Совета, но они неизменно отклонялись соглашательским большинством. Наконец, 2 мая 1917 года на заседании Совета большевикам удалось провести решение об объединении с Советом солдатских депутатов. На этом заседании была избрана комиссия для реорганизации и слияний Советов во главе с С. М. Кировым²⁵.

17 мая 1917 года в помещении Ольгинской гимназии состоялось первое совместное заседание объединенного Совета рабочих и солдатских депутатов. В состав Исполкома объединенного Совета вошли большевики С. М. Киров, М. Орехалашвили, Предков, Долобоко, Жирякин, от солдат были избраны Проханов, Полонская, Звонарев. Председателем объединенного Совета рабочих и солдатских депутатов был избран меньшевик Скрынников. В Совете была организована специальная военная секция для работы среди солдат²⁶.

В результате деятельности большевиков и под давлением масс Совет солдатских и рабочих депутатов и солдатские комитеты Владикавказского гарнизона, несмотря на преобладание эсеров и меньшевиков, провели целый ряд мероприятий революционного характера. Совет активно вмешивался в деятельность гарнизонного начальства и местных органов власти временного правительства, отстаивая права солдат, добиваясь всесторонней демократизации их жизни и быта.

В начале марта Совет солдатских депутатов вынес решение об упразднении чинов жандармской и общей полиции, потребовал отправки всех полицейских чинов с маршевыми ротами на фронт. По решению Совета из-под ареста были освобождены солдаты, а начальник тюрьмы Иванов из-за плохого обращения с заключенными был арестован²⁷.

Большую помощь большевикам Владикавказа и революционным солдатам в деле организации солдатских комитетов оказала делегация солдат Петроградского гарнизона. Члены делегации неоднократно выступали перед солдатами гарнизона, рассказывали о Петроградских событиях, делились опытом революционной борьбы, оказывали практическую помощь в создании революционных организаций рабочих и солдат²⁸.

²⁴ Газета «Терские ведомости» № 64 от 21 марта 1917 года.

²⁵ И. Разгон. Орджоникидзе и Киров и борьба за власть Советов на Северном Кавказе, Госполитиздат, 1941 год, стр. 57.

²⁶ Газета «Терский вестник» № 14, от 19 мая 1917 года.

²⁷ Газета «Терские ведомости» № 64 от 21 марта 1917 года.

²⁸ Там же, № 65, от 22 марта 1917 года.

В Пятигорске выборы в солдатские комитеты проходили в первых числах марта. В возникших комитетах большинство принадлежало также соглашателям. В гарнизонном комитете преобладали офицеры. Командование гарнизона, быстро найдя общий язык с эсеро-меньшевистским большинством Совета рабочих депутатов, старалось любой ценой удержать солдат местного гарнизона от революционных выступлений, подчинив их своему влиянию.

Большевики Пятигорского гарнизона под руководством Г. Анджиевского и И. И. Малыгина с первых дней революции вели неутомимую работу среди солдат 113-го запасного пехотного полка и др. воинских частей города. В результате деятельности большевиков солдаты, недовольные первоначальным составом полкового комитета, в середине марта 1917 года потребовали его перевыборов. Второй состав комитета был более удачен, большинство в нем принадлежало солдатам. В число депутатов гарнизонного комитета были избраны большевики Г. Анджиевский, И. Малыгин, Шелохаев, Штеллер, Жигалкин, Захолявко, Янышевский²⁹.

Влияние фракции большевиков в комитете росло с каждым днем. Уже 27 марта 1917 года в результате очередных перевыборов солдатских комитетов частей гарнизона, председателем гарнизонного комитета был избран Г. Анджиевский и его заместителем Шелохаев³⁰.

Пятигорский Совет солдатских депутатов существовал отдельно от Совета рабочих депутатов. Большевики вели упорную борьбу за объединение Советов.

В городе Георгиевске Совет солдатских депутатов существовал также отдельно от Совета рабочих депутатов. Большинство в обоих Советах принадлежало эсерам и меньшевикам. Офицеры, захватившие вначале большинство в Совете солдатских депутатов, пытались переименовать его в Совет военных депутатов. Эта попытка, встретив решительный отпор солдатских масс, провалилась. При помощи пятигорской большевистской организации активизировали свою деятельность большевистские группы Георгиевска, Кисловодска, Ессентуков, Минеральных Вод, начало расти их влияние среди солдат воинских частей и их выборных организаций.

В течение марта месяца 1917 года во всех гарнизонах Терской области организовались Советы солдатских депутатов. Советы и солдатские комитеты возникли в гарнизонах Кизляра, Моздока, в слободе Нальчик, Воздвиженской, на станции Прохладной, Брятинской, укрепление Ведено³¹.

²⁹ Пятигорский городской музей. Инвентарный № 2139, л. 20.

³⁰ Там же, кн. № 3, документы об Анджиевском.

³¹ ЦГИА Груз. ССР, ф. 1838, оп. 1, д. 178, л. 119.

Большинство в Советах и солдатских комитетах повсеместно принадлежало соглашателям, что безусловно накладывало отпечаток на характер их деятельности. Влияние эсеров и меньшевиков было особенно сильным в тех гарнизонах, где рабочий класс был незначительным или вообще отсутствовал.

Командование частей и гарнизонов при помощи эсеров и меньшевиков прилагало все усилия, чтобы изолировать революционные выступления солдат от рабочего движения, помешать объединению их революционных организаций. Но классовое чутье передовых рабочих и солдат подсказывало им необходимость объединения против своих классовых врагов. Так в городе Кизляре, как только образовался Совет рабочих депутатов, «в его состав вошли представители солдат местного гарнизона, против желания своего начальства»³². В с. Нальчике после возникновения Совета рабочих депутатов местная воинская часть перешла в его распоряжение³³. Солдаты гарнизона помимо воли своего начальства избрали в Совет рабочих депутатов 15 человек³⁴. Тяга революционных солдат к единению с рабочими была характерна для всех гарнизонов Терско-дагестанского края.

В Дагестане первый Совет солдатских депутатов был избран в Порт-Петровске 5 марта 1917 года³⁵. В состав Совета были избраны И. М. Слепотенко, Извеков, Д. И. Шинков, С. Д. Дмитриев, А. П. Сельтенев, Журавель, Дорошинский М. А. и др.³⁶ Председателем Совета был избран эсер И. М. Слепотенко³⁷. Его заместителем — Д. Известков и Журавель, секретарем Совета Анананченко. Большинство в Совете солдатских депутатов принадлежало правым эсерам. В состав первого Совета вошли два большевика Сельтенев и Дмитриев.

Одновременно с образованием Совета солдатских депутатов организовался и Совет рабочих депутатов в Порт-Петровске во главе с беспартийным рабочим Луцковичем³⁸.

Большевики-депутаты советовали активную борьбу за создание объединенного Совета рабочих и солдатских депутатов. Так уже на первом заседании Совета рабочих депутатов большевик Корнешов «внес предложение на основе опыта 1905 года объединить Советы рабочих и солдатских депутатов».

³² ЦГА. СОАССР, ф. 54, оп. 4, д. 38—34-а, л. 1.

³³ Х. Бербекоев. Борьба трудящихся Кабарды и Балкарии за власть Советов. Нальчик, 1957 год, стр. 9.

³⁴ ЦГИА Груз. ССР, ф. 1838, оп. 1, д. 107, л. 281.

³⁵ Б. О. Кашкаев. Борьба за Советы в Дагестане. М., 1963, стр. 58.

³⁶ Партархив Даг. Обкома КПСС, фонд 2370, оп. 5, д. 59, лл. 1, 4.

³⁷ По другим данным 1-м председателем Совета был избран солдат Шелгунов. См. партархив Даг. Обкома КПСС, ф. 8, оп. 3, д. 14, л. 46.

³⁸ Там же.

Несмотря на упорное сопротивление соглашателей под давлением масс Совет вынужден был принять предложение большевиков³⁹.

Первое организационное заседание объединенного Совета состоялось 26 марта 1917 года⁴⁰. На этом заседании и произошло окончательное объединение Советов, в единый Совет рабочих, солдатских и военных депутатов. Термин «офицерских» депутатов по требованию солдат был заменен словом «военных» депутатов.

Создание объединенного Совета было большим успехом большевиков в Порт-Петровске, это способствовало дальнейшей революционизации солдатских масс гарнизона. Небольшая группа большевиков во главе с Сельтеновым, опираясь на передовых солдат и рабочих, вела активную борьбу против засилия соглашателей в выборных организациях солдат. Но количественно небольшие, организационно еще слабые большевистские организации и группы Дагестана и в частности Порт-Петровска на первых порах оказались не в состоянии противостоять объединенному натиску буржуазии, соглашателей и реакционного командования. Отдельные голоса большевиков потонули в общем хоре сторонников войны до победного конца для защиты «обновленного» отечества.

Порт-Петровский Совет и гарнизонный комитет в результате преобладания правых эсеров и меньшевиков поддерживали лозунг «революционного оборончества». Солдатская масса гарнизона, наивно поверив в эту преднамеренную ложь вождей мелкобуржуазных партий, в большинстве своем высказались за продолжение войны и поддержку временного правительства.

В Темир-Хан-Шуре Совет солдатских депутатов был избран 12 марта 1917 года. В частях гарнизона еще раньше были выбраны солдатские комитеты. Большинство как в Совете, так и в солдатских комитетах принадлежало эсерам и меньшевикам. Несмотря на соглашательский состав своих организаций, рядовая солдатская масса гарнизона выступала как наиболее влиятельная революционная сила города. Учитывая это, местная группа большевиков в числе Г. С. Саидова, Е. Г. Гоголева и других⁴¹ проводила большую работу среди солдат гарнизона.

Совет солдатских депутатов Дербента вначале существовал отдельно от Совета рабочих депутатов. Но вскоре под давлением большевиков соглашательское большинство обоих Советов было вынуждено почти пойти на объединение: в

³⁹ Газета «Дагестанская правда» от 6 марта 1957 года за № 47 (9932).

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Б. О. Кашкаев. Борьба за Советы в Дагестане. М., 1963, стр. 59.

Совете образовалась фракция большевиков в числе Е. Рабиновича, Д. Н. Пугина и Козлова, Г. Квантилиани, И. Кобякова и др.⁴² Дербентский Совет рабочих и солдатских депутатов являлся наиболее авторитетным органом власти города. Он представлял до 9 тысяч организованных рабочих и солдат, имел свой печатный орган «Известия Совета рабочих военных депутатов», поддерживал постоянную связь с Порт-Петровским, Бакинским, Темир-Хан-Шуринским Советами Р. и С. Д.⁴³ В состав Дербентского Совета входили также представители гарнизонного комитета Ахтынской крепости⁴⁴.

В Ахтынском гарнизоне уже в начале марта был выбран солдатский комитет Ахтынской воинской команды. Председателем комитета был избран поручик Акимов, членами солдаты С. Сидоров, М. Бондаренко, И. Бороденко, Я. Сидоренко. Комитет проводил большую работу среди солдат гарнизона и местного горского населения. Имел постоянную связь с краевым Советом Кавказской армии⁴⁵.

В течение марта месяца 1917 года Советы солдатских депутатов и солдатские комитеты возникли в гарнизонах Хасав-Юрта, Гуниба, Дешлагара, Бютлиха, Чир-Юрта⁴⁶.

Во внутренних горных районах Дагестана солдаты гарнизонов и их организации после революции выступали носителями передовых революционных идей среди горского крестьянства, оказывали им активную помощь в борьбе против местных помещиков и национальной буржуазии.

Образование Советов солдатских депутатов и одностипных им солдатских комитетов в тыловых гарнизонах Терско-Дагестанского края имело огромное значение для дальнейшего развития революции края. Советы и солдатские комитеты, несмотря на преобладание соглашателей, явились подлинно революционными массовыми организациями трудящихся, вовлекли в активную политическую жизнь широчайшие массы. Под ударами революционных солдат режим царской казармы рухнул. Создание выборных организаций солдат в армии, где веками консервировались самые дикие формы угнетения, было первым крупным шагом на пути к демократизации, началом бурного пробуждения классового сознания солдат.

Возникшие после революции солдатские комитеты и Советы были самой значительной победой восставших солдат. Армия ни одной, даже самой демократической страны не имела подобных органов. В гарнизонах края в результате создания

⁴² Б. О. Кашкаев. Борьба за Советы в Дагестане. М., 1963, стр. 60.

⁴³ ЦГИЛ Груз. ССР, ф. 21, оп. 2, д. 114, л. 3.

⁴⁴ Г. А. Аликберов. Победа социалистической революции в Да-

⁴⁵ ЦГИА Груз. ССР, ф. 1838, оп. 1, д. 80, л. 7.
гестане. Махач-Кала, 1968 год, стр. 27.

⁴⁶ Там же, дело 178, л. 118.

Советов солдатских комитетов, классовая борьба в частях войск приобретает небывалый размах. Революционные солдаты всю силу своей классовой ненависти обрушивают на офицеров. С первых дней своего возникновения солдатские комитеты ведут борьбу за удаление из частей реакционно настроенных и ненавистных им лиц командного состава. Смещение неугодных начальников и командиров, выборы на их место более демократично настроенных офицеров принимает широкий размах во всех частях гарнизонов края.

Так, только в 44-й Государственной ополченской бригаде, дислоцированной в Дагестанской области в течение марта месяца 1917 г., солдатами были устранены от командования командир 260 пешей Самарской дружины полковник, князь Аргутинский-Долгоруков, прапорщик Шнаев, из 263-й дружины — полковник Шипулин, начальник штаба подполковник Безин ⁴⁷, из 42-й бригады государственного ополчения командир бригады генерал-майор Болынцевич, прапорщик Гуро и Казаньянц из 261 Самарской пешей дружины, полковник Хужев из 280-й Уфимской пешей дружины и целый ряд других офицеров ⁴⁸.

31 марта 1917 года в с. Хасав-Юрте постановлением общего собрания солдатских и офицерских депутатов Хасав-Юртовского гарнизона был отстранен от должности командира осетинской пешей бригады генерал-майор князь Чиколани. Возбуждение солдат гарнизона было настолько сильным, что в телеграмме командиру бригады в штаб округа указывалось, что «положение серьезное, время не терпит» ⁴⁹. Командование округа пыталось отправить осетинскую бригаду на фронт и тем самым избавиться от революционно-настроенных солдат. Это вызвало резкое недовольство солдат-осетин, которые при поддержке других частей гарнизона сорвали отправку бригады на фронт ⁵⁰.

Классовая борьба в частях гарнизона достигла большого накала, малейшее оскорбление, брань или высокомерие начальства, которое было обычным явлением до революции, вызывало у солдат после приказа №1, резкий отпор и ответные решительные действия.

Так, в 1-й Терской казачьей дивизии 24 марта 1917 года «за грубое обращение и брань с солдатом Филоненко собрание солдатских и офицерских депутатов приняло решение лишить полковника Башилова права командовать дивизионом» ⁵¹.

⁴⁷ ЦГВИА СССР, ф. 1300, оп. 1, д. 198, л. 20.

⁴⁸ Там же, д. 215, л. 29.

⁴⁹ ЦГА СОАССР, ф. 54, оп. 5, д. 4441, л.л. 20, 44.

⁵⁰ Там же, л. 156.

⁵¹ ЦГА Северо-Осетинской АССР, ф. 58, оп. 1, д. 110., л. 94.

Созданные в ходе демократизации солдатские комитеты активно вмешивались во все области военной и политической жизни солдат. Они упраздняли в частях бессмысленную муштру, демократизировали порядок казарменной жизни, активно вмешивались во все действия начальников. Так, например, когда командир 6-й стрелковой пехотной дивизии, дислоцированной в Терской области генерал-майор Гринг, пожелал посмотреть занятия по гимнастике, то солдаты отказались выйти на занятия, заявив, что комитет не считает нужным проводить их. Дивизионный комитет потребовал от краевого Совета «оградить их от лиц, к которым они не могут питать доверия»⁵².

От командиров войсковых частей гарнизонов края в штаб округа шли тревожные сообщения об агитации в частях «крайних элементов», о «непослушании» солдатских комитетов и т. д. Так в телеграмме командира 280-й пешей Уфимской дружины полковника Хуцева от 30-го марта 1917 года на имя начальника округа сообщалось, что «прапорщик 1-й роты вверенной мне дружины Пронин и, под его влиянием... некоторые огорча, случайно избранные ротами солдатские депутаты... непрестанно разъезжая по ротам,... будируя солдат, непрерывно возбуждают дружину..., идя сознательно в разрез с требованиями временного правительства»⁵³.

Энтузиазм и самостоятельность солдатских масс и их политическая активность в первые месяцы революции были настолько велики, что стоило только подать малейший повод контрреволюционного характера или даже пустить слух, как революционные организации солдат принимали решительные меры против командования частей.

Революционное движение охватило не только пехотные части гарнизона, но и наиболее консервативно настроенные казачьи части тыловых войск. Рядовая масса казачества встретила начавшуюся демократизацию восторженно. Так, казаки — члены полкового комитета 1-го Сунженско-Владикавказского полка Терского казачьего войска писали, «что казаки с большой радостью восприняли весть о предоставленных свободах солдатам и казакам, ...а наши командиры узнав о них бледнели, голос их дребезжал... Очень жаль было им расставаться со своими правами, но в силу необходимости нужно было сдаться»⁵⁴. Несмотря на противодействие офицеров, рядовые казаки совместно с солдатами приняли самое активное участие в создании своих выборных организаций в частях. В течение марта месяца 1917 года во всех казачьих

⁵² ЦГИА Груз. ССР, ф. 1838, оп. 1, д. 277, л. 78.

⁵³ ЦГВИА СССР, ф. 1300, оп. 1, д. 36, л. 359.

⁵⁴ ЦГВИА СССР, ф. 336, оп. 2, д. 28, л. л. 356—357.

частях края были созданы сотенные, полковые казачьи комитеты. Большевики вели усиленную борьбу за объединение казачьих комитетов с Советами Р. и С. Д. Так в Грозном, по инициативе большевиков представители казачьих частей вошли в состав объединенного Совета и гарнизонного комитета. Совместная деятельность казачьих, солдатских и рабочих депутатов способствовала пробуждению классового сознания у рядового казачества, укрепляла их союз с солдатской массой. Результаты совместной деятельности незамедлили сказаться. Так, в конце июня 1917 года, когда казачья контрреволюция начала окончательно оформляться и все офицеры Кизляра — Гребенского полка вышли из состава Грозненского Совета и организовали свой казачий комитет, то рядовые казаки — депутаты Совета отказались последовать их примеру и остались в Совете Р. и С. Д.⁵⁵

Размах революционного движения в гарнизонах края и усиление классовой борьбы в войсках вызвали серьезное беспокойство командования округа и армии. Штаб округа слал телеграмму за телеграммой в тыловые гарнизоны, где указывалось, что «местными комитетами устранены от должности военного ведомства целый ряд лиц». Командование округа требовало от военных властей немедленно прекратить это самовольство⁵⁶.

На неискушенных в политике солдат посыпался целый рой воззваний, приказов временного правительства, Государственной Думы, соглашательского Исполкома Петроградского Совета. В них солдаты призывались к сотрудничеству с офицерами, указывалось на необходимость подчинения солдат своим командирам и т. д. Временное правительство при активной помощи соглашательских партий, спекулируя завоеванной кровью трудящихся политической свободой, угрожая внешней опасностью, вело усиленную обработку солдатских масс в духе «революционного оборончества». Лозунги соглашателей в первые месяцы революции пользовались большим влиянием в массах. Значительная часть солдат тыловых гарнизонов края оказалась в плену соглашательских идей.

Организационное оформление Советов рабочих и солдатских депутатов и солдатских комитетов в духе «революционного оборончества» в масштабах Кавказского фронта и военного округа состоялось на I-м съезде Советов Кавказской армии.

Съезд открылся 23 апреля 1917 года в гор. Тбилиси⁵⁷. В работе съезда приняло участие 1542 делегата фронта и ты-

⁵⁵ Газета «Терский вестник» № 50 от 2. 7. 1917 года.

⁵⁶ ЦГВИА СССР, ф. 1300, оп., 1, д. 44, л. 16.

⁵⁷ ЦГА ЧИАССР, ф. 6, оп. 2, д. 1, л. 58.

ла, в числе их солдат было 1170, офицеров 372⁵⁸. От тыловых гарнизонов Терско-Дагестанского края на съезд прибыло 53 делегата, из них офицеров — 13, солдат — 40 человек⁵⁹. На съезде были представлены почти все политические партии. В работе съезда принимали участие высшие командные чины Кавказской армии и фронта во главе с командующим генералом Пржевальским. Большинство делегатов съезда принадлежало к партии эсеров и меньшевиков. Это и предопределило всю деятельность краевого съезда и характер его решений.

1-й Краевой съезд Кавказской армии прошел под лозунгом создания классового мира в армии, поддержки временного правительства войны до победного конца.

Решения аграрного, национального вопросов в резолюциях съезда откладывалось до созыва учредительного собрания. Таким образом, ни один из коренных вопросов революции съезд не решил в интересах трудящихся и солдат. Краевой Совет армии и Исполнительный комитет Совета, где преобладали правые эсеры и закавказские меньшевики, стал опорой временного правительства и контрреволюционной верхушки армии.

Большевистская фракция съезда была малочисленной и не могла оказать решающего влияния на его решения, однако энергичная деятельность большевиков, их выступления на съезде с критикой соглашательской политики меньшевиков и эсеров, шире знакомили массы солдат с платформой большевистской партии, способствовала росту политического сознания массы солдатских делегатов. Активное участие в работе большевистской фракции съезда приняли посланцы рабочих и солдат Терско-Дагестанского края С. М. Киров — делегат Владикавказского Совета Р. И. С. Д., И. В. Малыгин — делегат Пятигорского Совета солдатских депутатов. Северо-кавказские большевики — делегаты съезда совместно с большевиками Закавказья, исходя из реальной обстановки, сложившейся на съезде, решили использовать его трибуну для разоблачения соглашательской политики эсеров и меньшевиков, для пропаганды идей и лозунгов партии среди делегатов — солдат. Между немногочисленной большевистской фракцией и эсеро-меньшевистским большинством съезда развернулась острая борьба по всем коренным вопросам революции. На съезде от большевиков выступили Колганов, Малыгин. В своем выступлении И. В. Малыгин критиковал эсеро-меньшевистскую политику соглашения с буржуазией, он говорил, что «движущими силами русской революции является пролетариат и революционная армия. Буржуазия идти с нами не может. Пример

⁵⁸ ЦГИА Груз. ССР, ф. 1838, оп. 1, д. 64, л. 118.

⁵⁹ Там же, л. 119.

1905 год, когда она изменила делу революции, достигнув своих классовых целей». «Всякая буржуазия, в том числе и русская, — заявил Малыгин, — по природе своей империалистична, она не может не стремиться к захвату чужих территорий». Малыгин подверг уничтожающей критике буржуазную идею «о внеклассовой» «внепартийной» армии, призвал солдат принять самое активное участие в революционной борьбе рабочих, за дальнейшее развитие революции⁶⁰.

В результате деятельности большевиков и под давлением революционно настроенных солдат и рабочих, съезд принял целый ряд решений революционного характера. Так, например, съезд осудил решение ставки созвать отдельный офицерский съезд, заявив, что «единственным правомочным органом по созыву военных съездов является Совет солдатских депутатов и его исполнительный орган»⁶¹.

Краевой съезд узаконил ставшие фактом действительности революционные организации солдат: Советы и Солдатские комитеты, признав их необходимыми в армии. Под давлением левых сил краевой совет разработал устав солдатских комитетов и, несмотря на отказ генерала Пржевальского утвердить его, разослал по частям войск для проведения в жизнь⁶². Съезд избрал краевой совет Р. и С. Д. и исполнительный комитет Совета во главе с правым эсером Донским.

Эсеры и меньшевики вкупе с реакционным командованием и закавказскими националистами сделали все возможное, чтобы ограничить представительство большевиков в краевом Совете, старались вообще недопустить их в Исполком Совета. Но под давлением революционно-настроенных делегатов — солдат и рабочих соглашатели вынуждены были пойти на уступку и предоставить фракции большевиков одно место в исполкоме⁶³. Из числа делегатов большевиков края в состав краевого Совета был избран также представитель Пятигорска солдат И. В. Малыгин.

Таким образом, несмотря на малочисленность большевистской фракции, её деятельность на съезде помогла солдатам вырвать целый ряд существенных уступок у соглашательского большинства, а главное кавказские большевики впервые получили возможность изложить суть своей политической платформы перед огромной аудиторией солдат и рабочих, что имело большое значение для дальнейшей борьбы за армию.

Февральская революция вовлекла в активную политическую жизнь многотысячные массы трудящихся Терско-Дагестанского края. Солдаты тыловых гарнизонов в ходе

⁶⁰ Газета «Кавказский рабочий» от 27 апреля 1917 года, № 36.

⁶¹ ЦГВИА СССР, ф. 1300, оп. 1, д. 79, л. 197.

⁶² ЦГИА Груз. ССР, ф. 1838, оп. 1, д. 95, л. 24 (на обороте).

⁶³ ЦГВИА СССР, ф. 1300, оп. 31, д. 79, л. 197.

революции полностью перешли на сторону восставших рабочих и крестьян, явились вооруженной опорой возникших революционных организаций трудящихся в борьбе против сторонников царизма.

Созданные в ходе Февральской революции Советы рабочих и солдатских депутатов, а также солдатские Комитеты составили единую систему политической организации трудящихся, стали органами революционной власти восставших рабочих и солдат.

В армии, как и в стране в целом, сложилось фактическое двоевластие: с одной стороны, огромное угнетенное большинство во главе с Советами и комитетами, ставшие на сторону народа, с другой стороны, немногочисленная командная верхушка армии, отдавшая себя в полное распоряжение правительства буржуазии.

Оценивая сложившуюся ситуацию, Ленин в апреле 1917 года подчеркивал, что оружие сейчас у солдат и рабочих и правительство насилия над массами «не может произвести, ибо ни полиции, ни особой армии, ни стоящего всесильно над народом чиновничества нет. Это факт. Это именно такой факт, который характерен для государства типа Парижской коммуны. Этот факт не укладывается в старые схемы»⁶⁴.

Советы рабочих и солдатских депутатов, как в центре, так и на местах имели реальную возможность, опираясь на вооруженных солдат и рабочих, осуществить свое единовластие, этого не случилось потому, что эсеры и меньшевики, захватив большинство в Советах, вступили в соглашение с буржуазией и добровольно отдали ей власть, превратив Советы в придаток Временного правительства.

Эсеры и меньшевики, играя на патриотических чувствах трудящихся и солдатских масс, утверждали, что после свержения царизма война перестала быть антинародной, империалистической, что временное правительство является подлинно народным правительством, следовательно войну теперь необходимо продолжать в интересах самого народа. Так возникла соглашательская идея «революционного оборончества», которая оказалась тем спасательным кругом, за который ухватилась буржуазия.

В обстановке резкого падения доверия солдат к представителям капиталистов и помещиков в армии, это был наиболее реальный путь выхода из революционного кризиса. Поэтому буржуазия всемерно поддержала политику меньшевиков и эсеров.

В Советах и солдатских комитетах тыловых гарнизонов Терско-Дагестанского края в первые месяцы революции гос-

⁶⁴ В. И. Ленин, т. 31, стр. 135.

подставовал дух «революционного оборончества», здесь, как и всюду, солдатская масса в большинстве своем оказалась в плену соглашательских идей. Лозунги большевистской партии и их выступления вызывали недовольство солдатских депутатов, они еще не стали достоянием всей массы рабочих и солдат, передовая сознательная часть которых была подавлена многомиллионной массой мелких хозяйчиков, впервые вступивших на арену политической борьбы. Однако, несмотря на господство в солдатских комитетах и Советах солдатских депутатов эсеров и меньшевиков, сам факт их возникновения был серьезным завоеванием революционных солдат в буржуазно-демократической революции. Большевики и сочувствующие им солдаты и рабочие, избранные в выборные органы трудящихся, сыграли большую роль в деле мобилизации солдат на борьбу за дальнейшее развитие революции.

Демократизация армии, хотя она проходила в условиях господства буржуазии и носила ограниченный характер, тем не менее разрушила до основания палочный режим царской казармы, вовлекла армию в активную политическую жизнь, создала необходимые условия для развертывания классовой борьбы в войсках.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского НЦ РАН**

instituteofhistory.ru

ВКЛАД РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В ИЗУЧЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ЭКОНОМИКИ ДАГЕСТАНА

(вторая половина XIX — начало XX в. в.)

Настоящая статья является попыткой обобщить деятельность прогрессивной части русской интеллигенции в Дагестане дооктябрьского периода и тем самым составить более полное представление о ее вкладе в развитие экономики и культуры края, изучение его природных богатств.

Исследование этой темы расширяет и углубляет познания о развитии экономических, а также культурных отношений русского и дагестанских народов. Оно полнее раскрывает тяжелое положение и бесправие горцев в те мрачные времена и их стремление к общественному прогрессу, к научным знаниям.

На необходимость всестороннего освоения культурного наследия и приобщения к социалистическому строительству всего, что было наиболее ценного и честного в рядах старой интеллигенции, не раз указывал В. И. Ленин. «Пролетарская культура, — писал он, — должна явиться закономерным развитием тех запасов знания, которые человечество выработало под гнетом капиталистического общества, помещичьего общества, чиновничьего общества»¹.

Всю совокупность специальных знаний и их носителей — представителей интеллигенции — Коммунистическая партия считала научным наследством, перешедшим в руки пролетариата от капитализма. До Великой Октябрьской социалистической революции социальная природа интеллигенции в России была в основном буржуазной и мелкобуржуазной. Поэтому при изучении деятельности ее прогрессивных представителей, в частности, и в Дагестане, автор руководствовался указаниями В. И. Ленина, который призывал усваивать научное наследие критически, с марксистских позиций.

В пореформенный период Россия прочно встала на путь капиталистического развития. В погоне за более высокой

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 41, стр. 304—305.

прибылью русская буржуазия, обобрав и разорив народ в центральных областях, устремилась в восточные и северные окраины европейской части России, где она видела большие возможности «первоначального накопления», дающего «сотни процентов прибыли»². Одной из таких колониальных окраин, на которую распространялось развитие российского капитализма вширь, был Кавказ и один из обширных его районов Дагестан.

Анализируя социально-экономическое развитие Кавказа, В. И. Ленин указывал, что экономическое «завоевание» его Россией совершилось гораздо позднее, чем политическое. В книге «Развитие капитализма в России» он писал: «В пореформенную эпоху происходила, с одной стороны, сильная колонизация Кавказа, широкая распахка земли колонистами (особенно на Северном Кавказе), производившими на продажу пшеницу, табак и пр. и привлекавшими массы сельских наемных рабочих из России. С другой стороны, шло вытеснение туземных вековых «кустарных» промыслов, падающих под конкуренцией привозных московских фабрикатов»³.

Русская буржуазия стремилась превратить Северный Кавказ и, в частности, Дагестан, в рынок сбыта и источник сырья для своей промышленности. Дагестан привлекал ее не только как поставщик дешевого сельскохозяйственного сырья, но и как район, таящий в своих недрах богатые минеральные ресурсы (нефть, газ, сера и др.).

На территории России имелись все виды полезных ископаемых, необходимых для развития промышленности, однако изученность природных богатств и степень их освоения были чрезвычайно низки. Многие виды сырья, которыми изобиловала Россия, привозилась из-за границы. Так, уголь доставлялся из Англии, серный колчедан из Португалии, кварцевый песок для стекольной промышленности из Франции. Даже камни (брусчатку) для мостовых в Москве и других городах доставляли шведские фирмы. Но и при таком положении царское правительство крайне неудовлетворительно организовывало работу по изучению естественных производительных сил страны. До 1882 года в стране не было самостоятельного геологического учреждения, исследования велись Горным ведомством и некоторыми научными обществами не систематически, кустарно. Богатейшим краем являлся Кавказ, но правительство ассигновывало на геологическое изучение его мизерные средства, которые далеко не удовлетворяли нужды научных исследований. Представители промышленных кругов нередко препятствовали проведению исследовательских работ.

² В. И. Ленин. Соч., т. 1, стр. 324.

³ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 594.

Так, председатель съезда бакинских нефтепромышленников в 1906 году заявил: «Нефти хватит на многие десятки лет, и нет надобности прибегать к искусственным мерам или отыскивать новые месторождения»⁴.

Не встретила поддержки со стороны правительства и инициатива русских ученых, образовавших при Петербургской Академии наук «Постоянную комиссию по изучению естественных производительных сил». В работе комиссии принимали участие академики А. П. Карпинский, В. И. Вернадский, Н. И. Андрусов, Д. Н. Анучин и другие ученые. Даже на разработку такой важной проблемы, как освоение месторождений вольфрама, Академия наук в течение двух лет не могла получить ничтожных ассигнований. Передовые ученые выражали недовольство политикой правительства. Академик А. Н. Крылов на одном из заседаний, после оглашения отказа властей в отпуске кредитов, заявил, что этому безобразию должен быть положен конец, что скоро «к черту полетит вся царская семья и великие князья, которые захватили в свои руки вольфрамовые месторождения Забайкалья», и вынул из кармана 500 рублей для обследования кавказских месторождений⁵.

Двойственность политики царского правительства в деле изучения и освоения природных богатств особенно проявлялась в отношении национальных окраин, в том числе и Дагестана. С одной стороны, правящие круги, русская буржуазия, хищнически эксплуатируя уже известные полезные ископаемые в крае, направляли сюда ученых, экспедиции, специалистов различных отраслей для изыскания новых месторождений, особенно нефти, топлива, строительных материалов и т. п., которые были необходимы для промышленности, военных нужд, строительства железной дороги. С другой стороны, царское правительство не было склонно широко поощрять и материально поддерживать работу научных учреждений, зачастую пренебрежительно относилось к инициативе и начинаниям передовых ученых.

Но представители русской интеллигенции, значительная часть которой была несомненно прогрессивно мыслящей, выполняли в Дагестане не только заказы господствовавших классов. Они по собственной инициативе, при поддержке научных обществ, вели большую исследовательскую работу, изучали минеральные ресурсы страны гор, оказывали практическую помощь в развитии сельскохозяйственного производст-

⁴ С. М. Лисичкин. Очерки по истории развития отечественной нефтяной промышленности. М.—Л., 1954, стр. 69.

⁵ К истории открытия и изучения месторождений полезных ископаемых. Сборник статей. М., 1963, стр. 5.

ва и других областей экономики на основе научных достижений того времени, способствовали созданию местных кадров, сближению дагестанских народов с народами России.

В числе тех, которые своими трудами заложили фундамент научного изучения Дагестана и своей деятельностью способствовали развитию производительных сил края, были академики С. Г. Гмелин, Г. В. Аби́х, Н. И. Андрусов, Д. В. Голубятников, Д. Н. Анучин, профессор-ботаник Н. И. Кузнецов, ученый-почвовед В. В. Докучаев, профессор-ихтиолог Н. М. Книпович и многие другие.

Геологическое изучение Дагестана начинается по существу с исследований Г. В. Аби́ха (1806—1886 гг.), которого часто называют «отцом Кавказской геологии»⁶. Около двадцати лет он посвятил изучению горной страны, которая, по его словам, «заключает в себе гораздо более естественных средств, нежели предполагают из-за недостаточных розысканий»⁷. Изыскания, произведенные самим Аби́хом и другими учеными, подтвердили эти прогнозы. В Андийском округе (близ с. Хупро), Самурским (в отрогах хребта Гудурдага, близ с. Хнов) были обнаружены: серебро-свинцовые и свинцовые руды⁸. В Темир-Хан-Шуринском округе (у подошвы горы Хадым-баш) — никелевая руда, ртутная руда в Кюринском округе (в верстах от с. Гепце и в местности Чичаг) с содержанием ртути 74,7%, а также близ с. Хпек, Рухун. На северо-восточном склоне хребта Нарат-тубе в 10 верстах от г. Петровска, в горе Тепсели—тау к с-з. от г. Темир-Хан-Шуры, близ с. Тахада Аварского округа, в 20 верстах от Гуниба, около с. Тиркал, Макагр и Хепитар Кюринского округа, на правом берегу Ахты-Чай Самурского округа обнаружены были железные руды⁹.

Открыты новые и исследованы уже известные многочисленные месторождения серной руды: в горе Кхиут около с. Чирката, близ с. Артлух, Гоцатль, между селениями Гоцо и Могох, на правом склоне Гийк-Салган в 2,5 км. от Талгинских серных источников, между с. Хаджал-Махи и Гергебилем в хребте Кули-меэр и др.¹⁰

Пласты каменного угля найдены в Андийском округе близ Кхиутского серного рудника, в 5 верстах от с. Клипичи, в Гунибском округе (Хартикальском ущелье, в 12 верстах выше

⁶ И. М. Губкин. Заключительное слово на Второй Северокавказской конференции геологов-нефтяников. Избран. соч., т. 2, М—Л., 1953 (4).

⁷ Г. В. Аби́х. О строении и геологии Дагестана. Горный журнал, ч. 2, 1862, стр. 105.

⁸ АКАК, т. 6, ч. I, стр. 157.

⁹ Полезные ископаемые и минеральные воды Кавказского края. СПб 1900, стр. 111.

¹⁰ Отчет г-ну министру гос. имуществ о деятельности Управления Горною частью Кавказского края в 1887 году. Тифлис, 1888, стр. 130.

Гуниба), Казикумухском округе (близ с. Кули), Кайтаго-Табасаранском округе (близ с. Сюраги, Мюсселим-аул). В Аварском, Казикумухском, Даргинском, Самурском округах открыты торфяные копи ¹¹.

В крае были также обнаружены месторождения нефти, газа.

Состоя в должности профессора Дерптского университета, Г. В. Абих в 1845 году направляется на Кавказ для проведения геологических исследований ¹². Он неоднократно посещал Дагестан, где открыл и исследовал многие месторождения полезных ископаемых. Начиная с 1847 года ученый обнаружил в Северном Дагестане вблизи Турчи-Дага, около сел. Хосрек, Камаша, Куркли, Казикумухского округа, а также в урочище Матлас близ сел. Ахальчи, Сиух расположенных недалеко от Хунзахского укрепления копи торфа и рекомендовал практические меры по их разработке ¹³. Торф использовался в качестве топлива для удовлетворения нужд войск, а также местным населением. Около Кумуха, недалеко от Гуниба, Голотля ¹⁴ и ряда других мест геолог обнаружил пласты каменного угля, но ввиду военной обстановки и в связи с открытием указанных торфяников разработка месторождений угля не производилась.

В 1859 году Г. В. Абих вместе с горным инженером К. Гилевым произвел подробные исследования месторождений серы и каменного угля в Кхиуте (близ сел. Чирката) ¹⁵. Жители селения Чирката с древних пор выплавляли серу и делали порох. Для войск Шамиля они поставляли серу, вместо военных повинностей. Несмотря на отдаленность, отсутствие подъездных путей, добыча серы в Кхиутском руднике была выгодной. И исследователи указывали на необходимость активной разработки этого месторождения, отмечая невыгодность закупки серы за границей, на что ежегодно расходовалось до 300 тыс. рублей ¹⁶. За период 1877—1893 гг. в Кхиуте было выплавлено 671 тыс. пудов серы ¹⁷.

Ученый много внимания уделял изучению нефтеносных районов. Он высказал предположение о наличии нефтяных источников в ущелье Гийк-Салган и на склоне хребта Нарат-

¹¹ Полезные ископаемые и минеральные воды Кавказского края. СПб. 1900, стр. 205, 206.

¹² ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 1, д. 552.

¹³ АКАК, т. 10, стр. 366—367. Полезные ископаемые и минеральные воды Кавказского края. СПб, 1900, стр. 206.

¹⁴ Полезные ископаемые и минеральные воды Кавказского края. СПб, 1900, стр. 205.

¹⁵ Отчет о разработке месторождений серы близ аула Чиркат. Горный журнал, ч. 3, за 1865 год, стр. 325.

¹⁶ Сборник сведений о Кавказе, т. 2, 1872, стр. 95.

¹⁷ Дагестанская промышленность за пять лет (1920—1925), стр. 227.

Тюбе к югу и юго-западу от Петровска и др.¹⁸ Дальнейшие исследования подтвердили указанное предположение.

Г. В. Абих занимался не только исследовательской деятельностью по геологии, географии края, он интересовался жизнью, обычаями, нравами горцев. Как бы подытоживая свои многолетние наблюдения и общение с горцами, он писал, что эта страна «заселена сильной породой людей, смелой как сама земля, являющаяся их колыбелью»¹⁹. По его мнению, следовало бы принять меры к улучшению материального благосостояния горцев, поощрять производство вина, разведение садов, шелковичного червя и другие наиболее эффективные отрасли хозяйства²⁰. Предлагаемые ученым меры были прогрессивными, однако их осуществление не могло устранить тяжелое положение трудящихся горцев, их экономическое и социальное неравенство. Ввиду классовой ограниченности и неспособности привести свои личные наблюдения в соответствие с объективным ходом истории Абих, разумеется, не мог рекомендовать социальных мер по переустройству общества.

К 60-м годам Г. В. Абихом были накоплены многочисленные данные, и он приступил к составлению сводных геологических обзоров, используя материалы, собранные другими исследователями. «Горные офицеры постоянно находившиеся в стране (на Кавказе — А. С.) занимались разведкой, описанием и составлением геологических карт, над сводом которых Абих трудится почти 20 лет, и, вероятно, свет скоро увидит труды его», — писал управляющий горной частью на Кавказе²¹.

В его работе «О строении и геологии Дагестана»²², изданной в 1862 году, показано и глубоко обосновано геологическое строение края. В труде «Теплые минеральные источники в Дагестане»²³ дана картина тектонического строения горной страны, приведены ценные сведения о распространенных здесь отложениях. Отмечено развитие пород юрского и мелового возраста.

В трудах Г. В. Абиха содержатся сведения по самым различным отраслям: о расположении горных хребтов, о рельефах и их связях с геологическим строением, дано описание

¹⁸ Полезные ископаемые и минеральные воды Кавказского края. СПб, 1900, стр. 206.

¹⁹ Г. В. Абих. Путевые заметки, т. 2, Вена, 1896, л. 329, Рукописный фонд ИИЯЛ, ф. 1, оп. 1, д. 463.

²⁰ Г. В. Абих. О свойствах и месторождениях минеральных продуктов Дагестана. Горный журнал, ч. 2, 1862, кн. 4, стр. 105—106.

²¹ В. В. Тихомиров. Жизнь и труды Г. В. Абиха. Очерки по истории геологических знаний, в. 8, 1959, стр. 4.

²² Г. В. Абих. О строении и геологии Дагестана. Горный журнал, ч. 2, кн. 4, 1862.

²³ Медицинский сборник Кавказского медицинского общества. Тифлис, 1866.

климата и высказаны предположения о климате геологического прошлого, приведены данные об изменениях уровня воды в горных реках в зависимости от времени года, о колебаниях уровня Каспийского моря, которое он объяснял изменениями климата.

Характерным в работе ученого было стремление не только исследовать и описать открытые им месторождения полезных ископаемых, но и дать конкретные рекомендации для их практической разработки. Многие его труды по геологии и полезным ископаемым до сих пор не потеряли своего значения.

Дальнейшее геологическое изучение Дагестана связано с именами таких известных геологов, как Н. И. Андрусов, Н. Н. Барбот-де Марни, К. И. Богданович, Д. В. Голубятников, Ф. Г. Кошкуль, А. М. Коншин, К. П. Калицкий, И. Н. Стрижов и др.

Большая заслуга в познании геологического строения Дагестана принадлежит академику Н. И. Андрусову (1861—1924 г. г.). С 80-х годов он занимается исследованием по геологии Северного Кавказа, палеогеографии Каспийского моря. На основе собранного богатого фактического материала ученый «разработал детальную стратиграфию кайнозойских и особенно неогеновых отложений»²⁴. В 1898 году он вместе с ботаником Н. И. Кузнецовым исследовал горную часть Дагестана. Маршрут был выбран таким образом, чтобы пересекал ряд хребтов и гор, а не шел бы вдоль одной из главных речных артерий края. Они прошли в Онцокли, поднялись на Бетльское плато и затем пересекли ряд плоскогорий и отдельных хребтов, в том числе Цатанихское, Тануское, Хунзахское и др. Н. И. Андрусов подробно описал основные породы, образующие горы, месторождения обнаруженных им юрских песчаников, содержащих пласты каменного угля в бассейне слияния главных артерий четырех Койсу²⁵. Проводя исследования разрезов кайнозойских отложений, в частности, на реке Сулак, ученый подробно описал нефтепроявления и пришел к выводу о генетической связи нефти с рассеянным органическим веществом. Это представление о генетической связи рассеянных веществ с нефтью было подтверждено позже советским исследователем А. Д. Архангельским.

Н. И. Андрусов уделил много внимания освещению вопроса образования Каспийской впадины и геологического строения приморской части Дагестана. Результаты этих исследований

²⁴ П. Н. Куприн. Образ поисково-разведочных работ и исследований на нефть и газ в Дагестане. Труды комплексной южной геологической экспедиции, в. 4, Л., 1959, стр. 11.

²⁵ Н. И. Андрусов. Поездка в Дагестан летом 1898 года. Известия Кавказского отдела Императорского Русского географического Общества, т. 15, стр. 7—9.

освещены в его работе «О древнейших береговых линиях Каспийского моря»²⁶.

В работах «Отчет о геологическом исследовании в Темирхан-Шуринском округе Дагестанской области»²⁷, «Отчет об исследованиях минеральных богатств и геологического строения Дагестана»²⁸, «Сравнительный очерк нефтяных месторождений Каспийского побережья»²⁹ профессор Петербургского института И. Н. Барбот-де Марни подробно охарактеризовал исследованные им в 1892—94 гг. месторождения серных руд в северо-западной части Дагестана, в частности, Могохское в Аварском округе с запасом серной руды 825 мл. пудов³⁰, нефти Кайтаго-Джемикентской группы и других полезных ископаемых и высказал практические предложения о пригодности этих месторождений для эксплуатации. Составленная им геологическая карта Дагестана до сих пор сохранила практическую ценность. И. Н. Барбот-де-Марни первым разработал сравнительные данные о перспективах нефтеносности отдельных районов края. Дал заключение о нефтеносности Петровского (Махачкалинского) района. Ученый высказывал сожаление по поводу невежества, технической отсталости и хищнических приемов эксплуатации месторождений, считал необходимым сбор и обработку буровых материалов, так как без этого нельзя было правильно оценивать геологическое строение нефтеносных областей.

В те годы Кавказ был очень слабо связан экономически с Центральной Россией. Это был такой край, о котором В. И. Ленин писал: «Не говоря уже об Азиатской России, мы имеем в Европейской России такие окраины, которые вследствие громадных расстояний и дурных путей сообщения — крайне еще слабо связаны в хозяйственном отношении с центральной Россией»³¹.

Усматривая в этом, по словам представителей власти, ключ к выполнению «задачи обрусения Кавказа» и успешному «развитию торгово-экономических сил России»³², царское правительство приступило к строительству железнодорожного пути, который соединил бы центральную Россию с Закавказьем. В обсуждении проекта дороги приняли участие Г. В. Абих, член-корреспондент Русского технического Общества Ю. П. Проценко и др., которые придерживались мнения

²⁶ Ежегодник по геологии и минералогии России, 1900, т. 4.

²⁷ Материалы для геологии Кавказа. Тифлис, 1894.

²⁸ Там же, кн. 9, 1895.

²⁹ Там же, кн. 6, 1892.

³⁰ Дагестанская промышленность за пять лет (1920—1925), стр. 223.

³¹ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 522—523.

³² Отчет о десятилетней деятельности Кавказского отделения Императорского Русского технического Общества. Тифлис, 1878, стр. 57.

о наибольшей целесообразности и выгоды проведения этой дороги через Порт-Петровск. В обоснование своего проекта Ю. П. Проценко в работе «О значении и полезности Прикаспийской дороги»³³ выдвинул ряд убедительных аргументов не только инженерно-технического порядка, но и высказал мнение о политико-экономическом значении предлагаемой железнодорожной трассы.

Он писал, что дорога необходима, прежде всего, для лучшего освоения Каспийского моря, в котором «Россия всегда нуждалась» и что все затраты по изучению этого богатейшего бассейна «окупятся от установления на нем более рационального хозяйства на основании имеющихся научных данных»³⁴. Проценко считал, что «удерживать народ от волнений можно «не одним оружием», а потому пусть правительство, в виде постройки Прикаспийской железной дороги, придет на помощь дагестанскому населению; если предоставлением заработков на дороге оно волеет в массу народа известного размера капиталы, да притом удешевит для этого народа способы приобретения хлеба, топлива и леса на постройку жилищ, то весьма основательно ожидать сердечного расположения местного населения к России»³⁵.

Разумеется, мероприятия, которые предлагал ученый, являются прогрессивными, но и они не устранили причин бедственного положения трудящихся горцев. Не понимал исследователь ввиду классовой ограниченности и того, что крестьянские возмущения и открытые выступления были вызваны грабительской колониальной политикой царизма и местных эксплуататоров.

Проект постройки железной дороги, предложенный Ю. П. Проценко, Г. В. Абихом и другими был принят. Дорога была проложена до Петровска в 1893 году, в 1897 г. она соединила Петровск с Дербентом, а в 1899 году была доведена до Баку. В 1915 году была проведена железнодорожная ветка Петровск—Темир-Хан-Шура.

Проведение железнодорожного пути, который связывал Дагестан с Центральной Россией и с Закавказьем, сооружение железнодорожных станций, депо имели огромное народно-хозяйственное значение. В. И. Ленин писал: «Постройка жел-дорог кажется простым, естественным, демократическим, культурным, цивилизаторским предприятием... На деле капиталистические нити, тысячами сетей связывающие эти предприятия с частной собственностью на средства производства вообще, превратили эту постройку в орудие угнетения мил-

³³ Ю. П. Проценко. О значении и полезности Прикаспийской железной дороги из России в Персию. Отчет о деятельности..., стр. 23.

³⁴ Ю. П. Проценко. Указ. соч., стр. 37.

³⁵ Там же, стр. 44.

лиарда людей (колонии плюс полуколонии), т. е. больше половины населения земли в зависимых странах и наемных рабов в «цивилизованных странах»³⁶. Не менее остро стоял в Дагестане вопрос шоссейных дорог. Бездорожье, высокие перевалы, горные тропы, частые разливы рек, которые сносили мосты, являлись большим препятствием для общения народа, роста культуры, улучшения экономики края. В разрешение этой проблемы передовые русские ученые, инженеры внесли свой весомый вклад. Под руководством инженера Билинского в 1868—75 гг. построены Петровско-Темир-Хан-Шуриновское шоссе и Кафыркумукский железный мост. С участием Билинского также возведены Гунибский каменный мост через Каракойсу (1863—1869 гг.), Карадахский каменный мост через Аварское-койсу (1861 г.) и Гунибский подъем (1868 г.). Проложены шоссейные дороги от Темир-Хан-Шуры до Гуниба и до Кумуха. Техник Рымгайло осуществлял технический контроль за строительством Аваро-Кяхетинской дороги (1874—1880 гг.), инженер Винья руководил строительством Аваро-Андийской дороги, Хаджал-Махинского каменного моста и Мурадинского перевала (1860).

В этот же период инженерами Павловским и Любовским были построены Преображенский железный мост через Андийское койсу (1864—67 гг.) и Георгиевский железный мост через Каракойсу (1865—66 гг.)³⁷.

Строительство русскими специалистами шоссейных дорог, мостов, перевалов имело военное значение, оно отвечало интересам промышленных кругов, разрабатывавшим в крае месторождения полезных ископаемых, вывозившим в Россию сельскохозяйственное сырье. Вместе с тем, новые пути сообщения, хотя они были далеко недостаточны, играли важную роль в развитии экономики и культуры Дагестана, улучшали внутренние связи отдельных его частей, а также с другими областями.

Неудовлетворительно была поставлена разработка нефтяных источников в Дагестане. До 90-х годов XIX века нефть здесь добывалась колодезным способом. Одной из основных причин этого являлась близость более богатого бакинского нефтяного района. Малодебитные колодцы Нафт-Кутанских источников в 1875 году дали 630 пудов нефти, в том же году из 40 башликских колодцев было добыто 2590 пудов, из трех тупсус-кутанских колодцев — 300 пудов³⁸. Лишь в период с 1894 по 1902 гг. группа промышленников с привлечением гео-

³⁶ В. И. Ленин. Соч., т. 27, стр. 304—305.

³⁷ Кавказский календарь на 1879 год, стр. 449.

³⁸ С. М. Лисицкий. Очерки по истории развития отечественной нефтяной промышленности. М—Л., 1954, стр. 29.

логов произвела на Берикейском месторождении первые разведочные работы неглубоким бурением. В ряде скважин были получены небольшие притоки тяжелой нефти с дебитом около 1 тонны в сутки. Из отдельных скважин большей глубины ударили фонтаны горячей нефти с дебитом до 80 тонн в сутки³⁹. В этот период, кроме Н. И. Андрусова, в крае проводят исследования нефтеносных площадей К. И. Богданович, Г. П. Михайловский и другие.

Большую работу по изучению многочисленных обнажений пород в Дагестане, составлению стратиграфических разрезов на обширной территории к северу от Дербента провел видный специалист в области геологии Д. В. Голубятников (1866—1933 гг.). Представленный им к печати сводный отчет о результатах исследований показал его высокую подготовленность и исключительную трудоспособность. В нем подробно обоснован ряд научных выводов. С 1904 года исследователь особое внимание уделял решению проблемы нефтеносности Берикейского и Каякентского месторождений. Он собрал и обобщил все геологические материалы по месторождениям указанного района и высказал предположение о существовании еще одного поднятия между Дагестанскими огнями и Хошмензилом, названного им Сабнова-Шемахским (ныне Рукельским). Результаты этих работ были опубликованы в «Известиях геологического комитета», 1906 г.

Д. В. Голубятников является пионером в деле геологических изысканий месторождений газа в крае. Им произведен примерный подсчет запасов газа месторождения «Дагестанские огни» и высказано предположение о связи залежей газа с нефтеносными слоями. В результате исследований ученого в Дагестане геологическая наука пополнилась рядом научных трудов: «Средиземноморские отложения Дагестана», «Геологические исследования нефтеносных площадей Кайтаго-Табасаранского округа Дагестанской области и окрестностей г. Дербента»⁴⁰, «Берикейская нефтеносная площадь»⁴¹.

Капитальные труды Д. В. Голубятникова и в настоящее время находят свое применение.

Одновременно с Д. В. Голубятниковым изучал геологию Дагестана известный ученый, профессор К. П. Калицкий. Он исследовал окрестности Темир-Хан-Шуры, Дылыма, Бавтугая, Кумторкалы, Уйташа. Тщательные исследования вблизи Петровска дали возможность в 1924 году сделать вывод о нали-

³⁹ Геология и нефте-газоносность юга СССР. Л., 1959, стр. 272—273.

⁴⁰ Известия Геологического комитета. СПб, 1902, стр. 185.

⁴¹ Известия геологического комитета. 1906, стр. 361.

чий промышленной нефти в этом районе⁴². Работы Д. В. Голубятникова и К. П. Калицкого явились завершающими исследованиями стратиграфии, тектоники и нефтеносности площадей в Дагестане досоветского периода.

Немалым был вклад ученых в изучение Каспийского моря, на долю которого в 1913 году приходилось 65,1 проц. общего улова⁴³. Рыбные промыслы играли большую роль в развитии экономики Дагестана.

Рост рыбного промысла, например, добыча сельди в море у дагестанских берегов возросла с 1893 по 1910 гг. в 80 раз и составила 739200 центнеров⁴⁴, требовал научного подхода, выяснения новых возможностей для развития ценных пород рыб.

Экспедиция, возглавляемая ученым-ихтиологом Н. М. Книповичем (1862—1938 гг.), имела задачу: выяснение общей физико-географической и биологической картины Каспийского моря, изучение биологии каспийских сельдей, определение природы тех сельдей, которые ловятся у дагестанских берегов и их связь с Волгой. Проработав здесь около 3,5 месяцев она установила, «что главным объектом промысла западного берега является «каспийский» или «петровский» пузанок, который в Волгу не выходит и мечет икру в море у берегов в северо-западной части, а потому этот промысел не может никоим образом влиять на уменьшение сельдяных запасов Каспия вообще, и на астраханский промысел в частности»⁴⁵. Ученый считал, что «главной причиной падения волжского сельдяного промысла является несомненно потребительный, непомерный лов. Волжская сельдяная промышленность пользовалась так сказать, не процентами с капитала, а расхищала самый капитал — и результат перед нами»⁴⁶.

В результате работ, проведенных второй экспедицией (1912—13) под руководством Н. М. Книповича, был собран обширный материал по биологии и вылову каспийских сельдей, что способствовало разработке практических мероприятий по наиболее рациональному использованию Каспийского рыбного бассейна. В 1914—1915 годах экспедиция во главе с Н. М. Книповичем изучала биологию и промысел осетровых пород рыб. Учеными были составлены план и атласы Каспийского моря, сделана попытка подсчета водного баланса. На основе глубо-

⁴² К. П. Калицкий. Возможный новый нефтеносный район При-таркинский или Махачкалинский. Дагестанская промышленность за пять лет, стр. 193.

⁴³ Г. П. Борисов. Из истории научно-промысловых ихтиологических исследований на морских и пресных водоемах СССР, М., 1964, стр. 9.

⁴⁴ Г. И. Милованов. Очерк формирования и развития рабочего класса в Дагестане. Махачкала, 1963, стр. 25.

⁴⁵ Обзор Дагестанской области за 1903 год, стр. 80.

⁴⁶ Труды Каспийской экспедиции 1904 г., т. I, 1907, стр. 83.

кого изучения фауны опровергнуто мнение о том, что Каспий и, в частности, его северо-западный район, беден беспозвоночными животными.

В составе экспедиций, возглавляемых Н. М. Книповичем, активное участие принимали Е. К. Суворов, В. И. Мейснер, С. А. Митропольский, Н. А. Смирнов и др.

Результаты исследований Каспийского моря Н. М. Книповичем обобщены в научных трудах: «Гидрологические исследования в Каспийском море в 1914—1915 гг.»⁴⁷, «Каспийское море и его промыслы»⁴⁸ и др. Придавая большое значение исследованию Каспийского бассейна, он писал, что изучение физической географии и биологии этого моря дает нам ключ к ясному пониманию условий, в которых протекала и протекает жизнь организмов⁴⁹.

Наряду с научными исследованиями, решались практические задачи, энергично выступал Книпович против загрязнения моря, за развитие рыбной промышленности на научной основе. Он высказал ряд предложений, направленных против хищнического истребления рыбных запасов Каспия.

Многочисленные работы Н. М. Книповича послужили так же основой современных знаний природы Каспийского и многих морей и рыбного промысла на них. Он играл не только главенствующую роль среди ученых ихтиологов России в начале XX века, но и как бы знаменовал связь и преемственность между русской наукой в дореволюционное время и советской рыбохозяйственной наукой. Крупного ученого знал В. И. Ленин и охарактеризовал его так: «Н. М. Книпович не только научная сила первого ранга, но и безусловно честный человек»⁵⁰.

Дагестан — страна богатой, многообразной растительности, издавна привлекал внимание ученых-ботаников. Для ботанического изучения по поручению Академии наук в 1860—61 гг. горный край посетил академик Ф. А. Рупрехт. Он побывал на Самуре и Дюльты-чае, добрался до Богосских гор, а оттуда в Кахетию. Результаты его исследований включены в научный труд «Флора Кавказа»⁵¹. Ученый выдвинул теорию о вертикальном распространении растительности в Дагестане. «В главном Кавказском хребте, — писал он, — верхняя граница растительности до сих пор считалась на высоте 1600 туа-

⁴⁷ Н. М. Книпович. Гидрологические исследования в Каспийском море в 1914—1915 гг. Госиздат, 1921.

⁴⁸ Он же. Каспийское море и его промыслы. 1923.

⁴⁹ Н. М. Книпович. Общий обзор Каспийской экспедиции. 1904, стр. 4.

⁵⁰ Ленинский сборник, т. 23, 1933, стр. 167.

⁵¹ Известия о путешествии академика Рупрехта. Географическая летопись, март, 1861.

зов (1 туаз равен 6,4 рус. футам) при истоках Дюльты-чая находил я семенные растения до 10 видов на высоте 2000 туазов, и нет сомнения, что растения могут произрастать еще выше, лишь не за линией вечных снегов»⁵².

Флору горных районов изучал также ботаник Г. И. Радде, которым обнаружен в Верхнем Гунибе неизвестный до того времени вид березы, получивший название береза Радде. Это реликтовое дерево, сохранило признаки третичного периода.

Оценивая роль Г. И. Радде в исследовании кавказской флоры, профессор Н. И. Кузнецов писал: «Г. И. Радде в течение десятков лет имел возможность изучить кавказскую природу во всех ее разнообразных проявлениях. Достаточно бросить беглый взгляд на приложенную к последнему его сочинению карту Кавказа, с нанесением на ней маршрутов Радде, чтобы убедиться, что мало осталось характерных мест этой горной страны, где бы не была нога Радде, где бы не действовала его неутомимая энергия в направлении описания природы, жителей страны и собирания разнообразнейших и тщательнейших коллекций»⁵³.

За многолетние труды по ботанической географии и изучению флоры Кавказа была присуждена золотая медаль Семёнова-Тяньшаньского Н. И. Кузнецову⁵⁴ (1864—1932 гг.). Он получил военное образование, но его привлекала природа, растительный мир. Экстерном окончив естественное отделение Санкт-Петербургского университета, Н. И. Кузнецов избирает специальность ботаника. По поручению Русского Географического Общества он совершает ряд полезных поездок для изучения растительности Кавказа.

В 1889 году ученый обследовал северную часть Дагестана. В следующей экспедиции в 1898 году совместно с геологом Н. А. Андрусовым побывали в Каране, Гимрах, Унцукуле. Они поднялись на Бетльское плато и пересекли с севера на юг ряд плоскогорий до Хунзаха. Затем прошли в Гуниб, к Риглябскому водопаду, к истокам Кара-Койсу, были у подножья Дюльты-дага и других местах.

По результатам исследований ученый дал обстоятельный очерк истории развития растительности Дагестана со времен третичного периода. Он пришел к выводу, что растительность здесь располагается по поясам: горно-степная, лесная, альпийская и что «Дагестан является центром развития целого ряда нагорно-ксерофитных форм. Центром этим он является издав-

⁵² Там же, стр. 14.

⁵³ Н. И. Кузнецов. Цитируется по книге Д. Трунова. «Свет из России». Махачкала, 1956, стр. 181.

⁵⁴ Юбилейный сборник в честь 25-летия научной деятельности Н. И. Кузнецова. Юрьев, 1913.

на, со времен третичной эпохи»⁵⁵. Н. И. Кузнецов обратил внимания на то, что «целый ряд степных растений юга России широко распространен по Дагестану»⁵⁶. Это привело его к мысли, не заселились ли южно-русские степи степными элементами с Кавказа, именно из Дагестана⁵⁷.

В 1911 году Н. М. Кузнецов, путешествует по горному краю, чтобы собрать материалы для ответа на главный вопрос «о месте происхождения нагорно-ксерофитной растительности Дагестана». Исследователь прошел через Рутул, Кумух, Гуниб, Гергебиль, Аракань и др. Исследовал Гильмицкие, Рутульские и Ихрекские леса в Самурском округе. Тщательно анализируя собранные материалы, особенно результаты изучения ковыльной степи над Рутулом и на перевале из Аракань, ученый пришел к убеждению, что высокогорные ковыльные степи были некогда широко распространены в Нагорном Дагестане и отсюда формация эта в степной послеледниковый период распространилась в южно-русские степи⁵⁸. Это открытие имело большое значение для дальнейшего изучения происхождения растительности Дагестана, а также южно-русских степей, и было большим вкладом в развитие ботанической науки.

Прогрессивный ученый постоянно обращал внимание на необходимость сохранения лесов в Дагестане, осуждал их бессистемную порубку. Им было выдвинуто предложение сохранить оазисы первобытной природы, чрезвычайно важные для геоботанического изучения Нагорного Дагестана и Кавказа вообще. И, в частности, объявить Гунибские березовые рощи заповедником.

Большую помощь в работе Н. И. Кузнецову оказывало местное население. Отмечая радушие, с которым всюду встречали его горцы, Н. И. Кузнецов писал: «Гостеприимство — одна из отличительных черт населения Кавказа, и это похвальное свойство кавказских жителей присуще здесь и богатым и бедным. Кавказец рад гостю, готов все для него сделать»⁵⁹.

Совместно с другими учеными-ботаниками Н. И. Кузнецов составил «Материалы для флоры Кавказа»⁶⁰, которые содержат разнообразные данные о растительности, географическом распределении видов, сведения об их истории. Выводы Н. И. Кузнецова о растительном мире Кавказа и Дагестана

⁵⁵ Н. И. Кузнецов. Нагорный Дагестан и значение его в истории развития флоры Кавказа. СПб, 1910, стр. 36.

⁵⁶ Там же, стр. 45.

⁵⁷ Там же, стр. 47.

⁵⁸ Н. И. Кузнецов. В дебрях Дагестана. СПб, 1913, стр. 244.

⁵⁹ Там же. В дебрях Дагестана. СПб, 1913, стр. 80.

⁶⁰ Н. И. Кузнецов, Н. А. Буш, А. И. Фомин. Материалы для флоры Кавказа. Юрьев.

вошли в фонд ботанической науки и используются с соответствующими поправками и дополнениями современными исследователями.

В конце XIX — начале XX вв. в Дагестане дважды побывал основоположник русского генетического почвоведения В. В. Докучаев (1848—1903 гг.). Говоря о целях своего первого путешествия, он писал: «чтобы выяснить до сих пор спорный вопрос о нахождении чернозема в Центральном Кавказе, я решился предпринять в 1878 году небольшую поездку по Дагестану от Петровска на Темир-Хан-Шуру и Хасавюрт»⁶¹.

После непродолжительного пребывания ученый высказал мысль об отсутствии в этом районе «нормально лежащих почв». Ученый понимал, что чрезвычайное разнообразие и крайне недостаточная изученность природы горного края, его огромные экономические возможности, требовали глубокого комплексного естественно-исторического изучения.

По собственной инициативе, при материальной поддержке Русского Географического Общества в 1899 году В. В. Докучаев вместе с тремя помощниками продолжил исследования Кавказа. В восточной его части он исследовал самое «сердце Дагестана». Путь его проходил по бесконечным лабиринтам горных цепей, скал и ущелий: от Ведено на Ботлих, Хунзах, Гуниб, Дешлагар, отсюда на побережье Каспийского моря. Ученый уделил особое внимание устройству поверхности Нагорного Дагестана, так как считал, что рельеф местности является здесь вершителем почвенных судеб⁶². Им были обнаружены почвы, «трудно отличимые на глаз от степного чернозема в виде небольших разорванных лоскутьев, островков и пятен на меловых образованиях на северном склоне Керкетского перевала (Ведено, озеро Эйзенан), на перевале несколько восточнее аула Хой перед спуском в Ботлих; к северо-западу от крепости Хунзах и в окрестностях с. Леваши»⁶³. Он исследует и описывает почвы, отмечает оригинальный способ их удобрения, применяемый местными жителями. Далее, ученый дал характеристику пяти основных природных зон, которые он выделил, — тундры, таежной, черноземной, аэральной (пустынной) и тропической. Ученый убедительно показал последовательность чередования типов горных пород, установив закон так называемых вертикальных зон почв. Примеры, приводимые им по этому вопросу, непосредственно связаны с теми или иными ландшафтами Дагестана. Выводы ученого о вертикальной зональности почв впоследствии под-

⁶¹ В. В. Докучаев. Соч., т. 3, стр. 397.

⁶² В. В. Докучаев. Предварительный отчет об исследованиях на Кавказе. Памятная книжка и адрес-календарь на 1901 год, стр. 20.

⁶³ Там же. Указ соч., стр. 20.

твердились во всех странах⁶⁴. Обоснование вертикально-зонального распределения почв было сформулировано следующим образом: «почвенные полосы одевают и наш Кавказ, но они расположены здесь не с севера на юг, а благодаря весьма значительным возвышенностям Кавказского перешейка, имеющим свои особые климатические, растительные и иные физико-географические особенности, — снизу вверх»⁶⁵.

Стремясь тесно увязывать научные исследования с практикой, ученый подчеркивал, что наука о почвах должна способствовать расцвету сельского хозяйства, указывать пути наилучшего использования природных условий данной местности, распределения сельскохозяйственных культур. «Как обычное сельское хозяйство, так и наиболее ценные сельскохозяйственные культуры Кавказа, каковы виноградная, табачная и др. только тогда дадут человеку наибольшие результаты, когда они будут и в целом, и в отдельных своих частях, так сказать до мельчайших подробностей, приспособлены к местным водам, к местному климату»⁶⁶, — писал ученый. В числе мер высокопроизводительного ведения хозяйства он выдвинул требование обязательного районирования сельскохозяйственного производства, установления дифференцированной агротехники. Предлагал практические меры борьбы с засухой, с водной и ветровой эрозией почв.

Многочисленные труды В. В. Докучаева по сей день являются руководством для растениеводов и почвоведов нашей страны.

В крае издавна применялось искусственное орошение полей. Каналы и сооружения, построенные местными жителями без технической помощи, отличались смелостью решений, однако в целом они имели серьезные недостатки и были далеко несовершенны.

Лишь в 70-х годах начались работы по использованию водных ресурсов рек Сулака и Терека. В 1866 году был построен Терско-Аксаевский канал, или канава Вояковского, шириной 4 сажени и длиной в 21 версту, благодаря которой орошалось около 10 тыс. десятин земли. Нивелировку местности для проекта канала произвел Жаринов⁶⁷.

Надзор над строительством Сулакской канавы, был осуществлен Вартазаровым. Канава брала начало на левом бе-

⁶⁴ Л. И. Просолов. Докучаев — его жизнь и деятельность. Почвоведение, стр. 336—337.

⁶⁵ В. В. Докучаев. Соч., т. 4, стр. 435.

⁶⁶ В. В. Докучаев. Учение о зонах природы и классификация почв. Соч., т. 4, М—Л., 1951, стр. 470.

⁶⁷ М. Герсевич. Обзор работ, произведенных по ирригации в Кавказском и Закавказском крае 1871 года и будущность этого дела Сборник сведений о Кавказе, т. 3. Тифлис, 1875, стр. 3.

регу реки Сулак близ с. Бавтугай и впадала в Аграханский залив. Длина канавы 38 верст, ширина от 6 до 12 сажен, площадь орошения около 60 тыс. десятин. От канавы было проложено 10 ветвей по направлению к Акташу. Отмечая важность указанной оросительной системы, М. Герсеванов писал, что «до проведения этой канавы здесь была совершенная пустыня», а теперь «земля не выдавшая до того воды, дала громадный урожай. Так, костековцы получили обильный урожай зерновых с 3200 десятин орошенной земли»⁶⁸.

В 1871 году была учреждена комиссия в составе техников Палибина, Стебницкого и агронома Хатисова. Им надлежало изучить вопросы орошения затеречных степей и отвлечения вод р. Терека от низовьев, где они производили большие опустошения наводнениями. Используя результаты деятельности этой комиссии в 1873—74 гг. построен оросительный канал Юзбаш—Сулак—Татавул длиной в 160 километров, произведена реконструкция Шабуровской оросительной системы, способной обеспечить орошение более 21 тыс. десятин. Сооружен также канал Юзбаш—Терек—Татавул протяжением в 40 км. с охватом 3800 десятин земли⁶⁹.

Специалисты, исходя из результатов изысканий, технических расчетов, доказывали необходимость быстрее создания оросительных систем, как важного условия для развития зернового хозяйства, виноградарства, рисосеяния и других культур в Дагестане и избавления населения от затопления в период наводнений. Они указывали на крайне недостаточные ассигнования, выделяемые для этих целей. Так, инженер Старицкий, руководивший работами по укреплению берегов Терека, отмечал, что система укрепления берегов явно неудовлетворительна и денежных средств на это отпускается недостаточно⁷⁰.

Местное население выражало чувства благодарности русским инженерам, техникам, агрономам, активно участвовавшим в строительстве. Восторг ногайцев при первом появлении сулакской воды, отмечал М. Герсеванов, можно себе представить, приняв во внимание, что в течение многих десятилетий они довольствовались горько-соленой водой, добываемой из колодцев глубиной 20 и более сажен⁷¹.

К 1898 году в Дагестане (без Кумыкской плоскости) было более 200 оросительных каналов общей протяженностью около 900 км⁷².

⁶⁸ М. Герсеванов. Указ. соч., стр. 7.

⁶⁹ Кавказский календарь на 1893 год, стр. 145—146.

⁷⁰ М. Герсеванов. Указ. соч., стр. 12.

⁷¹ М. Герсеванов. Указ. соч., стр. 3.

⁷² Памятная книжка и адрес-календарь Дагестанской области на 1901 год. Темир-Хан-Шура. 1901, стр. 47.

С распространением на Дагестанскую область в 1897 году функций Водного управления на Кавказе, утверждается должность инженера-гидравлика в г. Дербенте. Назначенный на указанную должность В. Ф. Успенский в течение 2-х лет произвел исследования речных бассейнов и на основании полученных данных разделил область на 8 водных округов. Им же составлена карта орошаемых местностей с нанесением рек, оросительных каналов и частично проведены в них замеры воды. Инженер-гидравлик рассмотрел проект проведения Сулакской канавы от реки Сулака до г. Петровска. Однако строительство этого канала оказалось не под силу царскому правительству.

Не сразу удавалось приехавшим работникам завоевать доверие и поддержку местного населения. Определенные слои недоверчиво относились ко всем начинаниям русских, так как многие горцы не видели другого чиновника, кроме ущемляющего их права и карающего законом.

Однако дружеское общение, желание помочь, убеждение на практике в пользе деятельности приезжих для горцев привлекало их и они все чаще начинают обращаться за помощью по самым различным вопросам. Русские агрономы, ветеринары и другие специалисты оказывали горцам бескорыстную практическую помощь в развитии растениеводства, садоводства, животноводства и других отраслей. В области начали возделываться картофель, капуста, помидоры, огурцы, новые сорта фруктов и винограда.

В начале XX века в некоторых округах, особенно в Темир-Хан-Шуринском, Кайтаго-Табасаранском и Кюринском, стали применяться железные плуги усовершенствованной системы⁷³. Жители приобрели 6 жатвенных машин, которые ускорили уборку хлебов в равнинной части округа⁷⁴. На полях стали появляться косилки, веялки, молотилки и другие сельскохозяйственные машины. Использование более совершенных сельскохозяйственных орудий, улучшение техники земледелия, сочеталось с распространением агрономических знаний.

Создавались агрономические пункты⁷⁵, показательные участки по возделыванию зерновых культур, травосеянию, садоводству, которые становились центрами распространения научных знаний. В ряде селений функционировали прокатные пункты, где горцы могли познакомиться с сельскохозяйствен-

⁷³ Обзор Даг. области за 1903, стр. 12.

⁷⁴ Обзор Даг. области за 1904, стр. 15.

⁷⁵ В 1915 году было открыто 3 агрономических пункта: Темир-Хан-Шуринский, Ахтынский, Маджалисский, оборудованные триерами, сортировками, веялками, плугами; в 1916 году — Самурский, Казикумухский, Даргинский, Гунибский, Дербентский. В 1915 году в Темир-Хан-Шуринский пункт обратились за советом 54 человек.

ным инвентарем, машинами, увидеть их практическое применение. Работавшие на пунктах специалисты выезжали в аулы, проводили лекции и беседы с практическим показом методов ухода за посевами и садами, очистки семян, борьбы с вредителями, переработки продуктов полеводства и животноводства и т. п. Оказывали содействие населению в приобретении сортовых семян, саженцев соответствующих местным условиям. В Темир-Хан-Шуре в 1912 году была организована первая областная выставка продукции сельского хозяйства и кустарной промышленности. Она произвела на население огромное впечатление, ее посетили более 30 тыс. человек ⁷⁶.

В течение 1913 года агрономическим персоналом произведено обследование состояния сельского хозяйства в 120 населенных пунктах, в 32 селениях розданы жителям семена кормовых трав 25 пудов, устроены показательные участки по травосеянию в Темир-Хан-Шуре, Ишкартах, Алексеевке, Н. Дженгутае, Гелли, в Каранае, Чохе, Гимрах, Ботлихе, Хрюке, Дешлагаре, Карабудахкенте ⁷⁷.

Инструкторы по садоводству в с. Леваши сделали пробные посадки фруктовых деревьев, используя местный посадочный материал, а часть посадочных материалов была выписана из Кременчуга. Деревья сажались разных сортов в возрасте 2—6 лет. Всего высажено было 3000 деревьев. Все саженцы принялись и развивались хорошо. Таким образом, была доказана возможность заниматься садоводством на землях, расположенных на высоте 4000 футов при крайне непостоянном суровом климате ⁷⁸.

В Ахтынском районе было заложено 5 участков с рядовым посевом ячменя и кукурузы, посевом кормовых трав и пшеницы по глубокой вспашке. В Маджалисе таким же способом засеяно 4 участка. В Темир-Хан-Шуринском округе создано 10 показательных участков ⁷⁹.

Инструктору по сельскому хозяйству В. М. Савельеву в Темир-Хан-Шуринском округе, оказывавшему большую помощь населению в пропаганде и внедрении новых методов возделывания зерновых культур, общество выделило для проведения опытов 4 десятины земли. На этих и других опытных участках была посеяна озимая пшеница местными семенами и выращен хороший урожай ⁸⁰. Население на практике убеждалось в выгодности рядового сева, особенно кукурузы, хотя многие вначале возражали против редкого посева и неэкономности использования земельных участков. Владельцы земли,

⁷⁶ Обзор. Даг. обл. за 1913 год, стр. 66.

⁷⁷ ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 21, ед. хр. 22а, л. 2.

⁷⁸ Обзор Дагестанской области за 1909 год, стр. 19.

⁷⁹ Там же, л. 5.

⁸⁰ Там же, л. 4.

а также многие крестьяне, приходившие посмотреть, как производились работы, соглашались производить посевы новым способом и на своих участках.

Русские специалисты помогали населению применять более эффективные методы борьбы с вредителями сельскохозяйственных культур. Так, в 1901 году для демонстрации усовершенствованных способов борьбы с саранчей в Дагестан был послан специалист Россиков. Он применил новый метод истребления саранчи с помощью инсектисида швейнфуртской зелени. Обучение прошли всего 46 человек, из гг. Дербента и Петровска, а также по 2 представителя от сельских обществ⁸¹. Агрономы Арутюнов и Алтунов осмотрели виноградники на Таркинском участке и, обнаружив заболевание, практически показали как бороться против дальнейшего распространения болезни⁸². Показательное лечение виноградников было проведено в Ботлихе, Хунзахе, Тлохе, Чиркее и других селениях⁸³.

Агрономы, техники, ветработники выезжали в аулы, проводили беседы, практически показывали новые приемы очистки семян, возделывания зерновых культур, лечения и обрезки виноградников⁸⁴ и т. д.

В городе Дербенте был продемонстрирован опыт огневой сушки плодов и овощей, проведенный выпускником Тифлисской школы садоводства Е. Варажеевым. Результаты опытов по сушке винограда, сливы, капусты были хорошими и население стало широко применять этот метод.

Под руководством работников Темирханшуринского с/х пункта Т. Триантофилова и В. Савельева для выяснения возможностей повышения продуктивности местных пород было проведено обследование овцепоголовья в Самурском, Кюринском, Темирханшуринском округах и принимались меры к улучшению породности скота. На эти цели было израсходовано в 1915 году 1345 руб.⁸⁵ Для улучшения породности коз в 1913—14 г. г. приобретено 27 ангорских коз, часть их была продана населению, а остальные остались на Темирханшуринском случном пункте. Аналогичные пункты были открыты также в Дешлагаре, Порт-Петровске⁸⁶. С 1912 года в резуль-

⁸¹ Обзор Даг. области за 1903 год, стр. 47.

⁸² За 1915 год в селениях было проведено 60 бесед и лекций по различным вопросам сельского хозяйства. Лекции и беседы проводились в Ахтах, Кумухе, Усук-чае, Дербенте, Маджалесе, Белиджах, Санчи, Сурхачи, Дешлагаре, Берикее, Халим-бекауле, Кафыр-Кумухе, Петровске, Гимрах, Унцукуле, Иргани, Аркасе, Хаджалмахи, Цудахаре, Ашилты и др. Число слушателей колебалось от 15 до 1000 человек (ЦГА ДАССР, ф. 1, оп. 1, ед. 34, л. 4).

⁸³ ЦГА ДАССР, ф. 35, оп. 3, л. 125.

⁸⁴ Обзор Даг. области за 1913 год.

⁸⁵ ЦГА ДАССР, ф. 35, оп. 3, ед. хр. 9, л. 43.

тате завоза племенных быков и жеребцов, отмечается улучшение породности крупного рогатого скота и лошадей⁸⁷. Помимо выполнения указанной работы, инструктор по животноводству Ахтынского пункта Д. Головкин организовал обучение местных жителей технологии переработки молочных продуктов при помощи машин.

По инициативе агрономов и местной интеллигенции в целях развития птицеводства в Темир-Хан-Шуре был учрежден Дагестанский отдел Российского общества птицеводства. Из России были выписаны продуктивные породы птиц, а в 1915 году была организована передвижная выставка по птицеводству, на которую отпущено 850 рублей общественных средств⁸⁸.

Большое значение в распространении знаний по сельскому хозяйству имела передвижная выставка — агрономический поезд, который курсировал в 1915 году по Владикавказской железной дороге, с остановками в гг. Порт-Петровске и Дербенте. К обслуживанию выставки были привлечены агрономы, животноводы, инженеры, они сопровождали демонстрацию экспонатов объяснениями, читали лекции.

Развитие промышленного и сельскохозяйственного производства требовало подготовки местных специалистов. Местное население обращалось к правительству с настоятельными просьбами об открытии специальных школ и училищ. Так, жители Кафыр-Кумуха и Н. Казанища в 1886 году обратились с ходатайством об открытии одноклассных сельских училищ со столярным и токарным отделениями, причем расходы на содержание общество брало на себя. Жители с. Чир-юрт изъявили желание, чтобы их дети в школе обучались садоводству и огородничеству⁸⁹. Но многочисленные просьбы населения по этому вопросу оставались неудовлетворенными. Лишь в конце XIX века при Ахтынском, Кафыр-Кумухском и некоторых других училищах были созданы ремесленные отделения. В Карабудахкентской школе по инициативе учителя А. П. Скрабе проводились занятия по садоводству⁹⁰. В 1904 году открылась школа садоводства, виноградарства и огородничества в г. Дербенте. В ее распоряжении были плодовый питомник, теплицы и парники, огород, сад, виноградник. «Школа, — говорилось в отчете директора, — имеет целью подготовить молодых людей к самостоятельной практической

⁸⁶ ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 21, ед. хр. 22а, л. 15.

⁸⁷ ЦГА ДАССР, ф. 35, оп. 3, ед. хр. 9, л. 43.

⁸⁸ ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 22а, л. 1.

⁸⁹ ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 2, ед. хр. 63, л. 5.

⁹⁰ А. П. Григорьев. Хозяйственно-экономический очерк виноградарства и виноделия Дагестана в прошлом и настоящем. Одесса. 1929, стр. 6.

деятельности по садоводству, виноградарству, виноделию, огородничеству, пчеловодству в целях распространения знаний по этим специальностям среди населения области⁹¹. К началу 1913 года в школе обучалось 58 учащихся, среди них много дагестанцев⁹².

Несмотря на малочисленность специальных школ и недостаточно квалифицированно организованный учебный процесс, они сыграли определенную роль. Русские учителя, специалисты в этих учебных заведениях обучали представителей местного населения различным профессиям, прививали им практические навыки.

Проведение железной дороги и шоссейных путей сообщения, создание предприятий по переработке овощей, фруктов, винограда, осуществление мероприятий в области сельского хозяйства, в подавляющем большинстве которых проявлялись инициатива и самое непосредственное и активное участие русских — ученых, специалистов оказали положительное влияние на рост экономики и культуры этого края.

Площади под яровыми и другими продовольственными культурами с 1884 по 1914 годы увеличились на 79,3 проц. с 155 тыс. до 287 тыс. четвертей. Более чем в два раза возросли площади под картофелем. С 1895 по 1914 гг. в 1,5 раза повысилась урожайность зерновых культур⁹³.

В 1910—15 гг. расширяются плантации под виноградниками: 2025 десятин — в 1910 году; 3107 — в 1913; 3500 десятин — в 1915 году⁹⁴. Повысилась культура их обработки, этому способствовали созданные по инициативе русских агрономов образцовые сады, в которых бесплатно выдавали чубуки виноградных лоз и черенки для прививки.

За пять лет (1895—1900 гг.) возрос вывоз зерна на 128,8 тыс. пудов⁹⁵. Увеличился вывоз скота и продуктов животноводства. Только в одном 1899 году из Дагестана (без Хасавюртовского округа) было вывезено 232 пуда мяса крупного рогатого скота, 11150 невыделанных кож крупного рогатого скота, 25123 невыделанных кож мелкого рогатого скота, 385 пудов шерсти и др.⁹⁶ В начале XX века животноводческая продукция Дагестана реализовывалась в 23 губерниях России и вывозилась на границу.

Еще более быстрыми шла отправка в центральные области

⁹¹ Обзор Дагестанской области за 1904 г., стр. 86.

⁹² Обзор Даг. области за 1913 год, стр. 56.

⁹³ И. Р. Нахунов. Экономические последствия присоединения Дагестана к России. Махачкала. 1956, стр. 77.

⁹⁴ А. П. Григорюс. Указ. соч., стр. 7.

⁹⁵ А. Г. Мелешко. Развитие капиталистических отношений в сельском хозяйстве Дагестана в конце XIX — начале XX вв. Кандидатская диссертация. 1957, стр. 452.

⁹⁶ Обзор Даг. области за 1899 год, стр. 17.

фруктов и овощей. Если в 1894—99 гг. было вывезено 16 тыс. пудов фруктов и 6,9 тыс. пудов овощей, то в 1900—1905 гг. соответственно 19,9 и 93,9 тыс. пудов⁹⁷.

В большом все возрастающем количестве сбывались в городах дагестанские высококачественные вина. Только из одного г. Дербента по данным «Обзоров Дагестанской области» в 90-х годах ежегодно вывозилось по 50 тыс. ведер и более вина, или в 2,5 раза более чем в 60-х годах.

До Великого Октября результаты многих ценных научных исследований в Дагестане, конкретные предложения по развитию отраслей хозяйства, основанные на достижениях науки того времени, не получили широкого практического применения. Причин этому, как уже отмечалось, было немало. Основным тормозом являлась колониальная политика царизма, господство капиталистических монополий, которые обеспечивали максимальную прибыль и без технического прогресса. Это особенно проявлялось при хищнической эксплуатации нефтяных промыслов.

Но и в этих условиях, не получая необходимой поддержки со стороны правительства, передовые русские ученые, специалисты, проводили в крае исследовательские работы, нередко на свои средства. Их многочисленные труды по геологии, ботанике, почвоведению и другим областям науки, практические предложения по освоению месторождений полезных ископаемых, разработка проектов и непосредственное участие в строительстве путей сообщения и других сооружений, способствовали развитию производительных сил Дагестана, создали базу для дальнейшего исследования и раскрытия тайн природы края, для успешного развития науки уже в советское время.

Заметным был вклад представителей русской интеллигенции в проведение мероприятий на научной основе в сельском хозяйстве. Их агрономическая, зоотехническая, ветеринарная помощь местному населению способствовала повышению урожайности зерновых культур, садов и виноградников, продуктивности животноводства. В результате этих мер в области начали возделываться картофель, капуста, помидоры, огурцы, лучшие сорта фруктов и т. д., внедрялись новые приемы и методы переработки продуктов растениеводства и животноводства.

Деятельность прогрессивной части русской интеллигенции в Дагестане, их внимание и симпатии к горцам, вопреки колонизаторской политике царского самодержавия, порождали чувства благодарности, способствовали сближению дагестанских народов с русским народом.

⁹⁷ А. Г. Мелешко. Указ. соч., стр. 374.

ИЗМЕНЕНИЯ В ПРАВЕ И СУДЕ ПОСЛЕ ПРИСОЕДИНЕНИЯ ДАГЕСТАНА К РОССИИ

Происходившие в связи с присоединением Дагестана к России изменения в социально-экономической жизни и политическом устройстве вызвали необходимость реорганизации существовавшей в крае правовой системы.

Царское правительство исходило из того, что запрет действия обычного права и форм обычного судопроизводства вызовет опасные политические осложнения. Серьезному сомнению подвергалась и сама возможность достижения положительных практических результатов введения новых правовых принципов и понятий взамен привычных начал, глубоко укоренившихся у населения.

Сохраняя обычное право в качестве одного из источников действующего права, царские власти рассчитывали постепенно видоизменить его и приспособить для нужд своего колониального управления. Предоставив представителям местной колониальной администрации совершенствование общеправовых норм в духе общеимперских установлений, ограничение применения или запрет тех или иных правил адата, царское правительство имело в виду со временем полностью вытеснить местное обычное право и перейти к решению всех дел на основании общих законов России.

Изучение процесса видоизменения правовых норм и институтов патриархально-феодального строя в условиях проникновения и развития капиталистических отношений имеет научно-познавательное значение как в плане разработки права Дагестана, так и для характеристики форм и методов колониальной политики царизма на национальных окраинах.

I. Административно-политическое устройство Дагестана после присоединения к России

Гюлистанский мирный договор 1813 года между Россией и Персией юридически закрепил включение Дагестана в состав России. Этот факт огромной исторической значимости явился результатом всего предшествующего многовекового развития русско-дагестанских отношений.

Присоединение Дагестана к России, несмотря на колониальную политику и реакционные цели самодержавия, имело объективно-прогрессивные последствия в общественно-экономической и культурной жизни дагестанских народов, связавших свою историческую перспективу с великим русским народом.

Навсегда избавленные от опасности опустошительных нашествий и угрозы порабощения со стороны отсталых восточных деспотий — Турции и Ирана, народы Дагестана получили возможности для развития своей экономики и культуры темпами значительно более ускоренными, чем когда-либо в своей многовековой предыдущей истории. Помимо твердо гарантированной внешней безопасности, в Дагестане создались условия для ликвидации феодальной раздробленности и постоянных междоусобиц, на протяжении столетий в значительной мере подрывавших производительные силы края.

Вовлечение народов Дагестана в сферу социально-экономической жизни единого централизованного государства подрывало патриархально-родовые устои, разрушало феодальные формы хозяйства, ускоряло классовую дифференциацию, способствовало оживлению торговли, улучшению земледелия и скотоводства, строительству и улучшению дорог, мостов и т. д.

Горцы, которые, по выражению В. И. Ленина, стояли в стороне от мирового хозяйства и даже «в стороне от истории»¹, были постепенно втянуты Россией пореформенного периода в водоворот капиталистического развития. В результате этого в Дагестане появилась фабрично-заводская промышленность, зарождался и формировался рабочий класс. Все эти изменения в Дагестане означали огромный толчок в экономическом, общественно-политическом и культурном прогрессе.

Разумеется, что хозяйственные, социально-политические и культурные сдвиги, а также объективно благоприятные условия для материального и духовного развития, создавшиеся в связи с вхождением в состав России, не могли привести к социальному и национальному освобождению трудящихся горцев.

Царизм, проводивший свою политику на Кавказе, опираясь на феодальных владетелей, способствовал усилению феодального угнетения горцев². Пользуясь покровительством царизма, дагестанские владетели повсеместно увеличивали размеры податей и повинностей, захватывали общинные земли.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 595.

² А. В. Фадеев. Антиколониальные движения горцев Северного Кавказа в 20—60 годах XIX в. «Преподавание истории в школе», 1957, № 6, стр. 37.

Управление подвластными основывалось на полном произволе и деспотизме феодальных правителей. Сочетая власть собственника с высшей судебной-административной властью, они не считались ни с какими правовыми нормами, заменяя их собственной прихотью и самоуправством. П. В. Гидулянов отмечал, что правитель, разбирая дела, «не стеснялся ни адатом, ни шариатом, а решал дела таким образом как бог на душу положит...»³. Не случайно в Дагестане существовала поговорка: «Бекский закон — бекская прихоть». Сохраняя в первой половине XIX в. управление в руках ханов и беков, царская власть исходила из того, что в лице феодальной верхушки она имела социальную опору и использовала ее для ограничения и уменьшения влияния мусульманского духовенства, всегда враждебного интересам России на Кавказе.

Вместе с тем царское правительство столь же отчетливо осознавало необходимость постепенного ограничения, а затем ликвидации политической власти дагестанских феодальных правителей. Однако в тех конкретных исторических условиях царизм не считал возможным заменить сложившуюся издавна в Дагестане систему управления, так как крутая ломка основ административно-политического строя могла вызвать серьезные осложнения. Полагая преждевременным введение в Дагестане гражданского управления по типу существовавшего в империи, царизм передал всю полноту высшей власти военному командованию. Царская администрация на Кавказе имела право (и часто это право использовала) отстранять от власти феодальных владетелей, действовавших вразрез с интересами России.

Следует однако подчеркнуть, что в первой половине XIX в. царское правительство, сохраняя за феодальными владетелями политическую власть, не приняло каких-либо мер для существенного ограничения произвола владетелей, осуществлявших свою власть в самых деспотических формах.

Такое положение, естественно, вызвало крайнее недовольство и возмущение народных масс.

С утверждением владычества России на Кавказе, а особенно после присоединения Грузии, а затем Армении к империи, устройство гражданского быта кавказских народов приобретает чрезвычайно важное значение. Главнокомандующий на Кавказе граф И. Ф. Паскевич, признавая совершенно неудовлетворительным гражданское управление, вызывавшее серьезное недовольство правительством, в 1830 г. возбудил ходатайство о проведении коренных изменений в организации административного управления и отправлении суда. В своем

³ П. В. Гидулянов. Сословно-поземельный вопрос и райятская зависимость в Дагестане. Этнографическое обозрение, 1901, № 1, стр. 22.

рапорте он отмечал: «Везде учреждения временные; странная смесь российского образа правления с грузинским и мусульманским; нет единства ни в формах управления, ни в законах, ни в финансовой системе»⁴.

Для устранения запутанностей, неудобств и других зол гражданского устройства И. Ф. Паскевич предлагал ввести повсеместно в Закавказье российский образ управления и законы и отменить военный суд в гражданских делах. В этом случае, считал И. Ф. Паскевич, «жители будут более сближаться с Россией. Находясь под покровительством одних законов, пользуясь одинаковыми преимуществами, они менее будут отчуждены от прочих частей государства; между тем как ныне старые обычаи, образ прежнего управления и тот же порядок — все напоминает им отдельное их существование и различие от россиян»⁵.

Сенаторы Кутайсов и Мечников, ревизовавшие по поручению царя Кавказский край, поддерживали проект И. Ф. Паскевича. «Когда сенаторы Кутайсов и Мечников обревизовали Закавказье, — писал Иваненко, — они пришли в ужас от всего того, что они здесь увидели и не находили слов для выражения своего изумления. Все законы, все принципы, все заповеди мудрого государственного устройства были здесь попорнены самым безжалостным образом»⁶.

Далее цитированный автор приводит обширный перечень крупных пороков в образе правления на Кавказе. Некоторые из них мы считаем необходимым отметить: полное смешение власти административной с судебною и даже законодательною, соединение в одном лице или в одном учреждении обязанностей следователя и судьи, повсеместное смешение российских законов с местными обычаями, господство административного усмотрения над законом, неисполнение карательных приговоров суда с одной стороны и смертные казни без всякого следствия и суда с другой. Рядом со всем этим поборы, взяточничество, неправосудие и всевозможные злоупотребления властью⁷.

Вернемся к проекту И. Ф. Паскевича. Государственный совет, а затем особый комитет, рассматривавшие проект, не приняли его главным образом из-за возражений преемника И. Ф. Паскевича — барона Розена, полагавшего невозможным

⁴ С. Эсадзе. Историческая записка об управлении Кавказом, т. I, 1907, стр. 66.

⁵ С. Эсадзе. Указ. соч., т. I, стр. 66—67.

⁶ «Русская мысль», кн. V, 1904, стр. 89. В. Иваненко. Разлад между уголовным законом и народным обычаем на Кавказе и его влияние на преступность.

⁷ Там же, стр. 89.

перенести на кавказскую почву русское гражданское управление.

В связи с возникшими различными мнениями об устройстве гражданского быта на Кавказе, была учреждена специальная комиссия для изучения на месте условий Закавказья и разработки проекта управления. Николай I руководство комиссией поручил сенатору Гану, который к лету 1837 года прибыл на Кавказ.

Ган, убедившись, что детальное изучение сословного административного строя, исторического прошлого кавказских народов требует длительного и кропотливого труда, сразу же избрал другой путь. Он приступил к составлению проекта по имеющемуся у него образцу и закончил его в восемь месяцев, чем немало были удивлены все, кто был знаком с кавказской действительностью.

Когда Николай I был в Тифлисе, Ган воспользовался случаем и изложил ему замеченные недостатки и упущения существовавшего управления, что повлекло за собой увольнение в отставку Розена — главного противника реформы Паскевича. При рассмотрении проекта Гана в Закавказском комитете было высказано мнение, что проект совершенно не учитывает местных особенностей, и потому не соответствует своему назначению. Сенатор Ган, отстаивая свой проект, утверждал, что недостатки управления на Кавказе проистекают не от того, что здесь не понимают выгод русского законодательства, а от способов и методов его применения. Возражая против тех, кто считал необходимым предоставить жителям Кавказа возможность руководствоваться в судебной практике местными законами и обычаями, Ган утверждал, что «местных же законов и обычаев у них вовсе нет, ибо ханы управляли не по законам, а по произволу, милуя и карая только по своей прихоти»⁸. Последнее утверждение было встречено Закавказским комитетом весьма недоверчиво. Для уточнения этого мнения были приглашены Головин и директор его канцелярии, и оба они подтвердили точку зрения Гана, которая была совершенно неправдоподобна и абсурдна.

10 апреля 1840 г. одобренный государственным советом и утвержденный затем Николаем I проект Гана стал законом.

Закон этот коснулся и организации управления в Дагестане. Дагестан был включен в Каспийскую область. Дербентский и Кубинский уезды оставались в правлении Дербентского военно-окружного начальника. К Дербентскому уезду были присоединены Кайтаг, Табасаран, Улусский магал. Самурский округ входил в Кубинский уезд.

⁸ С. Эсадзе. Указ. соч., т. I, стр. 72.

Внутренний режим управления в Дагестане не претерпел каких-либо изменений.

Гражданское управление, введенное на Кавказе по проекту сенатора Гана, с первых же дней обнаружило свою полную несостоятельность и вызывало всеобщее недовольство. Для обследования положения дел на Кавказе по поручению Николая I были направлены князь Чернышев и Позен, которые, будучи членами комитета, утвердившего проект Гана, тем не менее были вынуждены отметить коренные недостатки в организации управления. В докладе Позена, представленном царю, отмечалось: «Управление не удовлетворяет потребностям жителей ни в делах полиции, ни в делах суда, ни в делах хозяйства; народ покинул те надежды, с которыми встретил реформу, забыл все стеснения и злоупотребления прежнего управления и в одних местах словесно, а в других письменно, просит о восстановлении прежних порядков»⁹.

Причины этого явления, — подчеркивалось в докладе, — заключались в том, что «самое учреждение, перенесенное сюда из русских губерний, не соображено со степенью гражданственности жителей, которые имеют совершенно иные понятия, верования, обычаи и образ жизни...»¹⁰

Реформа 1840 г., на которую царское правительство возлагало большие надежды, оказалась мертворожденной и по прошествии нескольких лет все нововведения были отменены.

Нельзя не отметить, что передовые люди России хорошо осознавали порочность основных начал управления, создаваемого на Кавказе. Великий русский поэт А. С. Грибоедов, прекрасно знакомый с Кавказом и его народами, писал главнокомандующему на Кавказе генералу И. Ф. Паскевичу: «Не навязывайте здешнему народу не соответствующих его нравам и обычаям законов, которых никто и не понимает. Дайте народу им же выбранных судей, которым он доверяет. Если возможно, то не вмешивайтесь в его внутреннее управление, пусть в органах управления и в суде присутствуют депутаты, назначенные правительством, а в остальном не прибегайте ни к какому насилию»¹¹.

Полнейшая несостоятельность реформы 1840 года вынудила царское правительство вновь вернуться к разработке основ управления кавказскими народами.

В 1845 году для управления Кавказом была учреждена должность наместника, и первому наместнику князю Воронцову, пользовавшемуся особым доверием Николая I, были

⁹ В. Иваненко. Указ. соч., стр. 97.

¹⁰ Там же.

¹¹ «Квали», 1896, № 2. Цит. по работе А. В. Фадеева «Россия и Кавказ первой трети XIX в.», М., 1961, стр. 353.

предоставлены по отношению ко всем отраслям управления в крае власть и права министров.

Князь Воронцов вскоре представил проект преобразования края, утвержденный указом 14 декабря 1846 г. Закавказье было разделено на четыре губернии, в том числе была создана Дербентская губерния. В 1847 году Дербентская губерния, шамхальство Тарковское и Мехтулинское ханство вошли в состав Прикаспийского края, управление которым осуществлялось особым лицом со званием командующего войсками.

В 1856 г. должность наместника Кавказа занял князь Барятинский, который в том же году представил на утверждение Александра II проект организации управления кавказскими народами. Проект этот получил одобрение и стал проводиться в жизнь. В «Положении о Кавказской армии», утвержденном 1 апреля 1858 г., специальный раздел был посвящен управлению горскими народами. С этим разделом связано первое официальное узаконение системы военно-народного управления.

Система управления, получившая название военно-народного управления, не была нововведением Барятинского. Пробраз ее существовал с 1852 г. в Чечне, после покорения которой Воронцов не ввел там ни русских законов, ни русского суда.

Накануне завершения Кавказской войны в начале 1859 г. князь Барятинский писал царю: «Нет сомнения, что в скором времени весь Кавказ покорится нашему оружию и вступит в наше управление; но чтобы на этот раз покорение было окончательным, надо безошибочно решить вопрос: как управлять. Мы не раз уже владели Чечнею и Авариею; непосредственно, или через подчиненных нам ханов, наше влияние простиралось на всю восточную половину гор. Все это мы утратили вследствие неправильного устройства нашего управления»¹². Далее он подчеркивал, что Воронцов предоставил земское управление, суд и расправу самим туземцам, возложив на русское начальство заботы только о главном управлении и тем самым добился замирения края.

«Всякая перемена, — писал князь Воронцов царю, — и всякое нововведение, изменяющее вековые обычаи, чрезвычайно трудно к введению везде, особенно в здешнем крае, а потому в подобных случаях надобно действовать с большою осторожностью. Насильственные меры не только не принесут добра, но могут иметь очень дурные последствия»¹³. Управление по типу созданного в Чечне, рекомендовал Барятинский в заклю-

¹² В. И в а н е н к о. Указ. соч., стр. 116.

¹³ Акты Кавказской археографической комиссии, т. X, стр. 843.

чение, «надо принять образом для всего Дагестана и для других местностей Кавказа и Закавказья»¹⁴.

Этот «образец», по выражению проф. М. О. Косвена, представлял собой не что иное, как «отдачу горцев в полную и бесконтрольную власть военной администрации»¹⁵. Специальное «Положение об управлении Дагестанской области и Закавказским округом», введенное в 1860 г., предусматривало проведение основных начал военно-народной системы управления.

В Дагестанскую область были включены бывший Прикаспийский край, за исключением Кубинского уезда, и почти все владения и общества горного Дагестана. Область была разделена на 4 военных отдела: Северный, Средний, Верхний и Южный, куда входит 6 округов: Даргинский, Кайтаго-Табасаранский, Казикумухский, Гунибский, Самурский и Бежитский; 4 ханства: шамхальство Тарковское, ханства: Мехтулинское, Кюринское, Аварское и одно наибство — Присулакское. В состав области входили и два гражданских управления: Дербентское градоначальство и управление Порт-Петровска.

Северный Дагестан подразделялся на четыре управления: Даргинский округ, шамхальство Тарковское, ханство Мехтулинское и наибство Присулакское.

Южный Дагестан включал три управления: Кайтаго-Табасаранский округ, ханство Кюринское, Самурский округ с горными магалами, расположенными в верховьях Самура.

Средний Дагестан состоял из четырех управлений: Гунибский округ, Казикумухский округ, Аварское ханство и общества Карата, Богулял, Цунта—Ахвах и Батлух, управлявшиеся ханом Аварии.

Верхний Дагестан объединял общества Джурмут, Канада, Бохнада, Тебель, Ухнаби, Таш, Кель—Анцросо, Анцух, Косдода, Томс, Дидо, Илан—Хеви, Хварши и Тиндал. Все эти общества входили в состав Бежитского округа.

Начальник Дагестанской области был подчинен Главнокомандующему и осуществлял военные и гражданские функции управления. Ему в области военного управления были предоставлены права командира корпуса, в области гражданского управления — права генерал-губернатора. Для производства дел по всем частям управления при начальнике областей состояли штаб командующего войсками в Дагестанской области и канцелярии начальника области. Канцелярия состояла из двух отделений — гражданского управления краем и управления местным населением.

Начальнику области предоставлялось право употреблять силу оружия против возмущившихся и упорствующих в непови-

¹⁴ В. И в а н е н к о. Там же, стр. 117.

¹⁵ М. О. К о с в е н. Этнография и история Кавказа. М., 1961, стр. 194.

новении жителей, судить и наказывать по военно-полевым законам политических и других преступников, высылать из края административным порядком вредных и преступных жителей с донесением Наместнику¹⁶.

Военными отделами управляли русские офицеры, а во главе окружных управлений были окружные начальники. Ханства и шамхальство Тарковское сохраняли управление ханов и шамхала, при которых находились русские штаб-офицеры.

Округа были разделены на наибства, куда входили низовые сельские управления. Последние были оставлены в управлении выборных старшин, акакалов и кадиев.

Административные преобразования были полностью подчинены задачам колониального управления, в основе которого лежала неизбежность сословных и поземельных прав господствующего класса.

При составлении нового положения об управлении Дагестаном князь Барятинский требовал, чтобы оно было основано «...на полном поддержании ханской власти всюду, где она существовала, на устройстве в остальных частях такого управления, которое бы сохраняло уважение к личности, к старинным сословным и поземельным правам туземцев, применяясь к требованиям русских интересов»¹⁷.

Целью русского управления на Кавказе, полагал Барятинский, должно было быть уменьшение влияния мусульманского духовенства, враждебного интересам России, и всемерное возвышение высшего сословия там, где оно существовало и создание его там, где его не было.

Свое воплощение эта цель и нашла в «Положении об управлении Дагестанской областью», утвержденном Барятинским.

Создание Дагестанской области и утверждение «Положения об управлении» имело вместе с тем и объективно-прогрессивное значение. С этого периода ликвидировалась феодальная раздробленность и межфеодалные столкновения. Фактически в значительной мере ограничивалась и политическая власть владетелей, так как при них состояли русские офицеры, имеющие специальное задание смягчить, по возможности, систему деспотического правления ханов.

Упразднение политической и административной власти ханов и беков было только вопросом времени, и как только создались благоприятные обстоятельства, царское правительство приступило к ликвидации политической власти дагестанских владетелей.

В период с 1860 г. по 1867 г. все феодальные владения прекратили свое существование. Вместо них были организова-

¹⁶ Памятная книжка Дагестанской области, 1895, стр. 20.

¹⁷ С. Эсадзе. Указ. соч., т. I, стр. 184.

ны окружные управления. Ликвидация политической власти ханов и беков привела к освобождению рабов и части зависимых крестьян.

Утрату политической власти дагестанским правителям царизм компенсировал выдачей огромных единовременных сумм, установлением высоких пожизненных пенсий, присвоением высоких чинов, выдачей грамот с признанием права собственности на землю и т. д.

Словом, ханы и беки Дагестана, утратив одну привилегию, получали немало других и прежде всего опору на царизм в усилении феодального гнета зависимого крестьянства.

Сохранение феодального господства в Дагестане требовало изменения форм и методов управления населением. Оставляя политическую и административную власть в руках феодальных владетелей, которые пользовались этой властью, вызывая всеобщее недовольство подвластных, царизм отчетливо осознавал, что это недовольство обратится против его непосредственных интересов. Устранив феодальных правителей от власти, царское правительство в отношении народных масс осуществляло ту же политику, но более подходящими обстановке методами.

Свое господство в Дагестане царизм с самого начала утверждения в крае осуществлял, опираясь на господствующий класс ханов и беков, а опасность своему господству усматривал в оппозиции мусульманского духовенства. Эта постоянная политика уменьшения роли и значения мусульманского духовенства в общественной жизни горцев определила и основные принципы «Положения о сельских обществах, их общественном управлении и повинностях государственных и общественных в Дагестанской области», утвержденного главнокомандующим Кавказской армией 26 апреля 1868 г.

Авторы объяснительной записки к проекту «Положения о сельских обществах...» писали: «Таким образом адаты и вытекающее из них сельское управление, служат нам твердою опорой в предстоящей нам надолго еще тайной борьбе за влияние на народ, с здешним мусульманским духовенством, которое не может остаться равнодушным к тому, что влияние его на народ год от году слабеет главнейше от того, что оно лишилось права чинить суд и расправу»¹⁸.

«Положение о сельских обществах»... в делах сельского управления отдавало предпочтение представителям светской власти — сельским старшинам и их помощникам, назначаемым царской администрацией. Сельский сход созывался только с согласия старшины, а решения сельского схода

¹⁸ ЦГИА Гр. ССР, ф. 545, оп. 1, д. 317, л. 35.

признавались законными только тогда, когда на сходе присутствовали старшина или заступающий его место.

Определяя компетенцию сельского схода, сельских должностных лиц, «Положение о сельских обществах» устанавливает точный перечень вопросов, которые могли быть рассмотрены. Если же сход, указывается в п. 13, «будет иметь суждение и постановит приговор по предметам, его ведению не подлежащим, то приговор считается недействительным; а лица, участвующие в составлении оного, равно как и в самовольном созвании схода, подвергаются взысканию, смотря по важности дела»¹⁹.

Кроме того, к сельским обществам с разрешения начальника отдела области могли быть причислены беки и офицеры, имеющие в селе постоянную оседлость, что фактически означало сохранение сельского управления в руках феодальных элементов.

Сельские должностные лица — старшины, их помощники, судьи, кадии — подбирались из лиц, пользующихся доверием царской администрации.

Начиная с низового органа — сельского управления, вся система военно-народного управления была очень далека от народа и по своей сущности была системой, подчиненной задачам колониального управления. Представительство городских народов в управлении областью носило фиктивный характер и служило для завуалирования социального и национального угнетения.

2. Судебная система.

Царизм и кавказская администрация придавали важнейшее значение организации судебной системы в Дагестане, так как от этого во многом зависел успех или неудача общих административных преобразований.

Образование судебных учреждений, всецело отвечающих колониальным интересам царизма, и в то же время в какой-то мере сохраняющим видимость народного суда, являлось основной линией судебной политики, намеченной в рамках «военно-народного» управления.

Царское правительство, считая невыгодным и невозможным для своих интересов приступить к коренной ломке веками сложившегося правового строя народов Дагестана, признало обычное право основным источником действующего права. В «Положении об управлении Дагестанской областью», утвержденном 5 апреля 1860 г. устанавливалось, что местное насе-

¹⁹ «Проект положения о сельских обществах, их общественном управлении и повинностей государственных и общественных в Дагестанской области», Т.-Х.-Шура, 1898, стр. 5—6.

ление Дагестана управляется «по народным обычаям и особым постановлениям», а суд отправляется под наблюдением местной военной власти «по адату», в некоторых случаях по шариату и по особым постановлениям, постепенно вводимым по указаниям опыта и развивающейся потребности.

Реорганизация судебной системы среди горцев Дагестана предусматривала ограничение шариатского суда и сохранение прежнего адатного судопроизводства, поставленного под контроль военных властей. Начальникам округов предписывалось не приводить в исполнение решения по адату и шариату, противоречащие общему духу российских законов или не соответствующие видам правительства. «Отношение русского правительства к горскому адату с самого начала нашего владычества, — писал М. Ковалевский, — приняло характер решительного и явного покровительства. Причина, побудившая русское начальство к такой политике, лежит в том соображении, что оппозиция нашему владычеству всегда выходила из сфер благоприятных шариату»²⁰.

Предпочтение суда по адату в полной мере отвечало интересам местных феодалов, на которых опиралось царское правительство в осуществлении своей колониальной политики. Не случайно поэтому в докладе управления мирными горцами от 1 февраля 1841 г. подчеркивалось, что «изменить существующий у горцев порядок судопроизводства в настоящее время было бы преждевременно и даже опасно: ибо изменение это несомненно вооружило бы против нас одно из сословий — князей и дворянство или духовенство»²¹.

«Положением об управлении Дагестанской областью» был утвержден Дагестанский народный суд, являвшийся второй судебной инстанцией и семь окружных словесных судов. При феодальных правителях и Присулакском наибстве были созданы словесные суды; низшей судебной инстанцией являлись сельские суды.

С ликвидацией ханских управлений округов существовало девять окружных словесных судов, по числу входящих в Дагестанскую область округов.

Как уже было нами отмечено, система военно-народного управления предусматривала привлечение выборных представителей к участию в низшей администрации, а также в суде. На практике выборность носила сугубо ограниченный характер, а выборные лица принадлежали к привилегированному сословию горского общества. Дальнейшее развитие военно-

²⁰ М. Ковалевский. Закон и обычай на Кавказе, т. I. М., 1890, стр. 279.

²¹ Ф. И. Леонтович. Адаты кавказских горцев, вып. I, Одесса, 1882, стр. 36.

народного управления, в том числе и судоустройства, регламентировалось не законодательными актами, а инструкциями, в которых постепенно ограничивалось участие в нем выборного элемента ²².

Дагестанский народный суд, разбиравший дела по адату и шариату, состоял из 9 почетных членов, в том числе двух кадиев. Председатель Дагестанского народного суда назначался начальником области и утверждался Главнокомандующим. С учреждением вместо начальника области военного губернатора, должность эту занимал помощник военного губернатора.

Депутаты суда, представители господствующего класса, избирались военным губернатором Дагестана.

Решения суда утверждались начальником области, имевшим право утвердить или представить, в особо важных случаях, определение суда на заключение Главнокомандующего кавказской армией.

Подсудность Дагестанского народного суда была весьма широкой — им разбирались все гражданские дела независимо от суммы иска, а также все уголовные дела, включительно и самые тяжкие.

Дагестанский народный суд являлся апелляционной инстанцией для окружных словесных судов, окружные суды — апелляционной инстанцией сельских судов.

Председателями окружных словесных судов являлись начальники округов или их помощники, а также депутаты от населения по числу наибств, входящих в округ.

Депутаты окружных судов избирались сроком на три года в результате двухстепенных выборов. Каждое сельское общество избирало одного или двух выборщиков, которые затем избирали депутатов и кандидатов к ним. Начальникам округов и отделов было вменено в обязанность стараться «дабы избрание пало на людей именитых...» ²³.

В «Положении об управлении Дагестанской областью» Командующему войсками предлагалось составить и представить на утверждение Главнокомандующего «подробное учреждение... о порядке выбора депутатов с объяснениями, кто имеет право быть избирателями и избираемыми; о порядке рассмотрения и решения дел в судах».

Обследовавший состояние судебного дела на Кавказе сенатор П. Рейнке в 1912 г. писал: «...по настоящее время не только порядок избирания депутатов, но и самый круг лиц, могущих участвовать в выборах и быть избранными, остается

²² С. Н. Рейнке. Горские и народные суды Кавказского края. С.-Петербург, 1912, стр. 6.

²³ ЦГИА Гр. ССР, ф. 416, оп. 3, д. 101, л. 5.

неопределенным, не говоря уже о порядке рассмотрения и решения дел, всецело зависящих от усмотрения председательствующих»²⁴. «Едва ли не следует согласиться с отзывом одного из выдающихся местных деятелей, — подчеркивал он далее, — что такой суд деморализует, развивает сутяжничество, убивая веру в правосудие и подрывает авторитет судебной власти»²⁵. Компетенции окружных словесных судов подлежали все гражданские иски и тяжбы, причем те из них, которые не превышали 200 руб., разрешались окончательно, а высшую сумму с правом апелляции; дела по воровству, грабежам, ссорам, дракам, увозу женщин, убийствам и насилиям; по несогласию между мужем и женой, родителями и детьми; по религиозным делам²⁶.

Решения окружных судов выносились по большинству голосов, в случае равенства голосов решение зависело от усмотрения председателя. Жалобы на решение окружных судов подавались начальникам отделов, которые в свою очередь, если не считали возможным утвердить приговор, представляли дело начальнику области. Последнему принадлежало право личного решения дела или после рассмотрения в Дагестанском народном суде.

Порядок ведения уголовных дел в окружных словесных судах, первоначально предоставленный усмотрению окружных начальников, с августа 1867 г. регулировался специальной инструкцией.

Существенным дополнением в производстве дел являлось предусмотренное инструкцией право возбуждения уголовных дел не только по жалобам заинтересованных и потерпевших лиц, но и по представлениям полицейских и административных властей. В этом случае исключалось заключение частных соглашений между преступником и потерпевшей стороной, совершаемых нередко из-за опасений мести и других мотивов.

Одновременно главнокомандующий Кавказской армией дал указание окружным начальникам, предводительствовавшим в суде, назначать независимо от адатных штрафов и вознаграждений потерпевших, наказания не только в адатном порядке, а руководствуясь по возможности Уложением о наказаниях уголовных и исправительных.

Начальники округов, выполнявшие обязанность председателей окружных судов, осуществляли также наблюдение над производством дознания по совершенным в их округе преступлениям.

²⁴ Н. Рейнке. Указ. соч., стр. 18.

²⁵ Там же, стр. 18.

²⁶ «Записка о преобразовании военно-народных управлений Кавказского края», стр. 17—18.

По их распоряжению приводились в исполнение приговоры.

Совмещение в одном лице обязанностей полицейских, судебных и самого исполнения приговоров, совершенно чуждое общепринятым порядкам отправление правосудия сказывалось крайне отрицательным образом, открывая широкое поле для беззакония и произвола.

«...Помимо неподготовленности своей, этот состав председательствующих ставит на первый план исполнение обременяющих их полицейских или других административных обязанностей, которые отрывают их от судебных функций, заставляя прерывать уже начатый разбор дела»²⁷, — так писал Н. Рейнке, который, конечно, далек от критической предвзятости в отношении судебных учреждений Кавказа. Далее он отмечал, что самые добросовестные из них, глубоко сознавая свою беспомощность в судебном деле, крайне им тяготятся»²⁸.

Само собой разумеется, что еще большие тяготы от такого суда испытывало население. К примеру, даже депутаты Хасавюртовского словесного суда жаловались на недостаточность руководства со стороны председателя, так как председатель, в лице помощника начальника округа, не имея никакой юридической подготовки, часто менялся и поэтому не имел возможности для приобретения практических сведений. В течение пяти лет председатель Хасавюртовского суда менялся пять раз.

Неопределенность в порядке избрания депутатов, как подчеркивалось многими представителями высшей администрации, приводила к тому, что в судебную коллегия попадали люди, совершенно не соответствующие судейскому званию, что вызвало необходимость строго судебного надзора. На деле, однако, никто не контролировал личный состав судов, не было никакой дисциплинарной ответственности судей.

Отсутствие регламентированных законом процессуальных норм приводило к тому, что возбуждение уголовных и гражданских дел и судопроизводственные приемы при их разрешении зависели от судейского усмотрения. Такое положение предоставляло неограниченную возможность для неодинакового подхода к защите интересов представителей различных социальных групп, для неприкрытого судебного произвола в отношении рядовых горцев.

Низшим звеном судебной системы в Дагестане являлись сельские суды, в состав которых входили кадий и избранные сельским судом депутаты, принадлежавшие, как правило, к знатной верхушке общества. Сельские суды выбирались сроком на три года. По «Положению о сельских обществах»

²⁷ Н. Рейнке. Указ. соч., стр. 14—15.

²⁸ Там же, стр. 15.

суды и сельский кадий утверждались начальником отдела области по представлению начальника округа.

Сельский суд принимал к своему разбирательству все дела по гражданским искам и спорам, возникающим между жителями, если цена иска не превышала ста рублей; по несогласию между мужем и женою, между родителями и детьми; по утверждению опекунов и попечителей, избираемых сельскими кадиями и по проверке их действий; по праву наследования, по воровствам, обманам и утайкам, предмет коих не превышал 30 рублей; по спорам и тяжбам, возникшим между лицами посторонних обществ, когда спор или жалоба возникли во время пребывания ответчика в районе сельского общества.

Не подлежали разбору и решению суда дела между беками и между беками и крестьянами, если беки сами не заявляли суду желанья разбираться в нем. На сельский суд возлагалось также исполнение полицейских обязанностей, так как в сельских обществах не было специального полицейского аппарата.

Таким образом, во всех судебных инстанциях власть суда не ограничивалась с достаточной четкостью от административно-политической власти, что давало основание даже высшим представителям Кавказской администрации называть такой суд «административным произволом».

Совершенно неурегулированным оставался в Дагестане, как и в других областях Кавказа, вопрос о порядке обжалования и пересмотра приговоров.

На решения и приговоры первой инстанции приносились жалобы в окружные суды, которые выносили решения также не окончательные. Дагестанский народный суд выносил постановления, представляемые на рассмотрение военного губернатора области. Каждое решение этого суда могло быть обжаловано.

Апелляционные жалобы на решения приговоров, которые должен был рассмотреть военный губернатор, в большинстве своем попадали на усмотрение чиновника канцелярии. «Юридическая санкция приговоров принадлежит начальнику области, а кому она принадлежит фактически,— писал Н. Рейнке,— знает всякий туземец, которому приходилось апеллировать на приговоры горского суда»²⁹.

По признанию лица, рассматривающего жалобы, поступающие на имя начальника области, эти дела разрешались «как Бог на душу положит»³⁰.

Из подсудности судов, учрежденных для разбора уголовных и гражданских дел среди коренного населения, была исключена категория дел, которая рассматривалась комиссиями

²⁹ Н. Рейнке. Указ. соч., стр. 25.

³⁰ Там же.

военного суда. В эту категорию входили дела: 1) об измене, 2) возмущении против правительства и поставленных им властей, 3) о явном неповиновении поставленному от правительства начальству и тяжком оскорблении его, 4) разбое и 5) похищении казенного имущества.

Значительное место в отправлении карательной политики в Дагестане занимал внесудебный, административный порядок. «Положением об управлении Дагестанской областью» начальнику области было предоставлено право выселения из края административным порядком «вредных» и «преступных» жителей.

Начальники отделов и округов также имели право арестовывать и высылать в областной центр «вредных» и «преступных» жителей на дальнейшее распоряжение начальника области.

Административная высылка горцев из пределов Дагестана без установления конкретной вины в совершенном деянии нередко служила целям расправы с неудобными лицами. Не случайно количество административно высланных из Дагестана значительно возросло в период подъема революционного и антиколониального движения. Особенно много горцев было выслано в период первой русской революции и накануне Февральской революции. Проявление недовольства существующим положением, антивоенные настроения, отказ в выполнении распоряжений администрации — все это давало основание администрации возбуждать ходатайство перед Военным губернатором о высылке горцев. Многочисленные архивные материалы, относящиеся к периодам 1905—1907 гг. и 1914—1917 гг., свидетельствуют о массовых репрессиях против недовольных режимом социального и национального угнетения.

Большое распространение получила практика наложения на крестьян административных взысканий за подачу «ложной» жалобы на начальника участка, «неосновательного» прошения, «ложного» обвинения старшины своего селения.

К примеру, в 1915 г. в тюрьму было заключено 1110 человек, причем по распоряжению администрации 224 человека³¹.

В августе 1914 г. Военный губернатор Дагестана Вольский издал обязательное постановление. За нарушение любого из пунктов постановления определялось в административном порядке заключение в тюрьму или крепость, или арест на три месяца, или штраф до 3000 руб.³².

По распоряжению Военного губернатора Дагестанской области из общей подсудности исключались с передачей производству военного суда «...все дела, в случае, если они будут признаны требующими усиленной репрессии суда»³³.

³¹ ЦГА ДАССР, ф. 21, оп. 3, д. 115, л. 8.

³² «Дагестанские областные ведомости», 17 августа 1914 г.

³³ «Дагестанские областные ведомости», 27 августа 1914 г.

Таким образом, административная расправа занимала важное место в карательной политике царизма. «Главным мотивом к сохранению административной расправы, — писал В. Иваненко, — выступала не столько необходимость удалить и сделать безвредными для края порочных людей, сколько необходимость поддержать этим путем авторитет власти...»³⁴.

Такая политика полностью соответствовала военно-народному управлению, которое, по мысли Барятинского, должно было олицетворять над горцами «власть твердую, энергичную», предоставленную военному начальству, имевшему возможность и опыт для организации такой власти³⁵. «Военно-народная администрация, — писал С. Эсадзе, — была облечена значительными правами и полномочиями, при которых власть получала действительную силу и значение в глазах населения. Для того, чтобы избежать невыгод такого полновластия деятелей, кн. Барятинский привилегиями военно-народной службы дал возможность к привлечению в ряды этой администрации лучших и способнейших офицеров армии»³⁶.

Указание на «лучших» и «способнейших» офицеров не может, разумеется, заслонять крайне отрицательные явления, присущие подобному управлению. К тому же факты о нравах и методах деятельности чинов Кавказской военной администрации совершенно не согласуются с оценкой цитированного автора. Об отношении представителей кавказской администрации к своим задачам и обязанностям по управлению населением достаточно красноречиво свидетельствует факт, который приводит Н. Грабовский в своей статье «Судебная реформа в применении к горцам Дагестана». Даже те весьма ограниченные функции действовавших в крае судов, решения которых фактически находились в зависимости от усмотрения администрации, казались им чрезмерными. «Такие суды, — писал Н. Грабовский, — будучи новостью для некоторых из начальствующих лиц в Дагестане, возбудили в них мысль, что предоставление этим учреждениям самостоятельности может повести к ущербу их власти в начале же установления.

Были и такие случаи, когда начальствующие лица считали вредным для своего положения в народе установленный инструкцией пересмотр в учрежденном при них народном суде известного рода жалоб уже разрешенных ими»³⁷.

Царская администрация, проводившая свою колониальную политику в Дагестане в тесном союзе с местными феодалами, в полной мере использовала созданный ею судебный аппарат для всемерной охраны интересов господствующего класса.

³⁴ В. Иваненко. Указ. соч., стр. 115.

³⁵ С. Эсадзе. Указ. соч., стр. 175—176.

³⁶ ЦГИА Гр. ССР, ф. 416, оп. 4, д. 32, л. 6.

³⁷ ЦГИА Гр. ССР, ф. 416, оп. 4, д. 32, л. 6.

Начальник Дагестанской области во временных правилах, данных в руководство судам, учрежденным при частях управления Дагестанской области (июль 1860 г.) предписывал: «В случае, если между спорящими сторонами один будет из высшего сословия мусульман, а в судах, коим они подведомы, не будет представителей от оногo, по выбору начальника управлений, при коих учреждены суды, по просьбе этой стороны могут допускать в заседание суда с правом голоса лицо ее избранное в качестве депутата»³⁸.

Судебные органы, созданные царизмом в Дагестане, были приспособлены к задачам колониального управления и быстрой расправы с выступлениями населения против социального и национального угнетения. Несмотря на то, что состав судей всех звеньев судебной системы тщательно подбирался самой администрацией, функции этих судов были в значительной мере ограничены. Главная роль в вынесении приговоров и решений была предоставлена лицам, представлявшим исполнительную и военно-полицейскую власть. Основная линия, отчетливо намеченная в преобразованиях судебного быта населения Дагестана, предусматривала использование обычных форм горского судопроизводства для осуществления своей классовой карательной политики, что и имелось в виду, когда ставилась задача взять под контроль администрации «народное» право и «народную» полицию.

Реорганизуя судебный быт населения Дагестана, кавказская администрация исходила из того, что коренное изменение основных начал суда, существовавшего в крае, невозможно, главным образом, из-за опасных политических последствий. Царская администрация считала, что восстание Кайтага и Табасарана в 1839 г. было следствием введения общероссийских судебных порядков. Сохраняя формы судопроизводства и систему доказательств, издавна сложившихся в Дагестане, царская администрация руководствовалась предположением, что в этом случае население примет судебные органы с доверием и пониманием и не будет испытывать затруднений, неизбежных при коренных реформах.

Архивные данные, характеризующие деятельность судебных учреждений, инструкции, распоряжения и другие акты, устанавливающие правила судопроизводства, убедительно свидетельствуют о том, что судебные преобразования, осуществляемые колониальными методами и средствами, не привели и не могли привести к достижению этой официально провозглашаемой цели. Наоборот, создавалось такое положение, при котором население не имело ясного представления, как и в каком порядке должны разрешаться их споры и тяжбы, от кого зависит окончательное разрешение их дела.

³⁸ Дагестанский сборник, вып. I, 1902, стр. 273.

«В суде, — отмечал видный дагестанский просветитель и революционер Саид Габиев, — царил только один сумбур, что доказывается тем обстоятельством, свидетельствующим о разных решениях суда по однородному единохарактерному делу. И нечему удивляться, что более смелые, бесцеремонные представители, совершенно игнорируя все и всех, решали дела так, как хотелось и применяли решения таковых самолично»³⁹.

Юридические обычаи, подчеркивал он далее, особенно процессуальные нормы, на которых были основаны адатные суды, совершенно не соответствовали юридическому сознанию цивилизованных народов и не отвечали условиям жизни горцев Дагестана.

«...Создав по политическим соображениям и поддерживая аморфный горский адатный суд, — писал С. Габиев, — власть построила всю систему на принципе недоверия к этому самому суду. Бесцеремонное отношение самой власти к созданному ею же суду окончательно деморализует население, которое озлобленно против всяких правовых норм, видя зло в них самих, а не в тех, кто ими пользуется произвольно»⁴⁰.

Такое состояние судебного дела в Дагестане, которое можно без преувеличения назвать судебной анархией, отражало ярко выраженный колониальный характер управления на национальных окраинах. Запутанность и неопределенность положений, регламентирующих деятельность суда, формы судопроизводства, оценку доказательств и т. д., благоприятствовали расширению власти административных лиц в отправлении правосудия. Представители царской администрации, выполняя свою задачу укрепления колониального режима в крае, проводили классовую карательную политику, прикрываясь формой «народных судов».

Совмещение в лице военного начальника административных и судебных функций породило массу бесконечных жалоб, адресованных администрации вместо судебных органов. Полная зависимость суда от администрации постепенно выработала у горцев, по существу, справедливое мнение, что дело в конце концов зависит от личного усмотрения административных лиц, и поэтому, несмотря на состоявшееся судебное разбирательство, население обращалось к местному начальству для разрешения исков и претензий. Военная администрация неоднократно издавала распоряжения, предусматривающие ответственность за нарушения правил, установленных для рассмотрения жалоб, но это не меняло положения.

Огромный поток жалоб и прошений, многочисленные уголовные и гражданские дела, поступавшие для апелляционного

³⁹ С. И. Габиев. Обычный суд и военно-народное управление у кавказских горцев. Журнал «Мусульманин», 1910, № 16, 17, 18.

⁴⁰ Там же.

разбирательства, практически разрешались второстепенными чиновниками администрации; очень часто исход судебного дела зависел от переводчиков, как правило, не брезговавших разными приношениями.

Архивные материалы указывают на широко распространенное взяточничество представителей административного судебного аппарата в Дагестане. В секретном донесении из Дагестана отмечалось: «Вся почти администрация Дагестана, начиная с Дадешкелиани (военный губернатор области, — А. О.), занимается в самых широких размерах взяточничеством и широкие поборы в этом направлении... крайне возбуждают коренное население Дагестана»⁴¹.

А. Далгат⁴² в своих воспоминаниях приводит весьма интересные данные, рисующие характер и нравы сельских судей в одном из крупных селений Урахи.

К одному из судей Султанмуту, — пишет он, — на дом накануне разбора своих дел в сельском суде, чтобы «подарком» смягчить душу сурового судьи, обычно приходили совершившие преступление и ответчики.

Судья Багомед открыто брал взятки, — повествует он далее. «Ему давали все, никто не являлся в суд без подарка для него». Другой судья — Омадзи, не менее известный любитель «претодношений» — взятки, его особенность — умение по любому делу получить подарок.

Из-за скученности и тесноты в ауле, — отмечает автор воспоминаний, — между соседями постоянно возникали недоразумения и ссоры, разбиравшиеся сельским судом. Нелегко было бедному крестьянину вести такие тяжбы, нелегко было платить за их разбор судебную пошлину и савгат — взятку. Тем более, что требовалось дать «савгат» всем членам суда, если хочешь быть уверенным в выигрыше. А откуда столько взять? И бедняк обычно проигрывал, решение выносилось не в его пользу...

Светские и мусульманские судьи — писал Г. Амиров — обогащались в течение года. Доходная статья их — штрафы и взятки⁴³.

Взяточничество, административный произвол, отсутствие каких-либо процессуальных норм и гарантий, неопределенность порядка обжалования и пересмотра судебных решений и приговоров — все эти основные пороки судебной системы Дагестана, характеризующие колониальные методы управления царизма на национальных окраинах, в то же время являлись

⁴¹ ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 2, д. 26, л. 71.

⁴² А. Далгат. В огне революции. М., 1960, стр. 31.

⁴³ Г. Амиров. Среди горцев Северного Дагестана. ССКГ, вып. VII, стр. 38.

закономерным результатом организации судебной системы в самой России. Дореформенному суду в России были органически присущи крайняя волокита, формализм, взяточничество... Эксплуататорский суд, сосредоточивший в себе черты феодально-крепостнического и буржуазного суда, вызывал огромное недовольство народа. Резко отрицательную оценку дореформенному суду высказывали и отдельные представители правящего класса. Один из крупных славянофилов Н. С. Аксаков отмечал, что при одном воспоминании о суде «волос встает дыбом, мороз идет по коже».

Историки судебной реформы, — отмечал проф. С. В. Юшков, — указывали на следующие характерные черты дореформенного суда: низкий умственный и моральный уровень личного состава суда, непомерное взяточничество во всех судебных местах, рабская зависимость суда от администрации, фактическое бессилие прокурорского надзора, бесконечное разнообразие и многочисленность судебных инстанций, непомерная волокита, отсутствие устности и гласности в судопроизводстве, господство канцелярской тайны, инквизиционный характер процесса, основанный на теории формальных доказательств и беспощадная жестокость карательной системы⁴⁴.

Когда, в связи с судебной реформой 1864 г., возник вопрос о распространении действия судебных Уставов в Дагестане, князь Меликов писал, что это невозможно «без явного ущерба для силы и значения власти нашей среди горского населения этой части края. Уже одно отделение власти судебной от административной... было бы не только раньшевременно, но и положительно вредно...»⁴⁵. А между тем П. Ф. Сабанеев писал: «...горские суды», как оказывается при ближайшем ознакомлении, учреждены на тех же великих началах устности, гласности, участия общественного элемента (хотя и не в форме присяжных), состязательности, которые четыре года спустя были положены в основание наших судебных уставов»⁴⁶. В этой оценке, лишенной реальности, упрощенная процедура суда, участие в суде «выборных представителей», открытое судебное разбирательство возводится в ранг крупных достижений в организации судебного быта в Дагестане.

Как известно, судебная реформа 1864 г. так и не была распространена на население Дагестана. Мотивируя неподготовленность населения к восприятию правовых принципов, положенных в основу судебных уставов, царизм сохранял в крае судебную систему, полностью отвечающую задачам осуществления классовой карательной политики.

⁴⁴ С. В. Юшков. История государства и права СССР, 1947, стр. 614.

⁴⁵ ЦГИА Гр. ССР, ф. 1, оп. 1, д. 13, л. 10.

⁴⁶ П. Ф. Сабанеев. Горские суды Дагестанской области. «Журнал Министерства юстиции», 1895, № 9, стр. 93.

3. Изменения в обычном праве Дагестана

Проникновение и развитие капиталистических отношений, усиливающиеся хозяйственные связи и культурное общение с русским народом подрывали патриархально-феодальные устои жизни горцев. Все это, естественно, нашло отражение и в правовой системе дагестанских народов. В обычном праве Дагестана отмирали правовые принципы и взгляды, возникшие на базе патриархально-родового быта. Однако, этот объективный процесс протекал замедленными темпами в силу ярко выраженного колониального характера политики царизма. Социальное и национальное угнетение, наряду с культурно-бытовой отсталостью края, являлось основной причиной, отрицательно сказывавшейся на общем уровне правового прогресса.

Допуская применения норм адата, царизм предоставил кавказской администрации самые широкие полномочия по ограничению и изменению общеправовых норм в соответствии с интересами колониальной политики.

Поддерживая адат, выражавший интересы светской феодальной знати, царизм в то же время добивался и уменьшения значения шариата, подрывая тем самым роль и влияние мусульманского духовенства.

Таким образом, обычное право выполняло роль одного из важных орудий в укреплении позиций горской феодальной знати — социальной опоры царизма в Дагестане. В докладной записке управления мирными горцами на имя командующего войсками от 11 декабря 1842 года подчеркивалось, что адат «основан на обычаях, не согласных с общественным благоустройством и часто противоречащих и стеснительных для народа, потому что по адату в пользу владельца за все присуждаются штрафы, не соразмерные с состоянием простого класса людей»⁴⁷.

М. М. Ковалевский, критикуя покровительственную политику кавказской администрации в отношении адата, писал, что «точное применение правил народного адата является препятствием к поддержанию внутреннего порядка и спокойствия в едва замиренном нами крае»⁴⁸. В данном случае М. М. Ковалевский, говоря о просветительной миссии России на Кавказе, совершенно не принимает во внимание колониальную политику самодержавия, для проведения которой избирались наиболее подходящие обстановке средства. Политическая обстановка в Дагестане и во второй половине XIX в. оставалась весьма напряженной и требовала осторожности

⁴⁷ Ф. И. Леонтович. Указ. соч., вып. I, стр. 90—91.

⁴⁸ М. М. Ковалевский. Указ. соч., т. I, стр. 280.

в осуществлении административных и судебных реформ. Опасаясь коренных преобразований вековых устоев жизни горцев, а к ним безусловно относился адат, регулировавший почти все сферы общественной жизни, царские власти считали, что путем постепенного внесения в нормы адата начал и принципов русского права они сумеют создать благоприятные условия для введения в крае общероссийского законодательства. С заменой адата общероссийским законодательством теряла всякое реальное значение административно-политическая власть горской феодальной знати, что входило в расчеты Кавказской администрации. Царские власти, как известно, повсеместно на Кавказе последовательно и настойчиво закрепляли личные и имущественные сословно-классовые привилегии горских феодалов, но вместе с тем с самого начала присоединения края к России ограничивали объем политической власти феодальной знати, так как методы и формы ее осуществления вызывали резкое народное недовольство, что, естественно, ослабляло позиции царизма, целиком и полностью опиравшегося в своей политике на господствующий класс кавказских народов. Практическое претворение политики постепенного изменения адата осуществлялось «без всякой мысли о необходимости соотносываться со «старыми» формами горского быта, без попытки сколько-нибудь рационально приспособить «новый закон» к застарелым условиям патриархальной горской культуры»⁴⁹.

Н. С. Семенов, характеризуя изменения в коренных юридических обычаях кумыков, происходившие в результате действий и распоряжений царской администрации, начиная с начала XIX века, писал: «Весьма вероятно, что эти представители (администрации, — А. О.) редко знали обычаи и их основы, но зато им были известны цели, к которым они должны были приходить с помощью обычаев... Их то урезывали, то дополняли, то изменяли, не стесняясь соображениями о внутреннем смысле всего того, что оставлялось, и об идейной связи его с тем, что вводилось»⁵⁰.

Ограничение компетентности адата и изменения, вносимые в его нормы по усмотрению администрации, разумеется, оказали определенное влияние на правовую жизнь горцев.

Прежде всего, в связи с отменой рабства, потеряли силу все нормы обычного права, в которых, как известно, рабы и рабыни фигурировали только в качестве объектов собственности владельцев. Хотя рабство в Дагестане носило патриархальный характер и общее количество рабов было незначительно, отмена рабства сыграла определенную роль в развитии новых правовых взглядов, способствующих ликвидации и отживанию

⁴⁹ Ф. И. Леонтович. Указ. соч., вып. I, 1881, стр. 40.

⁵⁰ Н. Семенов. Туземцы Северо-Восточного Кавказа, СПб, 1895, стр. 275.

в праве дагестанских народов других норм и институтов, унаследованных от ранних ступеней социальных отношений.

В обычном праве Дагестана, начиная со второй половины XIX в. начала государственности, шаг за шагом вытесняя элементы частноправового быта, приобретают преобладающий характер. В этом процессе, коснувшемся всех сфер административной и судебно-правовой жизни, регламентируемой адатом, особенно важным по своим последствиям следует признать ослабление силы и сужение сферы действия реакционных пережитков патриархально-родового строя — таких, как кровная месть, умыкание женщин, самоуправный захват имущества, неограниченный произвол в отношении женщин в семье и т. д. В этом направлении полезную роль сыграла значительная работа кавказской администрации по сбору и записи материалов дагестанского адата. Хотя сама мысль о создании единого свода обычного права для всех народов Дагестана не была реализована, да и практически эта цель была неосуществима, запись и систематизация материалов обычного права содействовали ослаблению многих реакционных патриархально-родовых обычаев. Придавая правовым нормам более определенное и конкретное значение, администрация с одной стороны смягчала суровость и несообразность отдельных правил адата, а с другой — устраняла противоречия и возможность их различного толкования.

Во второй половине XIX в. в обычном праве дагестанских народов устанавливается более четкое различие в понятиях уголовного преступления и гражданского правонарушения. Существенное значение в этом имело строгое разграничение дел, подлежащих разбирательству по адату, шариату и русскому законодательству. Унификация правовых обычаев с указанием конкретных мер наказаний, предусмотренных адатом, придавала нормам обычного права силу и значение официального законодательства. Данное обстоятельство, а также судебно-административная практика, которая прямо и косвенно выражала русские правовые воззрения, способствовали развитию основных понятий уголовного обычного права. В нормах адата находит последовательное и более определенное выражение различие в степени общественной опасности преступлений, совершенных умышленно, неосторожно и случайно и, в соответствии с этим, дифференцируется мера наказания. Учитывается ряд обстоятельств, характеризующих субъект и объективную сторону преступления.

С организацией в Дагестане военно-народного управления были разработаны меры по ограничению и ослаблению обычая кровной мести. Кровнику строго запрещалось появляться в селении, где жили родственники убитого. Виновные в умышлен-

ном убийстве, преднамеренном и с корыстной целью подлежа-
ли наказаниям по военному суду или административной
ссылке на определенный срок в отдаленные губернии России.
Высылка убийцы из пределов Дагестана представлялась гор-
цам изгнанием в канлы, поэтому они смотрели на решения
администрации по убийствам «как на нечто незаконченное и
временное, скорее как на отсрочку, нежели наказание»⁵¹.
Только в результате многих лет судебной практики ссылка за
убийство приняла в глазах горцев характер наказания, вслед-
ствие чего резко сократилось число актов кровной мести. Был
отменен обычай, разрешавший осуществление мести с по-
мощью наемного убийцы. Всем окружным начальникам вме-
нялось в обязанность добиваться примирения кровников, если
кровная вражда возникла в случаях убийств в ссоре, драке,
неумышленных и случайных⁵².

Собирая сведения о враждующих семействах на почве кров-
ной мести, администрация в 1865 году в Кайтаго-Табасаран-
ском округе из 302 семейств добилась примирения 264 се-
мейств, в Даргинском—из 311 около 270, в Мехтулинском—из
13—8 семейств.

В результате подрыва и ослабления патриархальных отно-
шений постепенно преодолевались взгляды о праве родствен-
ного коллектива поступать с одним из своих провинившихся
членов так, как это признавалось целесообразным самими
родственниками. Вплоть до XIX в. во многих обществах убийст-
во внутри семьи влекло взыскание лишь незначительного
штрафа в пользу сельской общины, или кровную месть, если
это сочтут нужным члены семьи убитого.

Согласно русскому законодательству отцеубийство и дето-
убийство относились к виду отягчающих убийств и соответст-
венно определялись более суровые меры уголовной репрессии.
Такая же точка зрения практически проводилась в жизнь
с первых же дней организации русского управления в крае,
а в 1862 г. администрация официально отменила действие
норм адата, основанных на принципе полной самостоятель-
ности семьи в решении участи одного из своих членов, совер-
шившего преступление внутри семьи. В этой связи следует
подчеркнуть, что власть старшего в семье, или более широком
родственном объединении не могла проявляться в таких деспо-
тических нормах, как прежде. Члены семьи находились в мень-
шей степени зависимости от патриархальной власти главы
семьи, так как органы власти стремились к расширению их
юридической правоспособности.

⁵¹ О последствиях убийств и поранений между горцами Восточного Кавказа. ССКГ, вып. VII, стр. 9.

⁵² А. В. Комаров. Адаты и судопроизводство по ним. ССКГ, вып. I, стр. 46—47.

Особенно это касается положения женщины в области семейно-брачных отношений. «В последнее время с появлением русской власти, — писал Б. К. Далгат, — отношения между супругами начали, видимо, изменяться к лучшему сравнительно с прежним временем, так как власть мужа более или менее начинает слабеть и права мужа над женой ограничиваются потому что в прежнее время, по рассказам и даже по устарелым адатам, муж мог делать с женой что угодно, как с рабыней, а теперь, когда начальство стало судить иногда дела супругов и оставлять в стороне некоторые адаты горцев, то власть мужа стала слабеть»⁵³.

Окружные начальники допускали возможность жалоб на мужа со стороны родственников жены или ее самой. Жестокое обращение с женой нередко наказывалось тюремным заключением, или же таких мужей побуждали дать развод женам⁵⁴.

В 1862 году запрещена была практиковавшаяся в некоторых обществах Южного Дагестана уплата мужчиной при женитьбе определенной суммы денег родственникам или опекуну за девушку. Не допускался, как прежде, развод без уведомления об этом сельского суда. Женщина при отказе платить за долги мужа освобождалась от ответственности, тогда как раньше она во всех случаях платила по обязательствам мужа⁵⁵.

Существенная эволюция произошла во второй половине XIX в. и во взглядах общества на содержание и цели наказания. Оно приобретает отчетливый характер меры государственного принуждения, назначение и исполнение которой целиком является функцией органов власти, а не средством удовлетворения частных интересов потерпевшего. В системе наказаний по нормам обычного права все большую силу получает принцип личной ответственности лица, совершившего преступление или гражданское правонарушение. В связи с этим в судебной практике в значительной мере сужается применение наказаний, возлагающих имущественную ответственность на близких родственников. Были уменьшены чрезмерно высокие размеры имущественного вознаграждения и штрафы. Запрещалось назначение судом позорящих наказаний, не соответствующих степени общественной опасности совершенного преступного деяния, как, например, предание огню дома вора, имевшее место в отдельных обществах.

В судебном процессуальном праве Дагестана объективно прогрессивные изменения, обусловленные ослаблением патриархальных отношений, заключались главным образом в устра-

⁵³ Б. К. Далгат. Материалы по обычному праву даргинцев. Рукописный фонд ИЯЛ Даг. филиала АН СССР, ф. 5, оп. 1, д. 28, л. 40.

⁵⁴ М. М. Ковалевский. Указ. соч., вып. II, стр. 196.

⁵⁵ Б. К. Далгат. Указ. работа, л. 44.

нении частного произвола в осуществлении своих действительных или мнимых притязаний. Замена суда, основанного на нормах адата, государственной системой правосудия объективно способствовали усилению охраны жизни и имущества со стороны органов власти. Внесудебная расправа, широко распространенная в Дагестане до присоединения к России, признавалась преступлением. Запрещен был самоуправный захват имущества, применявшийся для принуждения к исполнению обязательств.

Исполнение приговоров, нередко зависевшее от силы и веса сторон, стало функцией государственной власти, что также являлось шагом вперед в отправлениях правосудия.

Важным изменением, обусловленным развитием принципа публичности в праве, явилось возбуждение уголовного преследования органами власти. Уголовное преследование, возбуждаемое независимо от жалобщика, способствовало снижению преступности, а также ограничению возможности освобождения от наказания путем заключения сделок между преступником и потерпевшим. Уменьшилось и число случаев, когда преступник избегал наказания из-за того, что потерпевший не решался принести жалобу против представителя крупного и сильного тухума.

Под воздействием русских правовых воззрений существенные прогрессивные сдвиги происходят и в системе доказательств. Присяга и соприсяжничество, хотя и находят применение, но теряют свое былое значение. Распоряжением русских властей был запрещен т. н. обычай «джигка», суть которого выражалась в том, что при неизвестности убийцы семь родственников убитого принимали обвинительную присягу против определенного ими человека, который на основании этого признавался убийцей со всеми вытекающими отсюда последствиями. Взамен этого архаичного обычая, совершенно несообразного с точки зрения права, было установлено, чтобы родственники убитого требовали от подозреваемого присяги его 40 родственников⁵⁶. Утратил свою силу также обычай джигка и по делам о воровстве, когда при неизвестности вора потерпевший с тремя родственниками принимал обвинительную присягу против избранного ими подозреваемого и тем самым обязывали его к возмещению ущерба. Не допускалось установление ответственности соучастника по присяге семи человек, избираемых избличенным воров.

Ослабление значения присяги и соприсяги, не признаваемых русокой администрацией бесспорными доказательствами, и запрет обычаев, устанавливающих ответственность только

⁵⁶ «Адаты Дагестанской области и Закатальского округа», 1899, стр. 586—587.

лишь на основании присяги в определенной мере ограничивали ложные оговоры и обвинения, заметно участвовавшие в местной судебной практике.

Подводя итоги изложенному, следует подчеркнуть, что объективно прогрессивные изменения в обычном праве были обусловлены общим ходом социально-экономического и политического развития Дагестана в составе России. Влияние капиталистической экономики России на развитие производительных сил и производственных отношений, независимо от намерений царизма, определило социально-экономический и культурный прогресс народов Дагестана, что нашло свое отражение и в системе местного права.

Политика царизма, направленная на всемерную консервацию культурно-бытовой отсталости Дагестана в целях колониальной эксплуатации, не могла, однако, не считаться с острым недовольством трудящихся, внутренней и внешней критикой, что вынуждало царскую администрацию отменять наиболее реакционные архаические нормы и принципы обычного права.

Дореволюционное право России, выполняя функцию мощного орудия укрепления колониального режима в крае, в то же время оказывало и положительное влияние на развитие юридических взглядов и формирование многих уголовно-правовых и процессуальных понятий и институтов, соответствующих уровню развитых систем права.

Обычное право Дагестана, как и до присоединения края к России, активно служило защите интересов господствующего класса, но в новых условиях оно не могло в той мере, как прежде, олицетворять грубое насилие и произвол сильного над слабым, т. е. оно, сохранив свое классовое содержание и функции, являлось не столь откровенным и ярко выраженным «кулачным правом».

ИЗ ИСТОРИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ ДАГЕСТАНА С РОССИЕЙ (КОНЕЦ XVII—НАЧАЛО XVIII В.)

Одной из важнейших задач советской исторической науки является изучение взаимоотношений между народами, заселяющими территорию нашей страны.

Этому вопросу посвящено много литературы. Немало сделано и для изучения русско-дагестанских отношений¹. Однако экономические отношения между Россией и Дагестаном остаются слабо освещенными.

Что же касается экономических связей России и Дагестана в конце XVII—начале XVIII века, то этот вопрос оставался до сих пор не исследованным. В данной статье автор не ставит целью дать исчерпывающее освещение дагестано-русских торговых отношений конца XVII—начала XVIII веков, а лишь показывает значение Дербента в торговле Дагестана с Россией.

В экономических связях Дагестана с Россией, а также России со странами Востока значительная роль принадлежала городу Дербенту, занимавшему выгодное стратегическое и экономическое положение.

Важнейшими источниками для изучения проблемы рынка и экономических связей являются материалы русских таможен,

¹ Н. А. Смирнов. Политика России на Кавказе в XVI—XIX вв. М., 1958. Е. Н. Кушева. Русско-дагестанские отношения в XVII в. Махачкала, 1954. Х. - М. Хашаев. Общественно-экономический строй Дагестана в XIX в. Махачкала, 1954. Р. М. Магомедов. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII—начале XIX веков. Махачкала, 1957. Г. Б. Абдуллаев. Азербайджан в XVIII веке и взаимоотношения его с Россией. Баку, 1965. В. Г. Гаджиев. Роль России в истории Дагестана. М., 1965. А. В. Фадеев. Очерки экономического развития Степного предкавказья в дореформенный период. М., 1957. Ф. Феодаева. К вопросу о развитии русско-дагестанских торговых отношений во II половине XVIII в. — «Ученые записки Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР», т. XIV. Серия историческая. Махачкала, 1964. Очерки истории Дагестана. Махачкала, 1957. История Дагестана, т. I, М., 1967.

внутренних и внешних. Они привлекли внимание советских ученых и использованы в ряде монографий и статей².

Для освещения русско-дагестанских экономических отношений конца XVII—первой половины XVIII века материалы таможен еще не использованы.

Особое внимание в этой связи имеет делопроизводство астраханской таможни, так как Астрахань была крупным торговым центром, который связывал русский и восточные рынки, ведя «знатную торговлю» с Персией, Хивой, Бухарой, Индией³.

Еще в первой четверти XVII века были построены в Астрахани «гостиные дворы: армянский, персидский и индийский — каменные, по обряду азиатскому, неподалеку от Спасского монастыря»⁴.

Регулярно посещали Астрахань и дагестанские купцы, особенно купцы Дербента. Из Астрахани в Дагестан и далее на юг было два пути: через Каспийское море до Дербента и далее на юг и сухопутный, через приморский Дагестан⁵.

Для XVII века астраханские таможенные книги не сохранились⁶. Сохранились с 1667 г., и то не за все годы, только таможенные выписи на отпуск товаров из Астрахани «за море», в разные порты Каспийского моря в Дагестане, Азербайджане, Средней Азии и Иране, в том числе и в Дербент. Выписи эти хранятся в архиве Ленинградского отделения Института истории АН СССР, в фонде Астраханской приказной палаты⁷.

Для изучения экономических связей Астрахани с Дербентом последней четверти XVII века по выписям астраханской таможни мы использовали два сборника документов, составители которых обращались к фонду Астраханской приказной палаты⁸.

Нами изучены выписи о вывозе товаров из Астрахани в Дербент. Таких выписей в названных двух сборниках опубли-

² А. Ц. Мерзон, Ю. А. Тихонов. Рынок Устья Великого в период складывания всероссийского рынка (XVII век), М., 1960. Кафенгауз. Очерки внутреннего рынка России в первой половине XVIII в. М., 1958. О. Н. Вилков. Ремесло и торговля Сибири в XVII в. М., 1967 и многие другие.

³ В. П. Лысцов. Персидский поход Петра I. 1722—23 гг. М., 1951, стр. 52.

⁴ А. И. Юхт. Индийская колония в Астрахани — «Вопросы истории», 1957, № 3, стр. 135.

⁵ «История Дагестана», т. I, стр. 390.

⁶ К. В. Базилевич. Таможенные книги как источник экономической истории России. «Проблемы источниковедения», I, Л., 1933, стр. III.

⁷ Путеводитель по архиву Ленинградского отделения Института истории. М.—Л., 1958, стр. 22—30.

⁸ «Русско-дагестанские отношения XVII — первой четверти XVIII веков». Махачкала, 1958. «Русско-индийские отношения в XVII веке». М., 1958.

ковано 57. Этот материал дополнен нами по фонду Астраханской приказной палаты в ЛОИИ еще 14-ю выписями (см. таблицу 1).

Выписи сохранились лишь за 1672, 1675, 1676, 1677, 1678, 1680, 1681, 1687⁹, 1688 годы и не за все месяцы каждого года.

По сравнению с другими годами, более полно сохранились за 1676 год. Только за май—август месяцы этого года их—41. За 1677, 1678, 1680, 1681 годы количество сохранившихся выписей незначительно: по одной или по три. Недостает выписей даже за самую оживленную пору торговли — за время навигации, май—октябрь месяцы. Это положение в значительной степени осложняет изучение данного вопроса. Однако и изученные автором выписи (71) имеют большое значение для освещения экономических связей Астрахани с Дербентом.

Выписи содержат следующие сведения: даты отпуска товара из Астрахани, место назначения отправляемого товара, количество его и наименование, вид транспорта, которым товар отправляют (струг, стружок, полубусье и т. д.) и кому он принадлежит.

Но в выписях не указывается цена товара и сумма пошлины. Это, конечно, большой недостаток выписей, как источника.

За первую половину XVIII века астраханские таможенные книги сохранились. Они находятся в двух хранилищах: Государственном Архиве Астраханской области (ГААО) и ЦГАДА в Москве. Основной фонд астраханской таможни находится в ГААО; в ЦГАДА в фонде астраханской таможни № 1361 имеется около 20-ти таможенных книг за 1725—1740-е годы.

Нами использованы две книги ф. 1361 за 1725 г. — № 1 и 2.

Книга № 1 имеет следующее название «Книга записная провозу за море с купецких людей с товаров и сбору пошлиному по астраханской таможне нынешнего 1725 году с апреля месяца бытности бурмистра Федора Кобякова с товарищами»; она охватывает полный период навигации с апреля по октябрь месяц 1725 года и содержит сведения об отпуске товаров из Астрахани за море: в Дербент, Баку, Энзели и Гилянъ. В ней даются следующие сведения: дата отпуска, кто и куда везет товар, вес товара, количество мест и взятые пошлины. Состав товара и его цена не указаны.

Как следует из книги № 1 в Астрахани бралась пошлина не с цены товара, а только с веса в зависимости от расстояния. Очевидно это объясняется тем, что, когда армяне ввозили свой товар из Западной Европы через Архангельск или позже через Петербург в Москву, а из Москвы в Астрахань и потом

⁹ Выписи за 1687 г. не вошли в сборник «Русско-дагестанские отношения» и не использованы нами.

Выписи астраханской таможни об отпуске товаров из Астрахани в Дербент¹

Годы	1672		1675		1676				1677	1678	1680	1681	1688	
Месяцы	июль	август	октябрь	ноябрь	май	июнь	июль	август	сентябрь	сентябрь	ноябрь	июль	апрель	июль
Количество выписей	2	3	1	4	8	17	1	15	1	1	3	1	1	13
	5		5			41			1	1	3	1	14	
Итого:														71

¹ По публикации: «Русско-дагестанские отношения XVII — первой четверти XVIII вв.», Махачкала, 1958; «Русско-индийские отношения в XVII в.». М., 1958; ЛОИИ, ф. Астраханской приказной палаты, №№ 5829, 6904, 6908, 7005, 7028, 7044, 7045, 7084, 7086, 7793, 8311, 8414, 10920, 10924. Выписи за 1687 г., имеющиеся в ЛОИИ, не отражены в «Русско-дагестанских отношениях»... и здесь не используются.

за море, пошлины с цены этих товаров брались в северных портах или в Москве ¹⁰.

Книга № 2 «Книга записная верхового привозу выписям и сбору пошлинному по астраханской таможне нынешнего 725 году бытности бурмистра Федора Кобякова с товарищи» охватывает три месяца 1725 г. август, сентябрь, октябрь.

Название книги не соответствует содержанию. Хотя она названа книгой «верхового привозу», в ней есть и отпуск товаров из Астрахани в Дербент, Баку, в крепость Святого Креста и Ставрополь.

Нами она использована для изучения товаров, отправляемых из Астрахани в Дербент. Каждая запись содержит следующие сведения: дата, кто отпускает товар, количество и цена каждого вида товара, взятая пошлина. По-видимому, книги №№ 1 и 2 за 1725 г. велись параллельно за август—октябрь, и книга № 2 не отражает полностью кто везет товар из Астрахани в Дербент ¹¹. Таблица № 2 показывает состав торговцев.

Из изученных нами выписей конца XVII века мы видим, что дербентцами было вывезено из Астрахани 36 партий товаров. Среди них есть более крупные купцы и менее зажиточные. К сожалению, мы не можем точно определить размеры их торговых оборотов, ввиду того, что в выписях не указывается цена товара. При определении имущественного положения купца исходили из следующих данных: если купец везет дорогие товары, как сукно, кожи, меха, имеет свой струг и рабочих людей, его можно отнести к более крупным торговцам. Таким можно считать, например, Миршутку Аминева, Азиса Мамедалиева и других ¹².

Среди купцов-дербентцев попадаются и такие, как Фуручка Эселбеков, который везет товар в своих двух стружках: «А товару в тех стружках: сто три юфти кож красного товару ¹³, четыре половинки ¹⁴ сукна кипного, семь аршин сукна полукармазину черного, полтретья пуда пуху гусиного, осмнадцать пуд проволоки, четыре пуда котловой зеленой меди, четыре тысячи булавок, четыре тысячи игол, десять зеркал, четыре топы стамеду, половинка сукна аглитского, шесть аршин сукна аглитского ж, сто овчинок курпечатых, мех куней большой, шесть тарелок оловянных. А тот товар в осми узлах за тамо-

¹⁰ «Армяно-русские отношения в первой трети XVIII в. «Сб. документов, т. II, ч. I, Ереван, 1964, №№ 7, 11, 12, 15, 16, 22, 26, 29, 43, 61, 63 и др.

¹¹ Возможно, что параллельно велись и другие книги отпуска.

¹² «Русско-дагестанские отношения» (далее РДО), Махачкала, 1958, стр. 215, 216. Здесь и далее имена и фамилии торговцев даются так, как они переданы в русских документах, т. е. в руссифицированной форме.

¹³ Т. е. кож. См. Е. И. Каменцева, Н. В. Устюгов. Русская метрология. М., 1965, стр. 130—131.

¹⁴ Половинка сукна в XVII веке — 20—40 аршин. См. там же, стр. 135.

Состав торговцев, которые везли товар из Астрахани в Дербент в 1670—1680-е годы

Дербентцы	Кубачинцы	Индийцы	Терский окоченин	Исфаганские армяне	Гилянец	Иноземцы шаховой обл.	Иноземец	Бухарец
Мамет Абрейнов Мамоделей	Магаметев Асанка	Багриев Тирятка	Ельмурза Ямбулат	Назаров Ягупка	Шансынов Замалка	Маметеев Агригу- лейка	Хозибабиев Хозяйко мирза	Рапов Мирхтарко мирза
Абульин Режебка Агаметев Мамечка		Бадлиев Мулачка		Никитин Аллабер- дейка		Челабиев Маметка		
Агамиров Мамутка Аджиев Асланка ¹ Аджиев Арсланка ¹ Ажеев Хакимбатка Азибеков Анчачко Алиев Аджидж Караджей Алиханов Ирапка Алабердей.. инов Аминев Миршутка Анхаков Миряка Ахметев Нуричка Асанбеков Фаручка Елеев Таиман Ибаргимов Вяжичка Магаметев Асанка Магаметев Аджизаматка Магаметов Аллабердейка Магометев Наврузка Мадиев Бадлейка Малутов Мамарзан Мамеделиев Азис Мамонхулов Ашурка Мамутов Аличка Махметев Байрамка Мулашарфов Махмада- личка Мурзалиев Аагабичка Режепов Телбилелайко Сапаев Бахматка Хотеев Авраска Шабанов Алейка Шугарелов Юлифар Эселбеков Фуручка		Валуев Нандучка Гангарамов Потачка Гумов Угачка (2 раза) Дегнеев Четайка Деканеев Барбачка Доргаев Богатачка Дунеев Молличанка (2 раза) Дургаев Богатачка Евжеев Невандичка Жанеев Булычка Лалуев Дургичка Ликаниев Бирбечка Лингилаев Рамчанка Луакендеев Копченка Мангуринов Лалачка Маночаров Лалачка Махметев Байрамка Мукандов Копичанко Нарианин Гупты Нинтаев Кидачка Фатыев Гирьячка (2 раза) Чарыев Кандарка				Шабанов Аличка		

instituteofhistory.ru

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дарестанского НИЦ РАН

¹ По-видимому Аджиев Асланка и Аджиев Арсланка — разные лица.

женною печатью. Тридцать коробок порожих, шесть ведр смолы. Да на тех стругах работных людей татар двадцать четыре человека»¹⁵.

Есть и такие купцы, как Асанка Магаметев, Телбилеляйко Режепов, которые везут небольшое количество товара «на клад, где попадетца», и не имеют работных людей¹⁶. Не очень дальний и относительно легкий путь из Дербента до Астрахани открывал возможность поездок и для мелких торговцев.

Следует отметить, что не все дербентцы переправляют товары на своих стругах, некоторые, даже более крупные, — «на клад, где попадетца», что указывает на то, что сношения между Астраханью и Дербентом были оживленными.

Активную роль в торговле Астрахани с Дербентом в конце XVII века играют и индийские купцы. По изученным выписям конца XVII века мы видим, что ими было вывезено из Астрахани в Дербент 29 партий товаров. Они везут большие партии товаров и имеют работных людей. В отличие от дербентских купцов, имевших чаще всего свои стружки и струги, большинство индийских нанимают струги или везут свои товары «на дербентских стружках» вместе с дербентцами.

По количеству вывозимых товаров и по их качеству видно, что среди индийских в основном крупные профессиональные торговцы¹⁷. Некоторые из них, как Мулла и Гира, посылают свои товары из Астрахани с посыльными, а затем едут сами.

Купец Мулла 5 мая 1676 года послал «товар с юртовским татаринном со Праказою на стружку»¹⁸, 9 августа 1676 года послал товар з дербенцом с Сафаром «на стружку, где попадетца»¹⁹, а затем 12 августа 1676 года поехал с товарами сам.

Так же поступает и Гира: сначала он посылает товар 5 мая 1676 г. «с юртовским татаринном», а затем 12 августа 1676 года едет сам²⁰. Есть такие купцы, как Гумов Угачка, который вывез товар из Астрахани в Дербент 28 июля 1672 года и 5 мая 1676 года²¹.

Напомним, что выписи полностью не сохранились.

Это, конечно, крупные торговые люди, которые ведут оживленную торговлю. Индийские купцы заняли в последней четверти XVII века видное место в русской торговле с Востоком. В Астрахани образовалась в XVII веке колония индийских купцов²². В наказе астраханским воеводам 1672 года говорилось,

¹⁵ Там же, стр. 209.

¹⁶ РДО, стр. 209, 210.

¹⁷ «Русско-индийские отношения в XVII веке», стр. 259.

¹⁸ Там же, стр. 263.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же, стр. 258, 263, 294.

²¹ Там же, стр. 259.

²² А. И. Юхт. Индийская колония в Астрахани. — «Вопросы истории», 1957, № 3, стр. 135.

что для иноземцев нужно построить «особый гостинный двор» и на том дворе «сделать лавки и погребы» и приедем бухарцам, гилянцам и индийцам разрешить класть свои вещи в эти лавки и погреба²³.

Кроме дербентских и индийских купцов и кубачинцев, которые возили товар из Астрахани в Дербент, в изученных таможенных выписях встречаются терокий окоченин, два исфаганских армянина, гилянец, «три иноземца шаховой области», иноземец и бухарец.

К сожалению, таможенные документы о вывозе из Дербента в Астрахань почти не сохранились. В сборнике «Русско-дагестанские отношения» напечатаны только 2 отписки с Уростобской заставы близ Астрахани астраханским воеводам 1698 г. о пропуске через заставу стругов из Дербента в Астрахань с товарами. Товары провезли дербентцы Мамотолей и Маматка Шабанов с товарищи²⁴.

В таблице № 3 показан состав товаров, поступавших из Астрахани в Дербент в 1670—1680 годы. Как мы видим, вывозились металлы и металлические изделия, ткани и изделия из них, кожи, меха и изделия из них, пух, деревянные изделия и стеклянные изделия, москательные товары, продукты питания. Ассортимент товаров очень разнообразен. В дальнейшем дается анализ товаров с попыткой определить товары, привезенные из Западной Европы и русского происхождения.

Для анализа товаров нами привлечены статья Н. А. Баклановой «Привозные товары в Московском государстве во второй половине XVII века»²⁵, статья Н. В. Устюгова «Ремесло и мелкое товарное производство в Русском государстве XVII веке»²⁶ и трехтомное издание таможенных книг XVII века²⁷.

Изучение этих материалов дает нам основание сделать следующее заключение. В 70—80 годах XVII века из Астрахани в Дербент вывозились металлы и разнообразные изделия из них: железо белое, свинец, проволока, котлы и тазы медные, тарелки оловянные, иглы, булавки, ножи, ножницы, наперстки, перстни, колокольчики.

Железо белое, или жечь, поступало в Россию из-за границы через Архангельский порт. Россия имела и свое железо, и железные изделия изготавливались в таких городах, как Устюжна Железопольская, Галич, Нижний Новгород. Ножи,

²³ «Дополнения к актам историческим», т. 6, № 72.

²⁴ РДО, стр. 219.

²⁵ В кн. «Очерки по истории торговли и промышленности в России в XVII и в начале XVIII столетия». М., 1928.

²⁶ «Исторические записки», № 34, М., 1950.

²⁷ «Таможенные книги Московского государства XVII века», М.—Л., т. I, 1950, тт. II—III, 1951.

Состав вывоза из Астрахани в Дербент по выписям астраханской таможни 1670—1680-х гг.

Металлы и металлические изделия	Ткани	Кожи, меха и изделия из них, пух	Деревянные изделия	Зеркала и стекло	Москательные товары	Продукты питания	Разное
1	2	3	4	5	6	7	8
Железо белое	Сукно немецкое	Кожи красные	Ларцы,	Зеркала	Киноварь	Просо	Порох
Свинец	Сукно немецкое голубое	Кожи казанского дела	ларчики	малой	Белила	Гвоздика	Смола
Медь тянутая зеленая	Сукно английское	Кожи московского дела	кованные	руки	Румянец	Перец	Зуб рыбий
Проволока	Сукно багрецовое	Красный товар	железом,	Зеркала	Сандал	Мускус	Черепя
Мишура	Сукно красное	Савры, савры конские	кованные	средней	Струя	Сахар	рыбы
Мишура белая	Сукно зеленое	Соболи, пупки соболей	жестью	руки	бобровая	головной	Гребни
Котлы медные	Сукно черное	Меха корсачьи черевьи	Ларчики	Зеркала	Клей	Масло	рыбных
Котлы зеленой меди	Сукно кармазин	Меха заячьи	за стекла	большие		коровье	зубов
Медь красная в котлах	Сукно полукармазин	Меха бельи, белка	Коробки	Склянки			Янтарь
Котлы медные	Сукно кипное	чистая	красные	малой			Кремения
Котлы медные маленькие	Сукно аршинное	Меха куньи	Коробочки	руки			Нити крас-
Лохань медная	Сукна шапочные	Меха хорьковыи	маленькие	Белиленки			ных костей
Тазы зеленой меди	Стамед английский	Мерлушки	Ящики				Бумага
Тарелки оловянные	Сукно дикое, драное	Курпеки	красные				писчая
Пожи	Сукно дикого цвету	Овчины курпетчатые	Чаши				
Ножинки	Стамед гарусный	Овчины ногайские	красные				
Ножницы	Новина	Шубы бельи	Блюда де-				
Иглы		Шубы курпетчатые	ревянные				
Булавки		Шубы заячьи	Братины				
Наперстки медные		Шубы лисьи	Сита				
Перстни медные		Шубы мерлушачьи	Решета				
Колокольчики маленькие		Шубы корсачьи	Ведро во-				
Шандалы медные		душачьи	дянные				
Мишура		Шапки соболей					
		с верхами					
		Шапки индийские					
		с овчинами					
		Епанчи черкасские					
		Башмаки					
		Сапоги пагайские					
		Порешни					
		Натруски					
		Пух гусиный					
		Пух лебяжий					

ножники, ножницы и колокольчики маленькие, видимо, были сделаны в одном из этих городов. Но железо, добывавшееся в России, было низкого качества, и поэтому в Россию привозилось железо и из Западной Европы.

Иглы и булавки попадали в Россию из Западной Европы через Архангельский порт. Таким же путем и через Новгород привозили в Россию свинец, медь и олово. Изделия из меди, котлы и тазы зеленой меди, медь тянутая зеленая, наперстки, перстни медные могли быть частично русского и частично западного происхождения.

Среди вывозившихся в Дербент товаров были разнообразные ткани: сукна немецкие и английские, сукно багрецовое, сукно черное, сукно кармазин и полукармазин, сукна шапочные, стамед английский, стамед гарусный и т. д.

Сукна и стамед (шерстяные ткани) в основном были западного производства — английские и немецкие; они привозились в Россию через Архангельский порт и через Новгород, шли через Россию транзитом на Кавказ и на Восток. Но вывозились в Дербент, видимо, и сукна русские, более грубые, как сукно дикое, драное, сукно дикого цвету, новина, т. е. холст, — русского производства.

Большое место в вывозе в Дербент занимали кожи, меха и изделия из них, а также пух: кожи красные, савры, меха собольи, беличьи, хорьковые, заячьи, мерлушки, овчины, шубы, шапки, башмаки, сапоги и т. д.

В отличие от таких товаров, как металлы и шерстяные ткани, которые, в основном, являлись западного производства, производство и обработка кожи и мехов происходили в XVII веке в Русском государстве, получившие здесь широкое развитие.

Крупным центром скорняжного дела являлась Москва. Здесь обрабатывали меха собольи и куньи, меха бельи, заячьи и корсачьи и т. д. Обработкой кожи и мехов занимались и в других русских городах, как Ярославль, Калуга, Нижний Новгород, Казань. В Ярославле, кроме обработки кожи, занимались и производством обуви, а в Казани — производством сафьяна. В эти города меха и кожи поступали в необработанном виде из разных областей России и Сибири, здесь они подвергались сложному процессу, прежде чем появлялись готовые изделия.

Иногда мы встречаем в выписях названия товаров, отражающие место производства, как «кожи казанского дела», «кожи московского дела» или «овчины ногайские».

Вывозились в Дербент и изделия из дерева: ларцы, коробки, сундуки, блюда, чаши, сита, решета. Деревянные изделия также в основном русского производства, за исключением таких ларцов, как ларцы «за стекла». Ларцы служили для того, чтобы держать в них драгоценности и деньги. Поэтому богатые

люди могли получать их с Запада, тогда как средние слои населения довольствовались ларчиками, окованными железом или жостью.

Центрами производства деревянных изделий в России XVII в. были сельские местности в районах Калуги, Вятки, Н. Новгорода и др. Видимо, коробки красные, чаши красные, братины, сита, решета, ведра водяные изготовлялись в этих местностях и затем Волжским путем попадали в Астрахань.

В партиях товаров, поступающих в Дербент, постоянно значатся зеркала разных размеров: малые, средние и большие.

В России был большой спрос на зеркала. Они поступали из Западной Европы, затем попадали в торговые центры, в том числе и в Астрахань, откуда их вывозили на Восток и на Кавказ.

Н. А. Бакланова пишет, что на Восток в XVII веке отправлялись самые дешевые зеркала. Это не вполне точно. Среди зеркал, вывозившихся в Дербент, встречаем не только маленькие зеркала, но и большие и средние.

Дербентец Аисачко Азибеков везет в Дербент «десять зеркал больших и средних»²⁸, Фуручка Эселбеков — «десять зеркал»²⁹, Бадлейка Мадиев — «осматцать зеркал»³⁰, а Евжеев Невандычка даже «165 дюжин зеркал»³¹, очевидно, мелких.

По сохранившимся выписям 70—80-х гг. зеркал было вывезено в Дербент более 2400, из них: 296 зеркал малой руки, 15 зеркал средней руки, 12 зеркал большой и средней руки; в большинстве случаев размер не указан.

В числе вывозившихся товаров нужно отметить и москательные товары: сандал, киноварь, белила, румянец, струя бобровая.

Белила и румянец составляли необходимую принадлежность женского туалета, а сандал и струя бобровая служили как красящие вещества. Сандал, белила и румянец ввозились в Россию из Западной Европы, а струя бобровая добывалась в России.

В изученных выписях названы следующие продукты питания: пшено, гвоздика, перец, мускус, сахар головной, масло коровье. Масло коровье поступало в Астрахань с Верхней и Средней Волги. С Запада, через Архангельский порт, попадал в Россию сахар головной. Перец, мускус и гвоздика — это восточные, так называемые колониальные товары, которые вывозились из Западной Европы в Москву, оттуда в Астрахань и, совершив большой путь, снова шли «за море» в прикаспийские области.

²⁸ РДО, стр. 205.

²⁹ Там же, стр. 209.

³⁰ РДО, стр. 213.

³¹ «Русско-индийские отношения», стр. 264.

Попробуем подсчитать количество товара нескольких видов, вывезенных из Астрахани в Дербент в 1676 г., по которому сохранилось наибольшее количество выписей. Надо, однако, еще раз подчеркнуть, что и для 1676 года эти данные нельзя считать полными.

Подсчитаем, сколько было вывезено сукна, преимущественно западноевропейского происхождения. По выписям 1676 года было вывезено из Астрахани в Дербент 77 половинок и 19 аршин сукна кипного, 30 половинок и 14 аршин сукна кармазина, 6 половинок и 36 аршин сукна полукармазина, 55 половинок и 66 аршин разных сукон, 14 косяков стамеда. В том же году кожевенного товара было вывезено: кож красных 5658 и 2 таи савров.

Где же распространялись и на кого были рассчитаны товары, которые привозились из Астрахани в Дербент?

Часть этих товаров, несомненно, попадала в Северный Азербайджан, скорее всего в крупный торговый город Шемаху. Торговые люди из Дагестана могли останавливаться в Шемахе в «Лезги-караван сарае»³² для продажи своих товаров. Привезенные из Астрахани в Дербент и далее в Шемаху товары могли проникать и в Грузию³³. Области Азербайджана южнее Шемахи были более тесно связаны с таким хорошим портом, как Баку, чем с Дербентом.

Южные же районы Дагестана обслуживались именно портом Дербента.

Интересно здесь упомянуть, что по выписи 1676 г. кубачинец Асанка Магаметев везет разнообразные товары из Астрахани в Дербент, его сопровождает работник, также кубачинец; они едут вооруженные. Из Дербента, видимо, они направлялись в Кубачи, один из ремесленных центров горного Дагестана.

Таким образом, часть товаров из Дербента поступала на юг в Азербайджан, а часть — в примыкавшие к Дербенту районы Дагестана, способствуя развитию торговли внутри самого Дагестана.

По вопросу о том, на какие слои населения был рассчитан вывоз из Астрахани в Дербент, можно сделать следующие наблюдения.

Такие товары, как дорогие западноевропейские ткани, зеркала больших размеров, дорогие меха и шубы, головной сахар и т. п. несомненно могли покупаться лишь богатыми людьми из феодальной среды или из среды крупного купечества. Но ввозились товары, рассчитанные и на широкие слои населения. К таким товарам можно отнести холст, дешевые деревянные

³² В. Г. Гаджиев. Указ. соч., стр. 88.

³³ История Дагестана, т. I, М., 1967, стр. 277.

изделия, простые сорта мехов, кожу, которая была необходима для ремесленного и домашнего производства на Кавказе. Из товаров западноевропейского происхождения надо обратить внимание на большое количество игол и булавок. Так, за 1676 год было вывезено из Астрахани в Дербент 10 076 и 8 коробок наперстков, 214 500 и 16 коробок игл и 117 800 булавок.

Напечатано всего несколько документов о вывозе товаров из Дербента в Астрахань в конце XVII в. В них перечислены следующие товары: бумага хлопчатая, шелк, сафьян, кумачи красные, епанчи черкасские, сабли, орехи, пшено сорочинское (т. е. рис) ³⁴.

Самое важное место среди товаров, вывозившихся из Дербента в Россию, занимал шелк-сырец; Ширван, область Северного Азербайджана, с центром Шемахой была богата шелком. Он привозился в Россию, затем вывозился в Западную Европу.

Бумага хлопчатая и кумачи красные (т. е. бумажная ткань) также скорее всего поступали в Дербент из Азербайджана ³⁵. «Епанчи черкасские», которые вез в Астрахань кубачинец, скорее всего изделия жителей горного Дагестана. Сабли (также вез кубачинец) возможно кубачинского производства — аул Кубачи славился производством холодного оружия ³⁶.

В числе товаров, поступавших из Дербента в Астрахань, названы и продукты питания: орехи и сорочинское пшено (рис). Сорочинское пшено сеялось в районе Дербента, богат он был и ореховыми рощами. Своего сорочинского пшена Россия не имела, получала его из Ирана и с Кавказа.

Несмотря на неполноту данных о размерах торгового обмена между Дербентом и Астраханью в конце XVII века, характер обмена выступает отчетливо: из Дербента купцы привозили в Астрахань восточные товары, частью дагестанского производства, а взамен вывозили русские товары, главным образом, изделия мелкой русской промышленности, и товары, которые шли транзитом через Россию из Западной Европы. Астрахань выступает, как крупный торговый центр, в котором сосредоточивались разнообразные товары для экспорта.

Для изучения связей Астрахани с Дербентом в первой четверти XVIII в. обратимся к таможенным книгам №№ 1 и 2 фонда 1361 ЦГАДА, относящимся к 1725 г. В 1725 г. торгов-

³⁴ РДО, стр. 208 и 219.

³⁵ М. Х. Гейдаров. О товарах ремесленного производства, вывозимых из Азербайджана по Волго-Каспийскому пути в XVII в. — «Известия АН Азерб. ССР». Серия обществ. наук, 1965, № 5.

³⁶ История Дагестана, т. I, стр. 235; Е. М. Шиллинг. Кубачинцы и их культура. М., 1949.

ля Астрахани с Дербентом очевидно налаживалась после похода 1722—1723 годов.

Книга № 1 охватывает апрель—октябрь 1725 г., т. е. весь период навигации. В ней 107 записей об отправке товаров из Астрахани за море: в 33-х случаях до Гиляни, в 33-х — до Энзели, в 30 — до Дербента и в 11 — до Баку.

До Дербента отправили товары следующие торговцы:

армяне астраханские	—	2	
грузинские	—	4	
шемахинские	—	3	(из них один 2 партии товара)
эриванские	—	2	
ардубадские	—	1	
Армянские компанейщики	—	2	(одну партию)
		14	армян
Индийские купцы	—	11	
Дербентцы	—	5	
		30	

Как указывалось выше, в книге № 1 состав и цена товара не приводятся, указывается лишь вес товара. В 107 партиях было отправлено 5224 пуда, из них до Энзели 1882 пуда, до Гиляни 1466, до Дербента 1203 и до Баку 673 пуда.

Можно предположить, что в книге № 1 отмечен главным образом вывоз западноевропейских товаров, привезенных через Москву и там оплаченных пошлиной.

В книге № 2 нами изучен вывоз из Астрахани в Дербент за август—октябрь 1725 г. Состав торговцев показан в таблице № 4.

По книге № 2 в августе, сентябре, октябре месяцах 1725 г. из Астрахани до Дербента вывезли товары 55 торговцев; среди них были:

армяне астраханские	—	2	
грузинские	—	2	
ереванские	—	1	
шемахинские	—	3	
джульфинские	—	1	
тевризские	—	1	
		10	армян
Индийские купцы	—	26	
дербентцы	—	20	
москвитяни	—	1	
		57	

Эти 57 торговцев вывезли в Дербент товаров на сумму 9 529 руб. (за август на 1 790 руб., за сентябрь на 3 303 руб., за октябрь на 4 436 руб.), в том числе 20 дербентцев на 711 руб. (за август на 474 руб., за сентябрь на 185 руб. и за октябрь на 2 052 руб.), 26 индийских купцов на 5 227 руб. (за август на 1 145 руб., за сентябрь на 1 748 руб., за октябрь на 2 334 руб.), 10 армян на 1 531 руб. (за август на 171 руб., за сентябрь на 1 310 руб., за октябрь на 50 руб.), один москвитянин в сентябре на 60 руб.

Напоминаем, что сведения эти неполны, прежде всего потому, что книга № 2 охватывает только 3 месяца 1725 г., а также потому, что в подсчеты не входит вывоз по книге № 1, где цена товара не указана.

Дербентские купцы принимают в торговле оживленное участие. Дербентский купец Айдарек Айвасов вывез в октябре 2 партии товара. По две партии товаров вывезли в октябре 1725 г. дербентцы Джефер Магмадемиров и Джефер Байрамов книги № 1. Так как в книге № 2 указывается цена товара, можно более ясно показать, что среди дербентцев были торговцы разного достатка.

Дербентец Магдадали Мамзиев везет из Астрахани в Дербент «87 пудов сала бараньего, 1 500 аршин холста-хрящу, 100 овчинок бухарских, 50 овчинок калмыцких, 50 овчинок черных, 24 ларца под жестью, 12 стоп бумаги пищевой, 2 тюни китайки, 300 замков маленьких, 1 000 аршин крашенины синей, 400 аршин холста ровного, 20 фунтов белил, 300 чашек красных, 5 дюжин зеркал малых, 10 пуд чилиму»³⁷, всего на 410 рублей 4 гривны.

К таким более крупным можно отнести: Будука Адоватханова, который вез товар на 306 рублей, Уруча Замединова (две партии товара на 432 руб.).

В то же время Садык Имамалеев везет: «7 ларцов под жестью малых, 6 пудов сала, 1 тюню китайки» на 26 рублей 4 гривны; Еминов везет товару на 29 рублей, Диявер Алсиров на 41 рубль³⁸.

Надо отметить то обстоятельство, что с 1723 года дербентцы платили столько пошлины, сколько и купцы Русского государства, так как Дербент вошел в состав России.

В сенатском указе от 17 декабря 1723 года «О взимании таможенной пошлины с купцов дербентских наравне с российскими купцами» говорилось о том, что «с купцов дербентских жителей с привозных их товаров и торгов в Астрахани пошлину брать против русских, понеже оные купцы стали быть его величества поданными»³⁹.

³⁷ Книга № 2, лист 250.

³⁸ Там же, лист 246.

³⁹ ПСЗ (первое), т. 7, стр. 186.

СОСТАВ

торговцев, которые везли товары из Астрахани в Дербент в августе, сентябре, октябре 1725 г.¹

Дербентцы	Индийцы	Армяне						
		астрахан-ские	грузин-ские	ереван-ские	шемахин-ские	джильфин-ские	тевриз-ские	Москви-тые
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Адоватханов	Баванидасов Чимна	Захаров	Григорьев	Вартанов	Априсов	Сергеев	Григорьев	Пушников
Албеков Ага	Балаваров Дгамдас	Афанасий	Зурап	Маркас	Григорий	Семен	Артемий	Клим Сте- панов
Алсиров Има Ди Евер	Басандов Мансарам (2 раза)	Толмачев	Михайлов		Мерямов			
Аштемиров Ала Кули	Биладаров Диардас	Григорий	Гаврил		Артемий			
Айвазов Айдарек (2 раза)	Гангарамов Гандырбон (2 раза)				Христо- форов			
Асурсов Евер	Гангарамов Ирдарам				Левонтай			
Бусутман Наги Али- мирза	Дадлаев Катан							
Еминов Агабаба (2 раза)	Дамадаров Мига							
Жерипов Емин	Жадамов Перу							
Замединов Уруч (2 раза)	Жажиков Гордан							
Имамалиев Садык	Жесаев Гатарам							
Казимов Джефер	Кабырамов Балкишин							
Кимжиев Ага	Латчирамов Неверама							
Летвалиев	Латчирамов Ромчанд (2 р.)							
Магмедамидов Чажев	Марвариов Гулавр							
Мамзиев Магдадали	Небогуев Жюдарам (3 р.)							
Милсаев Ибраимхан	Небогуев Дидани (2 р.)							
Неби Алишифиев	Небагучетуев							
Нурисмаилов	Перужадамов							
Русландов Айгбек	Пиряев Битал							
	Преднанов Премра							
	Рупсандов Жугулдас (3 р.)							
	Санидасов Лиларам							
	Сатариев Премра							
	Толарамов Гарамачандра							
	Толакчандов Латчирам							

20 торговц. — 23 партии
товаров 2711 рублей26 торговц. — 34 партии то-
варов на 5227 руб.

10 торговцев — 10 партий товаров на 1534 рубль

Всего 57 торговцев — 68 партий
товаров на 9529 рублей.1 — 1 партия товаров
на 60 руб.¹ По книге 1725 г. № 2.

Судя по книгам №№ 1 и 2, армянские купцы занимали важное место в дербентской торговле; среди них были армяне, уже обосновавшиеся в Астрахани, армяне шемахинские, грузинские и эриванские, а также из различных городов Ирана — Джульфы, Тевриза, Ардубада ⁴⁰.

Армянские купцы пользовались привилегиями, которые были даны им еще в XVII в. и подтверждены правительством Петра I (см. сенатский указ от 2 мая 1711 года).

Весьма активную роль в дербентской торговле в начале XVIII века играли и индийские купцы. По книге № 2 за август, сентябрь, октябрь месяцы 1725 года отправлено в Дербент индийцами 34 партии товаров на 5 227 рублей. Среди них есть и такие, которые везут товары на суммы в несколько сот рублей. Индиец Гулавр Марвариев повез товары в 2-х партиях на 488 руб.⁴¹, Гордан Жажиков «на 207 рублей, 1 алтын, 4 деньги»⁴², Чарбордан Гангарамов на 296 руб., Гарамачанда Толарамов на 214 руб., Латчирам Толокчандов на 283 руб и т. д.

Но есть среди индийцев и такие, которые везут небольшое количество товара, например, Битал Пиряев на 10 рублей, а Чалдаев Рочанда на 27 рублей ⁴³.

Если индиец Гулавр Марвариев везет в одной партии: «2 половинки сукна голанского мерою 90 аршин, 3 половинки сукна английского, 1 юфть кож красных, 28 тысяч иголок, 2 дюжины зеркал больших и средних, 10 дюжин ножниц, 22 фунта сурику» всего на 295 рублей, а в другой 223 конца холста тонкого (4 400 аршин), полторы тюни китайки, 5 фунтов орешков мушкатных, всего на 194 руб.⁴⁴, то Битал Пиряев везет: «4 суси кашанских, 1 занавес амаданской», всего на 10 рублей ⁴⁵.

Русское правительство поощряло торговлю индийских купцов в Астрахани. Так, 20 сентября 1723 г. сенатским указом был снят запрет для индийских купцов вести розничную торговлю в Астрахани ⁴⁶.

По книге № 2 рассмотрим состав товаров, вывезенных из Астрахани в Дербент в августе—октябре 1725 г. (см. таблицу № 5).

⁴⁰ А. И. Юхт. Социальный состав населения армянской колонии в Астрахани в первой половине XVIII в. — «Известия Академии наук Армянской ССР», 1957, № 1.

⁴¹ Книга № 2, л. 208-об., 189.

⁴² Там же, л. 209-об.

⁴³ Там же, лл. 208-об., 240-об.

⁴⁴ Там же, лл. 208-об., 240-об.

⁴⁵ Книга № 2, л. 208.

⁴⁶ «Русско-индийские отношения в XVIII в.», М., 1965, стр. 10.

Сравнение с таблицей № 3 показывает, что товары можно разбить по тем же группам, что и для конца XVII века. Однако наблюдается в составе товаров некоторых групп и отличия, на которых остановимся.

Группа металлических изделий отличается от таковых же конца XVII в. прежде всего отсутствием в ней металлов не в деле. Это очевидно объясняется тем, что в связи с походом 1722—23 гг. и военной обстановкой вывоз металлов через Астрахань был запрещен. Зато ассортимент металлических изделий пополнился такими, как ножи складные, замки маленькие, замки вертные маленькие, шилья, стремяна железные — все это изделия мелкой русской промышленности. Иглы в 1725 г. могли быть и русского производства, т. к. в 1718 г. была основана игольная мануфактура в Переяславском уезде.

За три осенних месяца 1725 г. было вывезено 163 000 игл и булавок на 65 рублей и 296 и 11 связок наперстков на 24 руб.

В группе тканей нужно прежде всего отметить большое количество льняных тканей русского производства. Это холст тонкий, холст ровный, холст-хрящ, т. е. грубый, русская пестрядь, пестрядь красочная, пестрядь белоглазка, крашенина (крашенина по цветам, набойная, синяя). В значительной части это ткани домашнего, крестьянского производства. Для производства крашенины нужна была уже специализация⁴⁷.

По книге № 2 за три месяца 1725 года было вывезено в Дербент 33 982 аршина и 11 концов холста на 1 046 рублей.

Можно предположить, что холст частью шел на одежду для русских солдат, которые находились на Кавказе после персидского похода, но, конечно, использовался и для нужд местного населения.

Как и в конце XVII в., в 1725 г. вывозятся в Дербент западноевропейские сукна: английские, немецкие и голландские.

Новым в перечне тканей является большой ассортимент восточных тканей: это китайка и разнообразные иранские ткани, преимущественно шелковые, отчасти бумажные; на происхождение их из Ирана указывают их названия, определяющие местность, где они производились. Это коноваты и кеджи гиланские, суси, выбойки и кутни кашанские, дараги телижанские, выбойки тебризские, пестрядь ардевилская, занавес амаданский. Очевидно, эти ткани попадали в Астрахань морским путем прямо из Ирана и уже из Астрахани шли в Дербент. Хлопчатая бумага и некоторые бумажные и шелковые ткани поступали и из Азербайджана. Астрахань выступает, как крупный распределительный центр восточных товаров.

⁴⁷ Н. А. Бакланова. Указ. соч., стр. 187.

СОСТАВ

вывоза из Астрахани в Дербент (за август, сентябрь октябрь 1725 г.)

Металлические изделия	Ткани и изделия из них	Кожы, меха, животное сырье и изделия из них	Деревянные изделия	Зеркала, стекло, фаянск	Москательные товары	Продукты питания	Разное
1	2	3	4	5	6	7	8
Ножницы малые	Сукно английское	Кожы красные	Сундук железом окованный	Зеркала малые	Сурик	Сало ба-ранье	Чилим ¹
Ножницы русской работы	Сукно английское тонкое	Кожы коровьи соленые	Сундуки большие	Зеркала	Белила	Сало го-вяжье	Мунжук
Замки маленькие	Сукно немецкое	Кожы подошвенные	Сундуки малой руки	Зеркала под луданом малые	Сандап синий	Сало топленое	Камешки всякие
Замки вертлые маленькие	Сукно голландское	Савры	Ларцы малые	Зеркала средние	Купорос	Масло ко-ровье	Сургуч
Ножи русские	Всякие шерсти разного цвета	Савры казанские	Ларцы обитые жостью	Зеркала средние		Сахар простой	Бумага писчая
Ножи складные	Холст ровный	Савры зеленые	Коробочки маленькие	Зеркала большие		Сахар го-ловной	Карандаши
Стремя железное	Холст тонкий	Сафьян	Чашки красные	Зеркала московские		Перец немецкий	Ионизка
Иглы	Холст белый	Овчинки калмыцкие	Чашки мален-кие	Зеркала четвероугольные			Шляпы
Булавки	Холст-хрящ	Овчинки калмыцкие по цветам	Блюда красные	Зеркала створчатые			
Гвозди каблучные	Пестрядь русская	Овчинки калмыцкие красные	Чепурки красные	Зеркала круглые			
Колокольчики	Пестрядь русская ши-рокая	Овчинки калмыцкие желтые	Трости замор-ские	Зеркала хрусталь-ные			
Кресты медные	Пестрядь ардевилская	Овчинки калмыцкие белые		Зеркала ценные			
Наперстки медные	Крашенина	Овчинки черные					
Мишура	Крашенина синяя на-бойная	Овчинки бухар-ские					
	Крашенина сандальная	Овчинки багдад-ские					
	Крашенина битая	Мерлушка по цветам					
	Крашенина по цветам	Корсаки кал-мыцкие					
	Остатки всяких парчей	Сайгаки белые					
	Коноваты гиланские	Тулуп калмыцкий					
	Кеджи гиланские	Шуба беличья					
	Выбойки немецкие	малой руки					
	Выбойки кашанские	Шубы овчинные					
	Выбойки мозандрон-ские	красные					
	Выбойки тавризские	Тебенки					
	Выбойки бафтовые	Тебенки калмыц-кой руки					
	Выбойки лафафа	Перчатки коз-линые					
	Суси кашанские	Ремни					
	Суси ардевилские	Ремни малые					
	Занавес амаданский	Мыло ядро					
	Платки черные шел-ковые кашанские	Свечи сальные					
	Кушаки шаловые	Гребни роговые					
	Бархат кашанский	Гребни белые					
	Гулбендей бумажный	Хвосты коневьи					
	Нимтани						
	Изорбат						
	Изорбат нимтаней						
	Бурмети по цветам						
	Дороги тельжанские						
	Китайка						
	Китайка бнтая						

¹ Чилим — орехи водяного растения, употребляющиеся для изготовления лекарств.

Бумага писчая в 1725 г. могла быть и русского производства, т. к. в это время действовал в России ряд бумажных мануфактур⁴⁸.

В группе кожи и кожевенных изделий кроме кожи и мехов русского производства встречаем овчины бухарские и разнообразный ассортимент товаров, которые попадали в Астрахань от калмыков, кочевавших тогда в Нижнем Поволжье: овчины калмыцкие черные, белые, красные, по цветам, тебенки калмыцкой руки, тулуп калмыцкий.

Как и в конце XVII в. разнообразен ассортимент деревянных изделий мелкой русской промышленности. Зеркала могли быть и западноевропейского, и русского производства, т. к. в 1707 г. в Москве был основан зеркальный завод (правда, перестал действовать к 1725 г.)⁴⁹. На это есть указание в тексте книги: «4 зеркала московских больших»⁵⁰. Вывозились зеркала малой и средней руки, зеркала большие, зеркала «под луданом», под тафтою, кожаные (т. е. обделанные кожей), створчатые.

Обычно каждый купец везет из Астрахани в Дербент не какой-либо один товар в большом количестве, а набор разных товаров, рассчитанный на розничную торговлю. Крупной специализированной торговли не наблюдается.

Сведений о ввозе из Дербента в Астрахань в изученных нами источниках для 1725 года нет.

Несмотря на неполноту данных, изученный материал показывает важную роль Дербента в торговых связях Астрахани с Дагестаном. Значительным выступает участие в этой торговле и дербентских купцов, наряду с индийскими и армянскими.

Вывоз через Астрахань «за море» в последней четверти XVII—первой четверти XVIII вв. показывает, что вывозились в разнообразном ассортименте изделия не только мелкой русской промышленности, но отчасти и первых русских мануфактур.

Поэтому материалы астраханской таможни, отражающие вывоз «за море» — на Кавказ, в Иран, в Среднюю Азию, интересны не только для изучения экономических связей России с этими областями, но и для изучения вопроса о значении восточной торговли в экономическом развитии России.

⁴⁸ Е. И. Заозерская. Мануфактура при Петре I. М.—Л., 1947, стр. 173—174.

⁴⁹ Там же, стр. 175.

⁵⁰ Книга № 2, л. 263.

О МАРШРУТЕ ПОХОДА ТИМУРА В 1395—1396 гг. ЧЕРЕЗ ДАГЕСТАН

В течение веков народам Дагестана приходилось вести борьбу за свою независимость против иноземных завоевателей. Одной из славных страниц в этой борьбе является упорное сопротивление, оказанное дагестанскими народами полчищам Тимура.

Как известно, во второй половине XIV в. в Средней Азии на месте одряхлевших монгольских улусов возникло единое, централизованное государство Тимура. Объединив земли Средней Азии в единое государство, Тимур задумал план обширных завоеваний, рассчитанных на подчинение богатейших земель, входивших в состав Золотой Орды, Ирана и Закавказья. Но на пути этих завоеваний стояла Золотая Орда, ханом которой был Тохтамыш, стремившийся укрепить за Золотой Ордой завоеванные земли.

К середине 80-х гг. XIV в. Тимур присоединяет к своим владениям Восточный Иран, затем он совершает ряд крупных походов, рассчитанных на ослабление Тохтамыша. Однако могущество Золотой Орды не было сломлено¹.

Тохтамыш в свою очередь стремился подчинить себе земли Азербайджана и Закавказья. Таким образом интересы Тимура и Тохтамыша сталкивались на территории Закавказья и Азербайджана, и именно эта территория стала ареной неоднократных столкновений враждующих сторон. В 80-х годах XIV в. Тохтамыш неоднократно совершал набеги через Дагестан на закавказские земли. В конце XIV в. на Восточном Кавказе произошло несколько столкновений между войсками двух завоевателей. Население Восточного Кавказа больше всего страдало от этих военных действий, хозяйство приходило в упадок, города и аулы подвергались безжалостному разрушению, уничтожались сотни и тысячи людей из местного населения. Столкновение двух пришлых завоевателей за свои корыстные

¹ А. Ю. Якубовский. Тимур. — «Вопросы истории», 1946, № 8—9, стр. 63.

интересы оборачивались трагедией для многих народов Восточного Кавказа, в том числе и Дагестана.

К числу таких походов, оставивших глубокий след в истории народов, относится и известный поход Тимура в 1395—96 гг., предпринятый им в ответ на поход Тохтамыша, разорившего азербайджанские земли.

В нашей литературе до сих пор нет ясности в вопросе последовательности событий, связанных с этим походом, в определении маршрута тимуровских войск по Северному Кавказу, в частности по Дагестану.

Основными источниками при описании этого похода являются историографы — современники Тимура Низам-ад-дин Шами, автор «Зафар намэ» («Книга побед») и Шереф ад-дин Йезди, автор произведения под тем же названием. Это два источника, на основании которых более или менее подробно можно изучить маршрут тимуровских войск по Дагестану.

Как уже указывалось, в 1395 г. в ответ на неоднократные попытки Тохтамыша одержать победу над Тимуром, последний вторгся в пределы Золотой Орды. Путь Тимура лежал через Дагестан. «Эмиры-темники, тысячники и (эмиры) кошунов отряд за отрядом, по своему рангу (мурчил), тронулись в путь», — писал Шереф ад-дин Йезди². Огромная армия двинулась в поход после обстоятельного смотра, устроенного заведователем. Они переправились через р. Самур и вступили в дагестанские земли.

С самого начала пути, т. е. от Самура до «области кайтаков» войска Тимура продвигались «с победой справа и одолением слева»³. Видимо, здесь Низам ад-дин Шами имел в виду местное население южного Дагестана, оказавшее сопротивление продвижению тимуровских войск на север. Основные войска Тохтамыша находились тогда за пределами Дагестана, лишь с приближением Тимура к Таркам, на р. Хой (Сулак) появляется авангард его войск.

Прибрежная полоса Южного Дагестана до Дербента входила тогда во владения Ширвана⁴, правитель которого Ибрагим I принял сторону Тимура, т. к. был заинтересован в ослаблении Золотой Орды, а проводить самостоятельную политику у Ширвана не было достаточно сил.

Вопреки согласию Ибрагима I пропустить войска Тимура к Дербенту, дагестанские народы оказывают ему сопротивление. По обыкновению встретив упорное сопротивление, Тимур

² Шереф ад-дин Йезди. Из «Книги побед». См. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из персидских сочинений, собранных В. Г. Тизенгаузенем (В дальнейшем В. Г. Тизенгаузен...), М.—Л., 1941, т. II, стр. 175.

³ В. Г. Тизенгаузен..., т. II, стр. 119.

⁴ История Дагестана, т. I, М., 1967, стр. 206—207.

должен был проявить максимум свойственной ему жестокости и углубиться в горы, чтобы привести к покорности жителей. Однако нельзя не учитывать цели похода Тимура, стремившегося во что бы то ни стало настигнуть Тохтамыша. Поэтому не задерживаясь, он направляется к владениям «кайтаков» — сторонников Тохтамыша. Тимур жестоко расправляется с населением Кайтака. Как пишет Низам ад-дин Шами, «из множества не спаслись (даже) немногие и из тысячи один»⁵. Земли, подвластные Кайтагскому уцмию, были опустошены и разграблены.

Когда Низам ад-дин Шами пишет о земле кайтаков, то по всей вероятности, надо понимать под этим термином земли, занятые не только кайтаками.

Территория Кайтагского уцмийства в XIV—XV вв. на севере доходила до Буйнака⁶, а на юге включала в себя и некоторые лезгинские селения⁷. У Низам ад-дина Шами непосредственно за Дербентом также названы владения уцмий Кайтагского. Он пишет, что пройдя Дербент, войска Тимура дошли до «иля и области кайтаков»⁸. Одновременное употребление Низам ад-дином Шами терминов «иль» (народ подвластный) и «область» подчеркивает наличие в Кайтагском уцмийстве, кроме земель собственно кайтагских, еще и подвластных земель, населенных представителями других этнических групп.

После расправы над Кайтаком Тимур продолжал преследование Тохтамыша. Продвижение тимуровских полчищ от Тарков до Сулака прошло, видимо, без особых сражений. Во всяком случае источники ничего не сообщают нам на этот счет. Существует мнение о том, что после Кайтака и Табасарана Тимур отправил карательные отряды на Кази-Кумух и Акушу и только после этой карательной экспедиции Тимур со своими полчищами спускается на плоскость, но текст Низам ад-дина Шами и Шереф ад-дина Йезди дает полное основание говорить о движении Тимура из Кайтака сразу на Тарки.

По сведению Низам ад-дина Шами оба противника постоянно были в курсе местонахождения войск и событий друг у друга. Тем более авангард войск Тохтамыша к этому времени пришел и «остановился на р. Хой»⁹. «Когда Тимур, — писал Шереф ад-дин Йезди, — со всем своим войском прибыл в местность Тарки и расположился лагерем, до сведения его довели, что авангард Тохтамыш-хана (под начальством) Канзанция остановился на берегу реки Хой»¹⁰. Таким образом

⁵ В. Г. Тизенгаузен, т. II, стр. 119.

⁶ С. Гаджиева. Кумыки. М., 1961, стр. 46.

⁷ АКАК, т. II, стр. 1706.

⁸ В. Г. Тизенгаузен, т. II, стр. 119.

⁹ Там же, стр. 175.

¹⁰ Там же.

маршрут войск Тимура был таков — Самур—Дербент—Кайтак—Тарки—Койсу.

В этой связи встает вопрос о политике шамхала. По всей вероятности, шамхал находился тогда в Кумухе, а не в Тарках, и не предпринимал никаких шагов к оказанию сопротивления Тимуру, ибо шамхалы, будучи зависимыми от Золотоордынских ханов, больше чем кто-либо были заинтересованы в разгроме золотоордынцев, в данном случае Тохтамыша.

Не впервые дагестанские владетели, в силу невозможности противостоять численно превосходящим войскам одного противника, давали возможность сделать это другому более могущественному. Несколько опережая события, хочется отметить, что после победы Тимура над Тохтамышем, когда Тимур, возвращаясь назад, двинул свои войска на покорение Дагестана, «Шамхал Казикумухский и Аухарский», по сообщению Шереф ад-дина Йезди, выступил против Тимура¹¹.

Выйдя из Тарков и дойдя р. Хой, Тимур преследовал авангард противника, «омочив степь и равнину кровью»¹² врага. Вскоре оба войска достигли берегов рек Сунжи и Терека.

Решающее сражение произошло на р. Терек, в результате которого войска Тохтамыша потерпели поражение и «царевичи Дешт-и-Кипчака с эмирами и нойонами обратились в бегство»¹³. Сражение это, по определению А. Ю. Якубовского, решило судьбу великодержавного положения Золотой Орды¹⁴.

Дальнейшие свои захватнические действия Тимур перенес в западные улусы Золотой Орды. Он завладел всеми землями между Доном и Днепром, Крымом. В местности Азака (Азов) по приказу Тимура всех «неверных» предали «мечу джихада»¹⁵.

От Азова Тимур направился к черкесам, изменив своему намерению идти в Нижнее Поволжье, т. к. черкесы, оказывая сопротивление продвижению войск Тимура, сожгли все луга на пути их следования. Весь улус черкесский был разграблен и захвачена большая добыча¹⁶.

Затем полчища Тимура обрушились на «обитателей горы Эльбруз». Под этим термином принято понимать всех жителей северных склонов Главного Кавказского хребта, включая и Дагестан. В силу этого отдельные исследователи, ссылаясь на сообщения Низам ад-дина Шами и Шереф ад-дина Йезди, действия, происходящие между верховьями р. Кубани и правыми

¹¹ Там же, стр. 185.

¹² Там же, стр. 119.

¹³ Там же, стр. 120.

¹⁴ Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский. Золотая Орда и ее падение. М.—Л., 1950, стр. 365.

¹⁵ В. Г. Тизенгаузен, т. II, стр. 181.

¹⁶ Там же.

притоками р. Сунжи перенесли на территорию Дагестана, в самый ее центр, связывая крепость Кулы с лакским сел. Кули и ныне существующими недалеко от с. Кули развалинами одной крепости, а крепость Таус с аварским сел. Танус¹⁷.

Однако изучение имеющихся в нашем распоряжении сведений показало, что после покорения северных областей центрального Кавказа и до разрушения г. Сарая и сожжения г. Хаджи-Тархана, Тимур вторгся только в северо-западный район Дагестана, не перевалив через Андийский хребет. По сведениям Низам ад-дина Шами и Шереф ад-дина Йезди, Тимур сделал набег «на подножие горы Аухар»¹⁸.

Жители с. Гогатль Ботлихского района сохранили до наших дней предание¹⁹, в котором рассказывается о кровавой расправе тимуровских войск с жителями этого селения. Сопоставляя описание вторжения Тимура «на подножие горы Аухар» с содержанием предания, можно предположить, что легенда могла отразить именно это событие. Далее легенда сообщает подробности. Андийцы не выдержали натиска сил превосходящего войска, после чего по приказу Тимура всех жителей — стариков, женщин, детей собрали на гумне и растоптали конницей. Учинив кровавую расправу над жителями, они награбили продовольствие и ушли обратно.

Возвращаясь к событиям, связанным с крепостями Кулы и Таус, трудно предположить, что оба историографа сначала сообщают о действиях, происходящих на территории отдаленных лакских районов, а потом опять возвращаются к событиям, происходящим за пределами Дагестана. Тем более, чтобы попасть в эти отдаленные крепости, Тимуру нужно было пройти через ряд высоких горных хребтов, либо вернуться к Таркам, а оттуда пойти в указанные высокогорные крепости. Тот и другой путь обязательно привел бы Тимура к столкновению с местными жителями, и тогда события эти нашли бы более полное отражение в источниках того времени. Во всяком случае шамхал и правитель территории Авар не были бы безучастны к подобным действиям Тимура, как это случилось при покорении области Ушкудже.

К тому же, как бы подводя итоги завоеваниям Тимура в «Дешт-и-Кипчаке и северных странах», Шереф ад-дин Йезди перечисляет области Дешт-и-Хазар, области и места Укека, Маджара, русских, черкесов, башкирдов, Микес, Бальчимкина, Крыма, Азака, Кубани и аланов со всем к ним принадлежащим и относящимся»²⁰ и не называет ни одной местности в

¹⁷ Очерки истории Дагестана, т. I. Махачкала, 1957, стр. 71.

¹⁸ В. Г. Тизенгаузен, т. II, стр. 123, 183.

¹⁹ Записано в 1958 г. сотр. Ин-та ИЯЛ Я. Сулеймановым.

²⁰ В. Г. Тизенгаузен, т. II, стр. 185.

Дагестане. А. К. Бакиханов также пишет, что «после некоторых завоеваний в землях черкесов и на Кавказе... на обратном пути в Персию Тимур разорил многие непокорные села и укрепления в Дагестане»²¹.

Только весной 1396 г. после зимовья в районе р. Кумы, Тимур двинул свои войска в Дагестан, тогда и было им принято решение окончательно расправиться с горцами Дагестана.

Покорив кумыков, живших между Терекком и Сулаком и омочив их землю кровью²², Тимур через земли чеченцев двинулся в Салатавию, где, преодолев сильное сопротивление местного населения, завладел, а затем разорил город Алмак, в котором имелось семь—восемь тысяч домов. Отсюда по хребту Салатавских гор, по дороге, которая известна под названием Тимуршахской, подошел к укрепленным селениям Берктау, Алхастау, Чубантау и Батлук, развалины которых существуют до сих пор. Укрепившись в этих местностях, местное население храбро защищалось, но не смогло устоять против огромной силы завоевателей. Тимур разорил эти укрепления²³.

После жестоких, варварских мер, в результате которых были уничтожены и другие селения, кроме указанных больших укреплений, Тимур переселил их жителей в низменные места, в связи с чем образовались позже селения. Образование селения Чиркей, как писали об этом местные авторы А. К. Бакиханов и Г.-Э. Алкадари²⁴ и говорится в народных преданиях, также связано с этим переселением. О пребывании в указанных местах тимуровских войск свидетельствует также местная топонимика. До сих пор дорогу, ведущую из селения Чиркей до горы Анчи-Меэр, старожилы называют «Акъсакъ-Темир-ойли», т. е. «Дорога хромого Темира»²⁵.

Двигаясь дальше по территории Дагестана, тимуровские войска после указанных событий переправились через реку Сулак и от нынешнего селения Кумторкала прошли до нынешнего города Буйнакса. На этом пути Тимур занял крепость Калчугай²⁶.

Согласно сохранившимся народным преданиям, придя в район нынешнего Буйнакса, Тимур остановился на горе, находящейся на левом берегу реки Шура-озен, откуда была

²¹ А. К. Бакиханов. Гюлистан-Ирам. Баку, 1926, стр. 64.

²² В. Г. Тизенгаузен, т. II, стр. 119.

²³ А. К. Бакиханов. Указ. соч., стр. 64; Г.-Э. Алкадари. Асари-Дагестан. Исторические сведения о Дагестане. Махачкала, 1929, стр. 29.

²⁴ Там же.

²⁵ Б. Гаджиев. Темир-Хан-Шура. «Ленин на байрахъ» (на даргинском языке), 15 октября 1965 г.

²⁶ Очерки истории Дагестана, т. I. Махачкала, 1957, стр. 71.

видна вся окружающая местность. Возможно, с этим и было связано название Темир-Хан-Шура, данное небольшому населенному пункту, расположенному на берегу озера, где Тимур разбил свой лагерь. Слово «шурай» на даргинском языке означает озеро. Следовательно, Темир-Хан-Шура можно перевести как «Озеро Темир-хана».

Разбив здесь лагерь, Тимур, как сообщается в народных преданиях, стал совершать набеги на окружающие населенные пункты кумыков, в результате чего были покорены нынешние селения Кафыр-Кумух, Муслим-аул, Нижнее Казанище ²⁷.

Видимо, к этому же времени относится и завоевание Тимуром Кадара, о чем сохранились предания. Согласно этим преданиям, Кадар был сильно укрепленным городом с населением в семь—восемь тысяч семейств. Так как Тимур не смог взять город силой, он пошел на хитрость. Под видом подарков для местного населения Тимур отправил в город множество сундуков с вооруженными воинами. Ночью они открыли городские ворота, перебили стражу и пропустили войска Тимура в город.

Захватив Кадар, Тимур жестоко расправился с ним, он разрушил город и перебил его жителей. В результате, как писал Г.-Э. Алкадари, «после этого город этот, не приходя в прежнее состояние, превратился в небольшое селение» ²⁸.

Главной целью прихода Тимура сюда являлось изучение обстановки и местности для похода в горный Дагестан. Поэтому он сначала и занял указанные наиболее крупные селения и тем самым очистил путь для похода в горы.

Учитывая трудности похода в горы, Тимур, покорив территорию нынешнего Буйнакского района, пошел в Тарки, где он останавливался и в 1935 г., преследуя Тохтамыша. Здесь он оставил обоз и раненых и двинулся в поход на даргинцев, лакцев и аварцев. «Придя в Тарки, — писал Шереф ад-дин Йезди, — Тимур отделился от обоза, устроил победоносное войско и с целью священного набега двинулся на Ушкудже» ²⁹. Как известно, почти все завоеватели, пришедшие в Дагестан после VII в., свои захватнические войны прикрывали исламом, который служил им идеологическим оправданием и их знаменем в борьбе против «неверных». Лозунгом «священной веры» прикрывал свою захватническую политику и Тимур, хотя главной целью похода Тимура в горный Дагестан была не борьба за мусульманскую веру. Как писал академик В. В. Бартольд, чаще всего «для Тимура религия была орудием для достижения

²⁷ Б. Гаджиев. Указ. соч.

²⁸ Г.-Э. Алкадари. Указ. соч., стр. 30.

²⁹ В. Г. Тизенгаузен, т. II, стр. 185.

политических целей, чем причиной, определявшей его поступки»³⁰. И теперь, идя в горный Дагестан под прикрытием «священного набега», полчища Тимура думали лишь о грабежах и насилиях. Ярким подтверждением этого является указание Шереф ад-дина Йезди на то, что как только захватчики дошли до Ушкудже, они «поспешили отправиться во все стороны громить и грабить»³¹.

Особенно жестоко Тимур расправлялся с народами, не исповедовавшими ислам. По сообщению Низам ад-дина Шами и Шереф ад-дина Йезди самая кровавая расправа была учинена войсками Тимура в области Ушкудже.

Несмотря на междоусобные раздоры, борьба с иноземными завоевателями объединяла народы Дагестана для совместного отпора поработителям. И теперь, узнав об окружении Ушкудже и грабежах, производимых тимуровскими войсками в этой области, на помощь местному населению пришли «шаукал Казикумухский и Аухарский с 3000 человек»³², которые по обычаю раньше «каждый год и месяц сражались с неверными», но теперь, «изменив свой обычай, они поднялись на помощь неверным и проявили обратное тому»³³.

Как пишут указанные выше авторы, узнав об этом, Тимур, отобрав из своих всадников 500 человек лучших воинов³⁴, напал и разгромил их. Шамхал был убит, а оставшиеся в живых были приведены к Тимуру, который с упреком спросил их: «Прежде вы, приверженцы ислама, всегда воевали с неверными, что стало теперь, что вы отступив от этого, шли к ним на помощь»³⁵. Они раскаялись в своем поступке, после чего были прощены и отпущены домой.

После этих событий Тимур вернулся в лагерь около Ушкудже. Войска к его возвращению «уже взяли Ушкудже, всех тех неверных убили, ...из убитых сделали холмы и опустошили всю их область»³⁶.

После взятия Ушкудже к Тимуру явились с раскаянием и признанием своей вины казикумухские и аварские старшины. Тимур «обласкал их разными милостями — почетными халатами, златотканными одеждами, золотыми поясами для

³⁰ В. В. Бартольд. Улугбек и его время. Записки Российской Академии наук, серия VIII, т. XIII, № 5. Пгр, 1918, стр. 21.

³¹ В. Г. Тизенгаузен, т. II, стр. 185.

³² Там же.

³³ Там же, стр. 124.

³⁴ Цифра явно преуменьшена, так как указанные историки, будучи на службе первый у Тимура, а второй у Шахруха и его сына Ибрагим-султана, придерживались монгольской ориентации и пренебрежительно относились к другим народам, в том числе и дагестанцам.

³⁵ В. Г. Тизенгаузен, т. II, стр. 186.

³⁶ Там же.

мечей и арабскими конями»³⁷. Они были отправлены в горы с условием, что при дружественном отношении их к Тимуру останутся у него в милости. Тимур дал им наставление всегда бороться с врагами веры и укреплять мусульманство, не забывая слов из корана: «воюйте на пути Аллаха», «убивайте их (неверных — Б. А.), где встретите»³⁸.

После этого Тимур закрепил за ними их земли, выдал им ярлыки и отпустил к себе.

Таким образом, мы видим, что основные события в начале похода Тимура в горный Дагестан связаны с селением и областью Ушкудже.

По вопросу о локализации селения Ушкудже среди советских исследователей имеются различные мнения. Наибольшее число из них придерживается мнения, что под этим названием имеется в виду современное селение Акуша³⁹. Этому же мнению придерживается изданная в 1967 г. «История Дагестана»⁴⁰. Отдельные исследователи под селением Ушкудже подразумевают населенный пункт, расположенный в южном Дагестане — в Табасаране⁴¹.

Однако, если даже тождество Ушкудже с Акушой с определенными оговорками и возможно, если проследить маршрут похода Тимура по Дагестану в 1396 г., то идентифицировать Ушкудже с каким-либо населенным пунктом южного Дагестана никак нельзя. Чтобы подтвердить это мнение проследим маршрут тимуровских войск.

Шереф ад-дин Йезди пишет, что поход в местность Ушкудже Тимур начал от селения Тарки, где он оставил свой обоз... Разрушив селение Ушкудже и разграбив область под этим же названием, Тимур двинулся на другие населенные пункты, названия которых позволяют отождествлять их с обществами, расположенными на территории современных Акушинского, Левашинского, Сергокалинского и Ленинского районов, о чем конкретно будет сказано ниже при описании дальнейших событий, связанных с жестокой грабительской политикой Тимура.

После разгрома этих территорий, Тимур вернулся в Тарки, где оставался обоз, и оттуда двинулся на Кайтаг и Кубачи.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же.

³⁹ А. Н. Генко. Арабский язык и кавказоведение. Труды второй сессии ассоциации арабистов 1937 г. М.—Л., 1941, стр. 99; М. М. Ихилов. Дагестан в период монгольского господства (XIII—XV вв.). Рук. фонд Института ИЯЛ, ф. 3, оп. 1, д. 21, л. 24; Очерки истории Дагестана, т. I. Махачкала, 1957, стр. 71.

⁴⁰ История Дагестана, т. I. М., 1967, стр. 207.

⁴¹ Х. - М. О. Х а ш а е в. Общественный строй Дагестана в XIX в. М., 1961, стр. 27.

Поэтому, если даже предположить, что Ушкудже — это один из населенных пунктов Табасарана, то Тимур отсюда в первую очередь должен был бы пойти в Кайтаг и Кубачи, которые расположены недалеко от табасаранцев и лезгинов, а не в последнюю очередь. Кроме того, если бы Тимур пошел в южный Дагестан, то он должен был бы пойти или через Дербент, или через Кайтаг. Между тем источники показывают, что Дербент Тимур посетил лишь уходя из Дагестана. Вряд ли можно предположить и то, что Тимур, оставив обоз в Тарках, пошел в южный Дагестан, потом снова возвратился в Тарки и лишь после этого отправился в Кубачи и Кайтаг, а затем в Дербент, откуда ушел в Азербайджан.

Это предположение опровергается и поводом похода Тимура в Ушкудже. Как известно, население южного Дагестана одним из самых первых среди народов Дагестана приняло ислам. Поэтому, если бы Тимур предпринял поход в южный Дагестан, то для него лозунг за мусульманскую веру не мог быть поводом для этого и оправданием его злодеяний.

Можно предположить, что под населенным пунктом Ушкудже необходимо подразумевать не Акуша, а современное селение Усиша, которое, согласно преданиям, раньше называлось Ускиша. При этом нужно учесть, что не Акуша, а другие общества верхнедаргинцев последними приняли мусульманскую религию⁴². И поэтому на них возможно указывал Тимур, совершая поход в горы.

Селение Усиша в тот период истории являлось центром союза верхнедаргинских обществ, о чем можно судить не только по народным преданиям, но и косвенным данным письменных источников⁴³. Надо полагать, что Усиша являлась не только политическим, но и религиозным центром верхнедаргинцев: согласно сохранившимся сведениям, в селении Усиша, в крепости наверху горы под названием «Къалала муза» раньше находилась большая христианская церковь, а по сообщению старожилов Акушинского района — вплоть до 30-х годов XX века в селении находились христианский крест из золота и серебра и одежда епископа⁴⁴.

Поэтому-то Тимур и предпринял свой грабительский поход в Усиша, используя в качестве оправдания приверженность местного населения к другим — немусульманским религиям. Народная традиция также связывает поход Тимура с селением

⁴² Рук. фонд Института ИЯЛ Дагфилиала АН СССР, ф. 1, оп. 1, д. 371. Полевой материал, собранный нами в 1962 г. Сообщение Магомедова М., 1882 г. рожд., сел. Инзи-Махи, Акушинского района и Багандова Я., 1884 г. рожд., сел. Мекеги, Левашинского района.

⁴³ Мухаммед Рафи. Извлечение из истории Дагестана. ССКГ, вып. V. Тифлис, 1878, стр. 7, 30.

⁴⁴ Полевой материал, собранный нами в 1967 г.

Усиша. Согласно преданиям, Тимур жестоко расправился с непокорным населением. До сих пор на том месте, где раньше находилось селение, местные жители добывают строительный камень, оставшийся после разрушения селения тимуровскими войсками и находят большое количество остатков керамики.

Сохранились также письменные сведения и предания о том, что войска Тимура из Усиша пришли в селение Муги, что лишний раз подтверждает наше мнение об идентичности Ушкудже и Усиша, ибо оба населенных пункта (Муги и Усиша) находятся недалеко друг от друга.

Местное население вышло навстречу завоевателям и на равнине, известной под названием «Хъярбуки диркья», произошло крупное сражение. После разгрома мугинцев войска Тимура ворвались в селение и разрушили его. Пойманные старики, женщины и дети на гумнах были растоптаны конницей Тимура. Эти сведения, со слов знатоков арабского языка, находятся в арабской рукописи под названием «Тарих Аби-л-Касим» (История Аби-л-Касима) ⁴⁵. До сих пор на месте этих гумен находится большое количество человеческих костей.

Осадив сел. Усиша, Тимур, видимо, часть войск послал в окружающие селения, в том числе в Муги, для грабежа.

Указанные письменные сведения об Ушкудже интересны не только с точки зрения описания оказанного местным населением упорного сопротивления полчищам Тимура, исходя из них можно судить также как о существовании уже в XIV в. союза верхнедаргинских обществ, так и о вхождении его в состав шамхальства Казикумухского, при осаде столицы которого шамхал вместе с аварцами во главе отряда в 3000 человек пошел на помощь местному населению.

Согласно сообщению Низам ад-дина Шами и Шереф ад-дина Йезди, после указанных событий в местности Ушкудже, полчища Тимура продолжили грабежи во имя «священной веры». Взяв крепость «Нергес», войска Тимура разграбили, а затем сжигали ее с землей и уничтожили жителей. Та же участь постигла и укрепления «Мика», «Балу» и «Деркелу» ⁴⁶.

При локализации указанных населенных пунктов следует, возможно, обратиться к преданиям о пребывании войск Тимура в ряде населенных пунктов Дагестана. Так, например в даргинских селениях Мекеги, Шукты, Урахи, Мулебки рассказывают, что Тимур захватил селение Герга ⁴⁷, расположенное недалеко от нынешнего селения Нижние Мулебки, Сергокалинского

⁴⁵ А. Айгубов. Мухела ши. «Ленинна байрахъ» (на даргинском языке), 14 декабря 1966 г.

⁴⁶ В. Г. Тизенгаузен, т. II, стр. 124, 185.

⁴⁷ Селение Герга в настоящее время находится в Каякентском районе.

района и стал его правителем-беком. Отсюда он пришел в сел. Мекеги⁴⁸.

Не являются ли эти предания отголоском пребывания Тимура в селении Герга, под которым можно подразумевать «крепость Нергес» и в селении Мекеги (МикИхИи), очевидно, «укрепление Мика», которое в прошлом действительно являлось укреплением, расположенным на холме, вокруг которого находилась высокая крепостная стена с несколькими оборонительными башнями.

О приходе войск Тимура в эти места свидетельствуют и сохранившиеся до наших дней многочисленные остатки разрушенных населенных пунктов недалеко от бывшего селения Герга и Нижние Мулебки, которые, согласно преданиям, были разрушены именно тимуровскими войсками.

Путь в селение Герга с территории верхнедаргинцев, в частности из селения Усиша, проходил как через селение Верхние Мулебки, так и через селение Нижние Мулебки. Надо полагать, что завоеватели прошли в Герга по наиболее короткой дороге, т. е. через селение Верхние Мулебки.

Под крепостью Деркелу мы подразумеваем современное селение Доргели, которое является одним из больших населенных пунктов кумыков.

Под крепостью Балу, по всей вероятности, необходимо подразумевать один из древних населенных пунктов даргинцев Пилаул, который ныне является одним из кварталов селения Губден. В связи с этим существует любопытное предание, согласно которому один из эмиров по имени Губден, кривой на один глаз, был осажден со своим отрядом войсками Тимура. Зная, что ему не устоять, Губден, прибыв к Тимуру верхом на быке, сказал: «Я, слепой, приехал спросить тебя, хромого, за кого нас считаешь? Такой могущественный государь, как ты, для чего ведешь с нами войну, и что у нас есть такого, чтобы ты мог взять?» Согласно преданиям, Тимуру понравилась откровенность Губдена, за что он подарил ему всю землю, расположенную вокруг нынешнего селения Губден. Губден переселился сюда и с тех пор селение стало называться его именем⁴⁹.

Согласно народным преданиям, тимуровские войска приходили и в другое крупное селение даргинцев — Мюрего. В одном из них сообщается, что местное население для защиты от тимуровских войск построило земляной вал, который известен под названием «ГПяйсала кьяк», и окопы в местности «Хьаршила муза», где до сих пор сохранился небольшой ров.

⁴⁸ Полевой материал, собранный нами в 1962—1967 гг.

⁴⁹ А. К. Бакиханов. Указ. соч., стр. 65; Г. - Э. Алкадар. Указ. соч., стр. 30.

Тимур не дошел до селения, а разбил лагерь в нескольких километрах от селений, в местности «Чиригъулла кыякъ»⁵⁰, являвшейся удобным местом для стоянки многочисленного войска.

Согласно преданиям, Тимур требовал от мюрегинцев девушек. На джамаате было решено отправлять в лагерь Тимура девушек по жребии. Первый жребий пал на дочь мюрегинца по имени БахИнд. Его самого тогда не было в селении. Когда он возвратился домой, нашел плачущую жену. Узнав о случившемся, он организовал погоню и не доходя до места под названием «Чятилла дубла», что на даргинском языке означает «Конец шалаша», догнал всадника, увозившего дочь и, убив его, забрал дочку и вернулся в селение. За такой поступок джамаат дал ему земельный участок, который до сих пор называется «Залум БахИндла хъу». Слово «залум» означает сильный. Такое прозвище было дано БахИнду за его смелый поступок⁵¹.

С пребыванием Тимура в Дагестане в 1395—1396 гг. предания связывают и строительство им земляного вала, известного под названием «Аксак-Теймурун-ори» (Теймура хромого вал), который, начиная от Дербента курганами, идет через магал Терекеме на Утемышское поле, оттуда валом, пониже Буйнака и Тарков (Тарху) на Теймур-Куи (колодезь Теймура)⁵² и через реку Сулак, ниже Андреевой среди Мичикичь к Насрану и Карачаю, оттуда другой Теймур-Куи на Кубань, а по показанию некоторых, до самого Черного моря»⁵³. Как предполагал А. К. Бакиханов, целью строительства этого вала являлось желание Тимура определить границы и показать свою силу и могущество⁵⁴.

Конечно, трудно поверить и даже предположить, что Тимур в то время построил такой большой вал, тем более ни один из источников не говорит об этом. Тем не менее указанные народные предания лишней раз подтверждают сведения источников о пребывании Тимура в указанных землях. Кроме того, из них можно предположить, что Тимур, воюя с Тохтамышем и его сторонниками и построил какие-то оборонительные сооружения, хотя не такие, о каких говорится в народных преданиях, иначе народная традиция не связывала бы наличие

⁵⁰ Полевой материал, собранный нами в 1966 г.

⁵¹ Там же.

⁵² От этого названия произошло теперешнее название местности Темир-гое. См. Г. - Э. Алкадары. Указ. соч., стр. 174.

⁵³ А. К. Бакиханов. Указ. соч., стр. 65; см. также Г. - Э. Алкадары. Указ. соч., стр. 30.

⁵⁴ Там же

указанного земляного вала с пребыванием здесь тимуровских войск.

Покорив средний и нагорный Дагестан, Тимур вернулся к обозу в Тарки. Отсюда он двинулся в Зирехгеран (Кубачи), а затем в Кайтаг, народ которого, по свидетельству указанных историков, просил пощады и поэтому был помилован. Из Кайтага Тимур пошел в Дербент, где приказал укрепить крепость, после чего ушел из пределов Дагестана — в Ширван. В Дагестан он больше не возвращался.

Как видим, Тимур не долго пробыл в Дагестане. Однако это время для горцев являлось самым тяжелым, временем исключительных зверств и разрушений со стороны полчищ Тимура, политика которого, как отмечал К. Маркс, «закключалась в том, чтобы тысячами истязать, вырезать, истреблять женщин, детей, мужчин, юношей и таким образом всюду наводить ужас»⁵⁵.

К сожалению, ни один из историографов, описывающих походы Тимура, не говорит о сопротивлении, отпоре, которые встречали тимуровские завоеватели в Дагестане. В этом отношении они проявляют большую тенденциозность.

Даже по некоторым данным указанных авторов становится ясным, что народы Дагестана оказывали завоевателям упорное сопротивление. Тимур не смог взять сразу Усиша, а Кадар взял лишь обманным вероломным путем.

Опасность иноземного порабощения спланивала и объединяла дагестанские народы, ярким примером чего является помощь лакцев и аварцев населению даргинской «области Ушкудже».

Все это вместе с многочисленными народными преданиями говорит о том, что не так-то легко было Тимуру воевать в Дагестане. Ни зверства, ни разрушения не могли заставить народы Дагестана покориться завоевателям.

Уходя из Дагестана, Тимур придавал особое значение укреплению Дербента и охране северных границ. Он отдает распоряжение правителю Ширвана «следить за границей»⁵⁶. Надо полагать, что Тимура беспокоила не столько сама пограничная линия, сколько действия дагестанских владетелей.

Добившись «изъявления покорности» большинством дагестанских правителей, Тимур прибегает к широко используемому методу «задабривания» местной знати в расчете на использование ее в осуществлении своей политической линии. За феодалами он сохранил их прежние владения, а также самостоятельность внутреннего самоуправления. Раздачей яр-

⁵⁵ Архив Маркса—Энгельса, т. VI, 1938, стр. 185.

⁵⁶ В. Г. Тизенгаузен, т. II, стр. 187.

лыков Тимур утвердил за владельцами право на собственность, тем самым он оградил их владения от взаимных притязаний. В нашем распоряжении пока нет данных, раскрывающих степень зависимости дагестанских правителей от Тимура, судя по всему Тимур довольствовался признанием дагестанскими правителями номинальной зависимости.

К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ «ИСТОРИИ ШИРВАНА И ДЕРБЕНДА»

Изучение социально-экономической, политической и идеологической жизни дагестанских народов в эпоху раннего и развитого средневековья сталкивается с трудностями, связанными прежде всего с состоянием источниковедческой базы, когда археологический материал еще недостаточен и не выходит за рамки V—X вв., а письменный материал слишком скуден. Если V—X вв. освещены как археологическим материалом, так и превосходной арабоязычной историко-географической литературой внедагестанского происхождения, то для последующего времени, в частности для XI—XV вв., эта разновидность источников или совершенно отсутствует (данные археологии) или же дошли до нас в передаче незначительного числа авторов (арабоязычная литература, созданная за пределами Дагестана). Здесь первостепенную роль начинает играть местный материал, творения местных культурных сил и прежде всего — исторические хроники и эпиграфический материал.

Известный советский востоковед И. Ю. Крачковский писал: «На Кавказе мы можем проследить две волны арабского влияния: первая, шедшая с ранними завоеваниями, не глубоко затрагивала местное население Закавказья, а вторая, медленно нараставшая с XVI в., постепенно создала в Дагестане, Чечне, Ингушетии, отчасти Кабарде и Черкесии местную оригинальную литературу на арабском языке»¹. Высказывание это было обусловлено состоянием изучения вопроса и числом известных источников. В настоящее время представляется возможным внести некоторые коррективы в части, относящейся к X—XV вв., в связи с тем, что относящиеся к этому времени исторические хроники и данные эпиграфики дают основание говорить не только о значительном влиянии арабского языка и литературы в Дагестане, но и о создании местной литературы, в основном историко-географической, следовавшей арабской литературной традиции и составленной на арабском языке.

¹ И. Ю. Крачковский. Арабская литература на Северном Кавказе — «Избранные сочинения», т. VI, М.—Л., 1960, стр. 612.

Жанр исторических хроник, получивший распространение в Дагестане, возник, как можно судить по дошедшим до нас памятникам, в X—XII вв., в связи с проникновением арабского языка, ислама, арабоязычной литературы. Впоследствии вместе с хрониками общедагестанского характера, появляются произведения малых форм — одноаульные хроники, но находящиеся в прямой связи с первыми. Все они составлены на арабском языке, и нет даже упоминаний о том, что они составлялись на ином языке.

В распоряжении исследователей уже имеются следующие дагестанские хроники:

1. «История Ширвана и Дербенда».
2. «Дербенд наме».
3. «Тарихи Дагестан».
4. «История Абу Муслима».
5. «Ахты наме».
6. «Хроника Махмуда Хиналукского».
7. «Хроника из аула Куркли».
8. «Хроника Рамазана ал-Куштили».
9. «Хроника аула Ихран».
10. «Гельхенская эпитафия».

Изучение этих сочинений только началось. обстоятельному анализу подвергнуты «История Ширвана и Дербенда» (В. Ф. Минорский), «Дербенд наме» (А. М. Казембек, В. Ф. Минорский), «Гельхенская эпитафия» (Л. И. Лавров). Остальные тексты источниковедческому и историографическому анализу не подвергались, если не считать, что сведения «Ахты наме» и «Тарихи Дагестан» иногда привлекались в исследованиях историков.

Характерной особенностью исторических хроник является то, что они в одинаковой степени могут быть объектом и источниковедения и историографии. Как памятники, в которых отразились современные автору события, они представляют интерес для источниковедения, и в то же время эти хроники, отражая уровень развития исторических знаний эпохи, отношение автора к своей эпохе и событиям, мировоззрение составителя хроники — служат предметом изучения для историографа.

Настоящая статья посвящена истории изучения замечательного произведения — «История Ширвана и Дербенда».

* * *

Первые сведения о существовании этого труда относятся, поскольку нам известно, к 1831 г., когда известный австрийский

дипломат и востоковед Хаммер выпустил в Пеште одну из очередных книг многотомной «Истории Османской империи»².

В обзоре литературы, которую он использовал, Хаммер значительное внимание уделяет произведению известного турецкого историка XVII в. Ахмеда ибн Лютфуллаха, имевшего прозвище Мунаджжим баши («главный астроном»). Труд этот назывался «Джами' ад-дувал» («Собрание династий»). Среди обширного перечня рукописей³, которыми пользовался Мунаджжим баши при написании своего огромного свода, наряду с сочинениями известных представителей историко-географической школы — Ибн ал-Асира, Абу-л-Фиды, Ибн ал-Варди и др. — Хаммером была названа также (под № 44) «История Дербенда, Ширвана, Аррана неизвестного правоведа»⁴. В печатной литературе это было первое упоминание о человеке, имя которого было связано с «Историей Ширвана и Дербенда».

Мунаджжим баши (I пол. XVII—1702) был родом из Салоник, был одно время придворным астрологом и закончил свои дни в опале в Мекке. Его основной труд «Джами' ад-дувал» написан на арабском языке с использованием многочисленных источников на арабском, турецком и персидских языках. В 1132—1142 г. х. (1720—1730 гг.), уже после смерти автора, рукопись была переведена на турецкий язык, а в 1868 г. турецкий перевод труда вышел в трехтомном издании в Стамбуле под названием «Саха'иф ал-ахбар» («Листы известий») ⁵. Одна из глав книги условно называлась «Та'рих ал-Баб» («История Дербенда»).

Так впервые стало известно о существовании сочинения XII в. по истории Дербента и Ширвана, включенного в компилятивное сочинение «Главного астронома».

² Hammer-Purgstall. Geschichte des Osmanischen Reiches, I—VII. Pest, 1828—1835.

³ Там же, т. VII, стр. 544—550.

⁴ Там же, т. VII, стр. 548.

⁵ И. Ю. Крачковский. Избранные сочинения, т. IV, М.—Л., 1957, стр. 633 (со ссылкой: E. J., III, 779—780); F. Babinger. Die Geschichtsschreiber der Osmanen und ihre Werke. Leipzig, 1927, SS. 234—235, № 205; K. Brockelmann, GAL, II, 443, № 9. Интересные данные о Мунаджжиме баши приводит немецкий востоковед К. Э. Захау (1845—1930): Ахмед ибн Лутфуллах ал-Салоники, известный под именем Мунаджжим баши, т. е. «Главный астроном», родился в 1040/1630 г. в Салониках, учился в Стамбуле. Был дворцовым астрономом султана Мухаммеда IV (1667—1675); при Сулеймане III вынужден был переселиться в Египет, позднее — в Мекку и Медину. Умер он в Мекке в 1113/1702 г. Его универсальная история ислама «Саха'иф ал-ахбар» доведена до 1083/1672 г. — см.: E. Sachau. Ein Verzeichniss muhammedanischen Dynastien. Berlin, 1923, S. 3—4.

Издание турецкого перевода Мунаджжима баши привело к тому, что арабский оригинал его долгое время оставался в тени, а при исследованиях по истории, географии, этнографии, исторической географии средневековья, в том числе истории и культуры Восточного Кавказа, все сведения черпались из опубликованного текста. Что касается арабских текстов, то все они находились в Турции, и это не давало возможности установить, насколько турецкий перевод соответствует оригиналу.

Однако В. Ф. Минорский обратил внимание на то обстоятельство, что турецкий перевод Мунаджжима баши, осуществленный Ахмедом Надимом и опубликованный, как уже говорилось, под названием «Саха'иф ал-ахбар» в 1285/1868 г., является только сокращением первоначальной работы, составленной на арабском языке, т. е. «Джами ад-дувал»⁶. Стало известно, что многие важные детали не были вообще переведены, целые страницы опущены, значительно сокращены или переданы словами переводчика. Когда В. Ф. Минорский получил возможность приобрести списки рукописей арабского подлинника⁷ и сравнил их с турецким переводом, то сокращения в последнем стали очевидными. Так, например, только главы о Ширване и Баб ал-аббабе были уменьшены в 4 раза. Как писал В. Ф. Минорский, из 775 строк арабского оригинала, посвященных указанным областям, в турецком переводе сохранилось только 185⁸.

В. Ф. Минорский выделил из арабского текста Мунаджжима баши кавказский материал (отдельные главы) и после тщательной обработки издал его. В 1953 г. в серии Кембриджского университета вышла первая часть работы исследователя — «Этюды по истории Кавказа»⁹, а вторая часть, получившая название «История Ширвана и Дербенда в X—XI вв.»¹⁰, была выпущена в 1958 г. (арабский текст, английский перевод, комментарии) при содействии Лондонской школы востоковедения. В 1963 г. вышел русский перевод этого издания¹¹, выполненный азербайджанскими учеными под наблюдением В. Ф. Минорского, который внес значительные

⁶ V. Minorsky. *Studies in Caucasian History*. I., London, 1953, p. 1.

⁷ Списков всего пять. В. Ф. Минорский использовал фотокопии двух списков — В. Ф. Минорский. *История Ширвана и Дербенда*. М., 1963, стр. 16.

⁸ В. Ф. Минорский. *История Ширвана и Дербенда*, стр. 15—16.

⁹ V. Minorsky. *Studies in Caucasian History*, London, 1953. Арабский текст В. Ф. Минорский озаглавил так: «Глава о Шаддадидах из книги «Джами ад-дувал» Ахмеда ибн Лутфуллаха Мунаджжима баши».

¹⁰ V. Minorsky. *A History of Sharwan and Darband in the 10-th—11-th centuries*. Cambridge, 1958.

¹¹ В. Ф. Минорский. *История Ширвана и Дербенда*. М., 1963. Дагестанский материал в незначительной степени был использован К. Э. Захау: E. Sachau, SS. 12—14.

дополнения. «Таким образом, русский текст является не столько переводом, сколько вторым, исправленным и дополненным изданием моей книги», — писал автор¹².

Такова история открытия замечательного документа о восточном Кавказе, ставшего известным под названием «История Ширвана и Дербенда»¹³.

Имя автора истории Ширвана и Дербента неизвестно. У Мунадджима баши указано только время составления хроники: «Все это взято из отрывка Истории ал-Баба на арабском языке, составленной около 500/1106 г., но (лишь) господь всеведущ!»¹⁴. События же, изложенные в «Истории ал-Баба» (т. е. «Истории Ширвана и Дербенда») протекают между 788 и 1075 годами.

С точки зрения источниковедения возникает два вопроса: отношение самого Мунадджима баши к «Истории ал-Баба» и источники самой «Истории ал-Баба». Относительно первого вопроса было высказано предположение, что Мунадджим баши не цитирует «Историю ал-Баба» в своем произведении полностью, но дает «свой собственный сокращенный пересказ приводимых отрывков... и мы можем быть уверены, что... он не искажил текста, не пропустил ничего существенного», ибо он был опытным компилятором¹⁵. Возможно только перераспределение по отдельным главам, о чем говорят некоторые повторения при изложении событий в Баб ал-абвабе, Ширване и Арране. Вероятно также, считает В. Ф. Минорский, что Мунадджим баши добавил к сокращенной части «Истории ал-Баба» несколько параграфов (§§ 1—4, 48—60), используя сведения Ибн Халликана, Йакута, истории Джихан-ара Гаффари¹⁶.

Гораздо сложнее вопрос об источниках самой «Истории ал-Баба». «Автор Т-Б (—Тарих ал-Баб, — А. Ш.), по-видимому, использовал некоторые местные хроники, имевшиеся в Арране, Ширване и ал-Бабе, и дополнил их с помощью местных знатоков. Годы между 400/1009 и 468/1075 лежат приблизительно в пределах личного опыта самого автора и воспоминаний старшего поколения. Он приводит много тщательно собранных дат, часто сопровождая их краткими замечаниями, похожими на те записи, которые иногда находятся на добавоч-

¹² В. Ф. Минорский. Указ. соч., стр. 14.

¹³ Рецензии на издание «Истории Ширвана и Дербенда» — см.: K. Czegledi. V. Minorsky. A. History of Sharwan and Darband in the 10-th—11-th centuries. Cambridge, 1958 — «Acta Orientalia», t. IX, fasc. 3, Budapest, 1959, pp. 329—333. См. также сообщение: А. Р. Шихсаидов. История одной рукописи — «Советский Дагестан», 1967, № 1, стр. 76—77.

¹⁴ В. Ф. Минорский. Указ. соч., стр. 79.

¹⁵ Там же, стр. 18.

¹⁶ Там же, стр. 17.

ных листах семейных коранов. В других местах описываются яркие эпизоды, поразившие воображение современников»¹⁷. — Тут же В. Ф. Минорский отмечает возможность в единственном случае (о династии Йазидидов) уловить влияние известного арабского историка ал-Масуди, в частности сведений, изложенных (стр. 4—5) в его II томе «Мурудж-аз-захаб» («Промывальни золота»), «но в остальном Т.-Б. дает новые и весьма важные сведения»¹⁸. Имеются также в немногих случаях общие точки соприкосновения между «Историей ал-Баба» и известной дагестанской исторической хроникой «Дербенд наме»¹⁹.

Таковы сведения об «Истории ал-Баба», сообщенные В. Ф. Минорским при издании «Истории Ширвана и Дербенда». Огромная работа, проделанная В. Ф. Минорским, не исчерпывается изданием арабского текста и перевода «Истории ал-Баба». Перевод сопровождается обстоятельными и глубокими комментариями, облегчающими понимание текста. Обширное «Введение» к этой книге — это также самостоятельное исследование о переводимом труде, о других арабских авторах, писавших о Дагестане, об исторической обстановке тех времен. Глубокой разработке ученый подверг вопросы исторической географии и этнографии, административного, общественного и военного строя. Как писал венгерский ученый К. Цегледи, «профессор Минорский обнаруживает совершенное знакомство с русской и советской литературой, как и азербайджанской и дагестанской литературой на турецком и персидском языках. Его анализ тем идет значительно дальше статьи Бартольда о происхождении Дербенд наме»²⁰.

Как уже говорилось, последняя дата истории отмечена 1075 годом, а первая — 788. В соответствии с династическим принципом периодизации, которой придерживался автор «Истории Ширвана и Дербенда» или переписчик (т. е. Мунаджжим баши) текст уникальной исторической хроники делится на две части:

1. «О царях Ширвана, каждый из которых назывался Ширваншахом»,

2. «О Бану-Хашим, правителях Баб ал-абваба, Маскага и пограничных областей, иначе называемых Маракиз».

Первая часть посвящена не истории ширваншахов вообще, а той именно династии ширваншахов, одним из основоположников которой был Йазид ибн Мазйад аш-Шайбани (799 г.).

¹⁷ Там же, стр. 18.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же, стр. 24.

²⁰ К. Czegledy, *ibid.*, p. 330.

Династия эта называлась Йазидиды²¹ и продолжала свое правление 277 лет, до 1067 г.²² Деятельность Йазиди ибн Мазйада (§ 1) описана сравнительно подробно со ссылкой на Ибн Халликана, арабского историка и биографа (1211—1282)²³. Все остальные сведения первой части даны без ссылки на источник, от имени самого автора «Истории ал-Баба». Основное содержание главы — сложные взаимоотношения правителей Ширвана и Дербенда, в которые нередко втянуты правители Аррана, Сарира, Хайдака, а также политика тюрок-сельджуков на Восточном Кавказе.

Вторая часть («Об Бану-Хашим, правителях Баб ал-абваба, Маската и пограничных областей, иначе называемых Маракиз») — история дербентской династии Хашимидов, правление которой относится, судя по Мунаджжиму баши, к 255/869—470/1077 годам²⁴. Раздел также начинается вставкой переписчика, а именно небольшим сообщением о Маскате²⁵, но в дальнейшем весь текст оригинален и самостоятелен. События даны в том же плане, что и в первом разделе, преобладающее место занимает политическая история, точнее деятельность представителей дербентской династии Хашимидов, их взаимоотношения с соседними феодальными владениями. Лишь редко встречаем скудные, но очень ценные сведения о русах, хазарах, тюрках-сельджуках.

«История Ширвана и Дербенда» стала, благодаря её сведениям, ценнейшим источником по раннесредневековой истории восточного Кавказа и в первую очередь — Дагестана. Она дает в руки исследователя материал, позволяющий оха-

²¹ Б. А. Дорн дает имена 19 представителей этой династии и события, с ними связанные. См.: B. Dorn. Beiträge zur Geschichte der Kaukasischen Länder und Völker aus morgenländischen Quellen — I-Versuch einer Geschichte der Schirwanschache, S. 541—544. В дальн. — B. Dorn. Versuch).

²² Там же, стр. 534. Дорн считает, что наряду с арабскими представителями этой династии некоторое время продолжали существовать правители (Herrscher) из старого рода ширваншахов, как это имело место в Табристане и Мазандеране, и ссылается на Шахризоди, который сообщает о представителе династии Йазидидов-Хайтаме, что он установил в стране единовластие и присвоил титул ширваншаха — B. Dorn. I, Versuch, S. 542.

²³ В. Ф. Минорский. Указ. соч., стр. 44 (перев.), 4 (араб.) У Ибн Халликана есть специальный раздел «Йазид б. Мазйад аш-Шейбани» — см.: Kitab wa-fat al-a'yan... ч. II, 420—429. Булак, 1275 г. х. (Каирское издание, 1310/1892, II, 283—9). В. Ф. Минорский приводит данные о Йазиде со следующими ссылками: Йакуби (изд. Хугсмы, I—II Лейден, 1883), II, 515—19; Marquart, Streifzüge, 453—456; Tabari, Annales, III, 6—7, 648.

²⁴ О Хашимидах см.: B. Dorn, I — Versuch, SS. 545—549. В. Ф. Минорский упоминает также, Йакуби, II, 518.

²⁵ О Маскате: Балазури (изд. де Гье, Лейден, 1866), стр. 197, 107 и Йакуби, стр. 194 (В. Ф. Минорский. История Ширвана и Дербенда, стр. 97, прим. к § 31).

рактизовать многие стороны военно-политической жизни раннесредневекового Дагестана.

Как уже указывалось, на первый план выдвинут в «Истории» вопрос о взаимоотношениях Ширвана, Дербенда и дагестанских феодальных владений. В течении почти двухсот лет контакты несут только военный отпечаток, выдвигая X—XI вв. как один из самых беспокойных этапов в истории Восточного Кавказа в области внутривосточных отношений. Эти отношения настолько запутаны, что с трудом удастся уловить их самые общие закономерности. Хотя автор разделил свое повествование на две части, особо выделив династию Язидидов и династию Хашимидов, но события, в них описанные, тесно переплетались и взаимосвязаны.

Основной стержень политических событий — непрерывавшаяся, хотя бы на десятилетие, борьба Ширвана и Дербенда между собой за захват земель, за установление политического господства на земле враждующей стороны. Только в редких случаях, когда на дербендский престол становится представитель ширванской династии, между двумя государствами устанавливаются добрососедские отношения. Автор «Истории Ширвана и Дербенда» внешне всегда объективен, с одинаковым безразличием он старается обрисовать деятельность и ширваншахов и дербендских правителей, но симпатии его к дербендским амирам²⁶ так или иначе обнаруживаются, особенно в тех случаях, когда он старается обрисовать распри между амирами и городскими раисами. Только редко у этого беспристрастного историка можно прочесть слова, подобные тем, что сказаны о вазире дербендского амира, убитом раисами города: «они обнажили кинжалы и предательски убили его в его же доме. Он был милостливый и благородный (хурр) человек достойного образа жизни и похвального поведения (тарики)»²⁷.

Автор «Истории» скорее всего был жителем Дербенда, в мельчайших подробностях знал жизнь восточного Кавказа и поэтому ширвано-дербендские отношения даны им не изолированно, а в тесной связи с историей соседних владений. В частности, владетели Хайдака и Сарира активно втянуты в сложную военную обстановку. Сарир и Хайдак предстают перед нами как наиболее сильные дагестанские владения, энергично вмешивающиеся во внутренние дела Ширвана и Дербенда. Дербенд и Ширван привлекают эти государства на свою сторону, но последние, как можно убедиться по тексту, ведут вполне самостоятельную политику. Автор так изображает основные вехи взаимоотношений Дербенда и Сарира:

²⁶ Минорский. История, стр. 17.

²⁷ Там же, стр. 71.

876 — дербендский амир дважды совершает набег на Сарир.

968 — амир Дербенда и сарирцы нападают на Ширван.

966 — Сарирцы «вызвали беспорядки в ал-Бабе», но жители города перебили их.

971 — Сражение между дербендцами и сарирцами.

1025 — дербендский амир женился на Сарийе, дочери владетеля Сарира.

1055 — при содействии Сарира дербендские раисы поставили амиром Мансура, с условием подчиниться во всем воле раисов.

1064 — владетель Сарира идет с большим войском на помощь раисам Дербенда.

1065 — глава раисов ал-Баба Муфарридж обращается за помощью к правителю Сарира для борьбы с Ширваншахом. Сарир посылает войска.

1065 — раис Муфарридж нашел убежище в Сарире. В этом же году Муфарридж (кстати, зять владетеля Сарира), отогнал ширваншаха из Маската при помощи войск Сарира²⁸.

Таким образом, автор «Истории Ширвана и Дербенда» наблюдал определенную эволюцию в военно-политических акциях правителей Сарира по отношению к Дербенду: если в последней трети IX в. отношения между Дербендом и Сариром были явно враждебны, то в середине X в. мы наблюдаем их совместные выступления против Ширвана, хотя после этого еще два раза между ними возникали конфликты. Но общая линия взаимоотношений Дербенда и Сарира определялась уже взаимным стремлением к совместным действиям, и с начала XI в. отношения между ними — только союзнические. Эта эволюция в отношениях к Дербенду в «Истории» очень четко прослеживается, и такая политика вполне соответствовала интересам сарирских правителей. Поэтому кажется не подтвержденным документально вывод В. Ф. Минорского о том, что «ход политики Центрального Дагестана» определялся случайностями²⁹.

Характерно то, что союзнические отношения Сарир поддерживает с Дербендом не вообще, а только с привилегированной верхушкой города — раисами, в их борьбе против дербендских правителей — амиров. Здесь тонко учтена политическая обстановка в городе, когда усиление власти раисов приводило к тому, что правитель города фактически лишался власти и тогда этот правитель находил в таких случаях поддержку в Ширване.

Составитель «Истории Ширвана и Дербенда» останавли-

²⁸ Там же, стр. 58—73.

²⁹ Там же, стр. 137.

вает свое внимание и на развитии отношений Дербенда и Хайдака.

Хронологически они выглядят следующим образом:

935 — дербентский правитель совершает в союзе с Хайдаком набег на Шандан.

1040 — хайдакцы захватывают цитадель Дербенда и берут в плен амира.

1064 — дербентский правитель Мансур выступает против раисов при содействии Хайдака.

1065 — Хайдак и Тувайк помогают Дербенду.

1066 — амир Абд-ал-Малик, ставленник Муфарриджа, низложенный ширваншахом, находит приют в Хайдаке.

1068 — дербендцы и хайдакцы отражают нападение Ширвана.

1068 — амир Абд-ал-Малик, изгоняемый раисами, дважды находил убежище в Хайдаке³⁰.

Таким образом, эволюция политики правителей Хайдака завершилась союзом с амирами Дербента. Получилась своеобразная картина: Сарир — в союзе с раисами города, а Хайдак, напротив — с его амирами. Отсюда вывод: интересы Хайдака и Сарира сталкивались в Дагестане и потому они оба ищут опоры в Дербенде, один — у правящей династии, а второй — у соперников этой династии.

События в «Истории Ширвана и Дербенда» доведены до 1075 г., и мы не знаем, сохранилась ли эта политическая ориентация дагестанских владений впоследствии, при захвате Дербента сельджуками. Однако взаимоотношения Хайдака и Сарира сохранялись враждебными долгое время, вплоть до начала монгольских завоеваний, что неожиданно подтверждает историческая хроника «Тарихи Дагестан». Для автора «Тарихи Дагестан» было весьма прискорбным и неожиданным, что «разбилось зеркало порядка между амирами Гумика и султанами Хайдака», а султаны Хайдака и малики Аварии заключили между собой союз, использованный монголами в своих же целях³¹.

С той же скрупулезностью, с какой показана политическая история Восточного Кавказа, автор «Истории Ширвана и Дербенда» рисует расстановку классовых сил, внутренний строй Дербенда и других государств на территории Дагестана. Впервые в историографии Дагестана и Маската представлена богатая социальная терминология, характеризующая различные слои населения, знать, правителей: это амиры, их вазирь,

³⁰ Там же, стр. 58—77.

³¹ Derbend-Nameh. Translated from a select turkish version by Mirza A. Kazem-Beg, Spb., 1851, pp. 673—674 (в дальн. — Derbend-Nameh).

раисы, раис раисов, гази, «добровольцы», «чтецы Корана», мамлюки, гуламы, хадимы, факихи, тарханы, батрики, городские старейшины, а'йаи ас-суфуф, «чернь», «простонародье», акара — («издольщики»), музариин («земледельцы»).

Почти все термины в литературе X—XII вв. о Дагестане встречаются впервые, если не считать амиров и акара (последнее слово в передаче автора XIII в.).

В. Ф. Минорский дает терминам из «Истории Ширвана и Дербенда» такое объяснение:

1. амиры — правители Дербенда, наследственно занимающие престол. Это дербендская династия Хашимидов;
2. раисы — «начальники», представители правящей верхушки, посредники между администрацией и населением, иногда — главы городских гильдий;
3. раис раисов — «начальник начальников» — глава раисов;
4. гуламы — вооруженные слуги;
5. айан ас-суфуф — знать торговых (?) рядов;
6. аскер — регулярное войско;
7. наубатийа — ополченцы;
8. хадим — слуга;
9. акара — издольщики;
10. музариины — земледельцы.

В хронике рисуется полная военных столкновений и неожиданностей жизнь Ширвана и Дербенда. Две основные силы противостоят друг другу — амиры, их слуги, гази, купечество — с одной стороны; раисы, основное население города — с другой. Роль жителей города в этой борьбе показана с мельчайшими подробностями: в 916, 990, 1019, 1054, 1068 гг. зафиксированы восстания и выступления против амиров. Раисы всегда удачно использовали эти выступления в своих интересах. Автор «Истории Ширвана и Дербенда» внешне очень объективен при описании народных волнений, но лишь один раз он «выдал» свои социальные интересы: он называет Бабека «хурратитским еретиком», восстание которого «распространилось по земле Азербайджана и великое множество людей было убито»³².

Формы землевладения и эксплуатации также нашли отражение в хронике. Неоднократные упоминания «дийа» — поместий в Табасаране, Маскате, Междуречье («в земле Лакз»), рассказ о харадже, взимаемом с жителей Лакза и других областей, о сборщиках податей в селениях ал-Баба, о ленной системе, насаждаемой сельджуками³³, дают возможность ис-

³² В. Ф. Минорский. История Ширвана и Дербенда, стр. 45.

³³ Там же, стр. 47, 57, 58, 63, 74.

следователю охарактеризовать феодальные производственные отношения, феодальную ренту и эволюцию форм землевладения, в частности, в сторону создания икта (бенефиций, потом — фео́д) как такой формы землевладения, которая вскоре превращалась на Кавказе (Армения, Азербайджан) в военный лен — наследственные владения землей и ирригационными сооружениями с правами налогового иммунитета³⁴.

С выходом в свет *Истории Ширвана и Дербенда* стало возможным проследить в общих чертах взаимоотношения города и деревни, вернее охарактеризовать своеобразие средневекового города как «нерасчлененного единства города и деревни» (К. Маркс). Относится это и к Дербенду, население которого еще не потеряло связи с сельским хозяйством. Баб ал-абвабу принадлежат, как пишет хроника, деревни, а стада жителей ал-Баба не раз были объектом нападений соседей³⁵, им же принадлежат «поместья и возделанные земли»³⁶.

Выделение «поместий» (дийа) и «возделанных земель» (имарат) в самостоятельные виды обрабатываемых земель имело, по-видимому, свои основания. «Поместья» («дийа») являются земельной собственностью дербендских правителей и крупных феодалов, а «возделанные земли», по всей вероятности, это те земельные участки, которые обрабатываются городским населением, живущим в предместьях города, рабатах и сочетающим работу в городе с сельскохозяйственным трудом. Явление это было характерным для многих городов стран Ближнего Востока, и Дербенд не был здесь исключением.

Стало возможным также определить в общих чертах топографию раннесредневекового города, с его трехчастным делением. В *Истории Ширвана и Дербенда* резко противопоставляются друг другу цитадель, балад (собственно город), рабат (предмestье). В цитадели, как правило, обосновались правители города со своей вооруженной силой, а балад (город) находился в руках раисов. Когда в 1068 г. регулярные сельджукские войска во главе с Сау-Тегинем ворвались в Дагестан, то они отняли цитадель у ширваншаха, а затем, после разрушения «срединной стены», «город (балад) был отобран у раисов». Или же в 1068 г., когда «народ города ал-Баба» отка-

³⁴ И. П. Петрушевский. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении XVI — нач. XIX вв. Изд. ЛГУ, 1949, стр. 146—147. Об икта при сельджуках — см. также: А. М. Беленицкий. К вопросу о социальных отношениях, «Советское востоковедение», № 5, 1948 г., стр. 120—121.

³⁵ В. Ф. Минорский. История Ширвана и Дербенда, стр. 57, 73—74.

³⁶ Там же, стр. 62.

зался читать хутбу от имени ширваншаха, т. е. перестал признавать его сына своим правителем, то этот правитель (Афридун) укрепился в цитадели и держался там до тех пор, пока жители не были вынуждены снова признать ширваншаха³⁷. Характерно то, что основное внимание автора обращено на события, связанные с цитаделью и баладом (городом), а о предместьях (рабат, или «пограничные области») вспоминается лишь мимоходом. Связано это с тенденцией автора охарактеризовать только политическую жизнь города, а она протекала в основном в баладе и цитадели в форме непрекращающихся распрей амиров и раисов и борьбы «жителей города» со своими амирами.

В топографии города несколько неопределенным остается термин сагр (м. сугур). В тексте термин встречается 7 раз в следующем сочетании:

1. С событиями 912 г. связана фраза: «Среди племен неверных в пограничной области (сагр) ал-Баба злейшим /врагом/ мусульман был народ Шандана»³⁸.

2. В 1074 г. «были приведены в подчинение жители ал-Баба после того, как наиб Саутегина, амира двух Ираков, прибыл во все пограничные области проходов (сугур ал-абваб)»³⁹.

3. В 990 г. проповедник Тузи захватил управление Дербентом, затем послал приглашение ширваншаху, который «прибыл в ас-сагр и встретили его знать балада (а'йан ал-балад) и его раисы вместе (со всеми) от мала до велика, и они ввели его в ас-сагр с особыми почестями»⁴⁰.

4. В 1019 г. «жители сагра» (ахл ас-сагр) восстали и, выгнав эмира Мансура из города, передали последний ширваншаху Йазиду, сыну Ахмада⁴¹.

5. В 1068 г., когда низложенный ширваншахом дербендский амир Абд ал-Малик Лашкари подступил к городу в сопровождении «людей из соседних стран» (аграф) и «царей гор» (мулук ал-джибал) и расположились лагерем вне города на «Холме Всадников», то все жители пограничной области вышли из города вместе с Муфарриджем б. Музаффаром и Аг-

³⁷ Там же, стр. 61—62.

³⁸ Там же, стр. 48. В арабском тексте (стр. 6) написано слово 'умам (ед. 'умма), которое можно перевести и как «племя» и как «народ».

³⁹ Там же, стр. 18 (араб. текст). В. Ф. Минорский дает иной перевод: «Ал-Баб также приведен в повиновение, после того, как заместитель Саутегина, эмира двух Ираков, прибыл (чтобы занять) пограничные с (Кавказскими) проходами области (сугур ал-абваб). (Там же, стр. 62).

⁴⁰ Там же, стр. 22 (араб. текст). В. Ф. Минорский переводит в несколько ином смысле: «прибыл в пограничную область (сагр) и был встречен местной знатью и раисами...» (там же, стр. 69). Арабский текст (стр. 22).

⁴¹ Там же, стр. 10 (арабский текст), стр. 53 (перев.).

лабом б. Али, включая а'йан ас-суфуф и городских старейшин, и принесли ему клятву верности во второй раз. Они провозгласили Абд ал-Малика своим правителем, «затем они привезли его в пограничную область (сугр) и поместили в военном лагере около ворот цитадели» ⁴².

6. В 1065 г. в связи с опустошениями, которые производил ширваншах в округе (савад) ал-Баба, глава раисов Муфарридж выехал из города, нашел убежище в Сарире и через некоторое время двинулся на Д. хн. к., что в округе ал-Баба (мин 'амали балад). Затем зная сугров и начальники (а'йан ас-сугур ва-р-рууса') «вышли, чтобы заключить с ними мир» ⁴³.

7. В 1032 г., когда сарирцы напали совместно с аланами на Ширван, то на обратном пути, «едва они дошли до Деревянных (ал-хашаб) Ворот, как люди пограничных областей ал-Баба напали на них, преградили дорогу и ущелья и убили многих из них» ⁴⁴.

Таким образом, термин «сагр» во всех случаях переведенный В. Ф. Минорским словом «пограничная область», имеет определенный смысл в каждом конкретном случае. В первых двух случаях значение слова хорошо определяется — это районы или области, соседние Дербенду, независимые от него. В третьем случае сугур — это районы, прилегающие к городу и зависимые от города. В последних же четырех случаях речь идет как об территории, прилегающей непосредственно к городу, так и неотъемлемой части самого города, его периферии. Здесь не может быть и речи о территории пограничных областей в полном смысле слова, ибо и округа города ('амал, савад) и «соседние страны (атраф) обозначаются самостоятельными терминами. Стало быть, термин «сагр» в ряде случаев полностью может быть причислен к компонентам города, трехчастное деление которого стало типично для раннесредневекового города Ближнего Востока, Средней Азии, Закавказья, Восточной Европы ⁴⁵.

Особое место в «Истории Ширвана и Дербенда» занимает материал для исторической географии средневекового Даге-

⁴² Муфарридж — глава раисов города, а Аглаб б. Али — знатный горожанин.

⁴³ Там же, стр. 76.

⁴⁴ Там же, стр. 54.

⁴⁵ О топографии раннесредневековых городов в Средней Азии см. В. В. Бартольд. История Туркестана, стр. 126—129; Его же. История культурной жизни Туркестана, стр. 199—206 (обе работы — в «Сочинениях», т. II, ч. I, М., 1963); Б. Г. Гафуров. История таджикского народа. М., 1955, стр. 134, 192—194; О городах Армении: А. Г. Сукиасян. Общественно-политический строй и право Армении в эпоху феодализма. Ереван, 1963, стр. 80—82; О характерных чертах феодального города — А. Ю. Якубовский. Махмуд Газневи. К вопросу о происхождении и характере газневидского государства — Сб. «Фердовси», Л., 1934, стр. 65.

стана и восточного Кавказа в целом. В тексте встречаются следующие государственные единицы и населенные пункты Восточного Кавказа: Арран, Азербайджан, Ширван, Маскат, Шаки, Халидийат, Хайдак, Сарир, Табасаран, Шандан, Лакз, Лайзан, Хурсан, Гумик. Все эти названия известны нам по предыдущим произведениям арабо-персидской историко-географической литературы. Наш текст дает возможность проследить территориальные изменения в некоторых из них (Ширван, Лакз, Хурсан), причем сообщения различных текстов взаимно подтверждаются. Однако, в «Истории Ширвана и Дербенда» уже встречаются отдельные населенные пункты, ранее нам неизвестные: Д-хн-к «в округе ал-Баба», Холм Всадников, Хумайдийа, Туйак, Хурмасан, Мухрак «у ал-Баба», К-р-к «в земле лакзов», К-р-х, Д. н. к. с. и Ш. л. шли в Шандане. В. Ф. Минорский дает такую локализацию:

Хумайдийа — совр. Химейди в Табасаране.

Туйак — селение Дювек в Табасаране.

Мухрак — селение Марага в Табасаране.

К-р-к — лезгинское селение Курах.

Д. н. к. с. — даргинское селение Дибгаша.

Ш. л. шли — даргинское селение Чишили.

Термин Хурмасан и Д-хн-к остались без идентификации. Ряд географических названий и политических образований, известных нам по источникам IX—X вв., уже не встречается в «Истории Ширвана и Дербенда». Это Филан, Зирихгеран, Семендер, Варачан. Не появился ещё обобщающий термин «Дагестан». Если отсутствие терминов Варачан и Семендер можно объяснить уничтожением этих пунктов по времени написания книги, то Филан не упомянут потому, что он потерял уже, видимо, свою самостоятельность. Только остается совершенно непонятным, что Зирихгеран неизвестен автору или же автор считал нужным не писать о нем. Это тем более странно, что и до времени составления⁴⁶ «Истории Ширвана и Дербенда» (1106 г.) и после этого, Зирихгеран упомянут в исторических сочинениях, причем ещё в середине XII в. жители Зирихгерана успешно отбивают нападения правителя Дербенда и наемных его войск⁴⁷, а последнее упоминание о Зирихгеране, как о са-

⁴⁶ В. Ф. Минорский. Указ. соч., стр. 203; Macoudi. Les prairies d'or. Texte arabe et trad. par B. de Meynard et Pavet. Баладзор и. Книга завоевания стран. Араб. текст и перевод. Пер. проф. П. К. Жузе. Баку, 1927, стр. 18 (в дальн. — Балазури, пер. Жузе); Балазури. Китаб футух ал-булдан. Каир, т. I, 1319—1901 (араб. текст, стр. 215) (в дальн. Балазури, Футух).

⁴⁷ Le Tuhfat al-albab de Abu Hamid al-Andalusi al-Garnati edite... par G. Ferrand. Paris, 1925 (JA, CCVII), p. 85—86; B. Dorn. Auszüge aus vierzehn morgenländischen Schriftstellern, betreffend das Kaspische Meer und angrenzenden Länder, MA, VII, 1874, S. 703.

мостоятельном владении, относится к концу XIV в., ко времени походов Тимура в Дагестан ⁴⁸.

В области исторической географии нельзя также пройти мимо того факта, что «История Ширвана и Дербенда» упоминает (хотя и единственный раз) Сул, т. е. Чога и Чор армянских раннесредневековых исторических сочинений. Не вдаваясь в подробности вопроса о локализации Чога, можно только указать, что «История Ширвана и Дербенда» дает материал, позволяющий лучше разобраться в этом: в 1001 г. ширваншах Йазид б. Ахмад предлагает жителям ал-Баба дать согласие, «чтобы я построил (восстановил) крепость ал-Баба вместе с крепостью Сул» ⁴⁹. Вполне возможно, что здесь речь идет о едином целом, но с сохранением старой традиции, когда район Дербенда назывался Сул, а не о двух отдельных крепостях, расположенных в различных населенных пунктах. Не потому ли в арабском тексте записано: «крепость ал-Баба с крепостью Сул» (Кал'а ал-Баб ма'а Кал'а Сул), а не «крепость ал-Баба и крепость Сул», как это переведено на русский язык ⁵⁰. Что подобные вещи автор иногда допускал в своем сочинении, видно из того, что в связи с событиями 856 г. он упоминает неверных, «живущих по соседству с ал-Бабом и Дербендом» ⁵¹, т. е. близ, казалось бы, двух городов, хотя и тогда ещё была известна идентичность ал-Баба и Дербенда. Кажется, в обоих случаях автор отдаёт дань традиции: в первом случае — традиции армянской (Сул), а во втором — иранской (Дербенд).

Теперь — несколько слов о тех сообщениях автора «Истории Ширвана и Дербенда», которые в какой-то степени переключаются с данными других историков и географов:

«История Ширвана и Дербенда»

Другие источники

1. «Среди племен неверных в пограничной области (сагр) ал-Баба злейшим (врагом) мусульман был народ Шандана» ⁵².

1. Масуди: «Народ ал-Баба терпит много ущерба от царства Джидан, народ которого входит в состав хазарских земель» ⁵³.

⁴⁸ В. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. II, Спб., 1941.

⁴⁹ В. Ф. Минорский. «История Ширвана и Дербенда», стр. 10 (арабск. текст).

⁵⁰ Там же, стр. 52.

⁵¹ Там же, стр. 46.

⁵² Там же, стр. 48.

⁵³ Там же, стр. 122; Macoudi, Les prairies d'or, II, p. 7.

2. В 944 г. «Иазид вынужден был заключить мир с жителями ал-Баба и просить их о помощи. Он вернул им все, что он забрал у них в Шабаране и деревнях, а также сборы с нефтяных источников и солеварен»⁵⁴.

3. В 420/1029 г. «русы вступили в Ширван... Затем русы поднялись до реки Куры (Курр). Чтобы остановить их движение, Минучихр преградил Аракс (ар-Расс), но они потопили многих из мусульман»⁵⁶.

4. Термин «акара»⁵⁵.

5. Дербендский амир Хашим «вел себя по отношению к ним (— жителям ал-Баба — А. Ш.) прекрасно: он действовал со справедливостью и беспристрастием, решая дела, только посоветовавшись с мудрыми стариками (укала) и «начальниками» (ру аса). Что бы он ни делал, он делал только по общему согласию»⁶⁰.

Нужно также заметить, что автор «Истории Ширвана и Дербенда» следует определенной традиции (Табари и др.) излагать события в строго хронологическом порядке.

2. Дербенд-наме: «В 272 г. хиджры (885—886) багдадский халиф издал жителям Дербента фирман, дарующий им доходы с нефтяных и соляных источников в области Баку»⁵⁵.

3. Ибн Мискавейх: «Год 332/943—944. В этом году выступило в Азербайджан войско того народа, который был известен под названием Рус, направились в Бардау... Проплыв море... они пересекли его до большой реки, известной под названием Курр». Марзубан, вышедший навстречу, был разбит⁵⁷.

4. Иакут: термин «акара» в Лакзе⁵⁹.

5. Дербенд-наме (об Абу-Муслиме): «и если он будет несправедлив, то пусть гаии города выгонят его».

⁵⁴ В. Ф. Минорский. Указ. Соч., стр. 49.

⁵⁵ Derbend-Nameh, P. 590.

⁵⁶ В. Ф. Минорский. Указ. соч., стр. 54.

⁵⁷ Научный архив Ин-та истории АН Азерб. ССР, д. 62, л. 28 (пер. П. К. Жузе).

⁵⁸ В. Ф. Минорский. Указ. соч., стр. 75.

⁵⁹ Jacut's Geographisches Wörterbuch... hrsg. von F. Wüstenfeld, I, Leipzig, 1866, S. 438.

⁶⁰ В. Ф. Минорский. Указ. соч., стр. 65.

ПАМЯТНИКИ АРАБСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ XVII—XVIII ВВ. ПО ИСТОРИИ ВЕРХНЕЙ ДАРГИНИИ

Северный Кавказ, в том числе и Дагестан, особо выделялись из неарабских стран по распространенности арабского языка. Еще в 1913 г. крупнейший знаток истории Востока В. В. Бартольд отмечал, что «знание арабского языка сегодня распространено здесь (в Дагестане — Б. А.) больше, чем в большинстве неарабоязычных мусульманских стран»¹. А в наше время академик И. Ю. Крачковский писал: «Мы с полным правом можем продолжить эту мысль и сказать, что ни в одной из неарабских стран местная литература, возникавшая на арабском языке, не сохраняла в такой мере полной жизненности до второй половины XIX века»².

Арабский язык в Дагестане являлся «основным и часто единственным общепринятым письменным языком». На арабском языке велась вся административно-деловая переписка, обучение, создавалась местная письменность, а также научная и художественная литература, ставшая известной не только внутри страны, но и далеко за ее пределами. Как пишет известный дагестанский арабист М.-С. Саидов, «хотя произведения дагестанских авторов не вошли в сокровищницу мировой литературы, они были довольно значительны, в них ярко выражен местный колорит, оригинальны приемы, язык зачастую сжат и выразителен, они написаны по отзыву И. Ю. Крачковского «нередко с большой резкостью и силой, которая напоминает нам лучшие образцы классической эпохи арабской литературы»³.

Поэтому советские востоковеды и говорят о необходимости большого внимания к памятникам арабской письменности. Они придают исключительное значение арабским источникам,

¹ В. В. Бартольд. Дагестан. Соч., т. III. Изд-во «Наука». М., 1965, стр. 417—418.

² И. Ю. Крачковский. Арабская литература на Северном Кавказе. Избр. соч., т. VI. Изд-во АН СССР. М.—Л., 1960, стр. 609.

³ М. Саидов. Дагестанская литература XVII—XIX вв. на арабском языке. XV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР. Изд-во восточной литературы. М., 1960, стр. 8—9.

относящимся к Кавказу «Их основное преимущество, — писал И. Ю. Крачковский, — в том, что они являются источниками не со стороны, а возникли в той самой среде, которой посвящены»⁴.

Целью настоящей статьи именно и является на основе некоторых новых данных показать распространенность арабского языка, письменности и литературы среди даргинцев в XVII—XVIII вв., а также значение местных источников на арабском языке по истории Верхней Даргинии:

В статье использованы памятники, обнаруженные на территории бывшего Акушинского союза сельских обществ как самим автором статьи, так и другими научными сотрудниками Института ИЯЛ Дагфилиала АН СССР им. Г. Цадасы, а также материалы Рукописного фонда этого Института.

Перевод материалов с арабского на русский язык осуществлен местными арабистами, а также кандидатом исторических наук, старшим научным сотрудником Института ИЯЛ Дагфилиала АН СССР А. Р. Шихсаидовым и старшим лаборантом отдела восточных рукописей Института ИЯЛ им. Г. Цадае М. Г. Нурмагомедовым.

* * *

Проникновение ислама в Дагестан началось с VII века. Как писал И. Ю. Крачковский, «первая волна распространения арабской культуры шла уже за ранними завоеваниями, которые вслед за административным подчинением несли параллельно исламизацию и арабизацию края, правда не всегда быструю и глубокую»⁵. Однако, как показывают источники, еще в конце XIV века верхнедаргинцы являлись «неверными»⁶, т. е. они не приняли еще мусульманскую религию, что было использовано Тимуром для совершения на их территорию в 1396 г. «священного» похода. После этого похода Тимура и начинается усиление позиций ислама на территории Верхней Даргинии. С проникновением ислама начинает проникать и арабоязычная культура, в том числе и письменность, что способствовало распространению среди даргинцев арабского языка.

В целях распространения ислама, усиления его позиций, как и в других частях Дагестана, на территории Верхней Даргинии строились мечети и открывались мусульманские

⁴ И. Ю. Крачковский. Арабская письменность на Северном Кавказе. Избр. соч., т. VI. Изд-во АН СССР. М.—Л., 1960, стр. 560.

⁵ И. Ю. Крачковский. Арабская литература на Северном Кавказе. Избр. соч., т. VI. Изд-во АН СССР. М.—Л., 1960, стр. 611.

⁶ Из «Книги побед» Низам ад-дина Шами. В. Г. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. II. М., 1941, стр. 124.

школы (медресе), в которых обучали Корану, арабскому языку и письменности. Такие селения как Акуша, Цудахар, подобно Дербенту, Хунзаху, Кумуху, Ахтам, Цахуру и другим известным древним населенным пунктам Дагестана, «уже давно славились своими школами, где... предания исламизма переходили из рода в род»⁷. Поэтому не случайно, что из этих двух селений выходило много знатоков догм ислама и арабского языка, которые служили при мечетях даже за пределами своей территории. Готовились они не только у себя в местных мечетях, но и в других известных своими школами селениях Дагестана. Сохранились письменные сведения о том, что в 1100 году хиджры (1698 г.) в Хунзахе мутаалимом был акушинец по имени Омар⁸.

Под непосредственным влиянием арабоязычной культуры выросли и известные ученые-арабисты, среди которых находились и выходцы из Верхней Даргинии Дамадан эфенди Мугинский (умер в 1718 г.), являвшийся «основоположником изучения математических, астрономических и медицинских наук в Дагестане»⁹; он перевел с персидского на арабский язык «Комментарии к Муккадиму Улутбека» Абдул Али б. Мухаммеда Хайсана ал-Буржанди (928/1523 г.); Гаджи Дауд Усишинский (умер в 1758 г.), который перевел на родной язык труды по философии и логике, написал работы по грамматике арабского языка, являлся большим знатоком астрономии и был известен как ученый не только среди дагестанцев, но и в Аравии; Магомед Кади Акушинский и другие.

Как советские ученые-востоковеды, так и дореволюционные ученые и знатоки арабского языка и культуры причисляют их к числу больших ученых-арабистов¹⁰.

Особенно широкое распространение арабоязычной грамотности происходит в XVII—XVIII вв. Имеются сведения, что еще в самом начале XVI в. даргинцы делали первые попытки приспособить арабскую графику для местного письма. В 1959 г. старший научный сотрудник ИИЯЛ Дагфилиала АН СССР М.-С. Саидов обнаружил книгу «Ихья улум ад-дин» («Оживление религиозных наук») арабского философа ал-Газали, которая в 1507 г. была переписана акушином Идрисом,

⁷ Акты Кавказской археографической комиссии, т. X, Тифлис, 1885, стр. 127.

⁸ Завещание Мухаммеда б. Парараб. Завещание Андоника. Перевод с арабского языка М. Саидова. Рук. фонд ИИЯЛ Дагфилиала АН СССР, ф. 1, оп. 1, д. 218, л. 5.

⁹ М. Саидов. Указ. соч., стр. 5.

¹⁰ Г.-Э. Алкадари. Асари-Дагестан. Махачкала, 1929; Али Каяев. Биографии дагестанских ученых. Рук. фонд ИИЯЛ Дагфилиала АН СССР; А. Н. Генко. Арабский язык и кавказоведение. Труды второй сессии Ассоциации арабистов. М.—Л., 1941, стр. 99.

сыном Ахмеда. На полях этой книги имеются надписи, в которых обнаружены даргинские слова, примечания и даже целые предложения¹¹. Это один из древнейших памятников даргинской письменности, который сохранился до наших дней.

Из мусульманских стран Востока на территорию Дагестана, в том числе даргинцев, поступала обширная и разнообразная по своему содержанию литература на арабском языке. Она охватывала различные отрасли богословия, мусульманского законоведения, а также историю, географию, право, арабскую грамматику, логику и точные науки — математику, химию, медицину и т. д.

Местные алимы усердно переписывали эти книги, пользовались ими и бережно хранили их в личных библиотеках. Многие из них сохранились до наших дней. Во время летних экспедиций по даргинским районам нам удалось обнаружить много книг, переписанных жителями Акуша, Усиша, Цудахар, Куппа, Мекеги и т. д. В селении Усиша у Гасанова Магомеда хранятся джамаатские книги на арабском языке, среди которых имеется толковый словарь арабского языка в двух томах. Первый том переписан в 1077 г. хиджры (1666 г.) Магомедом, сыном Магомед-Гаджи из селения Цудахар, а второй том — в 1078 г. хиджры (1667 г.) сыном Магомеда, Сулейманом. Здесь же хранится книга, посвященная толкованию шариата, переписанная в 1130 г. хиджры (1717—1718 г.) Маллой, сыном Касума из сел. Усиша.

У Алибекова Алибека — одного из знатоков арабского языка из сел. Усиша среди многих арабских книг хранится рукопись книги под названием «Мифтаху-с-саадати фи мутуни-д-даавати» («Ключ успехов относительно дел»), переписанная в 1133 г. хиджры (1720 г.) Абдуллой, сыном Магомеда из сел. Усиша. У Ахмедова Магомеда из сел. Гапшима имеется рукопись на арабском языке, переписанная в 1116 г. хиджры (1704 г.) Раджабом из сел. Куппа.

Немало арабских книг, переписанных знатоками арабского языка из различных селений Верхней Даргинии, хранятся в Рукописном фонде Института истории, языка и литературы Дагфилиала АН СССР. Самыми древними из них являются рукописи, переписанные упомянутым выше жителем селения Акуша Идрисом, сыном Ахмеда. В 898 г. хиджры (1492 г.) он переписал арабскую книгу под названием «Талим мутаалим» («Наставление мутаалимам»), а в 903 г. хиджры (1497 г.) — книгу восточного философа ал-Газали «Минхадж ал-абидин» («Путь поклоняющегося»). Среди других рукописей, хранящихся в Институте ИЯЛ Дагфилиала АН СССР, имеется кни-

¹¹ Древнейший письменный памятник на даргинском языке. «Даг. правда» за 8 июля 1959 г.

га Махалы Мухаммеда б. Ахмад под названием «Канз ар-Ра-тибин» («Сокровищница желающих») мусульманское право, переписанная в 1103 г. хиджры (1691 г.) жителем селения Танты (Акушинский район) Курбаном б. Мухаммед. Житель селения Нахки Мухаммед ибн Махмуд в 1120 г. хиджры (1708 г.) переписал книгу Али ибн Султан Мухаммед ал-Кари под названием «ал-асраф ал-Марфу'ат» (предания о Пророке) и книгу неизвестного автора под названием «ал-Хуласат» («Краткое изложение»). Мухаммед б. Шейх из селения Мекеги (Левашинский район) переписал книгу Мухаммеда ал-Мар'ата под названием «Тартиб ал-улум» («Последовательность наук»). Здесь же хранятся книги, переписанные алимами из селений Усиша, Акуша, Муги, Бутри, Шукты и т. д.

Владея хорошо арабским языком, местные алимы являлись не простыми механическими переписчиками. Они изучали содержание переписываемых ими книг, которые, как указывалось выше, по своим жанрам были посвящены не только религиозной теме, но и математике, грамматике, логике, астрономии, географии, праву и т. д. Об этом свидетельствуют многочисленные вставки и комментарии самих переписчиков книг.

Важными памятниками письменности являются записи исторического характера, имеющиеся на полях арабских рукописей. В этих записях содержатся не только комментарии, но и зафиксированы разнообразные события из общественно-политической и личной жизни не только даргинцев, но и других народов Дагестана. Поэтому они являются не только памятниками письменности, но и ценными источниками по истории даргинцев в целом. Отдельные записи являются единственными источниками по истории средневекового Дагестана. Наибольший интерес, как ценный исторический источник, представляет рукопись арабской книги под названием «Халл ал-Иджаз» Таджуддина Мухаммед ал-Керамани, переписанная в 1612 г. жителем селения Акуша Гаджи-Махмудом. В рукописи содержится запись, в которой говорится: «Переписал эту книгу Гаджи-Махмуд, сын Магомеда по прозвищу кадий ал-аср (кадий эпохи) в 1021 году во время борьбы шиитов (персов — Б. А.) и еретиков (хариджитов), и Юсуп-хана (правитель Шабрана, поставленный персидским шахом Аббасом I в 1609 году — Б. А.) с Дарго, Сирга и Атразом и в итоге победило Дарго над Юсуп-ханом и злодеями и из его войска было убито 2000 вооруженных воинов»¹².

Приводимый документ интересен не только с точки зрения освещения в нем одного из важных моментов борьбы верхнедаргинцев с персидскими завоевателями в начале XVII в. Он

¹² Рук. фонд ИИЯЛ Дагфилиала АН СССР. Список книг из селения Убра, № 783.

показывает, что кадием в Акуша-Дарго в начале XVII в. был Гаджи-Махмуд, известный своею ученостью не только среди даргинцев, но и среди других народов Дагестана, о чем говорит прозвище его «кадий эпохи».

На полях одной арабской рукописи под названием «ал-Хисн ал-хасин («Неприступная крепость»), хранящейся у местного арабиста из селения Усиша Галбецова Магомеда, имеется запись, где говорится: «Пришли войска рафизитов (персов — Б. А.) в местечко Усиша в области Дарго в 1022 г. хиджры», что соответствует 1613 или 1614 году.

В указанной рукописи имеется также запись о том, что в 1099 году хиджры (1687—1688 г.) в селении Акуша распространилась чума; в 1121 году хиджры (1709—1710 г.) в Акуша среди крупного рогатого скота распространилась страшная болезнь. Чума распространилась в Акуша и в 1191 году хиджры (1777 г.).

Достоверность всех перечисленных сведений не вызывает сомнений, ибо автор записи безошибочно перечисляет здесь же и другие события из истории Дагестана, как, например, приход в 1100 году хиджры (1689 г.) в столицу Уцмийства Кайтагского селение Башлы во время правления уцмий Али-Султана войск кубинского правителя Гусейн-хана, поход русских войск во главе с Петром I в 1134 году хиджры (1722 г.) в Дагестан и т. д.

Достоверность указанных сведений и в частности фактов распространения чумы подтверждается также наличием ряда аналогичных записей в других рукописях, обнаруженных на территории бывшего Акушинского союза сельских обществ. Так, в одной арабской рукописи, находившейся у арабиста из селения Мекеги Кембарова Шахбана также имеется запись о том, что в конце XVIII в. чума распространилась в Кумухе и в Акуша. Здесь же имеется запись о приходе в селение Хрюк персидских войск, о походе русских войск, шамхала и даргинцев против Башлы¹³.

В одной из арабских рукописей, находящейся у арабиста из сел. Муги Закаригаева Магомед-Запира, также имеется несколько записей о распространении чумы в Кумухе, в Акуша и в Дагестане в целом. В одной из записей сказано, что распространившаяся в 1226 году хиджры (1811—1812 г.) в Дагестане чума продолжалась семь лет, в результате чего умерло много людей.

По сообщению арабиста Закаригаева Магомед-Запира на одном из старых кладбищ селения Муги раньше находился надгробный памятник, где была запись, что во время чумы,

¹³ А. Шихсаидов. Магичерти баянти. «Колхозла байрахъ» (на даргинском языке), 14 ноября 1961 г.

распространившейся в 1226 г. хиджры, в селении Муги умерло 705 человек ¹⁴.

В записи, сделанной в арабской рукописи под названием «Китаб далаил ал-хайрат» («Книга доказательств благоденствий»), которая также находится у упомянутого выше арабиста из селения Усиша Палбецова Магомеда, отражена тяжелая и героическая борьба верхнедаргинцев против персидских войск Надир-шаха. В ней сказано: «Это известие для тех, кто останется после сегодняшнего дня. Вот войска рафизитов разрушили селение Нахки в 1154 году хиджры (1741—1742 г.) и они убили и взяли в плен из нас мужчин, юношей, женщин и детей числом до 353. Мы сражались против них пятнадцать дней, но мы были вынуждены оставить наше селение, бросив свое имущество. Мы оставили детей, отцов и матерей своих, а среди нас только двое не имели ран. В селении не осталось ни скота, ни овец, если не считать коровы, быка и трех лошадей. Затем одолел нас голод и умерли от этого голода мужчины, женщины и дети... говорят, что число умерших от голода дошло до ста семнадцати, а некоторые говорят, что еще больше. Да спасет нас Аллах от козней и гнева.

Затем убитых их при нас 3635 человек. Это написано при Тахмасхане в присутствии Сурхай-хана, шамхала, а также других алимов».

На значение этого ценного документа впервые обратил внимание кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института ИЯЛ Дагфилиала АН СССР А. Р. Шихсаидов, который опубликовал его еще в 1961 г. в областной газете «Колхозла байрахъ» ¹⁵.

Другой сокращенный вариант аналогичной записи имеется в арабской книге, хранящейся у жителя селения Нахки Омара Рабадана. В ней сказано: «Это сообщение от тех, которые остались в живых после этого дня, и уже уничтожен храм Афзи кызылбашскими (персидскими — Б. А.) войсками в ауле Нахки в 1154 году. Среди нас убитых насчитывалось 1635 человек. Эту запись прочитал у Тахмаз-хана в присутствии Сурхай-хана, Шемхала и других улемов». Опубликовал этот вариант документа профессор Р. М. Магомедов в 1963 г. ¹⁶

Много арабских рукописей с ценными историческими записями на их полях хранятся в библиотеках местных арабистов в селении Мекети (в доме Кембарова Шахбана), Гапшима (у Ахмедова Магомеда), Муги (Закаригаева Магомед-Запира), Цудахар (Муртазалиева Кутта) и др.

¹⁴ Полевой материал, собранный нами в 1962 г.

¹⁵ А. Шихсаидов. Магичерти баянти. «Колхозла байрахъ» (на даргинском языке), 14 ноября 1961 г.

¹⁶ Р. М. Магомедов. Легенды и факты. Из записных книжек историка. Махачкала, 1963, стр. 119.

К другим памятникам письменности, являющимся вместе с тем, подобно надписям на полях арабских рукописей, важнейшими историческими памятниками средневековья, относятся памятники эпиграфики, т. е. надписи на камнях. При строительстве общественных зданий в 20—30 годы многие памятники эпиграфики были уничтожены и использованы в качестве строительного камня. Поэтому до наших дней из этих памятников, особенно из древних, сохранилось очень мало.

Наиболее ранним эпиграфическим памятником, обнаруженным на территории Верхней Даргинии, является надгробный памятник в селении Шукты, датируемый 909 г. хиджры (1503 г.). Имеющаяся здесь надпись гласит: «Хозяин этой могилы Камиль, сын Абдулмалика. Девятьсот девятый год».

Другой надгробный памятник XVI в., сфотографированный Э. В. Кильчевской и опубликованный в 1961 г. Л. И. Лавровым, находится в селении Акуша. Здесь имеется надпись: «Это могила Т-б-ка (Табука), сына Наджм-уд-Дина, мученика, который умер в бою с неверными в начале сафара девятьсот восьмидесятого года. Да осветит Аллах его могилу». Сафар девятьсот восьмидесятого года хиджры соответствует 13. VI—12. VII 1572 г.¹⁷

В селении Шукты Акушинского района в 1963 г. с помощью местного арабиста Гасамахова Магомед-Кадии нами зафиксирован ряд ценных исторических памятников эпиграфики, относящихся к XVI—началу XVII в., которые повествуют о борьбе жителей Верхней Даргинии против персидских войск в начале XVII в. На одном из двух надгробных памятников, поставленных рядом друг с другом, имеется надпись на арабском языке, где говорится, что это могила Юсупа, сына Магомеда, погибшего в 1020 г. (1611—1612 г.) в селении Усиша в борьбе с войсками кызылбашей (персов). Далее здесь сказано, что вместе с ним в один день было убито кызылбашами 4400 человек. На другом памятнике имеется надпись, что это могила Магомеда, сына Юсупа. Надо полагать, что эти два надгробных памятника поставлены отцу и сыну, погибшим вместе в одном сражении верхнедаргинцев против персидских завоевателей.

Старожилы рассказывают, что подобные памятники погибшим в бою с персидскими завоевателями, происшедшем в селении Усиша, находились раньше и в других селениях Акушинского района. Так, в селении Акуша только на одном ста-

¹⁷ Л. И. Лавров. Материалы по арабской эпиграфике на Северном Кавказе. СМАЭ, т. XX, М.—Л., 1961, стр. 175—176. См. также. Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках, ч. I. Надписи X—XVII вв. Тексты, переводы, комментарии, введение и приложения Л. И. Лаврова. Изд. «Наука». М., 1966, стр. 152.

ром кладбище было около 40 надгробных памятников, поставленных погибшим участникам сражения верхнедаргинцев против персидских завоевателей, происшедшего в селении Усиша в начале XVII в.

Изучение этих памятников приводит к выводу, что в начале XVII в. на территорию Акуша-Дарго было совершено несколько походов персидских войск. Хотя акушинский кадий вместе с другими правителями Дагестана изъявил покорность шаху Аббасу I¹⁸, насилия завоевателей, разнообразные налоги и повинности, стремление надеть на горцев ярмо, вызвали ряд выступлений горцев. В результате шах Аббас I вынужден был посылать в горы карательные экспедиции. Первая экспедиция во главе с правителем Шабрана Юсуп-ханом провалилась полностью. Поэтому обозленный таким исходом, в следующие годы Аббас I посылает против Акуша-Дарго большие отряды, которые жестоко расправились с верхнедаргинцами за оказанное завоевателям сопротивление.

Ряд памятников эпиграфики, относящихся к XVII—XVIII вв., обнаружен нами и в селении Усиша. Здесь на одном из старых кладбищ сохранились надмогильные памятники с арабскими надписями, относящиеся к 1698, 1706, 1717, 1725, 1729, 1732 и другим годам, которые повествуют о смерти отдельных лиц — жителей селения Усиша, об их родословии и т. д.¹⁹

Встречаются на территории Верхней Даргинии и строительные надписи, которые говорят не только о времени строительства жилых домов, общественных зданий, мечетей, мостов, крепостей и т. д., но и свидетельствуют о развитии строительного дела в тот или иной период истории. В Муги до наших дней в центре селения сохранилась оборонительная башня с арабской надписью 772 г., что соответствует 1370 г. Сохранившиеся вокруг этой башни развалины говорят о том, что некогда здесь находился целый комплекс оборонительных сооружений, построенный на краю селения. Очевидно, в конце XIV в. тимуровские войска разрушили его во время похода их в Верхнее Дарго.

В селении Усиша сохранилась мечеть, на фасадной стороне которой имеются два камня с арабскими надписями. На верхнем камне надпись гласит: «Дата 1071 год. Вот построена эта мечеть за восемь дирхемов». 1071 г. соответствует 1660 г., т. е. мечеть построена в середине XVII в.

¹⁸ Очерки истории Дагестана, т. I. Махачкала, 1957, стр. 92; Р. М. Магомедов. История Дагестана с древнейших времен до конца XIX в. Махачкала, 1968, стр. 157.

¹⁹ Рук. фонд ИИЯЛ Дагфилиала АН СССР, ф. 1, оп. 1, д. 371. Полевой материал, собранный нами в 1962 г.

На нижнем камне написано: «(Владелец этого) камня Махмуд, сын.. Магомеда»²⁰, что говорит о строительстве этой стены Махмудом, сыном Магомеда.

Таким образом, все указанные памятники письменности говорят о том, что у верхнедаргинцев, также как у других народов Дагестана, арабский язык и арабская письменность получили широкое распространение. На арабском языке не только велась деловая и официальная переписка, на этом языке писалась почти вся литература, в том числе и историческая, которая для исследователей истории даргинцев и народов Дагестана в целом имеет большое научное значение.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИИ РАН**

instituteofhistory.ru

²⁰ Рук. фонд ИИЯЛ Дагфилиала АН СССР, ф. 1, оп. 1, д. 371. Полевой материал, собранный нами в 1962 г.

ИЗ ИСТОРИИ ПОСЕЛЕНИЙ СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫХ НОГАЙЦЕВ XIX—XX ВВ.

Публикуемая статья посвящена поселениям той части ногайцев, которая известна в дореволюционной литературе под названием караногойцев и кумыкских ногайцев. Эта часть ногайцев населяет северо-восточную часть Дагестанской АССР — Ногайский и частично Бабаюртовский и Кизлярский районы. В основу статьи положен полевой материал, собранный автором в Бабаюртовском и Ногайском районах в 1965 и 1967 гг. во время летних этнографических экспедиций.

В советской этнографической литературе до настоящего времени не уделялось необходимого внимания изучению истории материальной культуры ногайцев вообще, и в особенности выше указанной части ногайского народа. Крайне слабо освещен, в частности, такой существенный элемент их материальной культуры, как поселения. Кроме кратких описаний, содержащихся в общих работах, никаких исследований по данному вопросу пока не имеется.

Между тем конкретное, специальное изучение поселений имеет очень важное значение как с точки зрения прослеживания развития культуры ногайского народа, выяснения кардинальных вопросов его этногенеза и культурно-экономических связей с соседними народами Кавказа, так и особенно для показа тех коренных преобразований, которые произошли в экономике и культуре ногайцев за годы Советской власти, с победой колхозного строя.

Задачу в некоторой степени восполнить этот пробел в исследовании материальной культуры дагестанских ногайцев и ставит перед собой автор данной статьи.

* * *

Ногайцы, одна из народностей Северного Кавказа, не занимают единой этнической территории. Они живут преимущественно в Дагестане и в Ставропольском крае. Общая числен-

ность ногойцев по переписи 1959 г. 41 тыс. чел. Из них в пределах Дагестана проживает 14,9 тыс. чел.

Территория, занимаемая дагестанскими ногойцами, представляет собой огромную, редко встречающуюся равнину, площадью около миллиона гектаров.

Основная масса ногойцев вплоть до начала XIX в. вела кочевой или полукочевой образ жизни. Главным занятием ногойцев было разведение скота, вместе с которым они кочевали по летним и зимним пастбищам. Разводили они овец, лошадей, верблюдов и крупный рогатый скот. Земледелием занималось незначительное количество оседлого и полуоседлого населения. Сеяли главным образом просо и частично пшеницу. Никаких огородных растений не выращивали.

Материальная культура ногойского народа (поселения, жилище, одежда и т. д.) развивалась в полном соответствии с условиями его хозяйственной деятельности.

Все исследователи, в той или иной мере занимавшиеся изучением быта ногойцев, единодушно отмечали тяжелое положение кочевников-скотоводов, причем многие авторы затрагивали проблему перевода ногойцев на оседлость. Однако царское правительство не проявляло сколько-нибудь живого интереса к судьбе ногойцев, как и других народов, населявших окраины России. Сохранение кочевого типа хозяйства с патриархальным строем семьи отнюдь не мешало царской администрации обеспечивать исправное поступление в казну всех налогов с населения. Тем не менее часть ногойцев еще в XVIII в. постепенно начинает переходить к оседлости.

В условиях царской России этот процесс проходил очень медленно. Первыми стали переходить к оседлости и заниматься земледелием кубанские ногойцы, а затем частично кумыкские и ачикулакские ногойцы. У караногойцев процесс перехода к оседлости также наметился еще в дореволюционный период. Однако основная масса ногойского населения вплоть до установления Советской власти продолжала вести хозяйство кочевого или полукочевого типа.

Работавший в 90-х годах в Караногое заведующим сельским училищем Г. Ананьев, например, писал: «Караногойцы народ кочевой, не имеющий постоянного местожительства: неудивительно, что они не основали до сих пор ни одного селения и ни одного города. Их столицей, так сказать, считается ставка Терекли-Мектеб, что в переводе означает дом, окруженный деревьями; они же называют ее «Орусуй», что значит «русский дом». В этой ставке сосредоточивается вся власть и управление ими... Собой Терекли-Мектеб представляет безобразный вид: небольшое число домов, которые не образуют даже маленькой улицы, а кругом степь, беспредельная степь... Караногойскую

стель населяют исключительно караногайцы... а ставку Терекли — русские и армяне, всего несколько семейств»¹.

После Великой Октябрьской социалистической революции в жизни ногайского народа произошли коренные изменения. Осуществление таких важных мероприятий, как землеустройство и развитие земледелия, создание ирригационной сети, большая материальная помощь государства (долгосрочные и безвозвратные ссуды, выделение стройматериалов) дали возможность ногайцам выйти из тяжелого положения, обеспечили им быстрый переход к оседлости. Особенно глубокие изменения в жизни ногайского народа вызвала победа колхозного строя.

В своем развитии ногайские поселения прошли ряд этапов и стадий, а именно: кочевые, полукочевые и, наконец, оседлые аулы, на характер которых накладывал определенный отпечаток достигнутый уровень социально-экономического развития.

Поселения ногайцев XIX и начала XX вв. были двух типов — аулы и «отары». Последние представляли собой главным образом однодворные и реже двух—пятидворные поселения типа монгольских аилов, хуторов или отселков². Основным типом поселений был аул, где проживала главная масса общинников.

«Отары» этого периода обычно принадлежали богатым скотоводам, создавались, как правило, на зимних пастбищах и всегда на определенном расстоянии от аулов, так как сохраняли с ними хозяйственное единство и легко сливались со всей аульной общиной в период весенней перекочевки. Более того, обычно эти богатые ногайцы, владельцы большого количества скота, сами жили и кочевали вместе со всем аулом, а стада свои держали в «отарах».

Одни из поселений этого периода по своему характеру представляли собой соседский тип поселений, объединяя представителей различных родственных групп — тухумов; другие, наоборот, продолжали сохранять тухумный принцип объединения, состоя главным образом из членов одного родственного подразделения, третьи являлись территориально-тухумными. Все же в исследуемое время преобладали поселения, в основе которых лежал территориальный или территориально-тухумный принцип.

Вспоминая, из кого состоял Мал-аул Таргуногайцев, один из представителей старшего поколения этого общества, Арсланбеков Оразали сказал: «В нашем кочевом ауле было около

¹ Г. Ананьев. Караногайцы, их быт и образ жизни. СМОМПК, вып. XX, Тифлис, 1894, стр. 37.

² Б. Я. Владимирцов. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934, стр. 36—37.

30 хозяйств. Это были мой отец с двумя женами и двумя женатыми сыновьями, семьи двух сестер нашего отца (наши зятья были с нами); братья наших матерей со своими семьями, братья их жен и несколько посторонних. Аулбаем был мой дядя по матери, Ильяс»³.

Автор ценного этнографического очерка о караногайцах Г. Ф. Малявкин писал, что в более отдаленном прошлом, «когда еще были крепки традиции родового быта, караногайцы селились большими аулами, аул состоял из членов, принадлежащих к одному роду и носил общее название родоначальника»⁴.

Несомненно такие тухумные поселения вначале состояли из больших патриархальных семей, а с их распадом — из малых. Общественная дифференциация, развитие частной собственности и товарно-денежных отношений привели к тому, что родовой союз ногайцев постепенно терял свое значение. Родственное единство поселений нарушалось, уступая место территориальному принципу. Многие родственные семьи в силу ряда социально-экономических причин начинали переходить в другие сельские общины. Классовое расслоение общества приводило к тому, что основной фигурой в ногайском ауле становился богач-аулбай, вокруг которого группировались бедняки, как родственники, так и посторонние. Указывая на далеко зашедшее классовое расслоение у ногайцев, тот же автор отмечает: «богачи всегда живут отдельно, около них обыкновенно группируются кибитки бедных, посторонних или родственников, служащих по найму»⁵.

Однако патриархальные порядки в ногайском обществе держались еще очень стойко. Это позволяло ногайцам-богачам, в руках которых находилась главная масса скота, эксплуатировать под видом родовой помощи своих сородичей, превращать их в дешевую рабочую силу.

Кочевые аулы. До начала XX в. основным видом жилища дагестанских ногайцев, караногайцев, была юрта «термэ», «тельмэ», «уый», возникшая еще в далеком прошлом и отвечавшая условиям кочевания степного типа. Согласно источникам для ногайцев были характерны два вида кочевания — большими и малыми группами.

Исходной формой поселения ногайцев, как и других кочевников, являлись временные стоянки-кочевья. В XIX—начале XX вв. поселение-аул составляла группа юрт, разбросанных

³ Полевой материал. Селение Центральная Тамаза-Тюбе, август 1967. Информация Оразали Арсланбекова, 1901 года рождения.

⁴ Г. Малявкин. Караногайцы. «Терский сборник», 1893, XXIV, вып. 3, кн. II, стр. 147.

⁵ Там же.

часто без четкого плана, но по определенному, как отмечалось выше, территориальному или родовому принципу. Кочевой аул мог включать различное число хозяйств — от 5 до 50 и более. Встречались, особенно в весенне-летний период, и самостоятельно кочующие семьи, не входившие ни в один аул. «Караногайцы, — писал Г. Ф. Малявкин, — селятся и большими и малыми аулами, иной раз встречается и одинокая кибитка — все состояние бедняка караногайца»⁶. Однако для исследуемого времени господствующей была система малых аулов.

Ногайцы не совершали дальних (800—1000 км в год) перекочевов в меридиональном или вертикальном направлениях, это делали многие народы Восточной, Средней Азии, Казахстана и др.⁷. Их маршруты были значительно короче, в небольшом радиусе. Пастбища ногайцев были связаны с колодцами, реками Сулак, Терек и частично Кумой у берега Каспийского моря. Поэтому кочевание происходило замкнутыми циклическими кругами, главным образом вблизи источников, где были наиболее обширные пойменные и луговые места для выпаса скота летом и зимой. Причем перекочевка производилась на арбах, запряженных быками, на лошадях и верблюдах, на которые складывали разборную юрту и весь домашний скарб.

Аулы были зимние (кыслав), весенне-летние и осенние (яйлак, язлав). Места для стоянки, летней и зимней, выбирались в соответствии с сезонными условиями кочевого скотоводства, т. е. в зависимости от наличия кормовой базы для скота и источников воды. В отобранное место при необходимости предварительно направлялась группа молодых мужчин, которые рыли колодцы. Затем прибывал весь аул. Иногда, в зависимости от почвенно-географических условий, колодцы приходилось рыть всем аулом, так как вода находилась на глубине до 8 метров. Там, где было возможно, селились около рек, колодцев, давно выкопанных и служивших не одному поколению; их очищали, приводили в надлежащий порядок. Нередко ногайцам приходилось пользоваться снеговой и дождевой водой.

Все это и заставляло ногайцев кочевать небольшими аулами.

Зимние поселения располагались более компактно, летние — разбросанно. В зимнем ауле кибитки общинников устанавливались в одних случаях в ряд, в других — полукругом, в третьих — беспорядочно. Бывали, правда, очень редко и

⁶ Там же.

⁷ См. С. А. Токарев. Этнография народов СССР. М., 1958; Народы Средней Азии и Казахстана, тт. I—II, М., 1962—1963; Народы Восточной Азии, М.—Л., 1965 г.

такие аулы, которые располагались в плане полного кольца — «дёгерек» (буквально «круг»). Нередко аул назывался «дёгерек» такою-то. Ногаец и сейчас употребляет выражение: «Ол Гъажибайни дёгерегинде яшай эди» (он жил в кругу Гаджибая) и т. д.

Форма кочевого поселения в виде кольца «дёгерек», встречающаяся у ногайцев в XIX—начале XX вв. уже редко, видимо, была более древней и ранее господствующей формой, характерной для периода родо-племенных отношений. С развитием феодальных отношений такая планировка могла быть заменена разбросанной (без какой бы то ни было системы) или однорядной планировкой, что соответствовало социальной природе сельской общины, изменениям, которые происходили в ней в результате развития частной собственности и образования классов.

Построение стойбища кольцом было характерно в прошлом и для других кочевых народов. Известный персидский историк XIII в. Рашид ад-дин сообщает, в частности, что монгольские племена на стойбищах располагались по кругу «куреном». Стойбища (kyrijen по-монгольски) образовались также из кочевых дворов, состоящих из отдельных юрт и телег-кибиток. «Значение (термина) курень,—пишет Рашид-ад-дин,—следующее: когда множество кибиток располагаются по кругу и обходят кольцо в степи, то их называют курень»⁸.

В поселениях, расположенных кольцом, часть кибиток размещалась по окружности, а другая — внутри круга. В середине его обычно содержался скот; скот содержали и за кибитками, особенно, если аул располагался полукругом.

На летних кочевьях, как правило, не было ни круга, ни полукруга — вся община устраивалась как каждому хозяйству удобно, поэтому летние стоянки-поселения имели беспорядочную, разбросанную планировку. Все же и здесь соблюдался известный принцип: все кибитки располагались на определенном расстоянии друг от друга (5—10 метров), с ориентацией на юг. Как объясняют сами ногайцы, это делалось и для использования солнечного тепла (пригрева помещения), и для правильного определения направления во время моления на юг, к гробу Мухаммеда, как это принято на всем мусульманском Востоке. Последнее, пожалуй, не совсем верно, ибо южная ориентация своими корнями уходит в глубокую древность. Известный западноевропейский путешественник Рубрук, например, писал о татарах, которые тогда еще не были мусульманами, что «когда они свои дома (кибитки — С. Г.)

⁸ Рашид-ад-дин. Сборник летописей, т. I, кн. 2, М.—Л., 1952, стр. 18. См. также Б. Я. Владимиров. Указ. соч., стр. 37, 45.

устанавливают для остановки, они всегда поворачивают ворота к югу»⁹.

В поселениях всех форм, особенно на зимних кочевьях, самое удобное место, лучше защищенное от ветров, в ложине, у реки или колодца, на первом плане занимал аулбай. Рядом с ним, в 5—10 метрах, чаще по обе стороны от него, ставили свои кибитки сыновья, обычно имевшие общее с ним хозяйство, и другие родственники, соблюдая степень родства, старшинства и т. д., а далее — чужие, бедняки и батраки.

В поселении, расположенном в виде круга, аулбай обычно устраивался в центре круга. Видимо, это также была очень древняя традиция ногайцев, восходящая к периоду родо-племенного строя, когда глава рода или родового подразделения имел большую власть, был особо почитаем. Такая традиция была присуща и другим кочевым народам. В частности, тот же Рашид-ад-дин писал: «В давние времена, когда какое-нибудь племя останавливалось в какой-либо местности, оно (располагалось) на подобие кольца, а его старейшина находился в середине (этого) круга, подобно центральной точке»¹⁰. Еще в XIX в. такая форма поселения была характерна для кочевых башкир и др.¹¹

Построение кочевого лагеря кольцом с юртой старейшины в центре круга исследователь средневековой культуры кочевых народов С. А. Плетнева связывает с «культом солнца, древнейшим символом которого был круг с точкой в центре»¹².

Устанавливая свою юрту посередине круга, аулбай безусловно выдавал себя за главу общины, покровителя ее, старался как можно лучше распространять свою власть, свое влияние на всю кочевую хозяйственно-социальную единицу — аульную общину, точно так же как это делали родовые вожди по отношению к своим сородичам и средневековые кочевнические феодалы, изображавшие себя «старейшинами рода»¹³.

Были и аулы, состоящие из одного мощного хозяйства — в ряде случаев, как мы уже отмечали, богатые семьи кочевали отдельно, без общинников, только со своими сыновьями, не выделенными в самостоятельные хозяйства, а также со своими наемными работниками «ялчы». Нередко в таких хозяйствах числилось от 20 до 50 и более душ, или 5—10 кибиток.

⁹ «Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука», М., 1957, стр. 92.

¹⁰ Рашид-ад-дин. Указ. соч., стр. 86. См. также Б. Я. Владимирцов. Указ. соч., 1934, стр. 37.

¹¹ Р. Кузеев. Очерки исторической этнографии башкир. Уфа, 1957, стр. 100.

¹² С. А. Плетнева. От кочевий к городам. М., 1967, стр. 69.

¹³ Там же.

Аулы назывались по имени главы родственной группы, кочевавшей совместно, или чаще всего, особенно в XIX—начале XX вв., по имени первого богача, как фигуры, известной и влиятельной не только среди одноаульцев, но и в кругах администрации Ногайской степи. Так возникли аулы Мюскей-болюк, Гаджи-бай, Тан-Ярык-Гаджи, Салами-аул, Шихали-аул, Кади-аул, Махмуд-аул и др. Характерно, что в XIX—начале XX вв. с развитием капиталистических отношений редко наблюдаются случаи, когда два крупных скотовода кочуют в одном ауле — каждый богач старается быть главой аула и группирует вокруг себя зависимую бедноту, преследуя определенные экономические цели.

Существовали и такие аулы, которые именовались по названию близлежащих курганов — Тамаза-Тюбе, Орта-Тюбе, Сулу-Тюбе, Геме-Тюбе, Кара-Тюбе, Герменчик-Тюбе и др.; по названию колодцев — Теренкую, Карасу, Кара-кую и др.; по географическому расположению — Кунбатар и др.

Весной перекочевки начинались в конце марта — начале апреля и продолжались до поздней осени, примерно до октября—ноября. В сезон перекочевки аул часто дробился на мелкие части, по несколько кибиток в каждой. Количество кибиток, группировавшихся вместе в весенне-летний период, находилось в зависимости от условий выпаса скота, наличия воды, близости населенных пунктов, с которыми ногайцы должны были поддерживать экономические связи и т. д. На летних пастбищах ногайский аул время от времени, по мере использования свежей травы скотом, менял место стойбища; нередко за сезон приходилось менять стойбище 5—6 раз. Бывали годы, правда редко, когда не приходилось сниматься с места весенней стоянки в течение всего сезона, так как степь обильно покрывалась сочными травами. Все зависело от природы, под властью которой находился ногаец-кочевник, от количества и времени осадков.

Таким образом, ногайцы в течение сезона то соединялись по несколько кибиток вместе, то дробились, и так передвигались по степи со своим скотом. Чем больше было в ауле или у отдельных семей стада, тем больше оно вызывало перекочевки.

Осенью же, как правило, ногайцы собирались всем аулом на одном месте. Расстояние между летними и зимними кочевьями у разных аулов было разное и часто составляло 15—20 и более км. В засушливые годы в поисках травы ногайцы делали переходы и на расстояние 70—100 и более км. Например, карангайцы, особенно те, у кого было много скота, в такие годы делали перекочевки к берегам р. Кумы.

Расстояние между аулами тоже было различно. Чаще всего они располагались в 5—10 км друг от друга и население

соседних аулов принимало участие в хозяйственной, общественной и культурной жизни друг друга. Местом для зимнего аула ногайцы выбирали наиболее защищенные от северных ветров — русла высохших речек, глубокие долины, изобилующие травой, камышом и бурьяном, служившие не только кормом для скота, но и строительным материалом, главным образом, для скотопомещений.

Надо сказать, что эти зимние стоянки, в отличие от летних, постепенно становились постоянными. Каждый аул возвращался (во всяком случае так обстояло в XIX—начале XX вв.) на свое старое и в какой-то мере освоенное, «обжитое» место, где уже был вложен определенный труд. Изредка случалось, что другой аул, опережая, приходил и занимал под свой аул это «чужое» место. Тогда непременно возникала ссора, в которую зачастую вмешивались нейтральные аулы. Кончалось дело разбирательством согласно нормам обычного права — покидал данное место новый претендент. Но бывали на этой почве и кровопролитные столкновения, в результате которых менее мощный аул уступал место более сильному.

**Возникновение
и оседлых аулов
полуоседлых**

На зимних стоянках постепенно возникали хозяйственные постройки — загоны для скота («шетен», «хора», «гётерме», «гюрен» * и др.), которые сооружались из бурьяна и камыша. Они как бы свидетельствовали о праве собственности данного общества на этот участок. Ногайцы тут стали оставлять топливо, кизяк, которое заготавливалось весной на следующую зиму, с освоением земледелия многие полуоседлые ногайцы делали здесь запасы зерна в ямах («кур»). На зимних же кочевьях, вначале в небольших размерах, стали заготавливать сено. Для выполнения этих работ на зимовья направлялись члены семей. Зимние пастбища строго охранялись обществом от потравы. Это обстоятельство заставляло ногайцев переходить на летние кочевья одновременно всем аулом.

Возвращались также всем аулом, причем каждая семья устанавливала свою юрту там, где она была раньше и где семья имела загоны для скота, оставляла на зиму топливо, зерно, сено и т. д.

Как правило, на этих зимних кочевьях постепенно стали возникать и постоянные жилые помещения, постоянные аулы. На территории Ногайского района (быв. Караногай) первыми постоянными поселениями, возникшими во второй половине XIX в., были Терекли-Мектеб и Уйсалган. Терекли-Мектеб

* Ср. со средневековым «курнем». См. Рашид-ад-дин. Указ. соч., т. 1, кн. 2, стр. 15.

был основан русской администрацией, как ставка для пристава в Ногайской степи, Уйсалган — самими ногайцами.

Еще в начале XX в. Терекли-Мектеб был совсем маленьким населенным пунктом. В 1905 г. в нем было «4 каменных и два саманных казенных дома», где помещались «пристав караногайского народа, два его помощника, канцелярия пристава со служебным персоналом, караногайское одноклассное училище, ветеринарный врач и подведомственные ему фельдшера».

На улице южной линии находились «почтовое отделение, казачья команда и 6—7 разных лавочек, приютившихся в небольших саманных домиках». Эти постоянные дома в Терекли-Мектебе ногайцы называли «орус-уй» (русское жилище) ¹⁴.

Ногайский оседлый аул Уйсалган, который еще называли «Кирпич аул» (здесь сооружали дома из саманного кирпича), был основан обедневшими скотоводами, которые первыми приобщились к земледелию. Этот аул также был малодворным, состоял только из нескольких хозяйств.

Были даже аулы, состоящие из одного дома. Например, в Махмуд-ауле (совр. Нариман-аул) аулбай Махмуд Аракчиев поставил на зимнем кочевье один дом из саманного кирпича с железной крышей. Этот дом долго оставался на данном участке единственным жилищем оседлой формы. Рядом с ним зимой стояли десятки кибиток других ногайцев. Лишь через несколько лет здесь появился второй дом, а потом еще несколько домов аульчан. По свидетельству представителей старшего поколения в 1916—1917 гг. в ауле уже было 15—16 строений из саманного кирпича ¹⁵.

В предреволюционные годы стали возникать и другие оседлые аулы: Орта-тубе, Карагас, Кумбатар и др. Все они также являлись маленькими населенными пунктами, нередко состоящими из жителей разных аулов. Так, аул Уйсалган был основан выходцами из кочевых аулов Ус-тубе, Кара-кую, Кошеген, Барам-бай, Таяг-Ярык-Гаджи, Салеми и др. Еще в 1926 г. он считался во всей караногайской степи самым крупным аулом. В нем тогда насчитывалось 725 жителей ¹⁶.

Однако, строя жилища оседлой формы, ногайцы не сразу переходили к прочной оседлости. Первое время они вели полuosедлый образ жизни: многие из них только в зимний период поселялись в постоянного типа жилища, поставив тут же рядом и юрту, а весной вместе со всем аулом еще долго продол-

¹⁴ Л - к о. Несколько слов о караногайцах и их быте. «Терские ведомости», 1905, № 116.

¹⁵ Полевой материал. Инф. Мухтар Ялбамбетов (1897 г. р.) сел. Нариман-аул Ногайского района, 25 июля 1967 г.

¹⁶ Районированный Дагестан, Махачкала. 1930, стр. 35.

жали перекочевки по летним пастбищам. Вышеупомянутый Махмуд Аракчиев, например, жил в своем доме только в зимний период, а с наступлением лета уходил в степь вместе со всеми.

В местах оседлости одними из первых возникали сооружения культового назначения — мечети. Весной вместе со всем аулом уходил также мулла, закрыв мечеть на лето. Однако, если расстояние между летними и зимними пастбищами было небольшое, то в пятницу многие ногайцы приходили молиться в мечеть. Остальное время на летних пастбищах они молились на аульной площади, огороженной земляным валом; сюда по зову мoulлы собирались на дневные молитвы все взрослые ногайцы не только данного аула, но и близлежащих.

Массовый переход к прочной оседлости у ногайцев начинается только с 20-х годов — с установлением Советской власти в Дагестане. Завершается этот процесс в период колхозного строительства.

Ликвидация кочевничества была одной из тех неотложных и сложных задач, которые стояли тогда перед правительством Дагестана. Надо отметить, что Караногай был присоединен к Дагестану постановлением Президиума ВЦИКА от 11 января 1923 г. в составе Кизлярского уезда. С первых же дней выявилась необходимость «накормить голодающий Кара-Ногай и организовать там лечебную помощь... восстановить разрушенное барановодство, перевести кочевые племена на оседлое положение, произвести мелиоративные и оросительные работы, в безводных степях предполагается прорытие канала, чтобы берега его могли явиться местом оседлости»¹⁷.

Таким образом, эта проблема решалась одновременно с осуществлением больших землеустроительных работ и других экономических мероприятий. Наиболее полным и последовательным социально-экономическим мероприятием, как в республике в целом, так и в Ногайской степи, была земельно-водная реформа, осуществленная в 1927—1932 гг. Ногайцам были возвращены лучшие земельные угодья, конфискованные царским правительством для русских колонистов — помещиков, принимались меры к внедрению земледелия и созданию ирригационной сети.

В числе мер, оказавших огромное воздействие на переход ногайцев к оседлости, особое место занимает большая материальная помощь государства ногайскому трудовому населению в виде долгосрочного и безвозвратного кредита.

¹⁷ Доклад III Вседагестанскому съезду Советов о деятельности Президиума ДагЦИКА, Совнаркома и Экономсовета с декабря 1922 по декабрь 1923 г. Махачкала, 1923, стр. 5.

«Положением о сплошном и обязательном землеустройстве ДАССР», утвержденным ВЦИКом 6 сентября 1926 г., было определено, что переселяющемуся и расселяемому в порядке землеустройства трудовому оседло-земледельческому населению, а также кочевому и полукочевому населению, переходящему на оседлость, «оказывается за счет особо ассигнуемых государственных средств содействие: а) предоставлением кредита на приобретение живого и мертвого сельскохозяйственного инвентаря; б) выдачей натурой семенного материала с рассрочкой возврата; в) бесплатным отпуском лесных материалов для постройки жилых домов и хозяйственных строений; г) отпуском долгосрочных кредитов на устройство артезианских колодцев и магистральных оросительных сооружений; д) освобождением от единого сельскохозяйственного налога; е) агрономической помощью...»¹⁸.

Постановлением Совета Народных Комиссаров РСФСР от 21 сентября 1927 г. на осуществление плана земельно-водной реформы в Дагестане было предусмотрено 20.970.444 руб.¹⁹

В зависимости от экономического положения оседающего ногайца размер материальной помощи колебался от 100 до 325 руб.²⁰ На бурение артезианских колодцев в степной части Дагестана, в частности в Ногайской степи, было ассигновано из государственного бюджета 520.000 руб.²¹

Реформа имела огромное значение для вовлечения ногайского трудового населения в различные формы коллективного ведения хозяйства.

Все эти социально-экономические мероприятия нанесли серьезный удар по патриархально-байским пережиткам у ногайцев, подорвали мощь и влияние баев-скотоводов, способствовали переходу ногайцев к прочной оседлости: один за другим возникали оседлые аулы.

Места для постоянных поселений выбирались по разным признакам: одни селения образовались в местах, где первоначально строились дома для проживания в холодное время года, другие — в местах, где на поверхность земли выходила вода артезианских колодцев, третьи — на оживленных трассах скотопргона.

В соответствии с традицией кочевых аулов, постоянные селения также не имели четкой планировки. Каждый застройщик ставил свой дом так, как это ему казалось удобнее. При этом проявлялась тенденция располагать дома группами отдельно от других. Часто эти группы представляли собой род-

¹⁸ Архив Даг. обкома КПСС, ф. 1, оп. 9, д. 213, л. 93.

¹⁹ Там же, оп. 5, д. 213.

²⁰ Там же, оп. 8, д. 76, л. 270.

²¹ Там же, оп. 9, д. 212, л. 12.

ственные подразделения или население бывшего малочисленного кочевого аула, осевшего вместе с населением другого аула.

Этой тенденции располагаться группами на большом расстоянии от других групп в немалой степени способствовало многоземелье; свободной земли было много, поскольку она тогда не использовалась для посадок посевов сельскохозяйственных культур.

Вследствие этого селения в ряде случаев представляли собой беспорядочно разбросанные группы усадеб, перемежающиеся пустырями. Многие из оседаемых аулов еще были малодворные. В основном каждая кочевая или полукочевая община оседала лишь в рамках своего состава. Здесь еще сохранялись традиционные принципы расселения по родовым подразделениям; до коллективизации сельского хозяйства бай еще пользовался многими привилегиями, продолжал оказывать влияние на общинников, хотя его авторитет значительно пошатнулся в результате ряда ограничений. Зачастую аулы продолжали носить имя бая.

В целом это был важный этап в развитии оседлых аулов в ногайской степи. Он был связан с созданием школ, культурно-просветительных учреждений, медицинских пунктов и т. д.

Другим, не менее важным этапом явилось укрупнение аулов, начавшееся еще в 30-х годах, но принявшее широкий размах в послевоенные годы. Этот процесс происходил в тесной связи с укрупнением и укреплением колхозов, с дальнейшим социалистическим переустройством всего хозяйства и культуры.

В основе этих и других мероприятий лежал принцип добровольности присоединения (с последующим переселением населения) экономически слабых, мало перспективных хозяйств к хозяйствам с окрепшей экономикой. Как правило, экономически слабые хозяйства представляли собой небольшие населенные пункты с мало развитым полеводством и животноводством.

Все эти преобразования имели огромное хозяйственно-культурное значение. В самом деле, по всей степи были разбросаны мелкие аулы. Так, в 1926 г. в Караногайском районе по переписи населения числилось 124 кочующих и оседлых аула, в которых проживало 14.296 чел., т. е. на один аул в среднем падало 113,6 чел.²² При этом подавляющее большинство аулов, т. е. 88 из них, насчитывало от 50 до 200 чел. в каждом. Такими были, например, аулы Апчик, где числилось лишь 15 хозяйств (73 чел.), Баймурза — 12 хозяйств (52 чел.),

Куркай — 12 хозяйств, Асав — 8 хозяйств, Карагул — 4 хозяйства и др. Из 124 аулов 23 имели не более 50 чел. каждый; только 13 населенных пунктов имели более 200 жителей каждый, причем самым крупным населенным пунктом считался Уйсалган, насчитывавший тогда 725 жителей.

Такая же картина наблюдалась и у ногайцев, проживающих в Бабаюртовском, Кизлярском и Ачикулакском районах. Например, в Бабаюртовском районе продолжали существовать такие аулы хуторского типа, как Кумаул, где проживало всего лишь 92 чел., составлявших 21 хозяйство, малый Кум — 33 чел., или 6 хозяйств, Медетаул — 72 чел. (19 хозяйств), Мектеб — 14 чел., составлявших лишь 3 хозяйства, Карасакал — 53 жителя, или 12 хозяйств.

Разумеется, такая разбросанность, наличие множества малодворных, хуторского типа аулов создавали значительные трудности в экономическом развитии населения степи, мешали осуществлению большой программы дальнейших социалистических преобразований. Серьезные препятствия они создавали в рациональном использовании земельных фондов и всех трудовых ресурсов, организации рабочей силы, в техническом оснащении хозяйств, развитии искусственного орошения и т. д.

Такое расселение вызывало трудности и в культурно-бытовом обслуживании населения: в электрификации, благоустройстве дорог, сел, водоснабжении, озеленении дорог и улиц, строительстве школ, интернатов, дошкольных учреждений, поликлиник, больниц, женских и детских консультаций, а также комбинатов бытового обслуживания, больших торговых точек, пекарен и т. д.

Тем не менее постепенно создавались большие, компактно расположенные аулы и поселки. Некоторые из них возникали на совершенно новых участках, удобных во всех отношениях, у водных систем, у магистральных дорог. Это можно наглядно продемонстрировать на примере аулов Бабаюртовского района. Так, вдоль мощного магистрального канала в 1935—1940 гг. расположился новый крупный поселок — Центральная Тамаза-Тюбе, куда были переселены жители из мелких и менее удобных аулов: Карасакал, Гаджибай, Ялангач, Караяр, Гичигут, Бакыл, Эсибагай, Харам-Казан-аул, Шпренгель, Львовские номера, Старая Тамаза-Тюбе и др.

В этот же и последующий период в результате подселения выходцев из аулов Таксанак, Кара-тюбе Кутан-аул, Ялан-че-чив укрепились селения Геме-Тюбе, Хасанай и Мужукай. Жители аула Кара-узек полностью переселились в селение Люксембург и стали жить вместе с кумыками. Переселенцы из разных ногайских аулов образовали рыболовецкий поселок «Новая коса». Значительная часть населения малодворных аулов Ас-аул, Барла-аул, Аул-отген-аул, Губечи-аул и др. пе-

реселились в рабочие поселки Главсулак, Главлопатин, Главкут. В результате все ногайские аулы здесь оказались расположенными вдоль мощного магистрального канала им. Дзержинского протяженностью 99,7 км, снабжающего водой в пределах района площадь размером более чем 52600 га, а также вдоль канала Гесек протяженностью 30 км. Укрупнению этих аулов и образованию новых, способствовали большая материальная помощь переселяемым за счет государства и колхозов. Им выдавались долгосрочные ссуды, отлучались строительные материалы, предоставлялись бесплатный транспорт и рабочая сила. Переселенцы освобождались на определенный срок от госпоставок, налогов. За счет государства, колхозов и совхозов во всех этих селениях были пробурены артезианские скважины.

Такие же преобразования происходили и в Ногайском районе. Достаточно проиллюстрировать это на примере крупных современных поселков Червленые буруны²³, Ленин-аул²⁴, которые были основаны лишь в 1926—1927 гг.

Рис. 1. Старая часть селения Уйсалган.

²³ Поселок Червленые буруны образован на базе овцефермы Дагестанского овцеводческого союза. Вначале количество дворов не превышало 20. В настоящее же время в поселке более 500 дворов, а население достигает 2500 чел.

²⁴ Ленин-аул образовали жители быв. населенных пунктов Буранчи, Кипчак-аул, Сари-аул, Красный Чабан и др.

Заметно разрослись и изменили свой облик за последние годы первые оседлые поселения ногайцев (Уйсалган, Карагас, Нариман-аул, Геме-Тюбе и др.), где возникли новые кварталы, новые улицы и целые комплексы хозяйственных и культурно-просветительных учреждений, административные корпуса совхозов и т. д.

Все же в ряде старых селений сохраняются традиции свободной планировки. Примером может служить селение Кумбатар. Для него, видимо, также был составлен проект застройки, предусматривающий наличие общественного центра. Об этом можно судить по некоторым признакам, характеризующим обычные планировочные приемы профессиональных архитекторов. Но генеральный план был осуществлен лишь в отдельных чертах, дальнейшее строительство велось произвольно. Селение разбросанно, группы домов перемежаются пустырями, кое-где есть улицы, но сплошь и рядом их трудно определить, потому что усадьбы зачастую не расположены рядами и не всегда огорожены. Хуже того, намеченную улицу то и дело пересекают группы построек. Более или менее четкие трассы улиц появляются там, где приусадебные участки озеленяются и ограждаются, располагаясь впритык друг к другу и образуя сплошной фронт застройки. В некоторых случаях улицы оформлены посадкой деревьев в виде аллей.

Рис. 2. Общий вид селения Кумбатар.

В современных поселениях совершенно не соблюдается принцип расселения родственными подразделениями. Теперь каждый ногаец стремится выбрать для своего дома удобный участок, либо устроиться в коммунальной квартире. Зачастую ради этого ногаец покидает свое старое местожительство, оставив там близких родственников. Это особенно заметно в городах и рабочих поселках (Главсулак, Лопатин и др.), где ногайцы живут в коммунальных квартирах. Тем не менее встречаются кварталы и улицы, где дома отца и сына или братьев стоят поблизости друг от друга.

Многие селения ногайцев стали по своему составу многонациональными. Здесь живут бок о бок и работают вместе ногайцы, кумыки, осетины, аварцы, даргинцы, лакцы и др. Многие горные хозяйства, имеющие в Ногайской степи свои кутаны, тесно связаны с местным ногайским населением.

В настоящее время все ногайские аулы представляют собой типичные колхозные и совхозные поселки. Беспорядочная, разбросанная планировка, характерная для кочевых, полукочевых и первых оседлых аулов, в современных аулах заменена уличной планировкой. В большинстве аулов (Червленые буруны, Терекли-Мектеб, Нариман-аул, Ленин-аул, Тамаза-Тюбе, Хасанай и др.) дома располагаются вдоль широких и прямых улиц. Для новых селений типичны добротные, благоустроенные, 3—4-комнатные дома с черепичной или шиферной кровлей, с отдельной пристройкой для кухни и с приусадебным участком.

Благодаря созданию в Ногайской степи ряда магистральных каналов с местными ответвлениями, улицы, а также дворы все более и более озеленяются. Все аулы снабжаются и хорошей питьевой водой, ибо во всех населенных пунктах пробурены артезианские скважины, от которых ко многим аулам идет уличная водопроводная сеть. Вдоль улиц многих поселков проходят поливочные каналы (арыки) с отводами к дворам (Терекли-Мектеб, Тамаза-Тюбе и др.).

Все без исключения ногайские аулы электрифицированы через города Хасавюрт и Кизляр, а также радиофицированы.

В центре современного поселка располагаются общественные здания административного и культурно-бытового назначения: сельский (поселковый) Совет, дирекция совхоза или правление колхоза, клуб, кинотеатр, библиотека, отделение связи, магазины, комбинат бытового обслуживания, столовая и т. д. Обширные площади занимают школьные здания, в ряде мест с интернатами и домами для учителей. Во всех аулах созданы медицинские учреждения, которые в крупных населенных пунктах занимают целые кварталы. Появились хлебопекарни, общественные столовые, бани и т. д.

Все это коренным образом изменило облик ногайских поселений. С каждым годом они приобретают все более и более городской вид. Многие аулы разрослись настолько, что появилась необходимость в наименовании улиц, нумерации домов.

Своим благоустройством особенно отличается Терекли-Мектеб — центр Ногайского района, превратившийся за годы Советской власти из маленького захолустного аула в большой современный поселок городского типа с многонациональным составом населения. В Терекли-Мектебе широкие улицы, имеющие свои названия, современные дома, утопающие в зелени, красивые парки и бульвары; центр поселка украшают дом культуры, средняя школа, здания райкома партии, райисполкома и его отделов. Многие его улицы и кварталы трудно отличить от городских.

Рис. 3. Одна из новых улиц селения Карагас.

Ногайские аулы соединяются друг с другом грейдерными дорогами. Из Терекли-Мектеба в Кизляр и Махачкалу идет дорога с твердым покрытием. Асфальтированная дорога соединяет Махачкалу и с Бабаюртовским районом. Кроме того, эти районы связаны с Махачкалой, а также рядом горных районов авиалиниями. Это дало возможность ногайцам установить тесные культурно-экономические связи со всем Дагестаном, что благотворно отражается на любой стороне их жизни, в частности на облике современных колхозных и совхозных поселков ногайцев.

Таким образом, ногайские поселения прошли определенные этапы развития. Их поселения, так же, как и другие стороны материальной культуры, развивались в соответствии с социально-экономическими отношениями общества, в теснейшей связи со способом производства. Степной, кочевой тип скотоводческого хозяйства в прошлом наложил отпечаток на весь уклад жизни ногайцев, в частности на типы и формы поселений.

Основным видом поселений у северо-восточных ногайцев в дореволюционный период был кочевой аул, состоявший из 10—50 разборных юрт-кибиток.

Массовый переход этой группы к оседлости начался только после Великой Октябрьской социалистической революции и завершился в период коллективизации сельского хозяйства.

За годы Советской власти ногайский народ прошел большой путь социально-экономического развития. Глубокие социалистические преобразования произошли и в материальной культуре ногайцев. Победа колхозного строя создала все условия для бурного сельского строительства. Советское государство оказывало и оказывает огромную помощь ногайскому народу в создании благоустроенных аулов и поселков. Один за другим возникали оседлые поселки с добротными домами, с налаженным водоснабжением, целыми комплексами хозяйственных и общественных организаций, культурно-просветительных учреждений и бытовых предприятий, поселки, утопающие в зелени. Все это появилось там, где недавно была безводная степь с разбросанными по всему ее пространству кочевыми аулами. Завершение строительства ногайской ветки магистрального Терско-Кумского канала, а также строительства запроектированной Кумской ветки того же канала (от западной границы Дагестана до моря) будут способствовать дальнейшему преобразованию Ногайской степи и еще большему благоустройству аулов и поселков ногайцев.

Можно уже сейчас сказать, что полностью сбылись пророческие слова В. И. Ленина, содержащиеся в его известном письме кавказским коммунистам, написанном еще в 1921 году: «Орошение больше всего нужно и больше всего пересоздаст край, возродит его, похоронит прошлое, укрепит переход к социализму»²⁵.

Основной отраслью хозяйства ногайцев и в настоящее время является животноводство, но в отличие от прошлых времен — главным образом тонкорунное. На долю земледелия

²⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 200.

пока что приходится площадь несколько больше 33 тысяч гектаров. В различной мере им занимаются все хозяйства ногайцев.

Наиболее распространенными сельскохозяйственными культурами являются здесь озимая пшеница, озимый ячмень и озимая рожь, занимающие около половины площади пашни. Из яровых культур выращиваются кукуруза, просо и могоар. В послевоенные годы широкое распространение получают посевы многолетних и однолетних трав.

В 1969 г. площадь посевов на орошаемых землях достигла более 7 тысяч гектаров. Урожайность возделываемых культур на орошаемых землях резко возрастает и становится устойчивой. В 1967 году на отдельных участках было собрано по 25—27 центнеров озимой пшеницы с гектара.

Большая работа в районе проводится по полезащитному лесоразведению и по лесопосадкам на сыпучих песках. Поля совхозов и колхозов окаймляются лесополосами. Намечается в ближайшие годы довести площадь лесополос до 10 тысяч гектаров. С развитием лесопосадок, несомненно, изменится климат района и весь его облик.

Земли Ногайской степи весьма плодородны. К тому же здесь повсеместно имеются грунтовые воды, которые залегают на небольшой глубине. Широкое использование всех водных ресурсов даст ногайцам возможность еще более озеленить степь, всесторонне развить здесь садоводство, виноградарство и овцеводство.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИЗ ИСТОРИИ ХОЗЯЙСТВА ДАГЕСТАНА

В последние годы в дагестанской историографии наблюдается известное оживление интереса к хозяйственной деятельности народов Дагестана в прошлом, что нашло выражение как в ряде специальных работ, так и в разделах монографий, посвященных более широкому кругу проблем.

В исторической литературе, особенно археологической и этнографической, получили освещение многие вопросы истории развития хозяйства и его отраслей, особенностей местной экономики и удельного веса и соотношения отраслей в разные исторические периоды и эпохи, вопросы становления отдельных видов занятий и т. п. в их взаимосвязи с политической и культурной историей¹.

Одним из крупных завоеваний археологической науки в этом плане явилось обоснование древности и развитости оседлого земледельческо-скотоводческого хозяйства на территории

¹ Р. М. Магомедов. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII—начале XIX в. Махачкала, 1957; И. Р. Нахшупов. Экономические последствия присоединения Дагестана к России. Махачкала, 1956; А. В. Фадеев. Россия и Кавказ первой трети XIX в. М., 1960; Х. О. Хашаев. Занятия населения Дагестана в XIX в. Махачкала, 1959; его же. Общественный строй Дагестана в XIX в. М., 1961; С. Ш. Гаджиева. Кумыки. Историко-этнографическое исследование. М., 1961; В. Г. Котович. К вопросу о древнем земледелии и скотоводстве в Дагестане. Уч. зап. ИИЯЛ, т. IX. Махачкала, 1961; его же. О хозяйстве населения горного Дагестана в древности. СА, 1965, № 3; М. А. Агларов. Техника сооружения террасных полей и вопросы эволюции форм собственности у аварцев до XX в. Уч. зап. ИИЯЛ, т. XIII, Махачкала, 1964; Г. Г. Османов. Социально-экономическое развитие дагестанского доколхозного аула. М., 1965; С. Ш. Гаджиева, М. О. Османов, А. Г. Пашаева. Материальная культура даргинцев. Махачкала, 1967 (сдана в набор в 1964 г.); С. Х. Асиятилов. Историко-этнографические очерки хозяйства аварцев (XIX—первая половина XX века). Махачкала, 1967; М. М. Ихтилов, С. С. Агаширинова, А. И. Исламмагомедов, М. А. Агларов. Материальная культура аварцев. Махачкала, 1968 (сдана в набор в 1965 г.); История Дагестана, т. I, М., 1967, т. II, М., 1968; и др.

Дагестана, непрерывного процесса его эволюции на протяжении многих эпох².

Однако тезис этот вступал в известное противоречие со свидетельствами русоких наблюдателей и ученых XVIII—XIX вв., от И. Гербера до Д. Анучина, указывавших на незначительность земледелия в горном Дагестане, порой даже почти полное его отсутствие, зависимость от плоскости в отношении обеспечения зерном, на преобладание в горной части Дагестана скотоводства и т. п.³

Налицо имелись, таким образом, убедительные доказательства, свидетельствующие в пользу исключаяющих одно другое положений и базирующиеся, в основном, на археологических данных, с одной стороны, и письменных источниках—с другой. При этом каждое из них имело подтверждения и в других источниках, в частности в полевых материалах и этнографических исследованиях⁴.

Кажущаяся противоречивость, взаимоисключаемость этих положений объяснялась характером привлеченных материалов, на которых они базировались, имевших очень большой хронологический разрыв между собой—древность и XVIII—XIX вв.

В промежутке между этими двумя этапами истории Дагестана наблюдается исторический период, который слабо отражен по интересующему нас вопросу как в письменных, так и в археологических источниках. А так как средневековый Дагестан археологически изучен совершенно недостаточно, летописные традиции и вообще писанная культура представлены очень слабо, то ход исторического процесса в это время оказался документированным в очень незначительной степени.

Эта определенная лакуна в источниках в известной степени вызвала противоречивость оценок основных занятий насе-

² В. Г. Котович. К вопросу о древнем...; его же. О хозяйстве населения...; В. М. Котович. Верхнегунибское поселение—памятник эпохи бронзы горного Дагестана. Махачкала, 1965; М. Г. Гаджиев. Новые данные о южных связях Дагестана в IV—III тысячелетиях до н. э. КСИА, 108, М., 1966 и др.

³ Ср. «История, география и этнография Дагестана. XVIII—XIX вв.» Архивные материалы. Под ред. М. О. Косвена и Х. О. Хашаева. М., 1958, стр. 77, 83, 129, 139, 152, 216, 277 и др.; Н. Абельдяев. Сельское хозяйство у дагестанских горцев. «Журнал Министерства государственных имуществ», 1857, ч. 64, № 8, стр. 25; Д. Н. Анучин. Отчет о поездке в Дагестан летом 1882 года. Известия РГО, т. XX, вып. 4, СПб, 1884, стр. 389; А. Г. Васильев. Тавлинцы. «Новое обозрение», 1889, № 1919; Е. И. Козубский. Дагестанский сборник, Вып. II, Темир-Хан-Шура, 1904, стр. 60—61 и др.

⁴ Х. О. Хашаев. Общественный строй...; С. Ш. Гаджиева. Кумыки...; С. Ш. Гаджиева, М. О. Османов, А. Г. Пашаева. Материальная культура...; М. М. Ихилов, С. С. Агаширинова, А. И. Исламагомедов, М. А. Агларов. Материальная культура...; С. Х. Асиятилов. Историко-этнографические...; и др.

ления Дагестана, т. к. оказался мало освещенным период, явившийся важной вехой в истории экономического и политического развития края. Судя по доступным нам археологическим и этнографическим материалам, этот период завершается в XIV—XV вв.

Об этом позволяют судить сравнительные материалы по хозяйству обеих эпох (археологические и письменные); полевые этнографические материалы по истории отдельных отраслей хозяйства, по истории аулов; остатки средневековых поселений и террас; изучение структуры угодий поселений разных эпох и типов самих поселений; прослеживание эволюции отраслей хозяйства и их зональной специализации (тенденции их развития) в практически возможную для воссоздания правильной картины эпоху; материалы по истории обычного права и земельных отношений и т. п.

Основным содержанием изменений, происшедших в указанный период, было складывание известного географического разделения труда (хозяйственной специализации) между отдельными естественно-географическими зонами, которые в процессе и в итоге этого разделения эволюционировали в естественно-исторические зоны. При этом несомненную роль сыграло и то обстоятельство, что это разделение происходило в условиях начавшегося раньше и развивавшегося процесса отделения ремесла и оживления торгово-экономических контактов.

В свое время мы обращались к этой проблеме и выдвинули ряд положений, относительно времени складывания географического разделения труда (хозяйственной специализации), главных условий, способствовавших этому разделению (прекращение давления кочевников, развитие производительных сил и обмена) и основных явлений, сопровождавших разделение и находящихся с ним в причинно-следственной взаимосвязи и взаимообусловленности (распад родственных поселений и образование территориальных, процессы политической консолидации, интенсификация промыслов с дальнейшим углублением процесса общественного разделения труда и межсельской специализации, становление отходничества, образование местных базаров, забрасывание террас и т. д.)⁵.

⁵ Впервые мы выдвинули эти положения в работе, посвященной хозяйству даргинцев. М. О. Османов. Хозяйство даргинцев. Махачкала, 1962, РФ ИИЯЛ, ф. 3, оп. 3, д. 155, лл. 20, 21, 22, 38, 39; д. 184, лл. 11, 56, 67—68, 79, 88—89, 92, 106—107, 112а, 113, 117, 118, 144—145; его же. Хозяйство даргинцев. В книге — С. Ш. Гаджиева, М. О. Османов, А. Г. Пашаева. Материальная культура..., стр. 11, 12, 14, 20—21, 39, 42, 44, 48, 50, 52, 63, 64; Позднее к этой проблеме обращался и С. Х. Асиятилов — Историко-этнографические очерки..., стр. 19 и др.

Однако специально эта проблема в литературе еще не рассматривалась⁶.

Переходя непосредственно к вопросу, являющемуся целью исследования нашей статьи, мы должны оговориться, что некоторые наши положения носят несколько гипотетический характер, т. к. не все они могут быть подкреплены в настоящее время материалами в достаточном объеме.

В истории хозяйства народов Дагестана в древнюю и средневековую эпохи было несколько переломных моментов, в значительной степени изменивших экономику страны, ее хозяйственное лицо. Перевороты эти, как правило, подготавливались экономическим развитием края, развитием его производительных сил, однако немалую роль в них играли и факторы политического и социального характера.

Один из таких переверотов происходит в XIV—XV вв. В это время в хозяйственной деятельности на территории Дагестана происходят существенные сдвиги. Главная суть этих процессов заключалась в значительных изменениях в географическом разделении труда (складывании зональной хозяйственной специализации).

Как мы уже упоминали, в Дагестане и на плоскости, и в горах очень рано, еще в неолите, сложилось земледелие и оседлое скотоводство⁷. С того времени эти два занятия существовали, являясь двумя главными отраслями хозяйства, взаимно дополняющими друг друга и составляющими вместе основу экономики. При этом в плоскостной и нижнепредгорной части, где были более благоприятные природные условия, впоследствии, по мере исторической эволюции, хозяйство, и особенно земледелие в его наиболее интенсивных и плантационных формах, получило большее развитие, было более мощным. Этому способствовало и то обстоятельство, что предгорно-плоскостная часть была больше подвержена торгово-экономическому и культурному влиянию крупнейших центров цивилизации Передней Азии и Закавказья. Особое значение торгово-экономического влияния заключалось в том, что оно способствовало интенсификации хозяйства, особенно его отраслей, по своему характеру связанных и зависимых от рынка (садоводство, виноградарство, шелководство и др.).

⁶ Наше специальное возвращение к этому вопросу продиктовано тем обстоятельством, что сложившееся в изучаемый период географическое разделение труда оказало, судя по всему, значительное влияние на характер и структуру изучаемых ныне нами аграрных отношений в горном Дагестане в последующую эпоху. Нам приходилось касаться вопроса об этом влиянии при изучении хозяйства даргинцев. — «Хозяйство даргинцев», д. 155, л. 38—39 и в книге С. Ш. Гаджиева, М. О. Османов, А. Г. Пашаева. Материальная культура..., стр. 14.

⁷ В. Г. Котович. К вопросу..., стр. 5—13.

Однако, примерно с начала первого тысячелетия н. э. это преимущество низменной части обернулось недостатком из-за ее уязвимости, доступности. С этого времени она становится ареной вторжений и переселений кочевых орд, многие из которых и останавливались здесь, превращая плоскость в огромное пастбище для своих кочующих стад. Так происходило, например, во время нашествий сарматов, затем пуннов, захвативших весь низменный Дагестан. Сирийские хроники VI века уже характеризуют жизнь обитателей плоскости как кочевую, в то время как в горном Дагестане свидетельствуется оседлая жизнь и даже городская цивилизация⁸.

Однако, хотя гунны со своими кочующими стадами сократили значительно возможности ведения оседлого земледельческо-скотоводческого хозяйства, оно не было полностью вытеснено. В конечном счете местное население, имевшее длительные традиции оседлого хозяйствования, сохранило специфику своих занятий и даже повлияло на пришельцев гуннов⁹, а затем хазар, которые постепенно стали переходить к полuosедлой жизни. Поэтому уже в период арабских завоеваний мы имеем свидетельства о развитом земледельческо-скотоводческом хозяйстве в плоскостном Дагестане¹⁰.

Однако арабо-хазарские войны и карательные экспедиции арабов, затем вторжения печенегов (Xв.), половецко-кыпчакских племен (X—XII вв.), сельджуков (XI—XII вв.), нашествия монголо-татар, войны Хулагидов и Золотой Орды, Тимура и Золотой Орды и его нашествия (XIII—XIV) и т. д. лихорадили плоскость, губительно сказывались на ее хозяйственной жизни: разрушали производительные силы, «нарушали торговые сообщения и мирные занятия местного населения»¹¹, прерывали издревле существовавшие местные связи. В этих условиях часть местного населения перемещалась в горы¹², оставшаяся же часть была постепенно ассимилирована тюрками в языковом отношении (в остальном процесс был обратный — местное население передало вновь образующейся народности свой хозяйственный уклад, свою культуру).

Языковая ассимиляция, возможно, была облегчена двумя обстоятельствами: 1) на протяжении целого тысячелетия (IV—XIV вв.) все пришельцы, как оседавшие, так и уходившие — были тюрки; 2) возможно, тюркский язык, бывший

⁸ Н. Пигулевская. Сирийские источники по истории народов СССР. М.—Л., 1941, стр. 165.

⁹ Там же.

¹⁰ История Дагестана, т. I, стр. 131—132.

¹¹ Очерки истории СССР. Период феодализма, ч. II. XIV—XV вв., М., 1953, стр. 740.

¹² С. Ш. Гаджиева. Кумыки, стр. 31; Очерки истории СССР. Период феодализма, ч. I, IX—XIII вв., М., 1953, стр. 668.

языком всех завоевателей, а следовательно, и официальным государственным языком, стал первоначально и языком межнационального общения для местной этнически пестрой среды, а затем постепенно вытеснил местные диалекты и наречия¹³.

Хозяйственная жизнь этой части страны может быть охарактеризована как многоукладная: с одной стороны, кочевое скотоводство пришельцев, осуществлявших право преимущественного пользования угодьями, и с другой стороны, оседлое земледельческо-скотоводческое хозяйство местного населения, ограничиваемое в своем развитии как беспрестанными нашествиями и разорениями, так и кочевыми скотоводческими хозяйствами завоевателей, «расширение которых происходило за счет сокращения культурной площади путем насильственного вытеснения населения из ряда районов интенсивного земледельческого хозяйства вплоть до разрушения деревень, местечек, городов»¹⁴. Однако, хозяйственный и культурный уклад местного населения хотя и имел серьезные препятствия для своего развития и подъема, не только сохранился, но и оказал решающее воздействие на кочевническое хозяйство, которое постепенно утерало свои позиции и перестало существовать. Характеризуя подобную ситуацию, Ф. Энгельс указывал, что «при длительном завоевании менее культурный завоеватель вынужден в громадном большинстве случаев приспособиться к более высокому «хозяйственному положению» завоеванной страны в том виде, каким оно оказывается после завоевания»¹⁵. Этому способствовали и причины внешнеполитического порядка — завершение переселений и ослабление, а затем и прекращение напора кочевых орд извне.

Это прекращение внешнего напора и вторжений явилось исходной точкой (и исторической вехой) кардинальных изменений в экономике Дагестана, в основных направлениях хозяйственной деятельности его населения. С этого времени, т. е. примерно с XIV в., в Дагестане происходит ряд процессов экономического, политического и социального порядка, которые вызывают серьезные изменения в структуре хозяйственной, общественно-политической и социальной жизни Дагестана.

Разумеется, в основе этих процессов лежали глубокие причины социально-экономического порядка и в первую очередь развитие производительных сил (особенно земледелия)

¹³ Ср. об этом у В. П. Алексеева и Ю. В. Бромля, которые считают политическое господство пришлого населения одним из важных факторов в процессе возобладания его языка при взаимодействии двух этносов: «Уже одна бесспорная всеобщность этого фактора дает основания полагать, что он играл немаловажную роль в победе языка этнического суперстрата», — Переселение народов и формирование новых этнических общностей, СЭ, 1968, № 2, стр. 44.

¹⁴ Очерки истории СССР. Период феодализма, ч. II, стр. 702.

¹⁵ Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. М., 1950, стр. 172.

и обмена, но «умиротворение» края, в смысле прекращения нашествий и влияния хозяйства кочевников (и их политического господства) на экономику края и возможности установления постоянных сношений и контактов между плоскостной и горной областями, явилось тем толчком, той силой, которая облегчила и в определенной мере обеспечила беспрепятственное развитие этим процессам, устранила с их пути преграды и препоны.

Это пример одного из тех случаев, когда политический фактор приобретает на время решающее значение, становится определяющей силой в процессе экономического развития.

Умиротворение дало оседлому земледельческо-скотоводческому хозяйству возможность постепенно ассимилировать кочевое скотоводческое хозяйство и его носителей. Правда, процесс «переваривания» кочевого хозяйства начинается еще в предшествующие века, уже со времен пуннов, но эффективность этого процесса и его завершенность могли быть окончательными лишь с того момента, когда кончается волна нашествий и кочевое хозяйство плоскости перестает инкорпорировать новые орды кочевников¹⁶.

Растворение кочевого хозяйства приводит к укреплению и интенсификации оседлого земледельческо-скотоводческого хозяйства, возрождению и развитию многих его отраслей, исчезнувших в период господства на плоскости кочевников.

Судя по полевым материалам и некоторым источникам, в это время в хозяйстве края происходит много изменений, отражающих дальнейший рост хозяйства и вообще производительных сил страны. Изменения эти происходят в нескольких аспектах, — как в общем облике и соотношении отдельных отраслей, так и непосредственно внутри самих отраслей. В частности, можно указать на усиление зональной и аульной специализации по отраслям, отчасти связанное с этим улучшение навыков и техники хозяйствования, привлечение в форме отходничества части избыточной рабочей силы с гор на более мощную и перспективную в хозяйственном отношении

¹⁶ В этой связи следует вспомнить, что тормозящее влияние кочевников и вторжений было двоякого рода. Первое (и главное) имеет своей особенностью постоянность действия, «присутствия», когда кочевники не ограничиваются вторжением, набегом, а оседают на длительный срок, устанавливая тем самым не только политическое, но и экономическое господство (приобретение кочевническим хозяйством господствующего положения). Второе — временные вторжения, войны, переселения, губительность которых заключается в разрушении и уничтожении всякого хозяйства в период вторжения, но без постоянного давления на восстановленное хозяйство.

Поэтому его губительность носит хотя и катастрофический, но временный характер, и хозяйство нередко (хотя и не всегда) может возродиться на прежней основе; в то время как первое, как правило, приводит к изменению экономики, трансформации профиля занятий и вообще хозяйственной деятельности

плоскость, отказ в отдельных зонах от непроизводительных и бесперспективных направлений хозяйства, интенсификация и дальнейшая специализация ремесла и пр. Дальнейшее развитие земледелия выразилось прежде всего в увеличении освоенных земель, расширении запашки, внедрении многоуряжного колесного плуга, развитии интенсивных форм земледелия (садоводство, виноградарство, мареноводство, шелководство и др.), расширении орошения и пр. В отношении скотоводства следует указать прежде всего на распространение системы отгонного животноводства в масштабах всего края, резкое увеличение количества крупного рогатого скота, во многом связанное с этим освоение больших массивов покосов (за счет освободившихся от кочующих стад луговых), начало употребления косы, зональная и аульная специализация по видам скота и пр. Особенностью земледелия и скотоводства с этого времени становится еще более тесная связь между ними, диалектическое единство, примером чего, в частности, является взаимосвязь между ростом запашки в земледелии и увеличением численности и удельного веса крупного рогатого скота в скотоводстве.

Таким образом, в Дагестане этого времени происходит как и на Северном Кавказе, Ширване, Грузии быстрый рост производительных сил и процесс известного накопления богатств. Это неизбежно вело к оживлению обмена и дальнейшему углублению процесса общественного разделения труда, который выражается, в частности, в увеличении количества торгово-ремесленных и особенно ремесленных (промысловых) центров.

Соответственно, усиление обменных связей приводило к оживлению политических и культурных связей.

Объединение в одном направлении торгово-экономических, политических и культурных связей создавало предпосылки для усиления географического разделения труда, углубляемом повсеместным ускорением развития производительных сил.

Укрепление тенденций к углублению географического разделения труда приводило к стабилизации политического положения, а на большей части территории Дагестана также и к росту централистских тенденций, результатом чего явилось образование нескольких крупных политических объединений (Аварское ханство, шамхальство Казикумухское, юцмийство Кайтагское и др.).

Характерно, что почти все эти политические образования объединяют в себе разные природно-экономические зоны (плоскость и горы, нагорье и долины и т. д.), что показывает наличие определенных экономических связей, основанных на географическом разделении труда между ними.

Процессу политической консолидации способствовало с другой стороны и разложение и распад системы родственных (тухумных) поселений, которое также происходило по причинам сходного, однородного с вышеуказанными, характера (изменения в хозяйственной жизни и географическом разделении труда, усиление общения между этническими группами, нехватка угодий вблизи этих поселений¹⁷, разложение родственных коллективов, составлявших поселения, активизация общественно-политической жизни и т. п.).

Все эти процессы и явления находились в тесной причинно-следственной взаимосвязи и поэтому взаимно обусловлены. Прекращение политического давления извне (нашествия), устранившее также и экономический гнет кочевого хозяйства, способствовало победе оседлого земледельческо-скотоводческого хозяйства; во многом связанное с этим ускорение развития производительных сил способствовало усилению обмена и интенсификации процесса разделения труда как общественного, так и географического, последнее в свою очередь способствовало культурному и политическому сближению, а политическая консолидация явилась одним из главных рычагов в дальнейшем углублении и развитии экономических процессов, в частности общественного и географического разделения труда. С другой стороны, распад поселений, состоящих из родственных коллективов (тухумов, патронимий), являясь частью общего процесса прогрессивного развития общества, способствовал, в частности, победе территориально-экономического и социального фактора в общественно-политических и экономических отношениях¹⁸.

¹⁷ В свое время мы указывали, характеризуя хозяйство этих поселений, что оно было земледельческо-скотоводческим, базирующимся на сильно развитом террасовом земледелии, с разведением крупного рогатого скота, и что, следовательно, характер фонда их угодий был приспособлен (подобран) именно к земледелию и разведению крупного рогатого скота — террасы, покосы, выгоны при относительно небольшом количестве пастбищ (Хозяйство даргинцев, д. 184, лл. 67—68. Материальная культура..., стр. 39). А это в условиях сравнительно тесной расположенности этих поселков и их рельефно-географической (топографической) приспособленности к направлению хозяйства при максимальном использовании наличного фонда угодий, означало, что изменение ориентации хозяйства и увеличение удельного веса скотоводства (особенно овцеводства), должно было привести к нехватке угодий в пределах собственных земель и поиску их на незанятых территориях данного политического объединения. Это обстоятельство, наряду с другими перечисленными нами причинами, послужило одной из предпосылок для забрасывания старых поселений и образования новых территориально-родственных поселений, с новым направлением хозяйства и новой структурой угодий.

¹⁸ Следует, правда, отметить, что процесс распада родственных (тухумных, патронимных) поселений и образования территориально-родственных, начинается несколько раньше, в X—XI вв., а XIV век является временем завершения этого процесса.

Естественно, что при оживлении обмена и складывании определенного географического разделения труда местная специализация формировалась на базе предшествующих форм (направлений) хозяйствования, т. е. на базе существующих занятий населения, по принципу наибольшего благоприятствования местной природно-географической среды той или иной отрасли хозяйства. Так складываются природно-экономические (или естественно-исторические) зоны. Таким образом, как мы видим, естественно-исторические, экономические зоны складываются под воздействием не только природно-географической среды, но и общественно-политических, экономических, социальных и международных отношений и сношений (политических, обменных, культурных и пр.)¹⁹.

Интенсивность сношений и обмена с соседними странами и состояние дорог и путей, занятия соседних областей, политические изменения (например, включение в экономически развитую или отсталую страну, война и нашествия, защищенность или уязвимость), оторванность от других народов, экономический подъем или упадок соседних областей или караванных путей и т. д. и т. п. дополняют перечень условий хозяйствования и позволяют говорить уже не просто о природных, а природно-экономических (естественно-исторических) зонах, экономическое лицо которых складывается в результате прямого и косвенного воздействия многих факторов как природно-географического, так и общественно-исторического характера.

С такой точки зрения следует рассматривать и сложившиеся в исследуемое время естественно-исторические зоны Дагестана.

Рост производительных сил, дальнейшее развитие профилирующих отраслей хозяйства в отдельных районах края, в условиях растущих обменных связей приводит к усилению специализации в занятиях, увеличению количества зон и появлению целого ряда микрозон. Если раньше было три основные зоны: плоскостная, предгорная и горная, то теперь появляется в пределах горной — высокогорная зона со своим специфическим направлением в хозяйстве, горнодолинная, в пределах плоскостной — северно-плоскостная и южно-плоскостная, появляются во всех зонах ряд микрозон (койсубулинская, сюргинская, андалалская и т. д.)²⁰.

¹⁹ Ср. С. В. Зонн. Опыт естественно-исторического районирования Дагестана. «Сельское хозяйство Дагестана», М.—Л., 1946.

²⁰ Разумеется, в горах можно было встретить даже еще в XIX в. отдельные районы с почти полностью натуральным хозяйством, слабо развитыми внешними обменными и иными связями. Но их скорее можно назвать микрорайонами с натуральным хозяйством, чем микрозонами, так как понятие зоны, зональности уже предполагает разделение, расчленение целого

На плоскости с этого времени (XIV в.), где уже завершилось формирование кумыкской народности²¹ (что означало завершение обоих процессов ассимиляции — языковой для аборигенов и хозяйственно-культурной для пришельцев, т. е. иными словами означало растворение кочевого элемента в местной этнической, хозяйственной и культурной среде) местное оседлое земледельческо-скотоводческое хозяйство, освободившееся от нашествий кочевников и давления их кочевого и полукочевого скотоводства (постоянный и временный захват земель), получило возможность неограниченного расширения и развития. А так как плоскость и нижнее предгорье имели наилучшие условия для развития земледелия, то здесь, в условиях развивающегося обмена, стала постепенно складываться общедагестанская хлебная житница. В этих условиях, в горной части, где земледелие, ввиду земельной тесноты, рельефной непригодности угодий, скалистости и пр. требовало вложения чрезмерных средств и труда и поэтому было нерентабельным, нерациональным, бесперспективным, стало понемногу свертываться и горцы переходят постепенно на привозной плоскостной хлеб. Соответственно, в условиях роста производительных сил и обмена, в горах увеличивается удельный вес более рентабельного здесь и перспективного животноводства, а также промыслов и отчасти ремесла.

Правда, на части плоскости не получили развития садоводство и виноградарство²², и фрукты стали для населения горных долин одной из статей обмена на плоскостной хлеб. Такое положение было обусловлено целым рядом обстоятельств. Прежде всего, горные долины имели благоприятные условия для развития садоводства, во многом более лучшие, чем на плоскости. На плоскости, возможно, сыграли роль и некоторые традиции, сохранившиеся здесь со времени господства кочевого хозяйства. При соседстве кочевого скотоводства и возможности свободных передвижений и нашествий кочевников, невозможно заниматься садоводством — это и

на относительно связанные между собой части, а оторванный район, не связанный обменом, не может быть, хотя бы в определенной степени, составной частью экономического целого

Микрозона идет от узко местной специализации, будь то отрасль сельского хозяйства или отдельный промысел. Койсубулинцы или цудахарцы, специализировавшиеся на садоводстве, кубачинцы, занимавшиеся ремеслом, андийские селения с бурочным производством — все это зоны в зонах, т. е. микрозоны. Без возможности продавать фрукты, оружие, бурки — здесь не было бы малых зон, и койсубулинцы или кубачинцы не выделялись бы из горной зоны.

²¹ С. Ш. Гаджиева. Указ. соч., стр. 45.

²² Например, Д. И. Тихонов в своем «Описании Северного Дагестана», сделанном в 1796 году, указывает, что на плоскости «садовые ж и лесные плоды, овощи и шелковичные черви весьма малой частью произрастают». «История, география и этнография Дагестана», стр. 129.

очень непроизводительно и практически нецелесообразно (уничтожение выросшего сада — это мгновенное уничтожение многолетнего труда, а частота нашествий фактически исключает возможность выращивания сада) и экономически невозможно, т. к. ограниченность фонда земель вынуждает в условиях недостаточно развитого обмена занимать имеющуюся площадь главной культурой, необходимой для собственного потребления, т. е. зерном. Это видно из того, что даже еще в XIX в. во многих плоскостных селениях разведением садов занимались в основном только для удовлетворения личных потребностей, и имели такую возможность (и осуществляли ее) только представители сельской верхушки.

Таким образом, с XIII—XIV вв. в Дагестане происходит ряд взаимосвязанных процессов экономического, общественного и политического характера, получивших свое дальнейшее развитие и завершение в последующие столетия. Это — начавшаяся специализация плоскости в производстве земледельческих продуктов, а горной части — животноводческих и отчасти ремесленных, политическая консолидация отдельных областей и образование политических объединений, разрушение системы родственных (тухумных) поселений и складывание системы территориальных (через территориально-родственные) поселений.

В последующие столетия роль плоскости как хлебной житницы страны значительно возрастает, так же как становятся заметными сдвиги в сторону падения удельного веса земледелия в горах. Это заметно по всеобщему процессу забрасывания огромного количества горных террас²³, используемых раньше для богарного земледелия. В нагорье они частично сохраняются под земледелие (там, где сохранились высотные селения и террасы примыкают к ним), частью же превращаются в покосы и пастбища; в горных же долинах, в местах, где возможно было орошение, они постепенно становятся базой для развития садоводства и виноградарства.

К XVI—XVII вв. процесс размежевания между отдельными местными центрами производства и складывания определенного географического разделения труда (хозяйственной специализации) уже не только между крупными зонами, но и внутри них — в целом завершается и дальнейшее хозяйственное развитие происходит на базе уже почти полностью сложившейся зональной специализации. Интенсивный рост производительных сил приводит к освоению новых земель, начинается процесс обратного освоения заброшенных ранее земель и террас, но уже с более специализированным уклоном, т. е. начинается процесс, получивший завершение в XVIII—XIX вв.

²³ Ср. В. Г. Котович, К вопросу..., стр. 288.

С этим хозяйственным освоением связан и процесс образования отселков чисто территориального характера, появление многих микрзон (сложившихся на основе хозяйственной специализации и торгово-обменных связей) и процессы политической децентрализации и феодального раздробления крупных политических объединений (например, шамхальства и уцмийства).

На таком общем фоне протекает хозяйственная жизнь народов Дагестана в XIV—XVII вв. Основными занятиями оседлого населения были земледелие, скотоводство, садоводство и виноградарство, домашние промыслы и отчасти ремесло.

По отдельным естественно-историческим зонам распределение этих занятий, начавшее изменяться в XIV веке, выглядит довольно неравномерно, и эта неравномерность усиливается по мере поступательного развития экономической, общественно-политической и культурной жизни народов Дагестана.

Плоскость и нижнее предгорье все более характеризуются развитым земледелием. Значительное развитие получает здесь и стационарное животноводство, в особенности разведение крупного рогатого скота и лошадей.

Для верхнего предгорья и горной части характерно скотоводческо-земледельческое хозяйство. В отдельных районах сравнительная неразвитость обмена и их оторванность способствовали тому, что здесь еще немало микрорайонов с полунатуральным скотоводческо-земледельческим или земледельческо-скотоводческим хозяйством.

В горных долинах сочетается разведение садов глубоко внизу с использованием склонов гор повыше для террасного богарного земледелия и скотоводства. По мере развития зональной хозяйственной специализации, к концу XVII в. намечается упадок богарного земледелия с использованием заброшенных террас под покосы и пастбища и интенсификацией приречного садоводства.

Высокогорье, отличающееся обилием альпийских, субальпийских пастбищ, с началом складывания местной специализации стало районом развитого овцеводства. При этом нередко овцеводческими становились и селения, сами не располагавшиеся в высокогорье, но имеющие высокогорные пастбища в пределах своих земель.

Следует заметить, что указанное разделение на естественно-исторические зоны, начавшись в XIV в., продолжалось на протяжении всех последующих столетий, вплоть до XIX в. и оно становилось тем четче и определеннее, чем интенсивнее происходил рост производительных сил и внутреннего и внешнего обмена. XVI—XVII вв. — тот период, когда основные тенденции разделения труда между отдельными зонами пол-

ностью определяются, и в последующее время эти тенденции проявляются в дальнейшем углублении и расширении этого процесса, т. е. более четком становлении зон и складывании многих микрозон.

Однако несмотря на такое разделение труда земледелие и скотоводство развивались во всех зонах, различие было только в их соотношении и удельном весе. Особенно заметна была эта тенденция в горной зоне, где крестьяне даже в селениях с преимущественно скотоводческим хозяйством стремились иметь клочок собственной лашни, который как бы символизировал определенное благополучие семьи, являясь своеобразной гарантией на случай жизненных неурядиц и хозяйственных катастроф (мор, падеж скота, неурожай и пр.)²⁴.

Наиболее развито было земледелие, как мы указывали, на плоскости. Хозяйство здесь было более мощным и многоотраслевым.

В горной зоне также были сильны земледельческие традиции и техника земледелия здесь была не ниже, чем на плоскости, а в некоторых отношениях, в частности в отношении эффективности и интенсификации, даже выше. Но здесь земледелие не имело возможностей бесконечного расширения и развития, и безземелье являлось серьезным тормозом, ставящим в жесткие рамки возможности развития как вширь, так и вглубь. В еще большей степени все сказанное можно отнести к высокогорной зоне.

Скотоводство, напротив, более развивается в высокогорье. Для горного Дагестана были характерны две системы скотоводства: горно-стационарное и отгонное. Для высокогорья больше характерно отгонное, для горных долин и верхнего предгорья — стационарное, базирующееся на использовании пастбищ-пригравов и стерни.

Естественно, что последнее характерно для районов с относительно развитым земледелием и садоводством. Поэтому в здешнем стаде велик и процент крупного рогатого скота, дополняющего земледелие (рабочий скот, удобрения) и получающего часть средств для существования от него (фураж).

Чем глубже становится разделение труда между зонами, тем больший размах принимает разведение скота в высокогорной зоне и части селений горной зоны, обладающих высокогорными пастбищами. Это и понятно, т. к. растущие возможности обмена избытка поголовья скота и животноводче-

²⁴ Ср. у Н. Абелъдяева, который констатировал «незначительность хлебопашества» в горном Дагестане, тем не менее отмечает, что здесь «хлебопашеством занимаются все без исключения». Н. Абелъдяев. Сельское хозяйство..., стр. 25.

ских продуктов стимулировали массовое разведение стад²⁵. При этом для обеих систем ведения животноводства — отгонной и стационарной — свойственны и разные формы массовости стада. В стационарном скотоводстве ведущая роль принадлежит крупному рогатому скоту и непрерывно увеличивающегося воспроизводства стада не наблюдается. Здесь содержится контингент скота, который поддерживается на определенном уровне в соответствии с возможностями содержания на месте. Приплод каждого года и некачественный скот обменивается каждую осень на другие товары сразу как перестают гонять скот на пастбища. Такая практика объясняется также и составом стада, т. к. крупный рогатый скот гораздо менее приспособлен к перекочевкам, чем мелкий²⁶. Характерно, что стационарным содержанием крупного рогатого скота как главного скота занимаются и в тех микрорайонах, где имеется достаточно летних пастбищ, но по каким-либо причинам нет возможностей отгонять скот на зимние пастбища.

В отгонном же животноводстве доминирует овцеводство, г. к. овцы лучше переносят перегон, предвесеннее бескормье и пр.²⁷, и здесь не ставятся рамки для численного роста стад. Разумеется, речь идет о таких районах, где имеется много летних пастбищ. Непрерывный рост стад увеличивает возможности для роста богатств, имущественной и социальной дифференциации, создает условия для арендования и субарендации зимних и летних пастбищ. Такая форма разведения скота уже походит на промышленную, нацеленную на обмен, чем и объясняется безудержное стремление к увеличению стад. Это наблюдается уже в XVII в., и бывший здесь в самом начале XVIII в. И. Г. Гербер отмечает наличие множества скота и овец («содержут великое число баранов», питаются скотиною... имеется нужда в хлебе, который меняют скотиною» и т. д.)²⁸.

Иной характер носило скотоводство на плоскости и в предгорье. Оно являлось дополнением и поддержкой земледелию, и поэтому, несмотря на сильное развитие здесь земледелия, хозяйство правильнее назвать земледельческо-скотоводческим. Однако в отличие от горного стационарного скотоводства, где мало рабочего скота, на плоскости рабочий скот составляет в стаде очень большой процент, что объясняется масштабом и размахом земледельческих работ.

Садоводство и виноградарство были более развиты на плоскости и в предгорье, особенно около Дербента и residen-

²⁵ Ср. С. И. Руденко. К вопросу о формах скотоводческого хозяйства и о кочевниках. «Материалы по этнографии Географического общества СССР», вып. 1, Л., 1961, стр. 10.

²⁶ С. И. Руденко. Указ. соч., стр. 4.

²⁷ Там же.

²⁸ «История, география и этнография Дагестана», стр. 77, 101.

ций крупных феодалов. Однако в сравнительно богатой плоскостной части садоводство нередко было потребительским, в то время как в горных долинах оно с XVII в. приобретает сугубо промышленный характер и имеет главной целью обмен на другие продукты. Отсюда и несколько разное отношение к садам на плоскости и в горах. В горах сады — результат огромного труда по сооружению террас, подведению воды, созданию защитных средств и пр., вложенного с расчетом на выгодный обмен, т. е. говоря словами одного немецкого ученого о горцах XIX века «сады составляют главное богатство лезгин, тем что дают хлеб, дрова для сжигания, вкусные фрукты — короче дают все, в чем нуждаются эти нетребовательные горцы для своего существования»²⁹. На плоскости же, поскольку сады нередко носят потребительский характер, от их состояния не зависит экономическое благополучие крестьянина. Там ожидают многого и потому отдают им все, здесь же главное (полевое земледелие и скот) не дает возможности уделять такое же внимание потребительскому, в основном, садоводству и виноградарству.

Немаловажное место в хозяйственной деятельности дагестанцев в исследуемое время занимали и домашние промыслы. Развитию промыслов способствовала общая бедность горного Дагестана, недостаток земли и жизненных средств, получаемых от земледелия и животноводства, что при нарастающем увеличении внутреннего и внешнего обмена, при наличии богатых соседних областей с ёмким рынком, стимулировало попытки изыскания новых доходов, в частности и путем домашнего ремесленничества.

Развитие промыслов связано и с процессом свертывания террасного земледелия в горах в это время, что, во-первых, высвобождало значительную часть рабочих рук³⁰, и, во-вторых, толкало к возмещению сократившегося производства зерна за счет обмена не только продуктов скотоводства, но и промысловых изделий.

Из общих причин следует указать и на неблагоприятные природно-климатические условия, при которых было велико расхождение в сельском хозяйстве рабочего периода с периодом производства, что порождало вынужденное безделье в зимние месяцы. К. Маркс указывал на это как на существенную причину развития промыслов в России: «Чем неблагоприятнее климат, тем короче рабочий период в сельском хозяйстве, тем короче, следовательно, и то время, в течение которого затрачивается капитал и труд». Приведя пример России, где миллионы крестьян заняты домашней промышленностью, К. Маркс заключает: «Отсюда видно, что расхождение перио-

²⁹ F. Bodensstädt. Die Völker des Kaukasus. Berlin, 1855, S. 303.

³⁰ Ср. С. Х. Асиятилов. Историко-этнографические..., стр. 91.

да производства и рабочего периода, причем последний образует только часть первого, является естественной основой для соединения земледелия с подсобными сельскими промыслами»³¹. В горном Дагестане это расхождение усугублялось безземельем, маломощностью хозяйства, что создавало дополнительную основу для незанятости.

Соответственно сказанному, мы наблюдаем наибольшее развитие промыслов в горной зоне, наименьшее — на плоскости.

На плоскости большинство промыслов, несмотря на высокое качество изделий носило потребительский характер, что объяснялось небольшим количеством продукции, т. к. местное население имело меньше избыточного времени, сырья и в меньшей степени экономически было вынуждено заниматься промысловой деятельностью.

Предгорье характеризуется уже гораздо большим развитием промыслов, наиболее же развиты промыслы в горной зоне.

Такое развитие промыслов, работающих не столько на себя, сколько в значительной степени на обмен, усиливается в XVI—XVII вв., с завершением определения границ отдельных естественно-исторических зон, и оно было обусловлено развивающимся обменом в условиях общей бедности края и маломощности хозяйства, наличия излишков рабочих рук и различных видов сырья.

Следует отметить, что к XVI—XVII вв. становится более ощутимым и процесс превращения некоторых селений с развитым промыслом в центры ремесла и торговли, т. е. дальнейшей ремесленной специализации аулов. Наряду с Кубачи, в котором этот процесс начался раньше, можно указать несколько селений, где промысел работает почти полностью на рынок и стал основной статьей дохода, главным средством прожизвания, т. е. полностью превратился в ремесленное производство. Это — Балхар, Сулевкент, Кумух, Анди, Харбук и др. Еще больше было селений, где ремесленничество было одной из главных отраслей хозяйства (Сутбук, Амузги, Хуелая, Гочатль, Карата, Испик, Джули и многие другие) при сохранении занятий земледелием, садоводством или скотоводством.

Своеобразным промыслом, связанным с бедностью горцев и постоянным излишком рабочих рук, было и отходничество, истоки которого также относятся к становлению географического разделения труда. Как и в промыслах, в отходничестве тоже заметно четкое разграничение по зонам. Для начального периода, когда еще процесс имущественного, социального

³¹ К. Маркс. Капитал, т. II, стр. 237.

расслоения не зашел далеко и сильны родовые традиции, оно сугубо зонально и сравнительно слабо развито. С XVII в., с началом феодальной раздробленности, усилением социального расслоения, утверждением территориального, соседского принципа в поселениях, оно становится не только зональным, но и социальным явлением. Формы отходничества были самые разнообразные: уход горцев к крупным земледельцам плоскости, богатым скотоводам, садоводам. Отходники работали и как поденные слуги, и как батраки, и как исполщики на запаханной ими пустоши на плоскости, и как ремесленники (лудильщики, сапожники, шапочники и др.).

Транспортные средства дагестанцев в описываемую эпоху были слабо развиты. Если транспорт, связанный с хозяйствованием, сравнительно удовлетворял нуждам хозяйственной деятельности, то транспорт для межсельского и внешнего общения и обменных связей был совершенно плох.

С увеличением местной специализации и ростом промыслов наблюдается и интенсификация обменных связей.

Само географическое разделение труда (или зонально-хозяйственная специализация), складывание которого имело одной из предпосылок развитие обмена, является в дальнейшем одним из главных стимулов и предпосылок обмена между населением отдельных зон, микрозон и селений. С этого же времени можно предполагать и начало складывания большинства дагестанских базаров ярмарочного типа, некоторые из которых отличались довольно большими оборотами.

В обмене плоскости и нижнего предгорья главным товаром все более и более становится зерно, которое шло и в горную часть, и в Дербент, и на север, в русские крепости и города (через Терки).

Характерно, что плоскость и вообще селения, имеющие зерно для обмена, чувствуют себя обеспеченными основным необходимым продуктом и поэтому держатся независимо в обменных отношениях. Редко бывали случаи, чтобы владелец зерна беспокоился бы о сбыте его, в крайнем случае он отвезет его на ближайший базар. А горцы ходили со своими товарами за зерном на самые отдаленные от них базары. Эту особенность подметил в начале XVIII в. И. Г. Гербер, который, говоря о Кайтаге, замечает: «Пшеницею и ячменем удовлетворяют многих в горах живущих народов, которые для покупки того хлеба сюда приезжают»³². Он же подметил другой интересный факт, что горцы, традиционно потребляющие зерно определенной области (в частности, горцы южного Дагестана, обменивающие свои товары на зерно кубинцев), никогда не допускают нападений или враждебных отношений с населени-

³² И. Г. Гербер. Указ. соч., стр. 83.

ем этой области, «чтоб через то волю не потерять пшена и пшеницу тамо доставать и менять»³³.

Кроме обмена зонального характера (между зонами) существовал и внутренний, как между микрizonaми, так и отдельными селениями. Так, например, сюргинцы сбывали цудахарцам скот и ослов, а акушинцы и лакцы—шерсть, те в свою очередь, сбывали им фрукты и высококачественные сукна; многие плоскостные селения сбывали виноград и фрукты, а скажем, Губден или Карабудахкент постоянно получали их из горных долин; были в горах и селения, которые сбывали излишки зерна (Харахи, Гергебиль, Урада, Ругуджа, Мекети, Кума и др.).

Разумеется, этот обмен еще нельзя считать развитой торговлей. Беглого взгляда на основные занятия и главные статьи обмена зон и микрoзон достаточно, чтобы убедиться в том, что хозяйство дагестанцев во многом даже в XVIII в. являлось еще натуральным, обмен осуществлялся, в основном, в рамках натурального и полунатурального хозяйства. Об этом свидетельствует и то важное обстоятельство, что в Дагестане (исключая Дербент) не было своей денежной единицы, что видно, например, по памятникам обычного права XVI—XVII вв., в том числе по кодифицированным и записанным (кодексы Рустем-хана и Умма-хана), в которых в качестве эквивалента при компенсациях фигурируют скот, домотканное полотно, котлы³⁴. Положение в обмене несколько изменилось с XVII в., чему в большой степени способствовал выход России к Каспию и оживление транзитной торговли через Дагестан. В это время оживляются и традиционные торговые сношения Дагестана с Азербайджаном, Грузией, Персией, Кабардой, Арменией и значительно увеличивается торговля с Россией.

Подводя итог сказанному, следует отметить, что с XIV—XV вв. на протяжении нескольких столетий в хозяйственной деятельности народов Дагестана намечается определенный поворот, который можно считать вехой в истории экономической жизни Дагестана. Это изменение было подготовлено развитием производительных сил и ростом обменных, культурных и политических связей народов Дагестана.

Побудительным толчком для проявления этих тенденций развития послужило прекращение нашествий и давления кочевнического элемента, давшее простор развитию экономических и политических процессов. В результате этих процессов,

³³ Там же, стр. 77.

³⁴ Постановления Кайтагского уцмня Рустем-хана. ССКГ, I, 1868; Х. О. Хашаев. Кодекс законов Умму-хана Аварского (Справедливого), М., 1948; его же. Памятники обычного права Дагестана XVII—XIX вв., М., 1965

на основе роста производительных сил, развития обмена, улучшения культурных и политических сношений, наблюдается складывание известного географического разделения труда (или хозяйственной зональной специализации), выразившееся в сосредоточении производства зерна на плоскости и превращении горной части в преимущественно скотоводческую область, хотя в целом хозяйство дагестанцев все еще остается полунатуральным³⁵.

Экономические процессы этого времени сопровождаются завершением распада системы родственных поселений и образованием территориальных, процессами политической консолидации и ростом культуры и культурных связей, причем все эти процессы в значительной степени взаимосвязаны и взаимобусловлены.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского НЦ РАН**

instituteofhistory.ru

³⁵ Поэтому определение «зональная хозяйственная специализация», которое мы употребляли с самого начала наравне с определением «географическое разделение труда», представляется более точным.

ИЗ ИСТОРИИ ЖИЛИЩА ДАГЕСТАНСКИХ НОГАЙЦЕВ XIX—XX ВВ.

История и этнография ногайцев неоднократно привлекали к себе внимание исследователей. Этим проблемам посвящали свои работы многие авторы еще в дореволюционное время: А. М. Павлов¹, А. П. Архипов², анонимный автор, подписавшийся инициалом «М»³, Н. Дубровин⁴, Г. Малявкин⁵, Г. Ананьев⁶, Н. Семенов⁷, А. И. Якобий⁸, С. В. Фарфоровский⁹, И. Л. Щеглов¹⁰, Ф. И. Капельгородский¹¹ и др.

Положительно оценивая дореволюционную литературу о ногайцах, следует, однако, отметить, что ее не так много — за исключением нескольких работ, это преимущественно небольшие журнальные и газетные очерки, статьи или отдельные сведения, приводимые в общих трудах о России, Кавказе или Дагестане. Более того, в своем большинстве эти работы посвящены только политической и социально-экономической истории ногайцев. Материальная же культура этого народа изучена крайне мало. Неравномерно были изучены и различные

¹ А. М. Павлов. О караногайцах, кочующих по Кизлярской степи. СПб, 1842.

² А. П. Архипов. Ногайцы. «Кавказ», 1850, 63; 1852, 3—5; Его же. Домашняя ногайская утварь. ИРГО, вып. I, 1850; Его же. Три отрывка о ногайцах и туркменах. «Кавказ», 1855, 29—31; Его же. Этнографический очерк ногайцев и туркмен. Кавказский календарь на 1859 г.

³ М. Татарское племя на Кавказе. «Кавказ», 1859, 86, 87, 89—91.

⁴ Н. Дубровин. История войны и владычества русских на Кавказе, т. I, кн. I. СПб, 1871.

⁵ Г. Малявкин. Караногайцы. «Терский сборник», вып. 3, кн. II, 1893.

⁶ Г. Н. Ананьев. Караногайцы, их быт и образ жизни. СМОМПК, вып. XX. Тифлис, 1894.

⁷ Н. Семенов. Туземцы Северо-Восточного Кавказа. СПб, 1895.

⁸ А. И. Якобий. Тюрки степей Северного Кавказа. СПб, 1901.

⁹ С. Ф. Фарфоровский. Ногайцы Ставропольской губернии. Историко-этнографический очерк. ЭКОРГО, вып. 7, кн. 2. Тифлис, 1909; Его же. Народное образование у ногайцев Северного Кавказа в связи с их современным бытом. ЖМНП, 1902, 12.

¹⁰ И. Л. Щеглов. Трухмены и ногайцы Ставропольской губернии, т. I—III. Ставрополь, 1910, 1911.

¹¹ Ф. И. Капельгородский. Караногай. ЭТОЛИКС, 1914, 10.

группы ногайцев. В то время как кубанские и ачикулакские ногайцы были изучены сравнительно лучше, им больше уделяли внимания, караногайцы и кумыкские ногайцы нередко оставались вне поля зрения исследователей.

В советский период также был издан ряд работ. Вопросы истории и этнографии ногайцев, в частности, рассматриваются в большом сводном труде известного советского ученого С. А. Токарева¹², а также в работах Е. П. Алексеевой¹³, Л. Н. Кужелевой¹⁴ и др.

Все же ногайцы пока еще остаются малоисследованным народом. В первую очередь это относится к их материальной культуре, о которой не издано ни одной специальной статьи. Между тем глубокое изучение этой темы, как и всей этнографии ногайского народа, имеет важное значение, и является одной из неотложных задач исторической науки. Уже сейчас мы сталкиваемся с большими трудностями при изучении материальной культуры данного народа, в частности, его поселений и жилищ. Под влиянием глубоких социально-экономических преобразований, происшедших в жизни ногайцев за годы Советской власти, старые формы жилищ и старые формы поселений исчезли, не став предметом глубокого и всестороннего изучения. При изучении ногайской кочевой юрты, от которой не осталось даже следа, приходится, наряду с далеко не полными письменными источниками, положить в основу рассказы и воспоминания старожилов, пока еще хранящих в своей памяти многие стороны исчезнувшего быта.

Авторы данной статьи делают попытку восполнить в какой-то степени этот пробел, исследовать жилище дагестанских ногайцев XIX—начала XX веков и показать этапы его развития.

Однако наша статья не может претендовать на исчерпывающую характеристику жилищ ногайцев в его развитии. Этот вопрос может быть решен лишь при накоплении большого полевого, в частности сравнительного материала, а также архивных данных.

* * *

До Великой Октябрьской социалистической революции основная часть дагестанских ногайцев вела кочевой образ жизни.

¹² С. А. Токарев. Этнография народов СССР. М., 1958.

¹³ Е. П. Алексеева. Ногайцы. Сб. «Народы Карачаево-Черкессии». Ставрополь, 1957.

¹⁴ Л. Н. Кужелева. Ногайцы. В кн. «Народы Северного Кавказа», т. I, М., 1961; Ее же. Ногайцы (Из истории ногайцев XVIII—нач. XX вв.). УЗИИЯЛ, т. XII, 1964; Ее же. Социалистические преобразования культуры и быта ногайцев. Автореферат кандидатской диссертации. М., 1966.

ни и жила в разборных решетчато-войлочных юртах (*термэ, тельмэ*), соответствовавших особенностям жизни народа в условиях кочевого быта.

Место для стойбищ (временных поселений) выбиралось в соответствии с сезонными условиями кочевого скотоводства, т. е. в зависимости от характера пастбищных участков. Кочевые аулы могли включать в себя от 5 до 50 семей.

С. Фарфоровский писал о караногайцах: «Собрание нескольких кибиток в роде маленького хутора называется ногайцами аулом. Самый большой аул состоит из 30—40 кибиток»¹⁵.

При установке юрт ногайцы не придерживались сколько-нибудь четкой системы планировки. Место для каждой юрты ее владелец выбирал по своему усмотрению, как ему было удобно. Все же юрты ставились в соответствии с общей формой расположения поселения, в зависимости от того, устраивался ли аул в виде круга, полукруга, или юрты устанавливались в ряд. Кроме того, простой общинник не мог, например, поставить свое жилище на переднем плане аула, так как это место предназначалось для главы аула — аулбая, именем которого называлось поселение. В пределах же определенного участка каждый общинник был вправе устроиться по своему усмотрению.

Ввиду того, что вокруг жилища семьи периодически собирался принадлежащий ей скот, юрты отстояли друг от друга на определенном расстоянии (15—20 метров), тем более, что в бескрайней степи места было много.

Ногайцы пользовались кибитками двух типов: большая сборно-разборная (*термэ*) и малая неразборная, переносная (*отов*)¹⁶. Те и другие возводились путем устройства деревянного каркаса и покрытия его кошмой (рис. 1). Жерди каркаса диаметром 3—4 см изготовлялись из орешника, который привозили из внутреннего Дагестана (из Кумыкии) и Чечни.

Большая ногайская юрта *термэ* имела круглую в плане форму и была очень схожа по своему устройству с юртой других кочевых народов Азии¹⁷, особенно с калмыцкой.

Эта юрта была сборно-разборной. Каркас ее стен состоял из решетчатых звеньев (*шетен*), которые соединялись в блоки (*табан*). От количества звеньев зависела величина жилища. По сведениям А. П. Архипова, ногайская юрта могла «состоять

¹⁵ С. Фарфоровский. Народное образование у ногайцев Северного Кавказа в связи с их современным бытом. ЖМНП, 1909, № 12, стр. 197.

¹⁶ А. П. Архипов. Домашняя ногайская утварь; Г. Ананьев. Караногайцы, их быт и образ жизни.

¹⁷ С. А. Токарев. Этнография народов СССР. М., 1958; Народы Средней Азии и Казахстана. Т. I, 1962; Народы Восточной Азии, М.—Л., 1965.

из пяти, шести, восьми, десяти и двенадцати отдельных решеток, связанных обыкновенно одна с другою шерстяной веревкой». Далее автор уточняет, что «двенадцатирешетчатая кибитка — самая большая, и у ногайцев встречается весьма редко, да и то лишь у людей очень богатых»¹⁸.

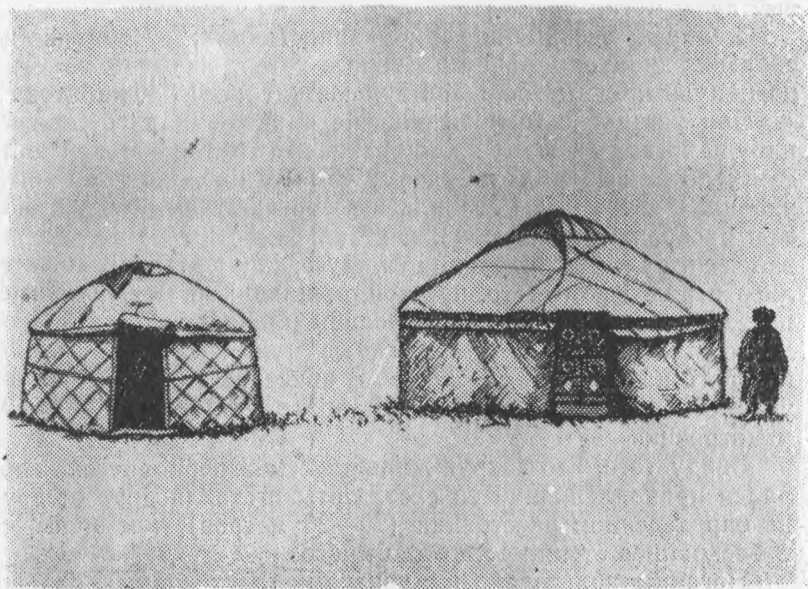

Рис. 1. Ногайские кибитки. Слева неразборная (отов), справа разборная (термэ).

Решетка собиралась из деревянных жердей (*термэ-агач*), которые скреплялись кожаными кольцами в местах их пересечений. Вследствие такого шарнирного соединения, решетчатое звено при разборке и перевозке юрты могло складываться в пакет.

Эти растянутые решетчатые звенья устанавливались в круг и скреплялись друг с другом с помощью широкой тесьмы; будучи так установлены, они образовывали жесткий каркас стен, причем два крайних звена прикреплялись к дверной раме.

Согласно сообщению Г. Малявкина, ногайцы, выбрав участок для устройства жилья, клали на землю обод — *шагъ-ракъ*, принимали его за центр и устанавливали вокруг него раздвижные решетки¹⁹.

¹⁸ А. П. Архипов. Домашняя ногайская утварь..., стр. 73.

¹⁹ Г. Малявкин. Караногайцы, стр. 148.

Двери делались «одно- и двухстворчатые, деревянные»²⁰. Створки имели «примерно 1½ аршина высоты и 1½ аршина ширины каждая»²¹. Они вращались на шарнирах, имея вверху и внизу выступы, которые вставлялись в углубления — гнезда, сделанные в раме (как и повсеместно в старинных домах народов Кавказа и Передней Азии). Двери украшались ярким рисунком, чаще геометрического начертания. Порог делали высоким. Окон в юрте не было.

Термэ имела крышу конической формы. Каркас крыши собирался из жердей (*увукъ*), у которых нижний конец имел кожаную петлю, а верхний был заостренным. Петли надевались на рогатки (крестовины), которые получались наверху решеток стен при их установке (верхние развилки решеток), а заостренные концы вставлялись в гнезда на деревянном ободе верхней детали крыши (*шагъаракъ*), имевшей вид колеса со спицами диаметром около 1 метра. Решетки стен, жерди крыши, нередко и деревянный обод, увенчивающий крышу, были окрашены в красный цвет.

Затем остов юрты с наружной стороны покрывался кошмами. Богатые люди обтягивали стены двумя—тремя слоями длинных войлочных полос (*туурлук*), иногда покрывали войлоками и внутреннюю поверхность стен. Бедные же ограничивались одним слоем кошмы, но под ним на стены натягивали циновку (*оьре*). Войлоки нижней части юрты, т. е. стен, крепились с помощью натянутых поверх них волосяных веревок или широких шерстяных лент, которые привязывались концами вверху и внизу решетки и, таким образом, прижимали войлоки к каркасу. Все это делалось, однако, с таким расчетом, чтобы можно было приподнимать и опускать полосы войлоков в нижней части стен, образуя приточные отверстия для проветривания помещения в жаркое время года. В ряде случаев каркас стен для прочности стягивался лентой или арканом не только поверх войлоков, но и под ними.

Войлоки крыши состояли из двух кусков трапецевидной формы; они крепились нижним краем с помощью оттяжек к кольцевой веревке или ленте, опоясывавшей юрту (*бельдев*), а наверху шерстяным жгутом к ободу верхнего кольца. Кроме того, каждый войлок крыши притягивался с помощью двух длинных веревок, привязанных к его верхним углам; эти веревки охватывали вперекрест конус крыши и привязывались к кольцевой веревке.

Днем в ясную погоду угол одного из полотнищ крыши (с подветренной стороны) откидывался, образуя дополнительный проем для освещения, проветривания и выхода дыма. Основ-

²⁰ Г. Ананьев. Указ. соч., стр. 37.

²¹ Г. Малявкин. Указ. соч., стр. 147.

ной же проем (*серпик, тунык*) находился на вершине крыши, будучи образован верхним обручем (*шагъаракъ*). При ненастной или холодной погоде этот проем закрывался квадратным куском войлока (*оърке*), который крепился к кольцевой веревке с помощью четырех оттяжек, прикрепленных к его углам.

В зимнее время на дверь с наружной стороны тоже навешивался войлок (*тосагъа*)²², чтобы в юрту не проникал холодный воздух и ветер не разносил дым внутри помещения. Часто дверной войлок украшался аппликациями. Летом этот занавес снимали или, свернув трубкой, поднимали и укрепляли над дверью. Нередко в бедной юрте вместо деревянной створчатой двери был только полог из кошмы; дерево в безлесной степи стоило дорого.

Вход в юрту всегда был обращен на юг, что было свойственно кочевникам и в давние времена. Еще Рубрук, описывая жилище татаро-монголов в XIII в., отмечал: «когда они снимают свои дома для остановки, они всегда поворачивают ворота к югу»²³.

Войлоки нижней цилиндрической части юрты (*этеклер*) обычно были черными с белым фризом (рисунок аппликацией из верблюжьей шерсти), а верхняя конусообразная часть юрты (*увукъ*) была белой и завершалась черным кольцевым жгутом. Применялись и другие расцветки. «У богачей, — писал А. П. Архипов, — кибитки обтягиваются белой щегольской полстью, с красными лентами и тесьмами, а у бедняков серыми... и всегда весьма непрочными, приготовляемыми на скоро и кое-как»²⁴.

Большая юрта была размером около 7—8 м в диаметре, а высота ее стен составляла около 2 метров. Встречались юрты большей величины²⁵. Делались юрты и меньших размеров — около 4—5 м в диаметре и с низкими стенами. Такие юрты преобладали у бедноты.

Для противостояния порывистым ветрам юрту прикрепляли с помощью веревок к колышкам, вбитым в землю. Но сильные степные ветры порой срывали войлочное покрытие как на крыше, так и на стенах и грозили развалить кибитку совсем. В период сильных холодов юрты обкладывали соломой, бурьяном, камышом, уплотняя эту массу с помощью шестов, втыкаемых в землю, или просто укрепляя ее земляной насыпью.

²² Это древнее тюркское название полога двери сохранилось в кумыкском языке в значении порога (*досагъа*).

²³ Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957, стр. 92.

²⁴ А. П. Архипов. Домашняя ногайская утварь, стр. 74.

²⁵ А. П. Архипов. Там же, стр. 7.

Внутри юрты, посредине, находилось огнище (*ожак*) — площадка размерами 1,5×1,5 м, где разводили огонь. Здесь стоял металлический треножник, на который ставился котел для приготовления пищи. Здесь же в горячей золе пекли хлеб. Площадка очага ограждалась брусками высотой 15 см (*орнагач*), чтобы кошмы пола не сдвигались к огню и не загрязнялись кизьяками.

Размещение очага посредине юрты является древней устойчивой традицией кочевнического жилища²⁶. Ногайцы эту традицию сохранили вплоть до перехода к оседлой жизни. Пережиточно эта форма очага сохранялась и у кумыков. Очаг являлся важной частью жилища, его организующим центром. С ним были связаны важнейшие стороны жизни ногайца. Здесь собиралась семья, готовили пищу, совершали трапезу, принимали гостей. Недаром некоторые авторы отмечали, что «у очага сгруппировано все, около него происходит вся жизнь караногайца. Здесь он рождается и умирает»²⁷. Кроме практического значения, домашний очаг, как отмечает С. А. Плетнева, издревле «у всех языческих народов мира был объектом поклонения, духом-покровителем»²⁸.

Малая юрта ногайцев (*отов, отау*), диаметром до 4 м и небольшой высоты, не разбиралась, хотя она тоже была на решетчатой основе и имела в основном такую же форму. Ее каркас при перекочевках снимался и перевозился целиком на арбе.

Остов малой юрты изготовлялся из дранки, т. е. плоских планок, прикреплявшихся к трем большим деревянным обручам, которые служили основой каркаса по низу, по верху и по середине стены. Планки каркаса крыши перегибались через всю юрту, образуя куполообразное покрытие. Кроме того, в отличие от термэ, по всей поверхности стен и крыши отова, за исключением двери и небольшого отверстия наверху, войлок наглухо прибивался гвоздями. Деревянной двери в отове не было. Ее заменял полог, который днем сворачивался кверху и в таком виде закреплялся над дверью.

«Отов, — писал Г. Малявкин о ногайской неразборной кибитке, — очень легок и упруг; его свободно можно перекатывать по земле, не разбирая по частям»²⁹.

Наиболее распространенным видом жилища была сборно-разборная юрта, а не отов. Тот же Г. А. Малявкин пишет, что отов «мало распространен и большею частью встречается у небогатых караногайцев с большими семьями. Обыкновенно

²⁶ С. А. Плетнева. От кочевий к городам. М., 1967, стр. 57.

²⁷ Г. Малявкин. Указ. соч., стр. 149.

²⁸ С. А. Плетнева. Указ. соч., стр. 58.

²⁹ Г. Малявкин. Указ. соч., стр. 147.

молодую чету родители отделяют в отов, так как дать новую кибитку дорого. Спустя некоторое время, когда у молодых появятся дети, они стараются завести себе калмыцкую кибитку»³⁰.

А. П. Архипов, в отличие от большой юрты, которую он тоже называет калмыцкой, считает отов «собственно ногайской юртой»³¹. Этому взгляда придерживаются и другие авторы. Так, Г. А. Бонч-Осмоловский отмечает, что в XVI—XVII вв. ногайцы жили в небольших неразбирающихся кибитках, и только в XVIII в. стали пользоваться разборными юртами, которые они, по его мнению, заимствовали у калмыков³².

Трудно сказать, насколько достоверны сведения о том, что до XVIII в. у ногайцев не было больших юрт, ибо, по имеющимся данным, в средние века у татаро-монгольских племен были оба вида юрт.

О существовании неразборных жилищ, например, у монголов в XIII в. свидетельствует Рубрук. Описывая способы кочевания, он сообщает, что навстречу ему двигался «большой город» повозок, нагруженных домами³³, или, описывая семейные отношения, отмечает, что «обязанность женщин состоит в том, чтобы править повозками, ставить на них жилища и снимать их...»³⁴. В другом месте Рубрук прямо говорит о двух видах юрт у татар, о больших и «маленьких, которые они ставят сзади большого». Последние служат «как бы комнатами, в которых живут девушки»³⁵. Подобно татаро-монгольским племенам, состоятельные ногайцы тоже нередко ставили отовы как жилье для девушек.

Что же касается сходства ногайской юрты с калмыцкой, то оно несомненно. Ногайцы, будучи в течение долгого времени соседями калмыков и находясь с ними в тесном общении, могли заимствовать у них эту форму жилища. Вообще юрта такого устройства имела широкий ареал распространения. Она была характерна для монголов³⁶, с которыми в свое время составляли этническую общность калмыки, переселившиеся с Алтая в низовья Волги в первой половине XVII в.³⁷.

³⁰ Г. Малявкин. Там же.

³¹ А. П. Архипов. Домашняя ногайская утварь..., стр. 74.

³² Г. А. Бонч-Осмоловский. Свадебные жилища турецких народностей. МЭР, т. III, вып. I. Л., 1926, стр. 107.

³³ Путешествия в восточные страны..., стр. 104.

³⁴ Там же, стр. 100.

³⁵ Там же, стр. 92.

³⁶ А. Симусов. Пища и жилище монголов. «Современная Монголия», 1933, № 2, стр. 45—49.

³⁷ Л. П. Потапов. Очерки по истории алтайцев. Новосибирск, 1948, стр. 9.

У ногайцев в обиходе применялись оба типа юрт. Малая юрта нередко была единственным жилищем бедной семьи. У состоятельных хозяев она использовалась как первоначальное жилище новой семейной ячейки. Как сообщает ряд авторов, отов входил в состав приданого невесты.

А. П. Архипов пишет, что отов «есть свадебная кибитка... Всякая девица, выходящая замуж, должна принести с собой... кибитку-отауй. В ней она скрывается от света определенное время при выходе в замужество»³⁸. Также и по другим сведениям, отов — «это юрта, которую молодые получают от отца жены в приданое вместе с другим имуществом, и в которой они живут в течение первого периода своей жизни после свадьбы»³⁹. По-видимому, само название *отов (отоу)* происходит от *ата-уы* («отцовский дом»).

То, что юрта у ногайцев, как и других тюркских кочевых народов, составляла часть приданого невесты, с одной стороны, возможно, объяснимо как пережиток бывшего матрилокального поселения. С другой стороны, это отражало особенности быта кочевников-скотоводов, у которых по разделению труда в семье, все, что связано с жилищем, входило в ведение женщины.

Так или иначе, без отовов в кочевом ауле не обходились, потому что они легко и быстро устанавливались, в них во время перекочевки можно было укрываться от дождя, от солнца и ветра.

Как термэ, так и отов изготавливались из орешника. Занимались их изготовлением мастера-мужчины. Так называемые кумыкские ногайцы (таргу-ногай, аксай-ногай и костек-ногай) часто покупали готовые термэ у караногайцев и ачикулакских ногайцев. Нередко мастерами по изготовлению кибиток нанимались и дагестанские горцы, в частности, кубачинцы. А. П. Архипов пишет, что ногайцы при готовом материале «за изготовление калмыцкой кибитки платили мастерам от 7 до 40 рублей»⁴⁰.

Как отмечалось выше, разборка и установка юрт были делом женщин. Характеризуя эту работу, Г. Ананьев писал: «После перевозки частей кибиток и отовов, женщины первым делом моют все палки и решетки кибиток и затем снова укрепляют решетки стен, обивают их войлоком, прикрепляют палки крыши и располагаются таким образом на новом месте. Устанавливаются кибитки ногоаянками чрезвычайно быстро; это можно заключить уже из того, что снятие с места

³⁸ А. П. Архипов. Там же.

³⁹ Ф. Фиельструп. Свадебные жилища турецких народностей. МЭР, т. III, вып. I, Л., 1926, стр. 112.

⁴⁰ А. П. Архипов. Указ. соч., стр. 73.

кибиток, перевозка их на 10 и более верст, мойка и новая установка делается в течение одного дня»⁴¹.

Когда новую кибитку устанавливали в первый раз, принято было собирать родственников, приготовив для них угощение, для чего резали барана. Приглашенные читали молитву в память умерших предков и высказывали хозяину дома добрые пожелания.

Жилище ногойской семьи состояло из одной или нескольких юрт. Число их зависело от величины семьи и ее имущественного положения. Богатые ногойцы нередко имели по 4—6 юрт, в том числе одну главную, женские юрты на каждую жену отдельно, на каждого женатого сына, юрту для наемных работников.

Как рассказывал наш информатор Багаутдин Аракчиев, у его отца Махмуда Аракчиева, аулбая Махмуд-аула, жилище составляли 6 юрт: одна главная, служившая гостиной или столовой (*уйкён-термэ* или *къазан-термэ*), три для женатых сыновей, которые жили с ним нераздельным хозяйством, две кибитки для жен и детей⁴².

Некоторые богачи имели для неженатых сыновей и незамужних дочерей отдельные юрты в качестве их спален. Бедные ногойцы ограничивались одной юртой, как бы многочисленна ни была семья. Не все из них могли выделить женатого сына даже в отов. Нередко два женатых брата жили в одной термэ⁴³.

Социальная неоднородность ногойского общества проявлялась и во внутреннем убранстве жилища.

У аулбаев и других состоятельных людей юрты имели лучшую обстановку, состоявшую из ковров, кошм из высококачественной шерсти с богатой отделкой, шелковых занавесок, вышитых вещевых сумок, сундуков фабричного производства и кустарной работы адыгейских и дагестанских мастеров, зеркал, богатой постели и т. д.

Все это размещалось в традиционном порядке у стен, чтобы не загромождать срединную площадь жилища. Лучшими кошмами и коврами убиралась та часть пола, которая предназначалась для досуга, особенно *тоьр* — место хозяина напротив входа. Стены изнутри зашивались шелковыми и шерстяными узорчатыми кошмами шириной 70—80 см, а позднее тканями. На стены вешали сумки, сшитые из цветных лоскутов, нередко искусно вышитые, с кармашками разных размеров для мелких домашних вещей (рис. 36). На стену

⁴¹ Г. А н а н ъ е в. Указ. соч., стр. 42.

⁴² Полевой материал; инф. Б. М. Аракчиев, 1905 г. рожд., сел. Терекли-Мектеб Ногойского района, 25. VII. 67 г.

⁴³ Полевой материал; инф. Патимат Асланова, 1902 г. рожд., сел. Терекли-Мектеб Ногойского района, 3. VII. 67 г.

вешался деревянный поставец — полочка для светильника, керосиновой лампы (*шырак-салдыш*). Весь пол, за исключением входной части и очага, застилали сперва камышевыми циновками (*овре*), поверх них вышитыми и простыми кошмами, у богатых еще коврами. На кошмах и коврах лежали подушки для сидения. Больше всего подушек было на почетном месте (*товр*) — месте главы семьи. У богатых можно было увидеть в юрте самовары, чайники, фабричную посуду, зеркала, вышитые полотенца и т. д. Всем этим особенно отличалось убранство приемной юрты у аулбая и других состоятельных ногойцев⁴⁴.

Вообще интерьер юрты был нарядным, потому что домашние вещи украшались резьбой по дереву и цветным шитьем. Орнаментация была выдержана в стиле, характерном для прикладного искусства народов плоскостной части Северного Кавказа (адыго-черкесские народности, частично осетины и кумыки). Этот стиль в значительной степени связывает прикладное искусство ногойцев также с культурой народов Азии.

Направо от входа помещались продовольственные запасы (ларь, мешки с мукой, зерном и т. д.) и лавка для утвари. Тут же рядом, но повыше, висела полка для парадной посуды, которая крепилась концами к каркасу юрты, а посредине подпиралась шестом. Под этой полкой находился раскрашенный шкафчик с дверцами (*кобан-сандык*), служивший для хранения продуктов питания (мясо, сыр, фрукты и пр.). На левой стороне от двери стояла длинная раскрашенная скамья (*орынлык*), на которой лежали матрацы, одеяла, подушки и другие постельные принадлежности; над этой скамьей повыше была протянута веревка с навешанными на нее предметами одежды, главным образом мужской. Многие вещи (вышитые сумки с одеждой, оружие, конская сбруя, гребни для расчески шерсти и т. д.) висели в разных местах на стенах, на крючках, на веревке.

Почетным местом (*товр, товр-ян*) в юрте была северная сторона, расположенная за очагом, напротив входа. Здесь помещался глава семейства, сюда же приглашали почетных гостей. По правую от почетного места сторону (если обратиться к выходу) находилась мужская сторона (*онг-бет* — правая сторона), по левую от него — женская (*къазан-аяк-бет* — кухня).

Если у главы семьи было две жены, то место старшей было ближе к почетной стороне. Здесь же, на женской стороне, было место и взрослых дочерей. Снохи находились ближе к двери (*эсик-бет* — входная сторона), устраиваясь чаще всего на

⁴⁴ Г. Ананьев. Указ. соч., стр. 40—41.

земляном полу. В семье ногайца строго соблюдалась половозрастная иерархия. Исключение составляли снохи и наемные работники, которые не могли претендовать на лучшее место на женской и мужской половинах юрты.

Таким образом, юрта условно как бы делилась на две половины, на правую от входа — женскую и левую — мужскую (рис. 2). Деление юрты на женскую и мужскую половины,

Рис. 2. Планировка юрты.

распределение мест в юрте в зависимости от половозрастных особенностей, по-видимому, имеет многовековую историю и было характерно для широкого мира кочевников.

Тот же Рубрук подробно характеризует это разделение в жилище татаро-монгольских племен. Он пишет: «Когда они поставят дома, обратив ворота к югу, то помещают постель господина на северную сторону. Место женщины всегда с восточной стороны, т. е. налево от хозяина дома, когда он сидит в своей постели, повернув лицо к югу. Место же мужчин с западной стороны, т. е. направо. Мужчины, входя в дом, никоим образом не могут повесить своего колчана на женской стороне»⁴⁵. Однако в более поздний период такие строгие ограничения в пользовании половинами жилища не соблюдались.

Ногайцы принимали пищу всей семьей в одной юрте, если даже в хозяйстве было несколько юрт, но женщины и мужчины ели раздельно. Только при почетных гостях, в богатых семьях, хозяин за трапезой устраивался отдельно.

После ужина женатые сыновья со своими женами и детьми уходили в свои термэ или отовы. Уходил в свою юрту также глава богатой семьи с женой и с дочерьми. Нередко, таким образом, в большой юрте оставались ночевать одни молодые

⁴⁵ Путешествия в восточные страны..., стр. 94.

мужчины — неженатые сыновья и наемные работники. Бывало и наоборот — оставались в большой юрте старики и дочери, сыновья уходили в свои юрты, а наемные работники устраивались в отове.

Рис. 3. Предметы внутренней обстановки юрты: а) шкафчик для кухонной посуды; б) настенные сумки для мелких вещей; в) треножник с котлом. Народный музей в сел. Терекли-Мектеб.

Юрту освещал светильник, горевший на жиру. Ногайцы, жившие на берегу моря, заправляли светильники тюленьим жиром. Тюленей ловили вместе с рыбой, а зимой били на льду. Тюлений жир употреблялся также при лечении туберкулеза, которым болели многие ногайцы.

Отапливалось жилье кизяками, заготавливавшимися на зимних пастбищах. Юрта была плохо защищена от стужи и, как отмечал один из авторов, «страшной степной вьюги, сильного холодного ветра, врывающегося со свистом в двери кибитки»⁴⁶.

«Во время продолжительных буранов (жестоких степных метелей), — сообщал тот же автор, описывая трудную жизнь кочевников, — в кибитку, где с трудом помещается семейство ногайца, загоняются телята, бараны, козы для предохранения

⁴⁶ Кавказские жители. «Природа и люди», 1879, № 6, стр. 4.

их от гибели. Крупный рогатый скот, лошади и верблюды оставляются на произвол судьбы. Нередко гибнут целые стада, и из богатого ногоец на другой день делается таким же байгушем (нищим), как и многие его собратья»⁴⁷.

Помещений для скота в кочевых условиях ногойцы либо вовсе не имели, либо строили их весьма примитивно. Зимой скот содержали, как правило, около жилища в загонах (*гюрен, кора*). Их делали, сооружая ограждения в виде валов из камыша и бурьяна с землей. Загоны были общественные (аульные) и частные. На ночь вход в загон закрывался горизонтальными шестами, концы которых вставляли в отверстия двух вертикально расположенных бревен, стоящих на расстоянии 1,5—2 метров друг от друга (*тогъаз*). В хозяйствах, имевших молочный скот, в загоне сооружали для телят небольшие ячейки из плетня (*шетен*). Кроме того, внутри загона имелись вбитые в землю шесты, к которым привязывали телят во время дойки коров.

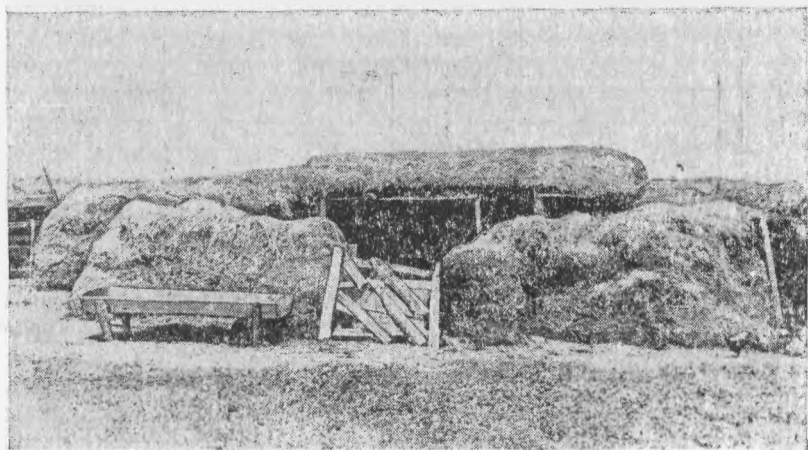

Рис. 4. Зимний загон для скота.

Зимние загоны (*гюрен*) обычно были небольших размеров и строились позади жилища. Они устраивались подобно открытым загонам, т. е. представляли собой ограждения из бурьяна с землей, но имели навес из камыша и бурьяна с насыпкой земли, чтобы его не разметало ветром.

Характерным признаком первых оседлых усадеб было отсутствие огороженного двора. Следы этой древней традиции

⁴⁷ Там же.

кочевых поселений можно обнаружить в отдельных аулах ногайцев даже в настоящее время.

Переход к оседлости у ногайцев происходил постепенно, на протяжении нескольких десятков лет. Этот процесс нашел свое отражение в стадиях развития жилища. Сначала строились постоянные жилища в местах зимних стоянок, а в летний период эти дома оставлялись, так как их хозяева отправлялись в кочевье и жили в юртах.

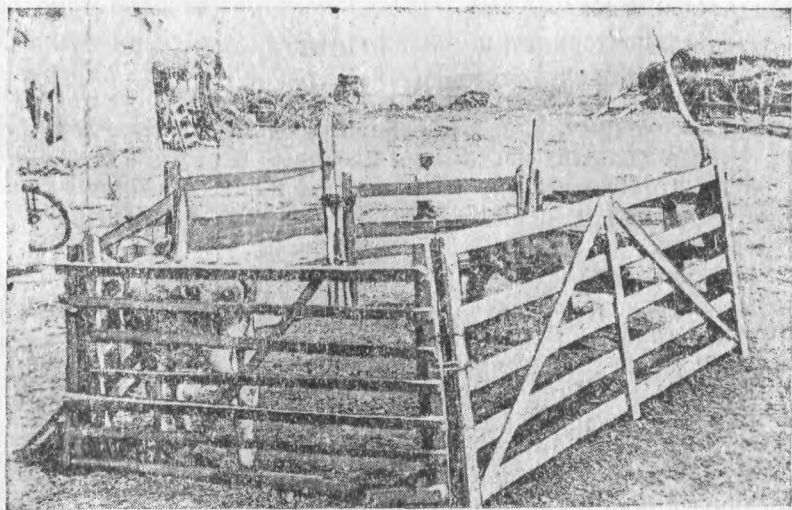

Рис. 5. Летний загон для скота.

Места для постоянных поселений выбирались по разным признакам. Одни селения образовывались в местах, где первоначально строились дома для проживания в холодное время года, другие — в местах, где на поверхность выходила вода артезианских колодцев, третьи — на оживленных трассах скотопрогона. Административный центр Ногайского района селение Терекли-Мектеб образовалось на месте, где было первоначально мусульманское медресе. В 1892 г. здесь поселился пристав Караногая, в 1912 г. был заложен парк, при Советской власти была построена первая школа. Название селения Терекли-Мектеб означает «школа с деревьями».

В соответствии с традицией кочевых аулов, первые постоянные селения не имели определенной планировки. Каждый застройщик ставил свой дом так, как ему казалось удобным. При этом проявлялась тенденция располагать дома группами на отшибе от других, чему способствовали как традиция разбросанной планировки, так и многоземелье: свободной земли

было много, она не использовалась для посадок или посевов сельскохозяйственных культур, поэтому не представляла собой ценности, которую следовало экономить. Вследствие этих причин селение представляло собой разбросанные группы усадеб, перемежающиеся пустырями.

При переходе к постоянным поселениям ногайцы, наряду с традициями кочевого периода, заимствовали также соответствующие традиции соседних оседлых народов. Сложившаяся таким образом схема планировки в ряде аулов, думается, преобладает и теперь.

Первые постоянные поселения в Ногайской степи — Уйсалган, Терекли-Мектеб, Махмуд-аул — возникли в дореволюционные годы. В районах кумыкских селений Таргу, Костек и Аксай поселения оседлых ногайцев появились несколько раньше. Но в обеих этих местностях массовый переход к оседлости, а следовательно и широкое распространение постоянных жилищ, относятся к периоду коллективизации сельского хозяйства.

При переходе к оседлому образу жизни не представлялось возможным использовать для устройства постоянного типа жилищ традиции сооружения юрт, и ногайцы освоили типы домов, характерные для соседних оседлых народов, строя дома по примеру кумыкских, кабардинских, осетинских. Кроме того, воспринимались навыки домостроительства русского населения, имевшего в Ногайской степи свои хутора (Маскаба-кутур, Али-кою-кутур и др.). Со своими соседями ногайцы имели оживленный контакт и тесные культурно-экономические связи.

Постоянные жилища (*там*) ногайцы строили из саманного кирпича. Первые такие дома в Ногайской степи появились в ауле Уйсалган, на самой западной границе Караногая. Название этого селения означает «дом поставивший», «дом построивший». Этот аул в отличие от других называли еще «кирпич-аул» (аул, где сооружены постройки из кирпича).

Рассматривая типы жилищ ногайских селений, сопоставляя их композиционно-планировочные решения, их конструкции, а также воспроизводя не сохранившиеся формы и типы на основе данных информаторов, можно проследить некоторые этапы развития постоянного жилища у ногайцев, отметить, какой путь оно прошло от простейших до современных жилищ за небольшой период оседлости.

Первые дома отличались простотой планировки и конструкций. Обычно возводились двухкамерные постройки со стенами из сырцового кирпича и скатными крышами из камыша. Строили их русские, кумыкские, осетинские, кабардинские

мастера с учетом запросов хозяев и исходя из их материальных возможностей.

В сел. Култай-аул (совр. Кунбатар) в начале XX века первый постоянный дом был построен баю Култаю русским мастером. Это типично русский дом, но с камышовой крышей. В сел. Махмуд-аул первый дом был построен аулбаю Махмуду Аракчиеву также русскими мастерами из кирпича с черепичной крышей. Постепенно, перенимая приемы наемных мастеров, стали строить постоянные жилища и сами ногайцы, особенно беднота, которая раньше, чем богатые барановоды, стала переходить к оседлости. Переход к прочной оседлости в первую очередь бедной части кочевого населения был закономерен. У бедноты было мало скота, и для нее кочевое хозяйство не было выгодным, так как имевшееся незначительное поголовье можно было пасти возле постоянного поселения и при этом заниматься земледелием. Судя по литературным источникам, в начале XX века к оседлой жизни стремилась именно неимущая часть населения Караногая⁴⁸.

Все же те семьи, которые стали строить жилища постоянного типа, не сразу расстались с юртой. Зимой они жили в домах, а весной вместе со всем аулом переходили на летние пастбища, где жили в юртах. Эта традиция особенно долго сохранялась у состоятельных ногайцев, имевших много скота. И после того, как ногайцы окончательно расстались с кочевым образом жизни, у них рядом с постоянным домом еще долго стояла юрта. Ногаец летом жил в юрте, зимой хранил в ней инвентарь, зерно, а во время окота размещал ягнят.

«Термэ мы считали очень удобным помещением для лета,— говорил наш информатор Мухтар Ялмамбетов (1897 года рожд.) из сел. Нариман-аул Ногайского района, — оно способно сохранить прохладу в жаркие дни; в нем легко приспособиться к защите от солнца; откроешь верхнее отверстие — видишь звездное небо».

Тем не менее постепенно юрта стала исчезать и со двора. С организацией колхозов, она вначале перешла в полевые бригады, а потом исчезла вовсе, оставив о себе только воспоминания у представителей старшего поколения. Не осталось следа и от отова, который в первые годы колхозного строительства бытовал на полевых станах, как легкое переносное жилище.

Итак, ногайцы, оседая, стали постепенно осваивать типы жилищ и приемы их строительства, характерные для соседних оседлых народов.

⁴⁸ Ф. И. Капельгородский. Караногай..., стр. 51.

В прошлом по всему Северному Кавказу бытовал турлучный (из плетня, обмазанного глиной) дом, который состоял обычно из двух комнат, расположенных рядом и имевших каждая свой вход с галереи — навеса, устроенного вдоль фасада дома⁴⁹. Такие дома строили первоначально и ногайцы, переходившие к оседлости еще в XIX веке. Со временем это жилище стало вытесняться другим, возводимым из саманного кирпича и состоящим из трех помещений: среднего проходного и боковых, в которые попадали через среднее.

Планировка жилого дома со средним проходным помещением встречается в нагорном Дагестане⁵⁰, Азербайджане⁵¹, Средней Азии⁵². Она повсеместно распространена на Северном Кавказе, преобладает у кабардинцев⁵³, северных кумыков⁵⁴, где «комнат бывает почти всегда две через сени, а затем, если нужны еще комнаты, то таковые располагаются, хотя и под одной крышей, но с другим отдельным ходом и сенями»⁵⁵.

Такой дом состоит из трех помещений. Вход снаружи ведет в среднее (у ногайцев, как и у кабардинцев, оно называется *сени*, у кумыков *гырве*). В среднем помещении имеется небольшое возвышение — глинобитная площадка высотой 15—25 см. (Такое же возвышение устраивается и в помещении дворовой кухни, где оно используется для размещения различной утвари и продовольствия с тем, чтобы предметы не находились на полу).

При массовом переходе на оседлость ногайцы переняли именно этот тип жилого дома. Такие дома встречаются и в настоящее время. В качестве примера может служить дом Алыпкашева в сел. Нариман-аул (рис. 6).

В доме Алыпкашева среднее помещение является хозяйственным, а боковые — жилыми. Боковые комнаты называются *уьйкен-уьй* (большая комната) и *кишкен-уьй* (малая комната), хотя они по размеру почти одинаковы. Некоторые жители

⁴⁹ А. Миллер. Черкесские постройки. МЭР, II, Пгр, 1914, стр. 57—78.

⁵⁰ А. Никольская. Аварцы. В кн. «Народы Кавказа», т. I, М., 1960, стр. 447; С. Ш. Гаджиева, М. О. Османов, А. Г. Пашаева. Материальная культура даргинцев. Махачкала, 1967, стр. 134.

⁵¹ М. Н. Насирли. Сельские поселения и крестьянские жилища Нахичеванской АССР. Баку, 1959, рис. 24, 30.

⁵² В. Л. Воронина. Узбекское народное жилище. СЭ, 1949, № 2, стр. 59—85.

⁵³ Е. Н. Студенецкая. Современное кабардинское жилище. СЭ, 1948, № 4, стр. 108—109.

⁵⁴ С. Ш. Гаджиева. Материальная культура кумыков. Махачкала, 1960, стр. 64—65; А. Ф. Гольдштейн. Жилый дом в народной архитектуре кумыков. «Сб. научн. сообщ. по стр. и арх.», ДГУ, Махачкала, 1967, стр. 30—35.

⁵⁵ Афанасьев. Селение Костек. СМОМПК, вып. XVI, отд. I-й, стр. 95.

селения называют одну из боковых комнат *турагъан-уьй* (жилая комната)), другую *кѣулагъ-уьй* (кладовая).

В жилых помещениях устроены возвышения для отдыха — нары высотой 40—45 см. Они глинобитные, хотя и называются *тахтаван* или *тахтанбет* («деревянное место»); есть и другой термин — *орундук* («скамья»). Иногда края этих площадок сделаны из дерева, в виде скамьи, чтобы удобнее сидеть (сидя

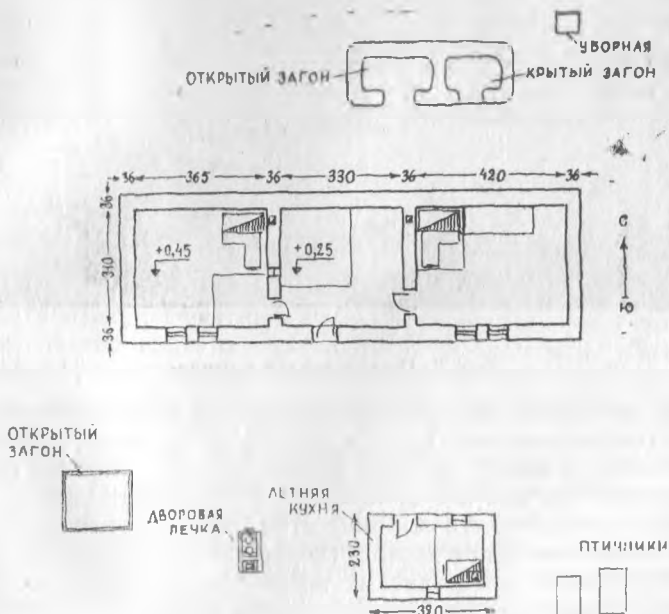

Рис. 6. Старое ногайское жилище; дом Алыпкашева в с. Нариман-аул; общий вид усадьбы и план усадьбы с планом дома.

на деревянной площадке, сделанной в виде скамьи на ножках, можно подогнуть ноги, тогда как, сидя на краю глинобитной ступени, этого сделать нельзя). Глинобитные нары-лежанки, которых не было в кочевой юрте, ногайцы позаимствовали у соседей.

В каждой боковой комнате устраивается печь, которая у ногайцев обозначается, как и у всех народов Северного Кавказа, русским словом «печь». Она устанавливается на глинобитном возвышении (верх которого обычно совпадает с уровнем находящихся рядом нары) и имеет, помимо топочной камеры, дымоход-змеевик с несколькими изгибами, отнесенный на некоторое расстояние от стены (рис. 7). Такое устройство способствует большей теплоотдаче. Топочная камера покрыта чугунной двухконфорочной плитой.

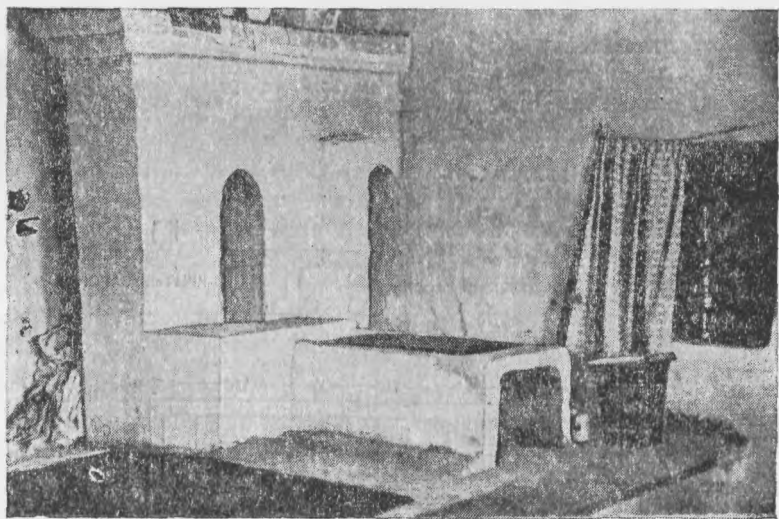

Рис. 7. Печь в жилой комнате.

Эти печи местные жители называют «кабардинскими». Ногайцы Бабаюртовского района ДАССР устраивают комнатные печи, как и кумыки⁵⁶, в виде прямоугольной топочной камеры на четырех ножках и с простым дымоходом-отводом.

Надо добавить, что жилище этой группы ногайцев практически не отличается от жилищ северных кумыков. При этом на всей территории дагестанских ногайцев архитектурно-строительные термины соответствуют кумыкским.

⁵⁶ С. Ш. Гаджиева. Материальная культура кумыков. Махачкала, 1960, стр. 83.

Возле печи, в стене, разделяющей смежные помещения, как и у кумыков, делается окошко для освещения их одной общей лампой (рис. 7).

Галереи или лоджии — этого элемента жилья, обычного для всего Кавказа, в частности, для кабардинцев и кумыков, — дома в Караногае не имеют. Галереи и лоджии здесь встречаются в единичных случаях, как исключение, хотя, казалось бы, что они могли быть полезны в качестве средства защиты от солнца и осадков.

Но не все черты архитектуры можно объяснить естественными условиями строительства. Многие ее особенности зависят от бытовых условий, от традиций. В Дагестане издревле существует обычай проводить время (отдыхать и работать) вне помещений. Эта практика объясняется тем, что помещения были плохо освещены и плохо отапливались, тогда как в условиях горного климата зимой галерея или лоджия аккумулирует тепло прямых солнечных лучей.

В Ногайской степи такого обычая не было; этому не способствовал здешний климат с частыми ветрами и пылью. Любопытно, что на Апшеронском полуострове, где тоже ветренно и пыльно, жилые дома также не имеют галерей⁵⁷. Однако отсутствие галерей у ногайцев нельзя объяснить только особенностями климата. В приморском Дагестане с подобными же климатическими условиями, а также у северных кумыков жилища имеют галереи и лоджии. Видимо, следует учитывать бытовые традиции. У ногайцев, ранее проживавших в юртах, не сложился обычай использовать навес-галерею. Кроме того, ногайцы переняли многие черты домостроительства у русских, которые, как правило, не устраивают в своих домах ни галерей, ни лоджий.

Необычное для Кавказа отсутствие навеса у входа в жилище у ногайцев, на Апшероне, в Нарашенском районе Нахичеванской АССР можно было бы связать и с другой причиной: дефицитностью лесоматериалов в этих местностях. Но и это обстоятельство всего не объясняет: в Акушинском, Лакском, Хасавюртовском районах Дагестана, где тоже нет леса, лоджии и даже галереи у входа в дом, как правило, устраиваются.

Вследствие того, что использование среднего проходного помещения, которое имело примерно такие же размеры, как и жилая комната, вызывало неудобства в быту, появились планировки, при которых преследовалась цель устранить это неудобство. Иногда в уже выстроенных домах средняя комната разделялась перегородкой, которая выделяла проходную

⁵⁷ В. П. Кобычев. Жилище народов Восточного Закавказья в XIX веке. СЭ, 1957, № 3, стр. 67.

часть — прихожую. Обычно же при строительстве дома предусматривалось разделение первоначального среднего помещения на два: проходное (*сене*) и находящееся за ним непроходное (*артаг-уьй* — задняя комната). Примером может служить дом Куандыкова в сел. Нариман-аул (рис. 8).

Наружная стена прихожей почти всегда делается деревянной, с широким остеклением, хотя в условиях острого дефицита лесоматериалов проще было бы делать ее, как и остальные стены, из самана. Большая площадь остекления, обращенная на юг и не затененная, приводит к перегреву помещения (это остекление обычно завешено изнутри занавесками или газетами, что, однако, мало помогает против перегрева).

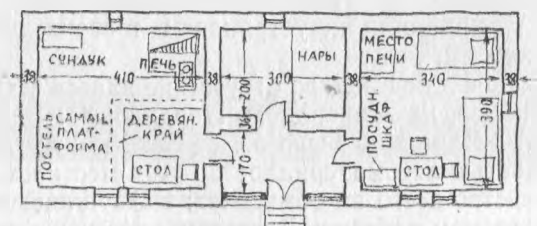

Рис. 8. Жилой дом 1930-х гг. в Караногае; план дома Куандыкова в сел. Нариман-аул.

Устройство деревянного остекленного ограждения прихожей не находится ни в какой связи ни с местными традициями, ни с местными природно-климатическими или хозяйственно-бытовыми условиями строительства; оно заимствовано у русских, имеющих обычай устраивать при входе в дом застекленную веранду.

Разделение среднего помещения и выделение прихожей привело к тому, что средняя комната (за прихожей) получа-

лась небольших размеров. Это неудобство иногда устранялось тем, что средняя комната увеличивалась за счет выступа сзади или спереди дома.

Опыт показал, что планировка, при которой три комнаты расположены в ряд, имеет существенный недостаток: для отопления дома приходится устраивать две печи, либо оставлять одно помещение неотапливаемым. Топливо в Ногайской степи дефицитно, к тому же при протяженном плане помещения больше охлаждаются вследствие увеличенного периметра стен.

В связи с этим со временем стали переходить к более компактному плану, при котором помещения располагаются углом и отапливаются одной печкой. Такие дома с Г-образным планом встречаются, однако, редко, потому что в данном случае из трех помещений два проходные, а одно из них имеет вход непосредственно снаружи.

Для устранения этих недостатков такой план дополняют, устраивая прихожую или сени (рис. 10). Подобные дома, называемые «квадратными», распространены у северных кумыков, в Чечне, Кабарде, Северной Осетии. Согласно информации, полученной у местных жителей, такая планировка заимствована ими у русских⁵⁸. У осетин дом квадратного плана называют «русский дом»⁵⁹.

В последние годы дома с такой планировкой и с шиферной крышей получили на Северном Кавказе повсеместное распространение. Они построены добротно, но их облик лишен какой-либо национальной специфики (рис. 11).

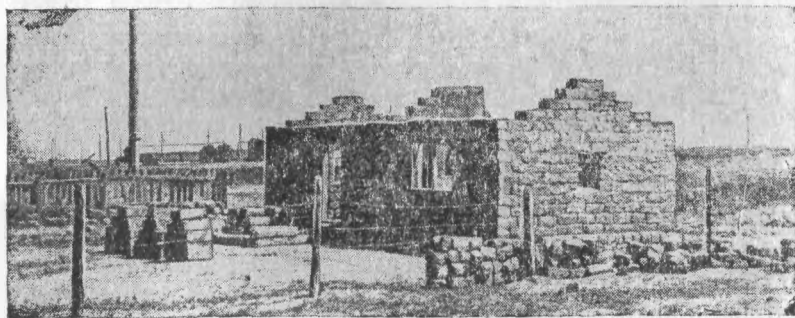

Рис. 9. Саманный дом в процессе строительства.

В Ногайской степи дома строят из самана — крупноразмерного сырцового кирпича ($32 \times 16 \times 14$ см), изготовляемого путем формовки из смеси размоченного глинистого грунта с соломенной сечкой и последующей естественной сушки.

⁵⁸ Е. Н. Студенецкая. Указ. соч., стр. 110.

⁵⁹ Б. А. Калоев. Осетины. М., 1967, стр. 135.

Вследствие отсутствия в этой местности камня, дома раньше строили без фундамента и цоколя; при этом пол устраивался почти на уровне земли. Теперь, при наличии возможности, делают фундамент и цоколь из бутобетона. В качестве бута используют гальку, которую привозят с речных отмелей соседних районов Дагестана.

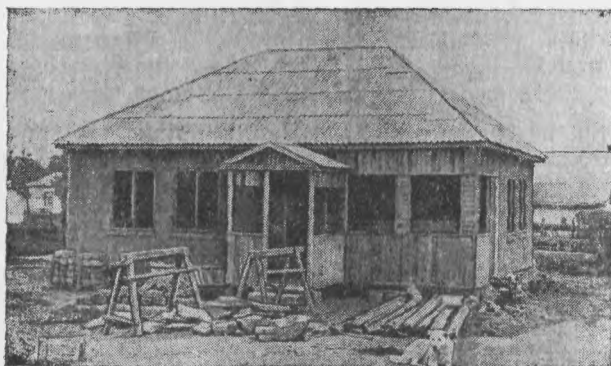
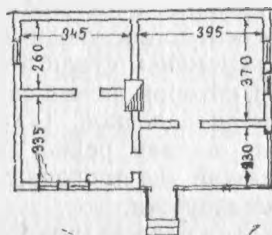

Рис. 10. Строительство стандартного дома.

Стены выкладывают из саманных кирпичей на глиняном растворе; по окончании постройки дома стены обмазывают глиной, так как кирпич-сырец размывается дождями.

Поперечные стены выводятся с треугольным завершением, которое в архитектуре носит название тимпан, в русском зодчестве — щипец, а по-ногайски — *карлгъаш* (рис. 9). Затем укладываются горизонтальные балки из бревен: лежни по верху продольных стен (они служат мауэрлатами) и посредине, с опорой на вершины треугольных завершений стен (эта балка, *аркъалыкъ*, служит коньковым прогоном). Зачастую укладывают еще две балки в промежутках между продольной стеной и коньком.

По продольным балкам укладывают стропилы (*рака*) — кругляк диаметром около 8 см с шагом 30—40 см. Затем кла-

дуются жерди толщиной 3 см с зазорами 10 см, на них — слой хвороста, затем толстый слой камыша, который обмазывается глиной. В торцах крыши вся толща кровли закрывается досками; они держатся с помощью вертикальных упорных планок, прибитых к выступающим концам балок (рис. 6).

Такие крыши в домах, построенных более пятидесяти лет тому назад, видимо, никогда не протекали.

Со стороны помещения конструкция крыши обмазывается глиной и белится, образуя наклонный потолок. Шиферные крыши делают чердачными.

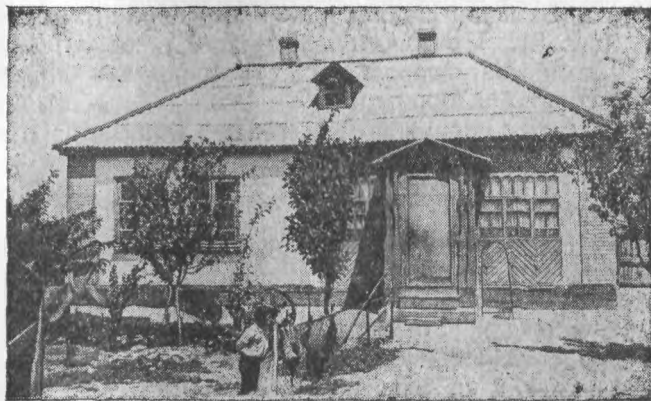
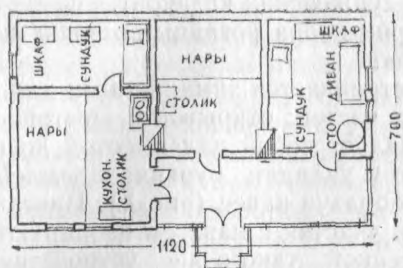

Рис. 11. Дом Машавова в сел. Нариман-аул.

Двери филленчатые; полотна дверей и створки окон навешаны на железных петлях. Окна створчатые, остекленные. Остекление окон применяется одинарное. В старых домах, имевших низкие стены, иногда встречаются окна горизонтальных пропорций (ширина больше высоты). В новых домах повсеместно устанавливают спаренные окна с узким простенком между ними. В старых домах окна имеют фрамуги, которые откры-

ваются для проветривания помещений. В последнее время окна оснащают ставнями и резными наличниками, оформленными в «русском вкусе» (рис. 8).

С переходом к оседлости у ногайцев появилась традиция сооружать кухню в виде отдельной постройки перед домом. Такая кухня напротив жилого дома имеется на каждой усадьбе.

Наличие обособленной кухни — характерная особенность усадьбы у жителей Северного Кавказа. Кроме того, у ногайцев неподалеку от кухни устраивают печь для приготовления пищи в жаркое время года (это уже воспринято у других соседей — терско-сунженских казаков).

На территории двора ногайцы возводят и разные хозяйственные постройки.

За домом устраивается зимний загон для скота (*шир*). Он состоит из двух частей: открытой и крытой. Ограда зимнего загона представляет собой вал высотой до полутора метров, устроенный путем укладки бурьяна с землей. Часть загона имеет крышу, образуя навес (рис. 4). Иногда открытая площадка загона и участок с навесом изолируются друг от друга поперечной стенкой такого же устройства, что и ограда (рис. 6).

Перед домом устраивается летний загон для молодняка (*шетен*) — небольшая площадка с деревянной решетчатой оградой (рис. 5). Примечательно, что и теперь, в условиях оседлого хозяйства, ограды этих загонов делают, по старой традиции, сборно-разборными.

Перед домом сооружаются также один—два птичника (рис. 6).

Все эти строения ногайской усадьбы расположены свободно, просторно.

Усадьба ногайца во многих случаях не ограждена. В этом сказываются как традиция недавнего кочевого быта, так и недостаток в безлесной степи соответствующего строительного материала для устройства ограды. В ограждении часто нет и надобности. Необходимость в ограждении возникает в тех случаях, когда на участке имеются плодовые деревья и огороды. В Караногае они встречаются пока еще не часто даже в тех местах, где есть вода для полива. У ногайцев, которые были исконными скотоводами, еще не совсем выработалось отношение к земле, присущее земледельческим народам.

На современном этапе в домостроении ногайцев, так же как и во всей их материальной культуре, происходят существенные изменения. Это обусловлено ростом материального благосостояния и культурного уровня населения. Одним из крупных изменений, происшедших за последнее время в жилищном строительстве, является широкое использование таких

материалов, как цемент, железо, черепица, шифер, а также добротный строевой лес.

Под влиянием города изменилась и планировка жилища. Новые дома строятся с учетом наличного состава семьи и культурных запросов ее членов. Это, главным образом, трех-четырехкомнатные дома с остекленной верандой, нередко с крылечком русского образца, расположенные на возделанном приусадебном участке.

В настоящее время в ногайском селении нет единого типа жилого дома. Жилище представлено несколькими формами, отражающими стадии его развития. В частности, сохранились описанные выше типы старых домов. Однако основным видом жилища становятся новые благоустроенные дома. Они имеют тенденцию к массовому распространению.

Для Ногайской степи характерны одноэтажные дома из саманного кирпича. Только отдельные общественные здания строятся двухэтажными, из обожженного кирпича. Однако новые жилые дома в отличие от старых строятся на фундаменте и с цоколем, с применением добротных материалов. Окна делают большие, обычно со ставнями. В новых домах устраивают деревянные полы, которые покрываются краскою; крыши двускатные или четырехскатные, чердачные, под шифером.

Многие ногайцы строят дома, применяя покупные комплекты готовых стандартных строительных деталей, учитывая при этом свои специфические потребности и сложившиеся традиции. В райцентре Ногайского района, в Терекли-Мектебе, по данным Коммунального отдела райисполкома, примерно 40% домов, построенных в последние годы, сооружено из готовых стандартных деталей⁶⁰.

У ногайцев есть свои мастера, профессионально занимающиеся постройкой домов, но зачастую строительные работы выполняют мастера из Грозного, Кизляра, Ставрополя, Моздока. Особенно часто используется труд приглашенных со стороны мастеров для производства плотничных работ. Саманный кирпич изготавливают обычно сами члены семьи, иногда с участием приглашенных мастеров.

Кухня (*къазан-уьй*) по-прежнему строится во дворе, перед домом. Зимой приготовление пищи совершается в самом доме с целью экономии топлива, путем совмещения приготовления пищи и отопления помещений. Поэтому зачастую печь в новых домах в первую очередь строится в проходной комнате у внутренней стены, чтобы она обогревала два—три помещения. В зимнее время кухня во дворе используется как кладовая.

⁶⁰ Сведения взяты в Отделе коммунального хозяйства Ногайского райисполкома 5. VII. 1967 г.

Помещения трехкомнатного дома с верандой распределяются следующим образом: 1) столовая, она же кухня (*кухни, къазан-уй*), она же *уйкён-уй* — большая комната, комната для старших. Эта комната называется так, если в семье проживают старики-родители, которые ночуют здесь; 2) гостиная (называется «зал»), роль которой раньше у богатых ногайцев выполняла приемная юрта; 3) спальня супругов (ногайцы тоже называют ее *спальной*). Если дом четырехкомнатный и в семье имеются дети, одна или две комнаты используются в качестве спальни для детей — мальчиков и девочек отдельно.

В ряде случаев место для приема пищи, особенно в неотопительный сезон, переносится на веранду. Иногда имеют отдельную постройку для столовой или обедают в постройке, служащей кухней. В таких случаях пища чаще всего готовится на надворном открытом очаге, который имеется почти на каждой усадьбе.

Одна из комнат в современном доме имеет традиционные нары, чаще всего в первой комнате, которые теперь изготавливают из дерева. Они устраиваются ближе к входу в дом; иногда нары помещают и на веранде. Встречаются дома с двумя нарами, особенно, если в семье есть старики.

Существенные изменения произошли во внутреннем убранстве жилища.

Описывая юрту, мы отметили характерные черты ее убранства, перечислили основные предметы обстановки жилища. С переходом к оседлому многоэлементному жилищу, каждая комната обставляется с учетом своего назначения. В настоящее время весьма существенную часть обстановки дома ногайца составляет современная городская мебель (кровати, диваны, трюмо, буфеты, столы, стулья, этажерки, шифоньеры). В спальне обычно находятся кровати, платяной шкаф. Тут же на сундуке складывается запасная постель. «Зал» (гостиная) имеет стол, стулья, диван, часто здесь же помещают радиоприемник, швейную машину, шкаф с парадной посудой или буфет, этажерки с книгами. Третья комната — столовая, где члены семьи проводят большую часть времени. Здесь обычно устроены нары, на которых разостланы узорчатые кошмы; на них лежат подушки, иногда легкий матрац с подушкой для старика. Здесь члены семьи обедают, работают, отдыхают. Здесь же часто стоит небольшой стол, находятся лари с продуктами питания, мукой, расставлена утварь.

Значительное место в убранстве всех жилых помещений, помимо самодельных войлочных ковров, которые преобладают, отводится покупным ворсовым и безворсовым коврам, а также занавесям, которые имеются на окнах и дверях спальни и гос-

тиной, часто и на входной двери. На стены вешают ковры и цветные ткани.

Многие предметы утвари, которыми пользуются редко или периодически (большие котлы, гончарные сосуды, маслобойки, ручные мельницы и т. д.) и которые в прошлом приходилось держать рядом с собой в юрте, теперь перешли в помещение летней кухни или в кладовую. Иногда часть такой утвари убирается под нары жилой комнаты.

Рост материального благосостояния и культурного уровня, широкое развитие советской торговли, тесные связи с городами дают ногайцам возможность строить жилище и обставлять его по своему вкусу и с учетом своих потребностей.

Развитие постоянного жилища и рост хозяйственных и культурных потребностей ногайского населения привели к изменению планировки и надворных хозяйственных построек.

Помимо традиционных элементов ногайской усадьбы (жилье, летний загон, зимний загон) с переходом на прочную оседлость и развитием оседлого жилища появились новые элементы. Как уже отмечалось выше, ногайцы под влиянием своих соседей сооружают перед жильем отдельную постройку для кухни. Новым элементом ногайской усадьбы является и летняя печь для хлебопечения, устраиваемая рядом с кухней на открытом месте.

В настоящее время многие ногайцы используют часть приусадебного участка под огород и сад. Саран, курятники, сеники, помещения для скота (хлевы, загоны) стали занимать отдаленную часть двора. Однако многие дворы все еще лишены растительности, не имеют ни плодовых деревьев, ни огородов. В этом сказываются и традиции бывшего кочевого скотоводческого хозяйства, и недостаток воды. Но с каждым годом удельный вес озелененных усадеб возрастает.

* * *

Таким образом, развитие ногайского жилища прошло ряд этапов.

Вплоть до установления Советской власти основным видом жилища ногайцев, особенно в Караногае, была юрта, так как ногайский народ продолжал вести кочевой образ жизни.

По своей форме ногайская юрта была схожа с юртой кочевых народов Средней Азии, Казахстана, и, как отмечают исследователи, особенно с калмыцкой юртой.

С переходом на оседлость ногайцы, приспособивая свой быт к новым условиям, создали постоянное жилище, освоив типы домов, характерные для соседей-кумыков, русских, ка-

бардинцев и др. Советское правительство оказывало всестороннюю помощь ногайскому народу в деле социалистического переустройства хозяйства, всемерно содействовало его технической реконструкции. Переход на оседлость, преобразование хозяйственного уклада повлекли за собой коренную перестройку всего быта ногайского народа.

Планировка ногайского жилого комплекса, его архитектура со времени возникновения первых постоянных жилищ претерпели значительные изменения. Основой новых преобразований в жилищном строительстве являются победа колхозного строя и рост благосостояния населения.

В процессе формирования современного типа жилища ногайцев большое значение имели культурные связи с русским народом и с коренными народами Северного Кавказа — кумыками, кабардинцами, черкесами, осетинами, чеченцами.

Во взаимодействии культур и их взаимообогащении создается новый, современный тип ногайского жилого комплекса, соответствующий новым экономическим и культурным потребностям ногайского народа.

В условиях Советской власти ногайцы получили возможность не только перейти к оседлому образу жизни, но и жить в благоустроенных домах, широко используя в жилищном строительстве современные строительные материалы. Изменилось и убранство домов. Главную роль стали в нем играть современные городские предметы обстановки.

Список сокращений

ИРГО	— Известия Русского географического общества.
ЖМНП	— Журнал Министерства народного просвещения.
ЗКОРГО	— Записки Кавказского отдела Русского географического общества.
ЗТОЛИКС	— Записки Терского общества любителей изучения казачьей старины.
МЭР	— Материалы по этнографии России.
СМОМПК	— Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа.
СЭ	— Советская этнография.
ИИЯЛ	— Институт истории, языка и литературы им. Г. Цадасы Дагестанского филиала АН СССР.

ИЗ ИСТОРИИ ГОНЧАРНОГО ПРОИЗВОДСТВА В РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОМ ДАГЕСТАНЕ.

(Гончарные печи Андрейаульского городища).

В 1967 году один из отрядов¹ Дагестанской археологической экспедиции Института ИЯЛ производил раскопки раннесредневекового городища, расположенного в 2-х км. севернее сел. Андрей-аул, Хасавюртовского района, на левом берегу реки Акташ. Городище в плане имеет вытянутую с северо-запада на юго-восток форму. Размеры его составляют 600×450 м. С напольной стороны оно защищено земляным валом и глубоким рвом. С юго-востока городище ограничено крутыми склонами, высотой до 100 м. и обрывистым берегом реки Акташ.

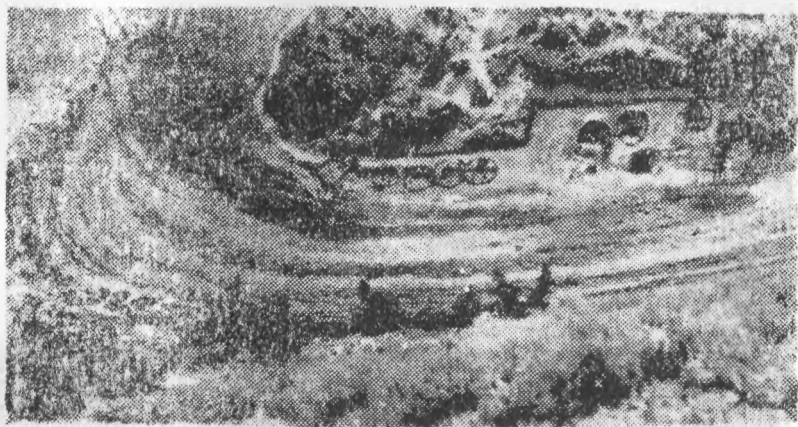

Рис. 1. Общий вид раскопок гончарных печей Андрейаульского городища.

В ложине, непосредственно примыкающей к городищу с юго-востока, был выявлен большой производственный комплекс гончарных обжигательных печей. На раскопках № 3 и № 4, заложенных здесь, вскрыто всего 10 печей, размещен-

¹ Начальник отряда Д. М. Атаев. Раскопками гончарных печей руководил М. М. Маммаев.

ных тремя группами в 3—4 печи в каждой (рис. 1). Первая группа, состоящая из трех печей (рис. 2), располагалась у юго-восточного подножия городского вала, по правой стороне дороги, ведущей из с. Андрей-аул в город Хасавюрт. Остальные исследованные печи располагались в 15—20 м. напротив первой группы, по левой стороне дороги из Андрей-аула в Хасавюрт. Вторая группа печей состоит из четырех, примыкающих друг к другу печей. Третья группа из трех печей располагалась на расстоянии 3-х м. юго-западнее второй группы (рис. 4).

Кроме того, севернее этих печей, у городского вала находилась другая группа печей, разрушенных при строительстве

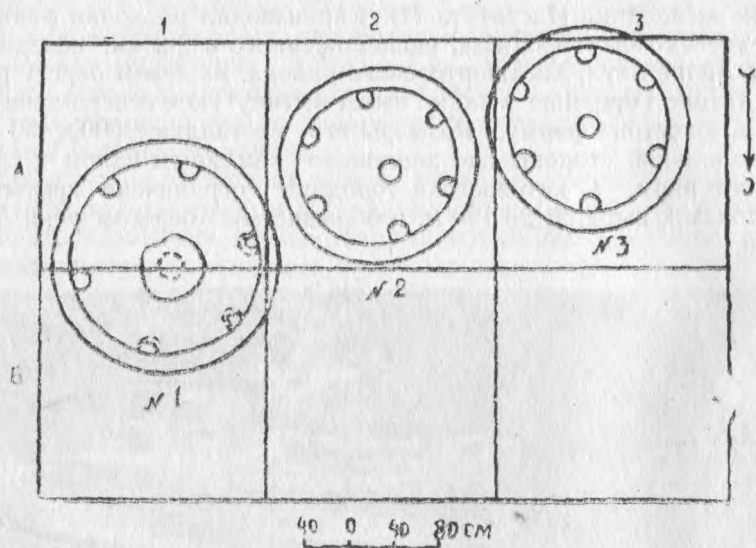

Рис. 2. План раскопа № 3.

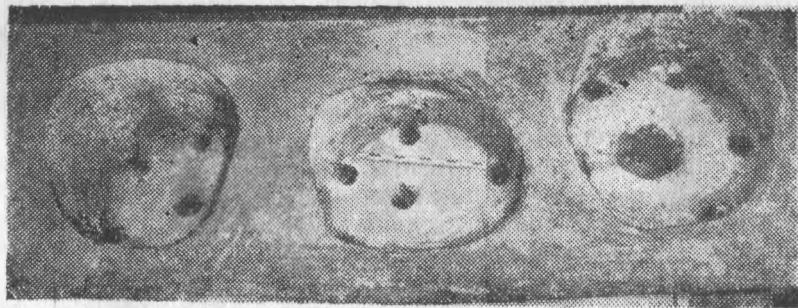

Рис. 3. Печи группы № 1.

упомянутой дороги. На разведочном раскопе, размерами 2×2 м., заложенном здесь, были расчищены остатки разрушенной до основания печи. К ней с северо-запада, судя по имеющимся обломкам обожженных стен печей, зольных отвалов, кусков шлака, примыкали еще несколько печей, тоже разрушенных.

Еще одна или две группы печей, судя по выходам обожженной земли розовато-красного цвета, располагались недалеко от первой группы, которые оказались засыпанными при строительстве той же дороги. Можно полагать, что общее количество имеющихся на Андрейаульском городище печей достигало не менее двадцати. Сохранность у всех вскрытых раскопками 1967 г. печей неодинаковая. Лучше всего сохранились печи первой группы (рис. 3). Наибольшая высота сохранившихся обжигательных камер этих печей превышает 1 м.

Удовлетворительно сохранились печи группы III (рис. 6). Однако в процессе постепенного размывания склона северо-западные части стенок обжигательных камер этих печей были размыты вместе со склоном до уровня подов, а в юго-восточной части стенки их сохранились на высоту до 1 м. Полностью уцелели их топочные камеры.

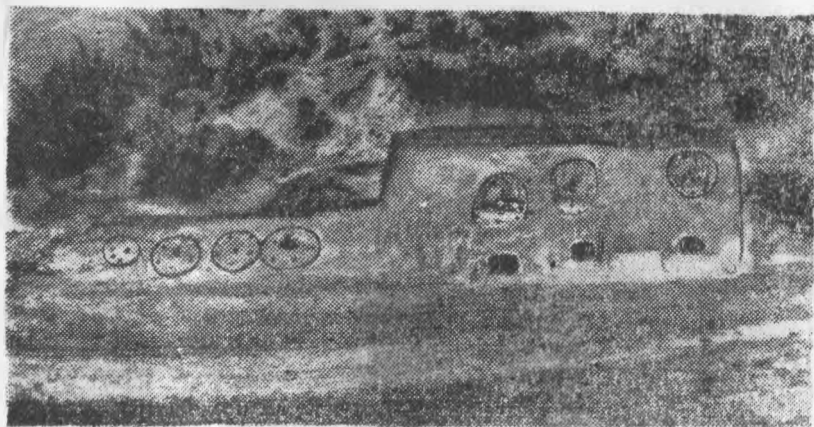

Рис. 5. Печи второй и третьей группы.

У печей группы II (рис. 5) в процессе интенсивного размыва склона полностью разрушены обжигательные камеры, сохранились лишь их топочные отделения. Поды обжигательных камер печей второй группы тоже частично разрушены, первоначальный уровень их не сохранился ни у одной печи.

Нижние ярусы всех печей группы I и печей № 1—3 группы II не были вскрыты, так как при этом пришлось бы разрушить автодорогу, ведущую из Андрей-аула в Хасавюрт, по которой

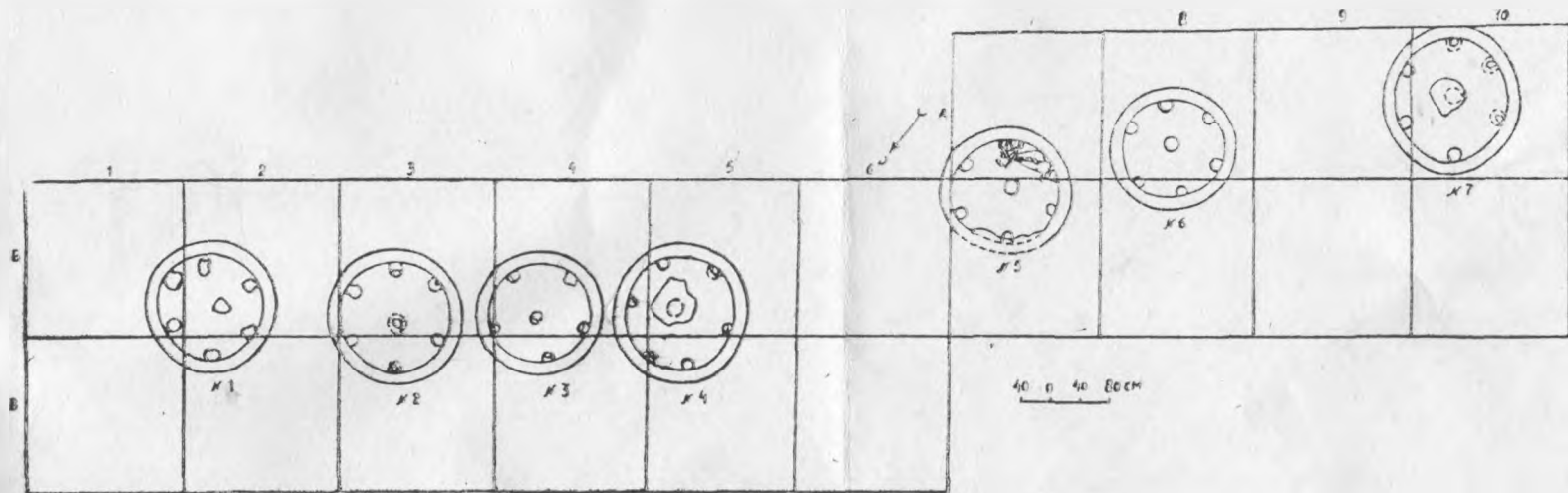

Рис. 4. План раскопа № 4.

постоянно курсировали машины. Топочные устья печей группы I, обращенные на юг, выходили как раз на середину дороги. Вскрытые же до конца печи № 5—7 группы III были в конструктивном отношении однотипны с остальными печами. Поэтому необходимость раскрытия нижних ярусов или топочных камер печей № 1—3 группы I и печей № 1—4 группы II по существу отпала.

Относительно хорошая сохранность всего исследованного комплекса андрейаульских гончарных печей позволяет судить об их конструктивных особенностях и восстановить ход процесса обжига керамической продукции, а также проследить некоторые моменты организации гончарного производства.

Все печи вырыты в склонах, состоящих из лёссовидного суглинки. В их конструкциях не отмечено применение строительного материала — камня или кирпича. Топочные камеры всех печей в плане имеют овальную форму. Обжигательные камеры в большинстве круглые, имеются и овальной формы.

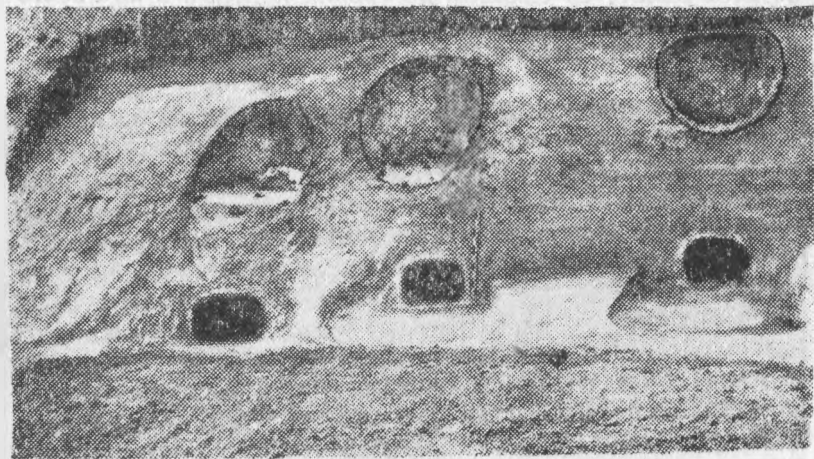

Рис. 6. Общий вид печей № 5—7 группы III после их расчистки.

Нижние ярусы печей по размерам несколько больше верхних ярусов. Оба яруса, расположенные один под другим, соединяются между собой системой жаропроводных каналов (продух). Имея одинаковую конструкцию, печи различаются своими размерами. Наибольшие размеры имеют печи № 1 группы I (диаметр пода камеры обжига ее составляет 1,70—1,73 м.), № 7 группы III (диаметр пода обжигательной камеры ее составляет 1,45—1,60 м.). Наименьшие размеры имеет печь № 3 группы II (диаметр ее 1,30 м.).

Так как все печи однотипны, как уже отметили, то приводим описание конструкции печи № 7 третьей группы². Она двухъярусная, состоящая из двух камер—топочной и обжигательной. Обжигательная камера в плане имеет овальную форму (рис. 7). К моменту раскопок она вся была заполнена наносной землей, в массе которой имелись куски обожженного глинобитного, разрушенного корпуса камеры обжига. Под ее — ровный, горизонтальный. Внутренний диаметр его составляет: по длинной продольной оси — 1,60 м., по поперечной оси — 1,45 м. Стенки верхней камеры хорошо обожжены и ошлакованы. Толщина обжига, который выделяется от окружающего печь суглинка розовато-красным цветом, превышает 20 см. Жаропроводные каналы-продухи, через которые в обжигательную камеру проникали горячие газы, расположены следующим образом: шесть продух — кольцеобразно, по краям пода на расстоянии 50 см. одна от другой, и одна продуха — в центре пода. У остальных печей расположение и количество продух такое же, как и печи № 7, за исключением печи № 3 группы II, которая имеет шесть продух — одна в центре, остальные по краям пода. В поперечном сечении все продухи имеют круглую форму. Диаметр их 15—20 см. Центральная продуха печи № 7 расширилась до 40 см. в диаметре вследствие того, что под камеры обжига в центральной части расплавился и оплыл внутрь топки из-за высокой температуры, достигаемой в печи.

Стенки (полости) продух и близкие к продухам участки пода покрыты коркой стекловидной массы зеленоватого цвета, образовавшейся от плавления глины.

Корпус обжигательной камеры печи № 7 сохранился неодинаково. В юго-восточной части сохранившаяся высота достигает около 1 м., а в северо-западной части — около 20 см.

Топочная камера, расположенная непосредственно под обжигательной, в плане имеет овальную форму, вытянутую по продольной оси (рис. 7). Длина ее—1,80 м., ширина—1,50 м. Под топки плоский, ровный, хорошо обожженный. Топочная камера имеет глинобитное сводчатое перекрытие. В поперечном сечении камера дает форму полуэллипса (рис. 8). Высота топочной камеры в центре составляет 70 см. Устье топки, через которого закладывали топливо в топочную камеру, выдвинуто от корпуса печи на 20—25 см. и обращено на северо-восток. Оно имеет почти прямоугольную форму. Размеры его: высота—60 см., ширина—75 см.

Перед устьем топки имеется специальная площадка подчетырехугольной формы, слегка суживающаяся кустью (рис. 9).

² Номерация печей, вскрытых на раскопе № 4, размещенных в двух группах, дается порядковая от 1 до 7.